„Пров 4

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1857

издаваемая

ИСКАНДЕРОМЪ

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ АВТОРОМЪ.

Да здравствуетъ разумъ!

А. ПУШКИНЪ.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

„Пров 38"

„Пров 49"

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Н 73/3 34769.
53.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Мы считаемъ необходимымъ, предупреждая нѣкоторые вопросы, а можетъ и упреки, сообщить нашимъ читателямъ кой какія подробности изъ семейныхъ дѣлъ Полярной Звѣзды и Русской Типографіи.

Въ ней опять нѣтъ обозрѣнія русской литературы. На этотъ разъ намъ нельзя жаловаться на недостатокъ матеріаловъ. За 1856 г. мы имѣли всѣ замѣчательныя періодическія изданія и газеты, всѣ замѣчательныя книги вновь вышедшія или перепечатанныя; но долго обдумывая, мы отказались отъ искушенія писать о предметѣ столь близкомъ намъ, и о которомъ именно теперь есть что сказать.

До тѣхъ поръ пока мы не убѣдимся въ томъ, что отзывы Полярной Звѣзды не опасны для книгъ и лицъ въ Россіи, мы не будемъ печатать разборовъ. Скажемъ одно, что въ послѣдніе два года литература наша возмужала на десять лѣтъ. Въ ней есть жизнь, движеніе, цвѣтъ, въ ней приводятся къ слову дѣйствительные интересы и современные вопросы. Каменная плита, лежавшая на странѣ сдвинулась и русская мысль явнымъ образомъ расправляетъ крылья. День, въ который она окрѣпнетъ до того, что сдѣлаетъ ненужнымъ и излишнимъ печатаніе за границей, будетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ нашей жизни.

Въ послѣднее время мы получили довольно много статей для "Русскихъ Голосовъ". Третья книжка выйдетъ въ Іюнѣ

мѣсяцѣ. По всего присланнаго мы не беремся печатать, намъ даже кажется, что нѣкоторыя изъ статей присланы къ намъ по ошибкѣ; ихъ мѣсто въ "Сѣверной Пчелѣ "или въ "Le Nord".

Сверхъ статей мы получили нѣсколько анонимныхъ писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исполнены такой теплой, юной симпатіи къ намъ, что мы ихъ прочли глубоко тронутые. Другія, больше или меньше писаны съ цѣлью исправить духъ Полярной Звѣзды и направить ее на истинный путь. Мы благодаримъ писавшихъ за доброе намѣреніе, но слѣдовать ихъ совѣтамъ не станемъ.

Одинъ господинъ сердится на Полярную Звѣзду за ея имя, за ея обертку, за ея тонъ, за ея статьи и пуще всего за портреты Пестеля, Рылѣева и другихъ мучениковъ 14 Декабря; еслибъ, говоритъ онъ, вмѣсто статей о соціализмѣ были статьи о кражѣ чиновниковъ, а портретовъ совсѣмъ бы не было, то само правительство съ пользой читало бы наше изданіе.

Если правительство боится обертки и портретовъ, то оно еще долго не дойдетъ до чтенія вообще и въ особенности нашего обозрѣнія. А мы еще дольше не дойдемъ до изданія въ Лондонѣ журнала подъ заглавіемъ "Андреевская Звѣзда" съ портретами Клейнмихеля, Бенкендорфа, Чернышева и даже Политковскаго.

И — ръ.

Лондонъ 25 Марта 1857.

РАЗБОРЪ

МАНИФЕСТА 26 АВГУСТА 1856 ГОДА.

Съ страшнымъ петерпѣніемъ ожидала Россія этого манифеста. Всѣ вѣрили въ благонамѣренность новаго государя; всѣ благомыслящіе люди надѣялись услышать пробуждающее слово, слово дающе толчекъ къ развитію народному. Вотъ наконецъ онъ лежитъ передо мною — этотъ многоожидаемый манифестъ. Разберу его шагъ за шагъ съ настойчивой строгостію. Иначе его нельзя разбирать: это не легкое литературное явленіе, къ которому можно быть снисходительнымъ по его неважности; это государственный актъ, который, какъ тронная рѣчь въ парламентѣ, обнаруживаетъ точку зрѣнія правительства на государство, путь по которому правительство намѣрено идти, программу его дѣйствій. При разборѣ такого акта нельзя быть достаточно строгимъ; тутъ всякая снисходительность становится общественнымъ преступленіемъ.

Съ первыхъ строкъ меня поражаетъ то, что многіе сочтутъ незначительнымъ; но что имѣетъ глубокую важность, потому что указываетъ на даровитость или недаротость правительства, на его savoir-faire, на умѣнье выбирать людей, способныхъ исполнять его порученія. Я хочу говорить о литературной сторонѣ манифеста, о его редакціи.

Съ первыхъ строкъ я встрѣчаю слѣдующую фразу: "Мы не могли съ тѣмъ вмѣстѣ не обратиться и къ воспоминанію о событіяхъ недавно минувшихъ лѣтъ, ознаменованныхъ тягостными испытаніями, но и примѣрами высокой доблести" и т. д.—Что это такое: "ознаменованныхъ тягостными испытаніями, но и примѣрами высокой доблести"? Какимъ образомъ явилось это: но и? Еслибъ было сказано: "не только

тягостными, испытаніями но и примѣрами высокой доблести"—я бы понялъ; тогда грамматикально логическій смыслъ былъ бы сохраненъ. А это богъ знаетъ откуда свалившееся— но и—на какомъ языкѣ оно возможно? Конечно не на русскомъ, да и ни на какомъ. Оно противно здравому смыслу.

Мнѣ скажутъ, что это маловажно. Нѣтъ! не маловажно! Это значитъ, что правительство не умѣетъ найти грамотныхъ людей для редакціи своихъ законовъ. Это значитъ, что оно дозволяетъ писать законы, которые для цѣлаго народа должны быть ясны какъ дважды два—людямъ не только не знающимъ отечественнаго языка, но даже не имѣющимъ смысла человѣческаго. Это явленіе страшное, которое приводитъ въ трепетъ за будущность, ибо носитъ на себѣ печать бездарности.

Далѣе: библейскія слова "на тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки" (*) приписаны покойному государю, такъ, что читатель не можетъ заключить, чтобъ они были текстомъ, пришедшимъ на память Незабвенному, а долженъ заключить, что это слова сочиненія Незабвеннаго. Это смѣшно! Этаго ни одинъ порядочный человѣкъ не прочтетъ безъ улыбки.

"Сіи медали . . . мы предназначаемъ для войновъ, участвовавшихъ въ блистательныхъ битвахъ и вообще въ военныхъ дѣйствіяхъ 1853, 1854 и 1855 годовъ" и т. д. Изъ этаго читатель можетъ заключить, что вообще военныя дѣйствія не относятся къ разряду блистательныхъ битвъ. Очень не ловко сказано!

"Носимые на лентѣ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра да свидѣтельствуютъ они (медали) и воспоминаютъ всѣмъ и каждому, что духовенство наше и въ сію годину искушенія, явило себя достойнымъ своего священнаго сана" и т. д. Носимые на лентѣ ордена св. Владиміра... свидѣтельствуютъ! А носимые на другой какой лентѣ— стало ничего не свидѣтельствуютъ? Потомъ: Они (медали)— воспоминаютъ!... Послѣдній ученикъ уѣзднаго училища

(*) Псаломъ XXII.

пойметъ, что тутъ надо сказать: напоминаютъ. Редакція въ словѣ: воспоминаютъ—захотѣла щегольнуть высокимъ слогомъ, а вышло не по русски.

Еще разъ: не упрекайте меня за то, что я обращаю вниманіе будто на маловажныя вещи. Нѣтъ! Весь отдѣлъ манифеста о медаляхъ, не имѣя существенной государственной важности, долженъ блистать литературною стороною; а онъ показываетъ только, что написанъ не по русски и не по человѣчески. Жалко! Жалко! Неужели и онять Россіей будетъ управлять безграмотная бездарность, смѣшная для иностранцевъ и тягостная для отечества?

Чтобы развязаться наконецъ съ разборомъ отдѣла о медаляхъ, замѣчу, что благодарность, при этомъ изъявленная войску, духовенству, дворянству и купечеству, едва коснулась простаго народа, коснулась какъ то мимоходомъ между манупактуристами (!) и пѣмецкими колонистами. Не хорошо: Непочтительно передъ народомъ, который въ продолженіи войны выставилъ для войска, помнится 57 человѣкъ съ тысячи (кромѣ — большей частью насильственно набранныхъ-охотниковъ въ стрѣлки), передъ народомъ, пострадавшимъ какъ нѣкогда Израиль за прегрѣшенія Давида, царя его. Положимте, что слишкомъ легкое упоминаніе о простомъ народѣ случилось ненарочно, что напротивъ того молодой царь, во время пребыванія въ Москвѣ, оказывалъ простому народу безпримѣрное вниманіе; но за чѣмъ же въ правительственномъ актѣ случается что нибудь ненарочно? Если самовластный государь въ правительственныхъ дѣлахъ станетъ поступать ненарочно, это будетъ значить, что онъ самъ не знаетъ что дѣлаетъ.

Теперь приступимъ къ существенному отдѣлу манифеста: Народная перепись. Хотя въ манифестѣ и ничего не сказано объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, но всякій

(*) Замѣчателенъ также рескриптъ г. петербургскому военному генералъ-губернатору. Въ этомъ рескриптѣ рекомендуется жителямъ Петербурга возблагодарить за совершеніе коронаціи—Царя царствующихъ и Господа господствующихъ. Отчего же не Бога страждущихъ и притѣсненныхъ? —О! несчастная страсть къ высокому слогу!

знаетъ, что народная перепись для этого необходима. Опять возникаютъ надежды! Исполнятся-ли онѣ? Исполнится-ли желаніе равно всѣхъ Русскихъ, имѣющихъ сколько нибудь преданности къ благу общему, и всего простаго народа? ... Въ Мартѣ сего года около десяти тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ, обманутые слухомъ будто правительство даетъ земли въ Крыму желающимъ для поселенія,—оставили своихъ господъ и свои деревни и со всѣми семьями ушли, думая найти свободу на новой землѣ. Военная команда, перестрѣлявъ изъ нихъ до сорока человѣкъ, остальныхъ привела въ повиновеніе покинутымъ помѣщикамъ и водворила на прежнихъ мѣстахъ жительства. Съ чего же правительство хочетъ медлить дѣятельно и разумно вмѣшаться въ вопросъ, который иначе рѣшится дикимъ кровопролитіемъ?

Прекращеніе наборовъ впродолженіи четырехъ лѣтъ. Слава богу! Поустали мы отъ наборовъ въ тридцатилѣтнее царствованіе Незабвеннаго. Да и какъ ни натягивай значеніе послѣдней войны для Россіи въ уровень съ значеніемъ войны 1812 года: не натянешь! Одно было вторженіе непріятеля неправое, незаслуженное, ни кѣмъ не накликанное и отстоять отечество было святымъ дѣломъ для всякаго Русскаго. Послѣдняя-же война, начатая изъ поповскаго спора о Іерусалимскихъ ключахъ, по капризу Незабвеннаго, такъ малозатрогивала русскіе интересы, такъ была чужда русскимъ помысламъ, что никто не думалъ видѣть въ ней священной войны и никто не думалъ, что непріятель вторгнется во внутренность Россіи; всякій ропталъ на нелѣпость правительства, ни за что подвергнувшаго отечество бѣдствіямъ и убыткамъ войны,—и только. Народъ повиновался по привычкѣ повиноваться и потому, что нельзя отказаться отъ войны, когда она объявлена, нельзя, потому что стыдно; но народъ ропталъ повсемѣстно и только иногда крѣпостные люди, ради избавленія отъ помѣщичьей власти, являлись непрошенными охотниками къ военной службѣ. Капиталы сбирали и жертвовали на войну частію по приказанію мѣстныхъ начальствъ, частію изъ подлости и желанія выслужиться дворянскихъ предводителей и

купеческихъ головъ, частію изъ того чувства, что отъ начатой войны отказаться стыдно. Дрались подъ Севастополемъ Русскіе—конечно геройски, не смотря на безталантность своихъ генераловъ, потому что, уже разъ попавши въ битву, русскій человѣкъ всегда дерется геройски. А священною никто не считалъ этой войны. Только подлые льстецы могли натолковать правительству о святости ея значенія для русскаго сердца. Во всемъ этомъ священною только и была нынѣ исполняемая обязанность правительства—освободить отъ наборовъ народъ, столько и такъ терпѣливо пострадавшій отъ безумія прошлаго царствованія.

Зачетныя рекрутскія квитанціи за убылыхъ ратниковъ, не входя въ изысканіе причинъ, отъ коихъ послѣдовала убыль въ числительномъ составѣ дружинъ. Это совершенно справедливо со стороны правительства, — тѣмъ болѣе, что оно само причина этой убыли. Смертность въ дружинахъ основана на томъ, что ихъ скверно кормили и скверно одѣвали, т. е. на томъ, что чиновники зависящіе отъ правительства, крали пищу и одежду ополченцевъ. Кто же въ этомъ виноватъ, если не само правительство? Но мы благодарны и за то, что оно молча сознаетъ свою вину. Мы вообще народъ страшно благодарный! Мы такъ привыкли, что насъ душатъ, что когда на минуту позволятъ привздохнуть, то уже намъ это кажется огромной милостью.

Прощеніе недоимки. Times замѣтилъ, что это можетъ быть и потому, что ее взыскать невозможно. Хотя Times и правъ, но я готовъ предположить, что это великодушное побужденіе правительства. Но неужели правительство удовлетворится сознаніемъ, что оно способно къ великодушнымъ побужденіямъ? Надо спросить по какому случаю возросла недоимка? По способу взиманія налоговъ, по которому чиновникъ свободно можетъ грабить и народъ и казну,—скажутъ мнѣ. Да! но это еще не все. Спрашивается: не великъ-ли налогъ? Кто его назначаетъ? Правительство? Спросило-ли оно когда нибудь у народа въ состояніи онъ заплатить уста-

новленный налогъ, или нѣтъ? Слѣдственно почему же правительство знаетъ какой налогъ народу по силамъ и какой не по силамъ? Да! ограничиться великодушнымъ побужденіемъ нельзя. Надо установить налогъ и способъ взиманія, при которыхъ платежъ повинностей былъ бы народу не въ тягость, а правительство знало бы свои опредѣленные доходы, опредѣленныя финансовыя средства, знало бы свой бюджетъ и не полагалось бы на мнимые сборы, которые должны пасть на него долгомъ. Задастъ ли правительство себѣ эту задачу? Станемъ надѣяться! Мы народъ легко предающійся надеждамъ!

Покровительство лихоимству. Статьи V, VI и VII заключаютъ милости чиновникамъ, грабившимъ казну. За чѣмъ эти милости? Съ одной стороны преслѣдуются чиновники военные и штатскіе за кражу, высочайше назначаются надъ ними строжайшія слѣдствія, воровство ихъ обнародывается въ газетахъ; съ другой стороны—по манифесту—воровство имъ прощается частію или совершенно, и они частію или совершенно избавляются отъ возвращенія въ казну украденныхъ ими изъ казны денегъ. Что это такое? Гдѣ послѣдовательность? Или въ самомъ дѣлѣ правая рука не должна знать что дѣлаетъ лѣвая? Странное правило для государственнаго управленія! Конечно всѣ порядочные люди ожидали милостей честнымъ людямъ, но ни одинъ порядочный человѣкъ не ждалъ и не желалъ милостей мошенникамъ. Впрочемъ всмотримся ближе въ этотъ отдѣлъ покровительства лихоимству. Кажется я не ошибаюсь,—дѣло идетъ именно о чиновникахъ: въ ст. V сказано: "Всѣ казенные по службѣ начеты, ущербы и утраты", въ ст. VI: "По ущербамъ, утратамъ и похищеніямъ (!) казенныхъ денегъ, составляющимъ денеженыя по службѣ взысканія"; въ ст VII: всѣ неуплаченные или невозвращенные по день короноваціи нашего денежные по службѣ начёты, взысканія и утраты по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ (!) за дѣйствія совершенныя за десять прежде сего лѣтъ, и въ томъ числѣ начеты и взысканія, наложенныя на чиновниковъ по службѣ собственно за

упущенія ихъ должностей". (*) Сомнѣнія нѣтъ! Дѣло идетъ только о чиновникахъ, грабившихъ казну! Даже прямо говорится о похищеніяхъ казенныхъ денегъ и о взысканіяхъ по дѣламъ уголовнымъ! Прощено этимъ господамъ каждому до 603 р. с. включительно. Тѣ, которые украли за десять лѣтъ до коронаціи, освобождаются изъ подъ стражи. По статьѣ же XIX всѣхъ чиновниковъ мошенниковъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, можно освободить отъ всякаго уголовнаго наказанія, суда и слѣдствія; это будетъ зависѣть отъ того — сколько кто изъ нихъ заплатитъ по начальству и по суду.

Воровавшимъ чиновникамъ прощается, 600 руб. сер. Но по ст. XI исключаются изъ прощенія недоимки по винным откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, недоимка въ акцизномъ съ разныхъ статей сборѣ, по долгамъ въ кредитныя установленія, взысканія суммъ, принадлежащихъ къ городскимъ доходамъ, общественнымъ сборамъ съ поселянъ и т. п. И такъ :

1) Вору можно простить, а недоимку по казеннымъ подрядамъ, которая можетъ быть произошла отъ несчастныхъ обстоятельствъ совершенно неумышленно—нельзя простить! Можетъ быть воръ-чиновникъ или уже промотался, или такъ хорошо умѣетъ прятать краденныя деньги, что съ него нечего взять; а частный человѣкъ, раззоряющійся по подрядамъ, еще можетъ отвѣчать своимъ имѣньемъ, и потому взять у него это имѣнье и удовлетворить казну. Неужели это великодушное побужденіе? Нѣтъ! это какой нибудь министръ финансовъ ввернулъ въ милостивый манифестъ правительственно-своекорыстныя строки, да еще ввернулъ ихъ не изъ видовъ пользы государственныхъ финансовъ, а чтобъ не усложнить ходъ канцелярскихъ дѣлъ по министерству. Замѣтьте также какой то іезуитизмъ въ редакціи манифеста! Съ какимъ стараніемъ выраженіе : "взысканія съ чиновниковъ" — елико возможно избѣгается и пропадаетъ въ выраженіи : "взысканія по службѣ"! — Такъ, что когда дѣло доходитъ до не прощенныхъ

(*) Бываютъ упущенія по должности, но упущенія должностей впервый разъ встрѣчаются на русскомъ языкѣ.

взысканій съ частныхъ лицъ, читатель съ перваго взгляда не разберетъ, что говорится уже вовсе не о чиновникахъ, что рѣчь вовсе не касается до служебныхъ дѣлъ, что еслибъ XIй статьи пунктъ I, и не упоминалъ объ исключеніяхъ въ немъ содержащихся, то ничего бы не перемѣнилось, потому что поименованныя исключенія вовсе не подходятъ подъ разрядъ статей V, VI, VII, VIII, IX и X. Статьи IV, слагающей недоимку именно за право винокуренія было бы достаточно, чтобы всякій догадался, что по другимъ казеннымъ подрядамъ недоимка не слагается; но тутъ правительство, не боясь лишнеглагольствія, позаботилось сказать, что оно ихъ не прощаетъ; а редакція манифеста позаботилась такъ перемѣшать разнородныя дѣла, чтобы въ умѣ читателя незамѣтно сливались подъ одну тѣнь частныя дѣла и дѣла по службѣ, и никто бы не могъ, даже само правительство не вскорѣ могло бы замѣтить, что въ Россіи милости и пощады сыплятся только на мошенниковъ.

2.) Не прощаются недоимки по долгамъ въ кредитныя установленія и взысканія суммъ, принадлежащихъ къ городскимъ доходамъ и общественнымъ сборамъ съ поселянъ.—Да какъ уже не стыдно говорить объ этомъ? Какъ можно ставить недоимку по казенному подряду на одну доску съ долгомъ въ кредитныя установленія, или городскими и сельскими общественными сборами? Подрядъ есть дѣйствіе административное, правительственое; а кредитныя установленія, городскіе доходы и сельскіе общественные сборы передъ правительствомъ также самобытны, какъ и всякое частное лицо. Ихъ дѣла къ нимъ исключительно относятся; ихъ дѣла ихъ собственныя дѣла, какъ мои личныя дѣла-мои; тутъ правительство ни прощать, ни не прощать не можетъ; это не его дѣло. Оно можетъ, если заблагоразсудитъ заплатить за кого нибудь долгъ въ кредитныя установленія, или по общественнымъ сборамъ, но не болѣе. Что бы сказали, еслибъ Наполеонъ III издалъ приказъ, что онъ не прощаетъ долгъ г. N N—Ротшильду? Всякій бы разхохотался. А кредитныя установленія въ отношеніи къ правительству тоже что Ротшильдъ въ отношеніи къ Наполеону III. Правительство не

можетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. (Разумѣется кромѣ повѣрки отчетовъ и наблюденія за честнымъ веденіемъ дѣлъ). Если правительство беретъ на себя право не прощать долги въ кредитныя установленія, стало оно признаетъ себя въ правѣ и прощать ихъ? Ну, а еслибы правительство вздумало прощать долги въ кредитныя устаповленія? Всѣ государственные банки должны бы лопнуть.—Что за дикое смѣшеніе понятій въ манифестѣ, издаваемомъ въ день коронаціи!

3.) . . . "взысканія суммъ, принадлежащихъ къ городскимъ доходамъ, общественнымъ сборамъ съ поселянъ и т. п." то есть—тому подобнымъ. Какъ-же въ законѣ писать тому подобнымъ? Если вдругъ въ уголовномъ уложеніи вы встрѣтили бы статью: укравшій пару сапогъ и тому подобное наказывается плетьми и ссылается въ Туруханскъ,—чтобы вы подумали объ этомъ тому подобномъ? А чтобы подумалъ судья? Судья подумалъ бы, что онъ воленъ находить подобнымъ и не подобнымъ все что ему вздумается и сталъ бы слагать или налагать взысканіе по мѣрѣ взятки съ подлежащихъ взысканію.

4.) Въ пунктѣ 3, XI статьи наконецъ манифестъ договорилъ свою мысль: правительство не распространяетъ льготъ предшествующихъ статей на лицы, кои (!) содержатся подъ стражею, или отданы на поручительство, или въ заработки за долги частные, хотя бы на нихъ и числилось казенное взысканіе, подлежащее по силѣ манифеста сложенію. Да какъ же можно говорить объ этомъ въ манифестѣ? О лишнеглагольствіе! Стало правительство признаетъ себя въ правѣ прощать долги частные? Я вамъ долженъ, и вдругъ вы завтра прочтете въ газетахъ, что государь мнѣ прощаетъ мой долгъ вамъ? Это, вы скажете, невозможно! Ну, стало невозможно и не прощать. Стало частные долги не касаются до нравительства; для нихъ есть установленные суды; правительство не можетъ ни прощать, ни не прощать частные долги. Зачѣмъ же упоминать о томъ, въ чемъ никто ошибиться не можетъ? Въ этомъ упоминаніи есть какое то отсутствіе дѣтски-простыхъ, основныхъ понятій о государственныхъ отношеніяхъ. Еслибы

предшествующія статьи были написаны просто и отчетливо, безъ подражаній приказному слогу, — не нужно было бы и прибѣгать къ такимъ смѣшнымъ поясненіямъ. Съ чего редакція манифеста старается писать темно и перепутать всѣ предметы и понятія? По невѣденію, или чтобы дать удобный случай чиновникамъ въ мутной водѣ рыбу ловить?

По статьѣ XIII прощаются:

1.) Взысканія, наложенныя за выдачу безъ разрѣшенія надлежащаго начальства наградъ и остатковъ штатныхъ, или конфискаціонныхъ суммъ.

А чиновники, которые выдали незаконно эти награды, вѣроятно подѣлившись съ награжденными, будутъ свободны отъ всякаго наказанія? Опять покровительство лихоимству!

2.) Взысканія, накопившіяся въ соляныхъ управленіяхъ по выдачѣ задатковъ и по окончательнымъ расчетамъ на принадлежащихъ къ мѣщанскому и крестьянскому званіямъ дровопоставщикахъ, фурщикахъ, возчикахъ и судовщикахъ, не относя токмо сего прощенія на контракты, заключенные съ представленіемъ залоговъ.

Опять прощается тамъ, гдѣ взять нечего, а тамъ гдѣ есть что взять, — не прощается. Что за хвастовство великодушія! (Такое же хвастовство великодушія, т. е. прощеніе для тѣхъ, съ кого взять нечего, или сбавка для тѣхъ съ кого взять почти нечего, встрѣчается и въ большей части пунктовъ XIV статьи).

3.) Невзысканныя неустойки съ винокуренныхъ заводчиковъ за невыставку въ казну вина, если отъ таковой невыставки казна не потерпѣла убытковъ.

Во первыхъ, если казна отъ невыставки не потерпѣла убытковъ, то выставка была не нужна и винный подрядъ былъ сдѣланъ по ложнымъ соображеніямъ. Взыщите же это съ вашихъ губернаторовъ, предсѣдателей казенныхъ палатъ и министра финансовъ. Во вторыхъ, кто будетъ судить былъ ли казнѣ отъ невыставки вина убытокъ, или нѣтъ? Чиновники казенныхъ палатъ и губернаторы? . . . . Да это вызовъ на взятки!

Въ статьѣ XIV пунктѣ 9 предоставляется министру внут-

ренныхъ дѣлъ, по ходотайству, мѣстныхъ начальствъ разрѣшать въ случаяхъ достойныхъ уваженія, лицамъ крайне нуждающимся, разсрочки въ платежѣ ссудъ изъ продовольственнаго капитала. Опять вызовъ на взятки, ибо все зависитъ отъ представленія мѣстныхъ начальствъ. И не только ради взятки, но и ради личныхъ отношеній мѣстныя начальства станутъ ходотайствовать или не ходотайствовать,— безъ всякаго уваженія къ справедливости, совершенно руководствуясь своимъ произволомъ. (*) Зачѣмъ было не предоставить этого случая рѣшеніямъ дворянскихъ собраній?

Статья XX прощаетъ лицы, которыя виновны въ порубкѣ, похищеніи, пожогѣ и порчѣ лѣсовъ казенныхъ, казенно-крестьянскихъ, коннозаводскихъ, корабельныхъ военнаго и горнаго вѣдомствъ, или въ другихъ нарушеніяхъ уставовъ о сихъ лѣсахъ . . . , если эти лицы не виновны въ другихъ (не лѣсныхъ) преступленіяхъ, лишающихъ ихъ правъ состоянія.

Кто же могутъ быть эти лицы? Безъ сомнѣнія губернскіе и уѣздные, ученые и неученые лѣсничіи всей Россіи, повсемѣстно помогающіе имъ красть губернаторы съ земскими полиціями, палаты государственныхъ имуществъ съ своими окружными, удѣльные управляющіе съ своими помощниками и депутатами. Если изъ названныхъ мною разрядовъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ найдутся такіе, которые не крадутъ казенныхъ лѣсовъ, то это будутъ весьма рѣдкія исключенія, такъ что правительство можетъ написать ихъ имена золотыми буквами на мраморныхъ доскахъ и поставить эти доски на всѣхъ площадяхъ всѣхъ городовъ и деревень имперіи и расходъ на это будетъ равенъ почти нулю.

Статья XXXII складываетъ взысканіе съ офицеровъ кор-

(*) Но у кого же правительству спросить удостовѣреній какъ не у мѣстныхъ начальствъ, какъ бы скверны они ни были? Тутъ нѣтъ другаго выхода, скажутъ мнѣ.—Да! Но въ томъ то и дѣло, что, еслибы манифестъ былъ написанъ въ доблестномъ и разумномъ направленіи, онъ обѣщалъ бы пересмотръ и пересозданіе административныхъ и судебныхъ учрежденій и тѣмъ успокоилъ бы государство и возвеличилъ бы правительство, а не стаскивалъ бы его въ помойную яму чиновничьяго мошенничества.

пуса лѣсничихъ за недосмотръ, когда вырубка лѣса, или другія нарушенія уставовъ о лѣсахъ, учинены неизвѣстными людьми или виновные не въ состояніи заплатить слѣдующихъ по симъ взысканіямъ денегъ.—Какъ же правительство не догадывается, что на основаніи этой статьи, при всѣхъ взысканіяхъ съ лѣсныхъ офицеровъ за порубки лѣсовъ, всегда окажется, что виновные въ порубкѣ лѣсовъ неизвѣстны, или не въ состояніи заплатить слѣдующихъ денегъ? Вѣдь это явное покровительство лѣснымъ офицерамъ въ кражѣ лѣсовъ!

Статьи XVII и XVIII, слагающія надзоры полиціи и XIX, отстраняющая или смягчающая уголовныя наказанія, хотя частью будто и относятся къ частнымъ лицамъ, но подъ нихъ подойдутъ и всѣ служебные мошенники; а подъ статью XXVI, которая есть совершенное повтореніе XIX и слагаетъ наказанія и взысканія за преступленія, не ведущія за собою лишенія правъ состоянія или исключеніе изъ службы, постараются подвести всякаго служебнаго мошенника, кто хорошо заплатитъ по начальству или по суду.

Съ чего же всѣ эти милости правительства общественнымъ грабителямъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы правительство желало поощрить чиновничій грабежъ. Если эти милости даются по добротѣ сердечной, то эта доброта, уважительная въ частномъ человѣкѣ, становится непростительной слабостью въ государственномъ лицѣ, когда вводимая ею безнаказанность очевидно влечетъ за собой усугубленіе притѣсненій, и безъ того жестоко тяготѣющихъ надъ народомъ. Если цѣль этихъ милостей прекращеніе слишкомъ накопившагося количества уголовныхъ дѣлъ по службѣ, то можно бы допустить такое прекращеніе, еслибъ при томъ была объявлена повсемѣстная ревизія присутственныхъ мѣстъ и административныхъ и судебныхъ учрежденій въ государствѣ; но что же за выгода прекращать уголовныя дѣла по чиновничьимъ мошенничествамъ съ тѣмъ, чтобы они завтра возникли по крайней мѣрѣ въ такомъ же, если не въ большемъ количествѣ? Всѣ эти

милости принесутъ вредъ. Преслѣдовать же кое когда, въ частномъ случаѣ, будто для собственнаго развлеченія, чиновничьи продѣлки, и всегда въ общихъ мѣрахъ покровительствовать грабежу,—ни къ чему не поведетъ. Это пробовалъ и Незабвенный, и черезъ тридцать лѣтъ дошелъ до Политковскаго.(*) Пора правительству перестать шалить какъ дитя неразумное.

Кантонисты. Статья XXVII соприкасается съ отдѣломъ о покровительствѣ лихоимству; но вопросъ о кантонистахъ самъ по себѣ слишкомъ важенъ: кажется требовалъ бы окончательнаго рѣшенія, а между тѣмъ манифестомъ вовсе не рѣшенъ. Иностранные журналы заключили было, по невѣдѣнію языка, что манифестъ совершенно уничтожаетъ учрежденіе кантонистовъ; но въ манифестѣ только единовременная милость, а не положительное прекращеніе зла. Дѣло идетъ только о возвращеніи семействамъ тѣхъ изъ кантонистовъ, которые до дня коронаціи не поступили въ дѣйствительную службу и о выдачѣ кантонистовъ, не достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста, лицамъ пожелающимъ принять ихъ въ составъ своего семейства, и то если губернаторы засвидѣтельствуютъ состоятельность и добрую нравственность этихъ лицъ. А позорное учрежденіе кантонистовъ, преслѣдующее солдата изъ рода въ родъ, обременительное для казны и горестное для народа, вовсе не уничтожено. Доказательствомъ тому, что оно не уничтожено, служитъ установленный с р о к ъ отъ ревизіи до ревизіи о подачѣ въ военныя вѣдомства объявленій о солдатскихъ дѣтяхъ. Необходимость же губернаторскихъ свидѣтельствъ о состоятельности матери кантониста, или желающаго принять кантониста на свое попеченіе, а еще болѣе свидѣтельствъ о весьма эластичномъ дѣлѣ: о доброй нравственности —опять вызовъ къ взяточничеству, ибо правители губернаторскихъ канцелярій будутъ выдавать такія свидѣтельства за

(*) Въ началѣ своего владычества надъ Москвою, графъ Закревскій тоже показывалъ видъ будто преслѣдуетъ взятки и разыгрывалъ Гарунъ-аль-Рашида въ формѣ Держиморды; но это не помѣшало ему получать въ Москвѣ несоразмѣрныя поставки для своихъ винокуренныхъ заводовъ и ставить для ратниковъ негодныя сукна во время послѣдней войны.

деньги и разорять людей, которые принимають участіе въ кантонистахъ и о состоятельности которыхъ они станутъ свидѣтельствовать.

Еслибы правительство, послѣ долголѣтняго опыта, имѣло наконецъ смыслъ убѣдиться, что всякій административный дядька, которому дается какая нибудь власть надъ частными дѣлами народа, разворяетъ народъ,—куда бы это было полезно! А кажется убѣдиться пора бы!

Пошлина на заграничные паспорты.—Еслибы правительство положило пошлины на людей, отправляющихся изъ Вятки въ Воронежъ,—не правда ли оно само за себя устыдилось бы? А вѣдь пошлина на заграничные паспорты ни чуть не справедливѣе и не разумнѣе. Изъ статьи XIII видно, что прощены просроченныя пошлины на заграничные паспорты, но нельзя заключить, чтобы эта нелѣпая пошлина была уничтожена. Теперь изъ иностранныхъ газетъ можно догадаться, что она дѣйствительно сложена, или сведена на 5 руб. сер. съ лица. Стало объ этомъ былъ послѣдующій приказъ, тайный или явный, до меня еще недошедшій. Отъ чего же правительство не сказало въ манифестѣ именно того, въ чемъ хотѣло поступить какъ порядочный человѣкъ? — Страшно что ли сказать во всеуслышаніе, что пошлина съ паспортовъ уничтожена? Страшно что ли сознаться въ нелѣпости постановленія, въ которомъ современное правительство не виновато? Или въ манифестѣ уничтоженіе пошлины съ паспортовъ не договорено по разсѣянности? Въ манифестѣ правительство имѣетъ цѣлью показать себя великодушнымъ, и скрываетъ свое великодушіе: какая неумѣстная и непонятная скромность! (*)

Да! не говоря уже о необходимости, въ которую правительство себя ставитъ издавать со временемъ болѣе или менѣе

(*) Замѣчательно, что желающимъ возвратиться въ отечество на основаніи ст. XXXIII, и Полякамъ на основаніи амнистіи, русскія консульства за границей не даютъ никакихъ объясненій, — основываясь на неполученіи и незнаніи манифеста. Какая распорядительность со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ!

смѣшные комментаріи на свои собственныя постановленія,— недописки въ законахъ имѣютъ гибельное вліяніе въ общественной жизни. И кто же мѣшаетъ заблаговременно обдумать каждый вновь издаваемый законъ и написать его такъ отчетливо, чтобы никто не могъ иначе его понять, какъ понимаетъ его самъ законодатель. Вѣроятно манифестъ былъ писанъ не на скорую руку. Отъ чего же онъ написанъ такъ не полно и туманно?

Новгородскіе поселенцы. Прощены наконецъ и пахатные солдаты Новгородскихъ поселеній (ст. XXX), бунтовавшіе въ 1831 г., и позволено имъ возвратиться на родину! Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Многимъ ли достастается успокоиться дома? Бѣдные старики, измученные безумными постановленіями прежнихъ царствованій,—пора вамъ отдохнуть! Да гдѣ же теперь ваша родина? Настоящее поколѣніе васъ не помнитъ и не пригрѣетъ, а сами вы едва ли въ состояніи заработывать хлѣбъ свой!

Преступникамъ неполитическимъ много милостей по статьѣ XXXI, милостей человѣколюбивыхъ, за которыя они будутъ благодарны царю, если начальство приведетъ ихъ въ исполненіе. Пожалуй начальсто и пренебрежетъ ими; для него не велика важность преступникъ изъ низшаго класса народа, да еще такой, который не въ состояніи отдариться.

Политическіе преступники. Наконецъ статья XV о политическихъ преступникахъ, этихъ несчастныхъ жертвахъ благороднаго стремленія и добросовѣстныхъ убѣжденій. Эхъ! не хватило великодушія дать амнистію просто, безъ оговорокъ; а прощаются они съ разными уловками на счетъ раскаянія, поведенія, да еще на основаніи особенныхъ правилъ, которыя не обнародованы, да и едва ли существуютъ. Нельзя принять указъ сенату за особыя для того постановленныя правила; въ немъ не высказано въ отношеніи политеческихъ преступниковъ, подходящихъ подъ ст. XV, никакихъ правилъ, а только (чего нѣтъ въ манифестѣ) поименованы прощаемыя лицы и сказано, что дѣтямъ возвращается отцовская фамилья; все остальное есть и въ манифестѣ, именно — возвращеніе

правъ сословія. (*) Слѣдственно особыя правила, на которыя намекаетъ манифестъ неизвѣстны, или будутъ развиты въ подземныхъ путяхъ тайной полиціи (**). Облегченія, полупрощенія и почти-прощенія (§) получили лицы, наказанныя по приговорамъ 1826 и 1827 годовъ, и лица, прикосновенныя къ тайнымъ обществамъ 1825, 1827 и 1831 годовъ. Кромѣ возвращенія въ Россію и Польшу, имъ возвращены права состоянія и запрещенъ въѣздъ въ Петербургъ и Москву. Возвращены фамильи тѣмъ изъ ихъ дѣтей, которые въ прошлое царствованіе назывались не своимъ именемъ (что было также однимъ изъ геніальныхъ изобрѣтеній Незабвеннаго). Имѣнья имъ не возвращаются. (†)

Въ этой XV статьѣ сказано : "Тѣмъ изъ сихъ (политическихъ преступниковъ) получающихъ нынѣ прощеніе, которые были подвергнуты наказанію по приговору верховнаго уголовнаго суда 13 Іюля 1826 г...."и т. д.—Тѣмъ изъ сихъ! За этимъ вы ожидаете, что есть еще и другіе? Ошибаетесь! Другихъ нѣтъ, другіе не прощены! Надо по крайней мѣрѣ двадцать пять лѣтъ ссылки, чтобъ русскій императоръ могъ почти-простить политическаго преступника. Да оно уже конечно и не опасно! Когда политическій преступникъ былъ обвиненъ, вѣроятно онъ уже былъ не дитя, а послѣ такого долгаго наказанія, правительство можетъ быть увѣрено, что прощаетъ старика, не за долго до смерти.

И такъ не прощены пострадавшіе въ дѣлѣ Петрашевскаго. А какое было это дѣло? Не заключая въ себѣ ничего преступнаго, оно было выкопано, поставлено на ходули и увеличено до невѣроятной степени министромъ внутреннихъ дѣлъ Пе-

(*) Кромѣ того въ указѣ сенату важны для западныхъ губерній справедливыя льготы, которыми отмѣняются стѣснительныя мѣры для вступленія въ службу, изобрѣтенныя Незабвеннымъ.

(**) Которой постыдное учрежденіе также не уничтожено, а только удаленъ всѣмъ порядочнымъ людямъ ненавистный генералъ Дуббельтъ. И это уже мы должны считать за шагъ впередъ!

(§) Я говорю почти, потому что запрещеніе въѣзжать въ столицы уже доказываетъ, что прощеніе не полное

(†) Если эти имѣнья перешли въ государственныя имущества, я нахожу это очень справедливымъ, потому что нельзя государственныхъ крестьянъ вновь обратить въ крѣпостное состояніе.

БИБЛІОТЕКА АКАДЕМІИ

ровскимъ, въ пику графу Орлофу (*), чтобы показать императору Николаю, что тайная полиція ничего не видитъ и не знаетъ. Какой благородный поступокъ со стороны Перовскаго и его клеврета Липранди, нѣкогда члена тайнаго общества 1825 года и впослѣдствіи шпіона! И русскій императоръ не умѣетъ помиловать невинныя жертвы подлыхъ придворныхъ завистей и пронырствъ, и происковъ какаго нибудь подслуживающагося шпіонишки! Развѣ русскій императоръ боится, труситъ быть великодушнымъ? А еще говорятъ, что онъ благонамѣренный!

Не помиловалъ и Бакунинъ, никогда ни въ чемъ не виновный передъ русскимъ правительствомъ. А иностранныя газеты прокричали было о его помилованіи, и имя Александра II произносилось съ благодарностью и всѣ порядочные люди благословляли его! И все это пуффъ! Такой же пуффъ какъ и прежняя польская амнистія, написанная такъ, — что никто не могъ ею воспользоваться. Что же это такое? Политическая трусость прикрытая солганнымъ великодушіемъ?.. И все это въ то время, когда Россія хочетъ отдохнуть послѣ тридцатилѣтняго безумія и гнета и надѣется на благонамѣренность молодаго государя! Обидно и стыдно!

Да можетъ быть я ошибаюсь? Можетъ быть и люди, притѣсненные по дѣлу Петрашевскаго и Бакунинъ уже помилованы или по крайней мѣрѣ въ ихъ участи сдѣлано облегченіе? Можетъ меня вводитъ въ заблужденіе только неясность манифеста? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же писать манифестъ такъ не ясно, что въ немъ все хорошее скрыто и не видно?

Изъ статьи XVI видно, что люди, прикосновенные къ политическимъ преступленіямъ и разжалованные въ солдаты также полу-прощены и съ подобными же уловками и оговорками, какъ и въ предыдущей статьѣ.

Сардинскій король далъ амнистію полную, безъ уловокъ и оговорокъ и безъ исключеній—всѣмъ политическимъ преступникамъ. А въ Италіи есть политическія партіи! Король не

(*) Пышѣ князю.

побоялся политическихъ партій и, давъ полную амнистію, выросъ въ глазахъ всѣхъ партій. Въ Россіи нѣтъ политическихъ партій, чего-же боится русскій императоръ дать полную амнистію? Развѣ боится стать на сторону честныхъ и благонамѣренныхъ людей? О Русь, Русь! Долго будетъ тебя преслѣдовать отрыжка Незабвеннаго!

Самоосужденіе. Статья XXXVII есть критика на самый манифестъ, потому что эта статья непарочно признается, что впослѣдствіи для него будутъ необходимы безконечныя толкованія.

Теперь спрашиваю: какое общее впечатлѣніе производитъ манифестъ, такъ страстно жданный Россіею?

Вотъ какое:

1) Тамъ гдѣ ждали великодушія, оно явилось не свободно, не широко, съ задними мыслями, оговорками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ корыстной скупостью, т. е. явилось въ искаженномъ видѣ.

2) Во всемъ, гдѣ великодушіе было не нужно, даже вредно, оно явилось съ широкимъ покровительствомъ мошенничеству.

3) Ни слова, ни единаго намека объ освобожденіи крестьянъ; это грустно поражаетъ всѣхъ благомыслящихъ людей и заставитъ призадуматься народъ, съ любовью встрѣтившій новаго монарха. Неужели и его любовь къ народу, которую онъ выказывалъ въ обращеніи съ народомъ въ Москвѣ, тоже пуффъ, имѣющій цѣлью заглушить, удалить вопіющіе вопросы на неопредѣленное время, чтобы можно было это неопредѣленное время прожить въ свое удовольствіе,—не занимаясь дѣломъ, а тамъ что богъ дастъ? Грустно! Пять тысячъ окороковъ ветчины и народный балъ во дворцѣ еще не убѣдительныя доказательства любви царя къ народу, той глубокой, дѣятельной любви, которой

мы ожидаемъ, любви мужественнаго гражданина, работающаго для блага отечества; особенно усомнишся, когда подумаешь, что эфемерная роскошь празднества, которой цѣль скорѣе удивить Европу, чѣмъ сдѣлать пользу Россіи, можетъ повести къ какимъ нибудь новымъ займамъ и налогамъ, или помѣшать болѣе полезному употребленію государственныхъ капиталовъ! Развѣ вы думаете—народъ не чуетъ, что его угощаютъ на его деньги?

Говорятъ, что Александръ II человѣкъ благонамѣренный и добрый. И я охотно вѣрю этому: стоитъ только вспомнить удаленіе Клейнмихеля (*) и Дуббельта, стоитъ только взглянуть па портретъ Александра II, чтобъ убѣдиться въ этомъ, Отъ чего же манифестъ такъ неудаченъ? Отъ того, что Александра еще окружаютъ николаевскіе люди, люди раболѣпія и неправды, люди корыстные, люди скрывающіе подъ видомъ важности ограниченность и невѣжество, фельдфебели въ чинѣ государственныхъ сановниковъ, люди, которымъ кажется преступленіемъ все что честно, благородно и разумно.

Государь, освободите сами себя и освободите Россію!

Вотъ великая цѣль, ревностнаго достиженія которой мы отъ Васъ надѣемся. Не будьте измѣнникомъ народныхъ ожиданій!

—ій—ъ.

Парижъ, 15 Октября 1856.

(*) А зачѣмъ этотъ человѣкъ, ненавидимый всею Россіей, имѣлъ мѣсто въ церемоніяхъ коронаціи?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НОЧЬ

(Посвящено Г—у и Н—и.)

Per me si va tra la perduta gente ...
DANTE.

1.

По скату длинному дороги
Я шелъ задумчивой стопой,
Томимый грозною тоской
И скорбью внутренней тревоги.
По лону низменной земли
Окутанъ дымкою сѣдою
Тянулся городъ и вдали
Терялся слитый съ поздней мглою.
Уже я смутно различалъ
И трубъ и кровель лѣсъ дремучій ;
Надъ ними вѣтеръ бушевалъ
И сѣрыя бродили тучи.
Неслышнымъ шагомъ кралась ночь
И—стогны въ сумракъ поглощая—
Пришла туманная, сырая ;
Ея дыханья превозмочь
Не въ состояньи было тѣло
И—содрогаясь—холодѣло.
Уже зажглися фонари

И въ небѣ, въ мглѣ сыраго пара,
Блеснули трепетомъ зари,
Иль дальнимъ заревомъ пожара ;
И эта ночь и этотъ свѣтъ
Казались полны духомъ бѣдъ.

2.

Пошелъ я улицею длинной ;
Дома дремали въ тишинѣ
И было въ городѣ пустынно . . .
Но съ каждымъ шагомъ стали мнѣ
Встрѣчаться чаще пѣшеходы,
Трещалъ все ближе стукъ каретъ,
Блеснулъ изъ лавокъ яркій свѣтъ,
И какъ колеблемыя воды
Задвигались толпы людей,
Ряды колесъ и лошадей,
И стукъ и говоръ поминутный
Слилися въ гулъ враждебно-смутный.
И шелъ я медленной стопой
Въ разгарѣ бѣшеномъ столицы,
И съ безпокойною душой
Невольно вглядывался въ лицы,
Межъ тѣмъ какъ быстро тѣнь по нимъ
Мѣнялась съ блескомъ огневымъ.
И вотъ мнѣ, съ ясностью безплодной
Мелькнувъ среди бродячихъ думъ,
Мучительно пришло на умъ,
Неотразимо, безотходно—
Сознанье, что я всѣмъ чужой,
Что между нами есть преграда
И что—не только что со мной—
Они чужіе межъ собой
И связаны привычкой стада . . .—
Вотъ домъ огромный. У дверей

Стоитъ швейцаръ въ ливреѣ странной,
Пузатый, пудреный, жеманный,
И держитъ, съ важностью царей
Храня надменно видъ свирѣпый,
Надъ глупой тростью шаръ нелѣпый.
А въ окнахъ бродитъ блескъ огней
И тѣни шаткія гостей
Снуясь—блуждаютъ. Пиръ исправенъ,
Гостямъ хозяинъ саномъ равенъ;
Ему подобно искони
Земли властители они
И не уступятъ, величаво
Держась за вѣковое право,
Клочка пустаго ни на шагъ,
Гдѣ отдохнуть бы могъ бѣднякъ,
Взглянуть—усталый—хоть ошибкой
На жизнь съ довѣрчивой улыбкой.
Лакеи служатъ. Межъ гостей,
Нарядныхъ, важныхъ и недружныхъ,
Несется трескотня рѣчей
Неоткровенныхъ и ненужныхъ;
И между тѣмъ, страшна какъ мгла
Въ ночи глухой, ночи беззвѣздной,
Бездонно, холодно легла
Межъ ними внутренняя бездна!
Ее — дни, мѣсяцы, года —
До самаго конца ихъ вѣка
Не переступитъ никогда
Живое чувство человѣка!
Сошлись,—ихъ вмѣстѣ держитъ ложь,
Лакейство съ жадностію льстивой
И чванства духъ сребролюбивый;
А втайнѣ зависть точитъ ножъ
И клевета въ норѣ сокрытой
Шипитъ змѣею ядовитой ...
И связи между ними нѣтъ!

Все это шутка или бредъ!
А этотъ нищій тощій, блѣдный,
Оборванный, чей злобный взглядъ
Тайкомъ слѣдитъ прохожихъ рядъ,
Забывшихъ дома грошъ свой мѣдный?
А этотъ жирный адвокатъ,
Своихъ кліэнтовъ воръ законный? . . .
Одинъ, въ трактирѣ, полусонный
Сидитъ, едва вращая взглядъ
Съ довольнымъ видомъ равнодушья,
Одинъ наѣвшись до удушья,
Напившись такъ, что жаръ съ ланитъ
Красносинѣющихъ палитъ . . .
А этотъ пастырь, заточенный
Въ свой бѣлый галстухъ? . . Онъ несетъ
Подъ мышкой томъ позолоченный,
Онъ завтра въ немъ строку найдетъ, —
У черни съ высшей точки зрѣнья
Отниметъ сладость воскресенья . . .
Нѣтъ, нѣтъ! клянусь: тутъ связи нѣтъ!
Тутъ только шутка или бредъ!
Тутъ трупъ общественнаго зданья
Въ дырявой мантіи преданья!

3

Вотъ улица, гдѣ блескъ и шумъ
Пугаютъ удивленный умъ.
Сорвавшись съ цѣпи злыхъ печалей
Сюда со всѣхъ концовъ земли
На пиръ безумныхъ вакханалій
Толпы несметныя пришли.
Здѣсь юноша отважно праздный
Спѣшитъ разтратить свѣжесть силъ,
И старецъ дряблый пріютилъ
Развратъ безсильный, безобразный.

Кипитъ, тревожный жаръ таи,
Страстей подземная струя
И въ этой улицѣ безъ мѣры
Державно царствуютъ гетеры,
И увлекаютъ за собой
Небрежной легкостью нарядовъ,
Движеньемъ поступи лихой,
И плечь нагою бѣлизной
И томнымъ сладострастьемъ взглядовъ.
Кого въ проулкѣ близь угла
Ты ждешь, красотка молодая?
Кого улыбкою лаская
Ты нынче на ночь зазвала?
Какъ? . . Этотъ остовъ? . . тѣнь мущины? . .
Я знаю на челѣ его
Остались рѣдкія сѣдины,
Лице худое у него
Изрыли раннія морщины;
Но—бѣдная! Онъ золъ и глупъ,
Въ развратѣ холоденъ и грубъ.
Да! . . . но какъ хлѣбъ тебѣ онъ нуженъ! . . .
Ты съ нимъ идешь. Вашъ буйный ужинъ
Встревоженъ розовой зарей . . .
Довольно! Шутки площадной
Наслушалась до отвращенья;
Съ тобой онъ пилъ до одуренья,
Теперь вези его домой!
Вотъ спальня. Въ ней царитъ молчанье,
Скрываютъ сторы дня набѣгъ,
И длится ночь, и жаркихъ нѣгъ
Таится робкое дыханье.
Теперь онъ какъ бы счастливъ былъ!
Но голова его повисла,
Едваль онъ—пьяный—сохранилъ
Для наслажденья каплю смысла!
И послѣ тягостнаго сна

Вы разстаетесь . . . Онъ уходитъ
И остаешся ты одна.
Печальный лучь сквозь сторы бродитъ ;
Все пусто ! Съ скукой и тоской
Ты привстаешь и ручкой нѣжной
Играешь длинною косой
На грудь упавшею небрежно ;
Твой взоръ разсѣянъ и унылъ,
Улыбку на устахъ смѣнилъ
Неясной думы слѣдъ печальный . . .
На память край приходитъ дальній,
Твой бѣдный, мирный городокъ,
Земли укромный уголокъ,
Пріютъ весны первоначальной.
Ты помнишь садъ и поздній часъ,
И робкій шопотъ старой ивы,
И юношу, и въ первый разъ
Слова любви, любви стыдливой,
Такъ простодушной, какъ потомъ
Тебѣ не встрѣтилось ни въ комъ.
Ты плачешь ! Юныхъ грезъ утрата
Невольно сердце шевелитъ ;
Но въ страхѣ мысль твоя спѣшитъ
Забыться въ образахъ разврата ...
А знаешь что ? ... Умри скорѣй !
Умри по раньше ! не жалѣй !
Смерть—слово горькое для слуха,
Да развѣ лучше жизни нить ?
И знаешь ли какъ гадко жить
Голодной, брошенной старухой !

4.

Но далѣ улицы пустѣй,
Каретъ слабѣе отголосокъ,
Туманъ становится густѣй.

Тутъ льется Темза. Берегъ плосокъ,
Рѣка съ свинцовымъ блескомъ водъ,
Черезъ нее мостовъ наметъ;
Кой гдѣ гнѣздясь людскія тѣни
Черпѣютъ въ смрадѣ испареній;
Къ нимъ страшно близко подойти:
Зловѣщія, тупыя рожи!
Спѣшитъ испуганный прохожій
По запоздалому пути,
Почуя въ мракѣ безъ движенья
Глухія тайны преступленья.
А завтра прозвѣнитъ звонокъ,
Пойдутъ свистки со всѣхъ дорогъ,
Пойдетъ вседневная работа;
Торговли гордая забота
Товаръ громадный двинетъ свой,
Облитый нищенской слезой
И градомъ трудоваго пота.
Всѣ призраки воскреснутъ вдругъ;
Надъ бѣднымъ міромъ вспрянутъ власти—
Храня общественный недугъ
И вновь помчится вихрь несчастій . . .
О родъ людской! о родъ людской!
Куда спѣшишъ ты въ этомъ шумѣ?
Гдѣ отдохнетъ твой мозгъ больной
На жалкомъ поприщѣ безумій? . . .

5.

И вотъ въ далекія края
Меня влечетъ воспоминанье,
Къ тебѣ, о родина моя!
Гдѣ ранней жизни трепетанье
Я дѣтскимъ слухомъ понималъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ я страдалъ,
Гдѣ, заглушая все что больно,

Я тратилъ юность своевольно,
Какъ будто мнѣ была она
На вѣки вѣчные дана ;
Страна, къ которой такъ невольно—
Съ годами всасываясь въ кровь—
Привычкой стала мнѣ любовь,
И гдѣ оставилъ я унылыхъ,
Немногихъ близкихъ, сердцу милыхъ,
И множество ненужныхъ лицъ,
Да нѣсколько родныхъ гробницъ.
Печальной родины природа
Со мной дружна, давно своя ...
Привыкъ я долгіе дни года
Смотрѣть на бѣлыя поля,
Когда отъ стужи не трепещетъ
Морозный воздухъ, день безъ тучъ
И разсыпаясь яркій лучь
По снѣгу искристому блещетъ,
Иль даль, бѣлѣясь при лунѣ,
Мерцаетъ въ грустной тишинѣ ...
И длится, длится вечеръ длинный,
Печально бродитъ отблескъ свѣчъ
И сердцу памятную рѣчь
Томяся шепчетъ духъ пустынный.
Но вотъ смягченъ зимы набѣгъ
И тихо грѣя солнце пышетъ,
Тепломъ дремотный воздухъ дышетъ
И таетъ пожелтѣлый снѣгъ,
И рѣчка, взламывая льдины,
Бурлитъ и брызжетъ у плотины.
Вотъ почернѣлъ знакомый путь,
Пробилась робко зелень въ полѣ,
Душистый листъ на свѣжей волѣ
Спѣшатъ деревья развернуть
И пѣсни вечеромъ веселымъ
Далеко слышатся по селамъ ;

Перекликанья соловьевъ
Всю ночь тревожатъ сумракъ сада,
Съ зарей пастухъ выводитъ стадо
На склонъ прибережныхъ дубровъ;
Береза свиснувшею сѣнью
Качается подъ говоръ водъ;
Пастухъ объятъ блаженной лѣнью
И пѣснію звонкую поетъ;
Звучитъ, теряясь безотзывно,
Напѣвъ протяжный, заунывный,
А плакать слушая легко,
Куда то смутно мысль несется
И между тѣмъ внутри живется
Такъ безконечно широко!

6.

По ближе въ жизнь людей вступая,
На томный міръ роднаго края
Иначе взглянешь. Станетъ жаль;
Все ненавистно, все такъ больно,
Тяжелый ужасъ и печаль
Охватятъ холодомъ невольно.
Какъ ихъ безбрежныя поля
Безгласны люди. Отъ Китая
До стѣнъ недвижнаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
Томится русская земля.
Живутъ и мрутъ среди смиренья
Въ молчаньи вяломъ поколѣнья.
Молчитъ запуганный мужикъ
Подъ розгой маленькихъ владыкъ;
Его чиновникъ грабитъ смѣло;
Въ трудѣ проходитъ жизнь его
И не приноситъ ничего,
Проходитъ тускло . . . Послѣ тѣло

Кладутъ какъ вѣтошь въ темный гробъ,
Надъ нимъ бормочетъ пьяный попъ,
Да бабы вопятъ . . . Жизнь безцвѣтна,
Безрадостна и непривѣтна,
Смерть равнодушна и дика,
И скорбь на сердцѣ велика!
И тотъ изъ насъ, кому наука
Раздвинула границы думъ,
На привязи свой держитъ умъ,
Снѣдаемъ праздностью и скукой.
Кругомъ помѣщики глупцы,
Рабы, нахалы, подлецы,
Попы, мундиры голубые,
Воровъ казенные полки,
Да мѣры къ лучшему тупыя,
Да плеть, да ссылки, да штыки;
И чья то воля будто править,
И сверху внизъ все давить, давитъ,
И тѣсно, тяжело дышать,
И хочется бѣжать, бѣжать,
Куда нибудь уйти скорѣе
Отъ этой жизни пытки злѣе,
Изъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой родины святой!

7.

Уйти? . . Куда? . . Въ юдолѣ шумной,
Гдѣ люди бѣсятся и мрутъ,
Найдется-ль гдѣ нибудь пріютъ
Свободно-мирный и разумный,
Гдѣ жизнь свѣтла и глубока,
Какъ величавая рѣка
Моглабъ путемъ не своенравнымъ
Широко течь въ движеньи плавномъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ пріюта нѣтъ!

И всюду рабства тощій бредъ!
Иди чрезъ снѣжныя вершины
Вѣчно-величественныхъ горъ,
Спустися въ свѣжія долины,
Иль вырываясь на просторъ —
Переплыви въ тревогѣ рьяной
Разливъ немолчный океана,
Вездѣ найдешъ одинъ отвѣтъ:
Пріюта нѣтъ! пріюта нѣтъ!
Живи подъ тяжестью терпѣнья,
И съ чувствомъ горькаго презрѣнья,
И равнодушіемъ бойца
Жди неизбѣжнаго конца.
Да! Смерти строгія картины
Въ воображеніи моемъ
Проходятъ чередою длинной ...
Но при сверканьи роковомъ
Косы рѣшительнаго взмаха
Нѣтъ ни смущенія, ни страха.
Людей предсмертныя черты
Тѣснятся въ міръ моей мечты:
Ея-ль внезапное созданье,
Иль гдѣ то видѣннаго сна
Знакомое припоминанье,—
Но смертью мысль моя полна
И слышитъ робкое вниманье
Предсмертной поступи шатанье ...

8.

Я помню образъ молодой—
Борьбы и страсти отпечатокъ;
Въ немъ бился съ внутренней тоской
Могучей юности остатокъ
И человѣкъ сказалъ себѣ:
"Оставимъ міръ его судьбѣ!

Страданья тягостны и лживы
И жертвы тщетныя смѣшны:
Мы нѣги сладостные сны
Осуществимъ пока мы живы,
Пока могила не взяла
Холодно-блѣднаго чела."
И наслажденье молодое
На югѣ дальнемъ онъ искалъ,
Гдѣ у подножья желтыхъ скалъ
Ликуетъ море голубое,
И день сіяющъ, и пышна
Надъ почью синею луна.
Лежитъ на мраморныхъ колоннахъ
Спокойно замка пышный кровъ;
Тамъ лики мраморныхъ боговъ,
Картины въ рамахъ золоченныхъ
И вѣетъ запахомъ цвѣтовъ.
Кругомъ зеленый трепетъ сада;
Спотворно льется въ лѣтній зной
Мѣрно-урчащею струей
Фонтановъ свѣжая прохлада;
Съ террассы видно—лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ.
Тамъ—сынъ неугомонной воли,
Бѣглецъ полезнаго труда,
Въ который онъ не вѣрилъ болѣ,—
На передсмертные года
Себѣ причудливо устроилъ
Пріютъ, гдѣ любовался взоръ
На гармоническій просторъ.
Хоть онъ и тутъ не успокоилъ
Духъ затаенной жажды дѣлъ,
И тутъ забыть онъ не умѣлъ
Всей злобы думъ непримиримыхъ
Противу золъ неисцѣлимыхъ,
И тутъ какъ безотвязный другъ

Тоски подавленной недугъ
Не разъ владѣлъ его душою,
Не разъ за трапезой нѣмою
Безплодной пѣной отшипалъ
Его нетронутый бокалъ:
Но онъ упорно съ страстью жадной
Минуты счастія ловилъ
И жизни каждый звукъ отрадный
Ему глубоко впятенъ былъ.
Онъ сладко пѣлъ, когда лѣниво
По зыби трепетной—луной
Посеребряннаго залива—
Ладья, укачивая, шла
Подъ плескъ нырявшаго весла.
Порой въ огняхъ блистала зала,
Гремѣлъ оркестръ въ вечерній часъ,
То извиваясь, то рѣзвясь—
Вакханка гибкая плясала ...
А онъ любилъ! Онъ-торопливо
Прощаясь съ жизнью прихотливой,
Пилъ съ жгучей жаждою въ крови
Струи послѣднія любви.
При свѣтѣ лампы одинокой
Въ тиши таинственныхъ ночей
Ловилъ онъ мягкій шелкъ кудрей
И ласки дѣвы черноокой,
Дрожанье персей, вздохъ глубокой
И шопотъ вкрадчивыхъ рѣчей;
Любовь несытая хотѣла
Волненья молодаго тѣла,
Чтобъ замирая близь него
Дыханье жаркое горѣло,
Чтобъ жилка каждая его
И трепетала бы и млѣла
И онъ впадалъ бы въ смутный сонъ,
Весь упоеньемъ истомленъ.

Онъ отжилъ быстро. Въ часъ урочный
Онъ зналъ, что средства безпомощны,
Что скоро тайной боли гнетъ
Натугу тѣла разобьетъ.
Ему вѣнкомъ главу обвили,
Его на берегъ положили,
Откуда видно—лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ.
Была пора вечеровая,
И мирно погасавшій день,
Прозрачная смѣняла тѣнь,
Ложилась ночь, благоухая.
Склонясь зеленый дубъ шумѣлъ
И звонкій голосъ пѣсни пѣлъ,
И съ ними водъ морскихъ волненье
Въ одно сливалось пѣснопѣнье;
Ему внимая замеръ слухъ,
Остыла жизнь и взоръ потухъ.
Надъ тѣломъ дремлющемъ безъ муки
Торжественно носились звуки
И пролетѣла безъ слѣда,
Мелькнувъ, падучая звѣзда.

9.

Но пропадая въ сумракъ черный
Сокрылся юный призракъ мой,
И помню образъ я иной :
То былъ спокойный, но упорный
И гордый мужъ. Уже сѣдой
По бородѣ сребрился волосъ,
Но было тихо и свѣтло
Его высокое чело.
Подобья лжи строптивый голосъ
Со дня рожденья не изрекъ;
Печальный взоръ его былъ строгъ

И, ярко въ душу проникая,
Казнилъ—въ злодѣйствѣ уличая.
Онъ былъ похожъ на тѣхъ людей
Уже давно минувшихъ дней,
На тѣхъ отступниковъ Зевеса
И не поклонниковъ Христа,
Которыхъ строгія уста
Въ словахъ простыхъ, но полныхъ вѣса—
Служили только одному
Простому, здравому уму;
Носитель непокупныхъ истинъ—
Онъ не ходилъ за общій пиръ,
Ему равно былъ ненавистенъ
Прошедшій и грядущій міръ,
И середь племени чужаго
Онъ ничего не зналъ роднаго.
Онъ видѣлъ какъ сквозь тьму вѣковъ,
Чуждаясь дико мыслей здравыхъ,
Стремится съ яростью волковъ
Толпа мучителей кровавыхъ
И съ ними, не глядя куда,
Народовъ жалкія стада.
И вотъ ужъ некуда бѣжать,
И въ бездну упадутъ народы,
И соберутся бушевать
Всѣ силы дикія природы
Съ потопомъ и огнемъ своимъ
Надъ дикимъ племенемъ людскимъ.
Взойдетъ на берегъ новозданный
Быть можетъ новый Девкальонъ
И новый міръ наполнитъ онъ
Породою не меньше странной,
И повторять грядущій родъ
Безумство старое начнетъ.
Но видя общее паденье
Какъ одинокое явленье

Поодаль гордый мужъ стоялъ
И ясность взгляда сохранялъ,
И ждалъ въ печали величавой,
Чтобы подземныхъ силъ приваль
Жерло мгновенно разорвалъ
И міръ засыпалъ жгучей лавой . . .

10

Но ночь уходитъ. Фонари
Блѣднѣютъ съ просвѣтомъ зари
И утро въ тягостномъ покоѣ
Идетъ туманное, сырое . . .
Душа устала—и разсвѣтъ
Все также полонъ духомъ бѣдъ.

II.

БУДУЩНОСТЬ

Я видѣлъ дѣвочку съ кудрями золотыми
И личкомъ бѣленькимъ, и глазками живыми;
Она въ движеніяхъ безпечна и мила
Вся дѣтской рѣзвостью проникнута была,
Дрожалъ по плечикамъ волнуясь локонъ зыбкой
И ротикъ маленькій былъ озаренъ улыбкой;
А гости не могли восторга превозмочь,
Твердя родителямъ какъ хороша ихъ дочь.
Я на нее глядѣлъ волнуемъ думой вѣщей,
Какъ нѣкогда въ толпѣ, предвидя день тревогъ,
На шумномъ праздникѣ стоялъ пророкъ зловѣщій,
И побѣдить въ себѣ унынія не могъ.
Я думалъ, что дитя роскошно разовьется
Какъ роза пышная,—а изъ подземной тьмы
И страсть подкрадется и горе принесется;
Умруть отецъ и мать какъ всѣ умремъ и мы,
И дѣва робкая взойдетъ въ семью чужую,
И жизнь ея пройдетъ средь перемѣжныхъ ссоръ,—
Какъ въ длинномъ снѣ порой, сжимая грудь больную,
Съ какимъ то призракомъ ведется глупый споръ;
Потомъ, отъ старости сердяся и хилѣя,
Умретъ она сама, о чемъ то пожалѣя,
И только на стѣнѣ останется портретъ,
Написанный давно, когда то, въ цвѣтѣ лѣтъ...
Быть можетъ внукъ тупой на ликъ случайно взглянетъ

И имя бабушки разсѣянно помянетъ;
А тамъ пройдутъ еще безвѣстные года —
И имени ея не будетъ и въ поминѣ,
И въ мірѣ отъ нея не сыщется слѣда
Какъ послѣ голоса замолкшаго въ пустынѣ . . .

III.

ГОСПОДИНЪ

(Повѣсть.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время таяли снѣга,
Веспой дышало. Съ дикой силой
Взрывая ледъ, на берега
Рѣка волнами паходила.
Сквозь грязь мелькала зелень травъ
И съ юга прилетѣли птицы,
Но всежъ упорно видъ столицы
Хранилъ враждебно-зимній нравъ.
Андрей Патапычъ, малый славный,
Лелѣять сталъ въ мечтѣ своей
Ручья журчанье, шумъ дубравный
И зелень яркую полей;
Являлся рѣже на обѣды,
Чуждался позднихъ вечеровъ,
Литературныя бесѣды
Его томили,—"много словъ",
Онъ думалъ, "только мало дѣла" ...
И даже критика сама,
Сей плодъ нѣмецкаго ума,
Ему до смерти надоѣла.
Онъ началъ думать о себѣ,
О томъ что молодость проходитъ,
А онъ одно въ своей судьбѣ

Праздношатаніе находитъ.
Печально въ уголъ изъ угла
Бродя одинъ въ своей квартирѣ,
Рѣшилъ онъ, что пора пришла,
Чтобъ дѣло дѣлать въ этомъ мірѣ:
Начать воспитывать крестьянъ,
Въ ихъ правахъ сдѣлать улучшенья,
Зерно ума и просвѣщенья
Посѣять въ глушь далекихъ странъ.
Рѣшилъ—и въ путь пустился дальній,
Въ свою деревню — край печальный.

* *
*

Тащился тряскій тарантасъ,
Иванъ дремалъ на козлахъ шаткихъ,
Андрей Потапычъ, утомясь,
Качался въ сновидѣньяхъ сладкихъ.
Широкой лентой мягкій путь
Лежалъ безъ грязи и безъ пыли,
Два слѣда лоснистыхъ чуть чуть
Колесы дружныя чертили.
Ямщикъ коней не погонялъ,
Лѣниво двигались ихъ ноги
И колокольчикъ замиралъ . . . —
Весенней почкой вдоль дороги
Березы пахли, и вдали
По лону ровному земли —
Зеленое и молодое
Тянулось поле озимное.
Садилось солнце и тепло
На землю мирную лило
Румяное мерцанье свѣта
И въ небѣ жаворонокъ гдѣ-то,
Колеблясь трепетномъ крыломъ,

Прощался звонко съ яснымъ днемъ.
Андрей Патапычь, въ качкѣ мѣрной
Вздремнувъ, очнулся отъ толчка,
Спросилъ какъ смѣна далека
И почему такъ ѣдутъ скверно?
Потомъ, взглянувъ вокругъ себя
На тихій міръ весной согрѣтый,
Природу искренно любя,
Онъ молвилъ: "Хорошо все это!..."
И погрузилъ свой томный умъ
Въ туманъ блаженно-грустныхъ думъ.
Онъ размышлялъ, что неизбѣжно
Онъ сгубитъ молодости цвѣтъ,
Что слишкомъ трудно, безнадежно
Онъ любитъ, вотъ уже пять лѣтъ;
Но не смотря на все страданье,
На жизнь мученій и тоски,
Онъ о любви воспоминанье,
Какъ животворное мечтанье,
Храпитъ до гробовой доски.
Онъ думалъ какъ она прекрасна,
Какъ простодушна, какъ мила,
Что за душа въ улыбкѣ ясной,
Какъ ручка у нея бѣла,
Какъ нѣжень взоръ ея и томенъ,
Весь видъ какъ страстенъ и какъ скроменъ,
Какъ въ мягкомъ голосѣ слышна
Сердечной ласки глубина!
Конечно, — онъ любилъ безгласно,
Да онъ и не захочетъ ей
Безпечной жизни, жизни ясной
Тревожить страстію своей.
О! еслибъ вѣрною сестрою
Она весь вѣкъ ему была,
Ему бы жизнь была мила,
Онъ былъ доволенъ бы судьбою...

Баллады увлеченъ стихомъ
Онъ вспомнилъ, какъ они вдвоемъ
На дачѣ—въ Августѣ, мечтая,
Читали вмѣстѣ послѣ чая.
Конечно, — онъ не пара ей:
Помѣщикъ онъ не многодушный,
Ея-жъ отецъ старикъ бездушный
И мѣтитъ высоко, злодѣй!
И голосъ у него протяженъ,
И кругъ знакомыхъ слишкомъ важенъ! . . .
Андрей Потапычь обвинялъ
И самъ себя; онъ отвергалъ
Въ своихъ пріемахъ лоскъ столичный
И замѣчалъ уже не разъ,
Бывало въ зеркало смотрясь,
Что платье сшитое отлично, —
Богъ знаетъ право почему —
Все какъ то не къ лицу ему.
Застѣнчивость его погубитъ!
Одна надежда у него,
Что можетъ быть еще его
За нѣжность женщина полюбитъ.
О! сердцемъ онъ почти герой
И благороденъ по природѣ,
Стремится къ правдѣ и къ свободѣ,
Не глупъ, не неучь — и порой
Въ наукахъ подвизался смѣло . . .
Но ей что до того за дѣло?
Онъ вспомнилъ, какъ онъ ревновалъ,
Безмолвствуя въ тоскѣ безмѣрной,
Какъ чаще всѣхъ его смущалъ
Одинъ полковникъ инженерный,
Всегда находчивый въ рѣчахъ,
Высокій, статный и въ усахъ.
Андрей Потапычь съ страстью нѣжной
Тутъ принялся было опять

Любить такъ трудно, безнадежно,
Какъ и назадъ тому лѣтъ пять.
Онъ также вспомнилъ: послѣ бала ...
Но тройка вихремъ вдругъ помчала
И, съ шляпой наискось на лбу,
Махнувъ кнутомъ, ямщикъ удалый
Подвезъ къ станціонному столбу.

* *
*

Дней нѣсколько, а можетъ больше
(Какъ Чацкій дерзко отвѣчалъ)
Дорога длилася,—не дольше;
Андрей Патапычь поскучалъ.
Уже не за долго до дому,
Подъѣхавъ къ берегу крутому,
Онъ увидалъ—внизу рѣка
Была какъ море широка.
Надъ нею солнце вкось сверкало,
По ней крутясь волна бѣжала,
Кой гдѣ уныло паруса
Какъ точки бѣлыя виднѣлись,
И гдѣ то тамъ вдали синѣлись,
Теряясь изъ виду, лѣса.
Въ раздольно-сладостной истомѣ
Андрей Патапычь тутъ вздохнулъ
И переѣхалъ на паромѣ.
Ямщикъ постромки пристегнулъ
И баринъ, погодя немного,
Своей проселочной дорогой,
По кочкамъ шеи не сломивъ,
Домой доѣхалъ здравъ и живъ.

* *
*

Андрей Патапычь былъ доволенъ:
Знакомый прудъ, знакомый садъ!

Здѣсь дѣтскій возрастъ былъ такъ воленъ !
Здѣсь все, чему бывалъ онъ радъ,
Вновь на глаза его предстало
И чуть до слезъ не взволновало.
Все тотъ же на дворѣ стоялъ
Уныло домикъ деревянный
И мезонинъ довольно странный
Его вершину замыкалъ.
У полусгнившаго забора
Сторожка пса была видна,
Пса—охранителя отъ вора . . .
Теперь пуста была она ;
Соскучась жизнію пустынной
Знать околѣлъ онъ—другъ старинный !
Немного подгнило крыльцо,
Но въ домѣ комнаты въ порядкѣ ;
На мебели чахлы и складки
И все какъ было на лицо ;
Конечно—такъ давно не жили,
Что все покрыто слоемъ пыли.
Вотъ комната : старуха мать
Любила здѣсь чулокъ вязать ;
А вотъ и небольшая зала,
Здѣсь чай сосѣдямъ разливала.
Вотъ здѣсь отцовскій кабинетъ,
Гдѣ Павла перваго портретъ—
Курносый, съ палкой, въ треуголкѣ.
Старикъ, бывало, здѣсь ходилъ
Въ халатѣ пестромъ и въ ермолкѣ
И трубку исподволь курилъ.
Покойники ! . . . У нихъ порою
Не обходилося безъ ссоръ,
Но большей частью все за вздоръ
И жили дружною четою.
Вонъ видѣнъ памятникъ въ окно . . .
Теперь они уже давно
Гніютъ себѣ рядкомъ какъ надо

У старой церкви за оградой.
Андрей Патапычь въ эту ночь
Томился. То ли былъ съ дороги
Взволнованъ и разбитъ не въ мочь,
Толь полный грусти и тревоги
Былое время выкликалъ . . .
Чтобъ ни было, но онъ не спалъ.
Скребнетъ ли мышь, щелей жилица,
Или гдѣ скрыпнетъ половица,
Или бродячей пустотой
Повѣетъ въ тишинѣ ночной,
А у него и духъ спиралo
И тѣло въ знобъ и жаръ бросало.
Чуть алымъ трепетомъ горя
Проснулась ранняя заря,
Андрей Патапычь всталъ съ постели,
Одѣлся, разтворилъ окно:
Село едва озарено
Виднѣлось. Пѣтухи пропѣли.
За садомъ свѣтлый прудъ лежалъ,
Въ зеленой чащѣ крылись тѣни,
Росой дрожащей листъ блисталъ
И воздухъ утренній дышалъ
Благоуханіемъ сирени.
Андрей Патапычь въ этотъ мигъ
Блаженство тишины постигъ;
Но тутъ онъ вспомнилъ, что однако
Въ деревнѣ жить себя обрекъ
Онъ не безъ цѣли, какъ гуляка
Живущій никому не въ прокъ,
Что пользы общей мысль хотѣла
И стало надо дѣлать дѣло.
Онъ вынулъ привезенныхъ книгъ
Запасъ сулившій много толку
И въ шкапъ разставилъ ихъ на полку:
Творенья Тэйра и другихъ

Новѣйшихъ лѣтъ индустріаловъ,
Еще народныхъ школъ обзоръ
И рядъ практическихъ журналовъ.
Онъ не любилъ до этихъ поръ
Агрономической науки ;
Охотнѣе въ цѣпи вѣковъ
Слѣдилъ дѣянія отцовъ
И повѣсти читалъ безъ скуки,
И какъ дитя—на счетъ того,
Что создастъ нужду людскую,
Что прямо входитъ въ жизнь живую,—
Не зналъ онъ ровно ничего,
Вотъ это то его и мучитъ!
Но впрочемъ дѣло не уйдетъ ;
Займется, кое что прочтетъ,
И самъ пойметъ, и всѣхъ научитъ.

* *
*

Была суббота въ этотъ день :
Осиливъ старческую лѣнь,
Къ обѣднѣ старики ходили
Своихъ усопшихъ помянуть
И тихо господа молили,
Чтобъ далъ душамъ ихъ отдохнуть;
Взамѣнъ покойниковъ просили,
Чтобы и въ свой чередъ они
Живымъ послали долги дни.
Спѣша на пашню, попъ съ досадой
Пролепеталъ мужей и женъ
Чуть не до тысячи именъ ;
Носился ладонъ въ видѣ смрада
И сарачинское пшено,
Молитвою осѣнено
Побывъ на маленькомъ налоѣ

И чуть не сдѣлавшись святое,
Прошло чрезъ грѣшныя уста
Во славу господа Христа.
По окончаніи обѣдни
Толпою старики пошли
И мирно хлѣбъ и соль несли,
И въ барской собрались передней;
Чины дворовые впередъ,
А позади простой народъ
Андрей Потапычь радъ безъ мѣры
Былъ прежнихъ увидать друзей:
Вотъ дядька старый, дѣтскихъ дней
Ворчливый другъ; но фракъ свой сѣрый
Господской службы ветеранъ
Смѣнилъ на будничный кафтанъ,
И сгорбился, и весь въ морщинахъ,
И бѣлой бородой обросъ,
И тѣло у него тряслось.
А вотъ въ подобныхъ же сѣдинахъ
И поваръ допотопныхъ дней;
А вотъ и маменькинъ лакей,
Который человѣкъ былъ кроткой,
Вязалъ чулокъ и пахнулъ водкой.
А какъ же сдѣлалась стара
Покойной нянюшки сестра!
И цѣлый міръ вставалъ изъ тѣнья...
Помѣщикъ полонъ былъ смущенья;
Но не нашлося никого
Крестьянъ знакомыхъ у него.
Всѣ другъ за другомъ подходили
И ручку барскую просили
Облобызать на перерывъ;
Но ручку какъ то отклонивъ
Андрей Потапычь—весь сконфуженъ—
Шепталъ, что сей обрядъ не нуженъ.
Потомъ прикащику велѣлъ

Ужо подать себѣ отчеты,
Затѣмъ, что ходъ конторскихъ дѣлъ
Предметъ особенной заботы,
И завтра утромъ у воротъ
Велѣлъ собрать крестьянскій сходъ.

* *
*

Сходъ собрался и съ умиленьемъ
Помѣщикъ вышелъ на крыльцо.
Разкланялся. Его лицо
Сіяло чуть не вдохновеньемъ.
Въ его умѣ тѣснилось вдругъ,
Что онъ своимъ крестьянамъ другъ,
Что патріархъ онъ благородный,
А можетъ и трибунъ народный!...
Безъ шляпъ стоялъ предъ нимъ народъ
(Къ чему обычай не понудитъ!)
Вперивъ глаза, разинувъ ротъ,
Всѣ ждали молча: что же будетъ?
Андрей Патапычъ рѣчь держалъ
(И очень былъ собой доволенъ);
Андрей Патапычъ имъ сказалъ,
Что человѣкъ родился воленъ,
И потому онъ даже бъ могъ
Свести ихъ съ пашни на оброкъ.
Хотѣлъ ихъ мнѣнье знать заранѣ,
Затылки почесавъ, крестьяне
Съ единогласіемъ въ отвѣтъ
Сказали: "почему же нѣтъ?"
Потомъ онъ развилъ мысль благую,
Что надо школу бы завесть;
Въ ученьи видѣлъ вещь святую
И путь довольство пріобрѣсть.
Науки съ точки зрѣнья строгой

О земледѣліи начавъ,
Замялся какъ то онъ немного—
И, слова два еще сказавъ
Объ истинномъ вредѣ засухи,
Велѣлъ имъ поднести сивухи
И воротился въ барскій домъ.
И долго мужики потомъ
Смекали въ болтовнѣ досужей:
"Что? . . . Лучше будетъ, или хуже? . . .
А Богъ вѣсть! . . . Правду говорить
Прикащика пора бъ смѣнить . . ."
Сначала шибко толковали,
А тамъ какъ будтобъ и устали
Терять слова по пустякамъ
И разошлися по домамъ.

* *
*

По размышленіи не долгомъ
Сосѣдей навѣстить своихъ
Почелъ Андрей Патапычь долгомъ:
Разъ, чтобы не обидѣть ихъ, —
Съ отцомъ и матерью иные
Друзьями были;—во вторыхъ,
Какъ скучныбъ ни были другіе,
Онъ не простилъ себѣ бы ввѣкъ,
Онъ—просвѣщенный человѣкъ—
Когда бъ оставилъ безъ вниманья
Удобный случай для вліянья.
И тотчасъ началъ онъ съ того,
Что съѣздилъ къ набожной сосѣдкѣ,
Подругѣ матери его,
Старухѣ, жирной домосѣдкѣ,
Хозяйкѣ истинной. Она
Уже и тѣмъ была славна,

Что сѣкла разъ середь недѣли
Дворовыхъ дѣвокъ, чтобъ въ шесть дней
Избаловаться не успѣли:
Нельзя не остеречь дѣтей!
Потомъ онъ къ старому сосѣду
Поѣхалъ и поспѣлъ къ обѣду.
Старикъ отлично ѣлъ и пилъ;
Учтивостью извѣстенъ былъ:
Когда подъ часъ лакею въ рыло
Совалъ размашистый кулакъ,
Не измѣнялъ себѣ никакъ
И приговаривалъ: "мой милой!"—
Скупясь на время вообще,
Андрей Патапычь и еще
Къ сосѣду поспѣшилъ другому,
Конпозаводчику лихому;
Потомъ къ любителю собакъ,
Потомъ къ сутягѣ записному,
Который былъ съ судьею врагъ;
И къ господину пожилому,
Котораго призналъ весь свѣтъ
Однимъ изъ милыхъ вертопраховъ,
И къ старой дѣвѣ, съ юныхъ лѣтъ
Охотницѣ до іермопаховъ,
И подъ наслѣдственную сѣнь
Андрей Патапычь утомленный
Явился на четвертый день.
Но видъ имѣлъ весьма смущенный
И чувство скорбное таилъ,
Что никого не удивилъ,
И былъ неловокъ въ разговорахъ,
И недовольно ясенъ въ спорахъ,
И изъ вліянія его
Не выйдетъ ровно ничего.

* *
*

Его исправникъ мимоѣздомъ
Поздравить заѣзжалъ съ пріѣздомъ
И звалъ на выборы зимой.
Къ нему сталъ ѣздить становой,
Короткій, толстенькій, вертлявый,
Низкопоклонный и лукавый.
Андрей Патапычь сколько могъ,
Чуждаясь близости постыдной,
Держалъ себя какъ мелкій богъ;
Сперва онъ слушать безобидно
Не могъ чиновничій языкъ,
Языкъ грабительства позорный
И пищенства языкъ притворный,
Въ которомъ слышенъ грязно-дикъ
Развратъ неловко затаенный ;
Но послѣ ко всему привыкъ,
Смотрѣлъ на вещи благосклонно,
Иное извинялъ слегка
Несчастной долей бѣдняка
И принимать сталъ безъ боязни
Подобострастный знакъ пріязни.

* *
*

Страшась минуту потерять
Въ трудѣ исполненномъ значенья,
Онъ ради школъ и просвѣщенья
Рѣшился что нибудь начать,
И на базарѣ добылъ книжку,
Не новую для нашихъ дней,
И началъ азбукѣ по ней
Учить дворового мальчишку ;
Сперва день каждый, не лѣнясь,
Потомъ въ недѣлю по два раза,
Потомъ училъ въ недѣлю разъ.

Его усердіе отъ аза
Тихонько подъ гору все шло
И скромно вовсе прилегло,
И онъ, не жертвуя химерѣ,
Ученье прекратилъ на херѣ.

* *
*

Хозяйству посвящая день,
Андрей Патапычъ былъ намѣренъ
Изгнать обычной жизни лѣнь
И плану былъ сначала вѣренъ;
Но скоро убѣдилъ его
Кузьма Терентьевъ, что напрасно
Вводить оброкъ, и для чего?
Что мужики народъ опасный
И не заплатятъ ничего;
Что, если съ добротой всегдашней
Помѣщикъ бытъ крестьянъ своихъ
(Отнюдь не допуская шашней)
Улучшить хочетъ,—должно ихъ
По прежнему держать на пашнѣ.
Въ отчетахъ вѣрность увидавъ
И циффры все встрѣчая тѣже,
Андрей Патапычъ вышелъ правъ,
Что сталъ заглядывать въ нихъ рѣже.
Кузьма Терентьевъ управлялъ,
А баринъ, позабывъ заботу,
Иль просто по лѣсу гулялъ,
Иль страсть почувствовавъ къ болоту,
Съ утра сбирался на охоту
И поздно приходилъ домой,—
Когда уже и солнце сѣло
Давно далеко за рѣкой
И поле тихое темнѣло,

Свѣтились звѣзды въ синевѣ,
Шелъ паръ душистый по травѣ,
Коростеля въ тиши глубокой
Томился голосъ одинокой...
Андрей Патапычь той порой
Касался къ заживавшей ранѣ
Своей любви непонятой;
Но и любовь уже въ туманѣ
Тонула зыбко день за днемъ,
И онъ обычнымъ шелъ путемъ
И разплывался въ грустной лѣни,
Неясной какъ ночныя тѣни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Іюлѣ жарокъ лѣтній день.
Андрей Патапычь, другъ покоя,
Въ лѣсу отъ тягостнаго зноя
Искалъ спасительную тѣнь.
Деревья колыхались хоромъ
И лѣсъ былъ занятъ разговоромъ
Зеленыхъ листьевъ и вѣтвей,
И въ немъ былъ слышенъ робкій шопотъ
Какихъ то ласковыхъ рѣчей,
Или глухой, далекій ропотъ
Народной смуты, иль зыбей
Вдоль по безбрежію морей;
Надъ лѣсомъ небеса сіяли,
Лучи сквозь чащу проникали,
Тѣней и свѣта мелькомъ взоръ
Слѣдилъ трепещущій узоръ;
По вѣтвямъ птицъ народъ болтливый
Порхалъ и прыгалъ суетливо,

И насѣкомыхъ пестрый рой
Жужжалъ въ травѣ и надъ травой ;
А воздухъ въ медленномъ движеньи
Дышалъ и мягко и тепло,
И человѣкъ, склонивъ чело,
Дремалъ и слушалъ въ упоеньи.
Андрей Патапычь на траву
Подъ дубомъ легъ въ тѣни прохладной
И тихо грезилъ на яву . . .
О чемъ? . . . Богъ вѣсть! Но такъ отрадно,
Такъ чувствомъ жизни поглощенъ,
Какъ грезитъ дней весною ранней
Дитя баюканное няней
Подъ пѣсню внятную сквозь сонъ.
  Но вдругъ онъ слышитъ—голосъ женскій
Въ раздольи груди деревенской
Далеко по лѣсу поетъ,
То звонко льется, то замретъ,
Потомъ все ближе, все звучнѣе . . .
Андрей Патапычь поскорѣе
Вскочилъ, вздрогнувъ, и еле живъ
Стоялъ дыханье притаивъ.
Вотъ птичка ближняя вспорхнула,
Пугаясь шелеста шаговъ . . .
Изъ за встревоженныхъ кустовъ
Головка смуглая мелькнула.
По щечкамъ смуглымъ разгорясь
Бродилъ румянецъ, и дорогой
Коса роскошная немного
Изъ подъ гребенки развилась
И колебалась непокорно
Вкругъ смуглой шейки прядью черной ;
Въ дыханьи частомъ утомясь
Уста разкрылись и алѣли,
И очи черные блестѣли . . .
Вотъ на двѣ стороны клонясь

Дрожитъ орѣшникъ разступясь—
И образъ дѣвушки красивой
Остановился боязливо.
Она гибка, она стройна;
Хоть дурно платьеце простое,
Но прелесть юная видна,
На зло шитву, въ плохомъ покроѣ;
Едва ли ей осьмнадцать лѣтъ
Начелъ бы деревенскій свѣтъ.
Она за спѣлою малиной
Блуждала по лѣсу съ корзиной;
Взглянула, закричала: "ахъ!"
Бѣжать хотѣла въ торопяхъ,
Но свой порывъ остановила
И только глазки опустила.
Андрей Патапычь на нее
Глядѣлъ безмолвно какъ на чудо;
Но ободрясь спросилъ ее—
И кто она, и шла откуда?
Она—"изъ вашего села,"
Сказала, "Катя, дочь лакея."
А онъ, любуясь и робѣя,
Шепнулъ невольно: "Какъ мила!"
И покраснѣлъ, и Катя тоже,
И оба вдругъ потупя взоръ
Стояли на дѣтей похоже,
За шалость внемлющихъ укоръ, . . .
И разошлись . . .

* *
*

Но съ этихъ поръ
Андрей Патапычь, весь разстроенъ,
На днѣ души былъ неспокоенъ.
Боролся онъ съ самимъ собой,

Не вѣрилъ сердца страсти новой,
Считалъ ее за бредъ пустой,
Хотѣлъ за трудъ приняться снова,
Чтобъ пылъ души угомонить
И чувство глупое забыть:
А какъ то все его тянуло—
Пройти случайно близь дверей
Избы, гдѣ жилъ старикъ лакей . . .
Дверь можетъ вѣтромъ разпахнулобъ,
И личко смуглое мелькнулобъ
И сердце вздрогнулобъ сильнѣй;
Пройти случайно мимо оконъ—
Не встрепенется-ль черный локонъ . . .
Уже подмѣтивъ ранній часъ,
Когда росистою тропою
Ходила Катя за водою,—
Онъ до зари вставалъ не разъ,
Чтобъ повстрѣчаться непарочно
И поклониться непорочно.
Онъ даже (скользокъ жизни путь!)
Хоть презиралъ святыя бредни,
Въ воскресный день ходилъ къ обѣднѣ,
Чтобъ только на нее взглянуть!
Иванъ, какъ человѣкъ бывалый,
Подмѣтилъ все. Разсчелъ, что могъ
При этомъ выиграть не мало,
Что барскій выгоденъ порокъ
И—какъ столичный психологъ—
Рѣшился какъ нибудь случайно
Заставить вспыхнуть пламень тайный.
И вотъ по утру, той порой,
Какъ въ силу званія и чина,
Онъ руки барскія невинно
Студеной орошалъ струей
Изъ разноцвѣтнаго кувшина,
А баринъ фыркалъ и плескалъ—

Съ ланитъ господскихъ грязь смывая,—
Онъ вдругъ нечаянно сказалъ,
Какъ будто что то вспоминая:
"Вы Катю знаете? Она
Въ васъ просто сильно влюблена."—
Все было кончено! Мгновенно
Андрей Патапычь обомлѣлъ
И задрожалъ, и поблѣднѣлъ,
Сказалъ Ивану раздраженно,
Чтобъ вздору говорить не смѣлъ;
А самъ повѣрилъ откровенно
И страсть губительнымъ огнемъ
Тревожно разгорѣлась въ немъ,
И самолюбьеце пустое
Задѣто было за живое.
Но Боже мой! Ужели онъ
Любви недавнее страданье
Забылъ какъ мимолетный сонъ?
Ужель о ней воспоминанье
Онъ смѣнитъ на пустую связь
И окупется въ эту грязь
Дворовыхъ сплетенъ, барской власти—
Роднаго края злой напасти,
Которую до этихъ поръ
Онъ ненавидѣлъ какъ позоръ?
О! какъ онъ слабъ! какъ сердце шатко!
Какъ жизнь идетъ смѣшно и гадко!

* *
*

Въ аллеѣ дальней, темной сада,
Гдѣ въ полдень вѣяла прохлада,
Сливались съ шопотомъ листовъ
Слова двухъ тихихъ голосовъ:
"Нѣтъ, нѣтъ! не такъ меня ты любишь!"—

"Да какъ же васъ еще любить?"—
"Нѣтъ! ты дитя. Меня ты сгубишь
И не замѣтишь можетъ быть!
Ну—поцалуй!..."'Ахъ! страшно стало!
Ну! вдругъ увидитъ кто нибудь?..."
И вотъ, припавъ къ нему на грудь
Она его поцаловала.—
"Ты приходи ужо ко мнѣ!
Всѣ въ домѣ будутъ спать глубоко,
Ты только свѣчки одинокой
Увидишь свѣтъ въ моемъ окнѣ...
Придешь?..."—"Боюсь—отецъ узнаетъ!"—
"Онъ не узнаетъ ничего!
И что бояться намъ его?..."
"Ахъ! кто нибудь да разболтаетъ!"—
"Придешь?"—"Не знаю!... Ну! приду..."—
И мѣрно слышенъ былъ въ саду
Самодовольный шагъ мущины,
И видно было—за куртины,
Пугливо удаляясь, шли
И торопилися двѣ ножки
И платье бѣлое вдали
Еще мелькало вдоль дорожки.

* *
*

Андрей Патапычъ въ этотъ день,
Сказавъ что отдыхъ что то нуженъ,
Что голова болитъ и лѣнь,—
Себѣ спросилъ пораньше ужинъ.
Потомъ сердился, что Иванъ
Такъ долго роется въ буфетѣ,
Подумалъ даже, что онъ пьянъ
И побранить имѣлъ въ предметѣ...
Но тише!... Замеръ глупый стукъ

И въ домѣ смолкъ за звукомъ звукъ,
И въ окны звѣздами мерцая,
Глядѣла молча ночь глухая.
Ни зги не видно! Чу! ... постой!
Какъ будто шорохъ ухо слышитъ ...
То праздный вѣтеръ въ тьмѣ колышетъ
Деревья сада ... Боже мой!
Какъ сердце бьется! грудь чуть дышетъ
И крови трепетный притокъ
Въ виски стучитъ какъ молотокъ.
Вотъ сторожъ въ колоколъ докучный
Съ просонокъ троекратно бьетъ,
И робко гулъ въ ночи идетъ
И замираетъ въ мглѣ беззвучной.
Ужель обманетъ—не придетъ?
Но что то движется впередъ
Къ крыльцу—подобно черной тѣни,
И тихо скрипнули ступени
И ручка мѣдная замка
Пошевельнулася слегка.

* *
*

По утру дворня вся узнала
Гдѣ Катя ночку ночевала.
Кто первый слухъ пустилъ въ народъ?
Богъ знаетъ! Кто ихъ разберетъ?
Сама знать Катя разболтала,
Скорѣй похвастаться желала.
И быть иначе не могло:
Помѣщикъ не простой любовникъ,
Какъ кучеръ, иль какой садовникъ;
Отъ нихъ ни жутко, ни тепло,
А быть наложницею барской—
Тутъ тотчасъ превосходство есть,
Какой то призракъ власти царской

И самъ развратъ идетъ за честь.
Пойдутъ поклоны съ припошеньемъ,
Всѣ дѣвки съ зависти себѣ
Обгложатъ ногти и къ тебѣ
Прикащикъ самъ придетъ съ почтеньемъ.
Въ селѣ пропала тишина,
Страстишекъ рой проснулся гадокъ—
Какъ ила грязнаго со дна
Внезапно взболтанный осадокъ.
Неугомонный толкъ пошелъ
Дворовой кучки въ мелкомъ мірѣ;
Иной былъ радъ, другой былъ золъ,
Кто рѣчь на улицѣ повелъ,
Кто совѣщался на квартирѣ.
Иной прикащика хвалилъ,
Ему пророча награжденье;
Другой прикащику сулилъ
Отставку, розги, поселенье.
Рѣшили мужики спроста,
Чтобъ Катѣ поднести холста.
Ея отецъ на все готовый,
Душой не римлянинъ суровый,
Уже ласкалъ въ мечтѣ своей
Тулупъ дубленый вовсе новый
И то, что въ годъ на старость дней
Положатъ двадцать пять рублей;
И даже тетка при разгромѣ
Мечтала ключницей быть въ домѣ,
И даже тетки мужа братъ
Себѣ богатый ждалъ окладъ.
И только дядька престарѣлый
Ни въ чемъ участія не бралъ,
И что то хмурился день цѣлый
И въ одиночествѣ молчалъ.
Давно въ однообразномъ ходѣ
Тянулась старой жизни нить:

Съ закатомъ дня и на восходѣ
Привыкъ онъ съ удочкой ходить
На берегъ пруда, и прилежно
Безмолвно долгіе часы
Глядѣлъ на поплавокъ мятежный
И на движеніе лѣсы.
Но съ недовольною заботой
Подъ вечеръ памятнаго дня
Угрюмо голову склоня,
Сидѣлъ онъ за своей охотой.
А между тѣмъ кругомъ его
Не измѣнилось ничего;
Все также вечеръ былъ прекрасенъ,
Все также прудъ былъ тихъ и ясенъ,
Все также рѣзво кое гдѣ
Круги мелькали по водѣ;
Все также вѣковой березы
Листы, висѣвшіе надъ нимъ,
Шептали шопотомъ глухимъ
Нро юныхъ дней былыя грозы;
По что то въ немъ не улеглось,
Какъ будто сердце порвалось,
И рыба какъ то не клевала,
Или срывалася съ крючка
И чувство скорби выражало
Лице сѣдаго старика.

* *
*

А Катя? . . . Катя своенравно
Гордилася сама собой,
Своимъ значеньемъ и красой,—
Съ дня на день болѣе тщеславна.
Уже ея нарядъ простой
Смѣнили платья городскія
И ярко шелковый платокъ

На плечи кругленькія легъ,
Блеснули серги золотыя,
И ленту алую въ косѣ,
Завидуя, хвалили всѣ.
Уже она невольно стала
Смотрѣть на дворню свысока
И совершенно презирала
Привѣтъ простаго мужика.
Уже и кушанье ей слуги
Носили съ барскаго стола,
Ей робко клапялись подруги,
На чай прикащица звала.
Когда она по воскресеньямъ
Входила въ церковь,—передъ ней
Толпа склонялась съ уваженьемъ
И разступалась у дверей.
Что грезилось въ ея головкѣ?
Какою бѣсъ дразнилъ мечтой?
Ужъ не казалось ли плутовкѣ,
Что будетъ барскою женой?
Нѣтъ, Катя такъ не шла далеко,
Но власти вождѣленный мигъ
Ловила жадно, и глубоко
Ей лести впятенъ былъ языкъ.
И начинала по немногу
Она сердиться на людей,
Когда кто поперечилъ ей,
Иль не далъ во время дорогу,
И даже къ барину она
Ходила съ жалобой кичливой.
Андрей Патапычь боязливо,
Пугаясь, что нарушена
Домашней жизни тишина,
Пугаясь ссоры иль угрозы,
Сперва ей лаской гнѣвъ смягчалъ,
Потомъ уныло тосковалъ,

Услыша пени, видя слезы,
И внемля вкрадчивымъ словамъ
На слугъ сердиться началъ самъ.
И какъ же быть? Не для него ли
Она своихъ невинныхъ дней
Пренебрегла безпечной долей
И жизнью мирною своей?
Подверглась завистямъ, упрекамъ,
Враждѣ, двусмысленнымъ намекамъ?
Онъ хочетъ, чтобъ и каплей слезъ
Ей день единый не затмился,
Хоть самому бъ страдать пришлось;
Да и на чтобъ онъ ни рѣшился
За взглядъ, улыбку, звукъ рѣчей,
За сладость жаркаго лобзанья,
За нѣгу медленныхъ ночей,
За эту странность обаянья,
Что къ милой женщинѣ манитъ
Неотразимо—какъ магнитъ?

* *
*

Шло время. Наступала осень.
Уныло мокрый листъ въ саду
Желтѣлъ и падалъ. Только сосенъ
Осталась зелень на виду;
И та, почуя дни сырые,
Уже безъ запаха смолы
Качала капли дождевыя
Съ печально вымокшей иглы.
Андрей Патапычь у камина
Сидѣлъ одинъ и размышлялъ;
Осенній ли припадокъ сплина
Его томилъ,—но онъ скучалъ.
У ногъ его широкоглавый

Его товарищъ, песъ лягавый,
Свернувшись въ праздной тишинѣ,
Дремалъ и вздрагивалъ во снѣ.
Вспорхнула Катя птичкой вольной . . .
Но заворчалъ съ просонокъ песъ,
Ея приходомъ недовольный,—
И Катя вспыхнула . . . Сквозь слезъ
Пошла роптать, что "не похоже
Ужъ это вовсе ни на что;
Добро ужъ люди за ничто
Грызутъ,—а и собака тоже! . . ."
А онъ изъ нѣжности къ кому
Позоромъ вѣкъ ея покрылся,
Молчитъ и ничего ему! . . .
Андрей Патапычъ разсердился
И, снявъ арапникъ со стѣны,
Хватилъ собаку вдоль спины.
Песъ вспрянулъ и прилегъ пугливо,
Поползъ на лапахъ и вижжалъ,
И съ видомъ скорби терпѣливой
Стопы хозяина лизалъ.
Андрей Патапычъ чуть не вскрикнулъ;
Стоялъ, подавленный стыдомъ,
Арапникъ выпалъ, взоръ поникнулъ
И грудь вздохнуть могла съ трудомъ.
Собаку поласкавъ рукою,
На Катю онъ взглянулъ съ тоскою
И, самъ себя внутри кляня,
Велѣлъ скорѣй сѣдлать коня
И ускакалъ . . . Ѣзды тревога
Быть можетъ заглушитъ немного
Весь этотъ внутренній укоръ!
Положимъ, что поступокъ вздоръ;
Но песъ, который имъ наказанъ,
Къ нему былъ истинно привязанъ.
Усталый конь лѣсной тропой

Везъ тихо всядника домой,
Ступая медленнымъ копытомъ
По сучьямъ и листамъ размытымъ.
Осеннимъ вѣтромъ вкось гонимъ,
На встрѣчу дождь хлесталъ, и съ нимъ
Въ одинъ докучный гулъ сливался,
Нагія вѣтви колыхаясь,
Шумѣли, наводя тоску;
И мокрый воронъ на суку
Враждебно каркалъ, и сорока
Въ кустахъ болтала родъ упрека,
И тяжко было для души
Средь увядающей глуши.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Передъ шипящимъ самоваромъ
Сидѣлъ прикащикъ за столомъ,
Гдѣ были пряники и ромъ.
Прикащикъ угощалъ не даромъ,
Не даромъ доблести полна,
Его дородная жена
Чай разливала и пыхтѣла:
На первомъ мѣстѣ, гдѣ висѣла
Икона въ ризѣ золотой,
Передъ которой день деньской
Лампада скромная горѣла,—
Сидѣла Катя и была
Невыразимо весела.
Ея веселости причиной
Былъ тотъ пріемъ, съ какимъ въ гостяхъ
Ее встрѣчали во дверяхъ

И величали Катериной
Ильинишной (почетъ большой!)
И угощали на убой.
Кузьма Терентьевъ ловко, тихо,
Со всѣмъ искуствомъ Метерниха,—
О счастливой ея судьбѣ
Ей говорилъ, и о себѣ,
О томъ, что онъ хозяинъ строгой,
Имѣньемъ барскимъ дорожитъ;
За тѣмъ враговъ имѣетъ много,
Но полагается на Бога
И совѣсти не измѣнитъ.
А ей легко въ его защиту—
(Ему-жъ съ ней надо быть открыту,
Какъ есть душа вся на лицо)—
Противъ клеветъ и наговоровъ
Между сердечныхъ разговоровъ
Замолвить барину словцо.
И тутъ-же былъ на вѣкъ священно,
Ненарушимо, откровенно,
Прочнѣе всякихъ кровныхъ узъ,
Межъ ними заключенъ союзъ.
Съ тѣхъ поръ уже безъ опасенья
Кузьма Терентьевъ,—рѣдкій разъ
По волѣ барской, съ разрѣшенья,
А больше вовсе не спросясь,—
Расчеты будь крупны иль мелки,
Въ торговыя пускался сдѣлки,
Взималъ поборы или сѣкъ
И жилъ какъ важный человѣкъ.

* *
*

Уже и дождь не капалъ болѣ,
Въ лѣсу все въ иній облеклось,—
Подобіе сѣдыхъ волосъ;—

Застыла грязь въ пустынномъ полѣ
И въ воздухѣ пахнулъ морозъ.
Два раза, тая, снѣгъ ложился
И наконецъ, презрѣвъ тепло,
На землю вихремъ навалился
И стало все кругомъ бѣло.
Въ сарай поставили телѣгу,
Полозья скрыпнули по снѣгу;
Мужикъ въ тулупѣ зябъ и дрогъ
Средь заметаемыхъ дорогъ;
Крестьянка, встрѣтясь узкимъ слѣдомъ,
Болтать не думала съ сосѣдомъ,
И паръ дышалъ изъ устъ ея
И вѣялъ холодъ отъ нея.
Явились въ домѣ—зимъ предтечи—
Двойныя рамы по окнамъ;
Метая уголь стали печи
Трещать до свѣту по утрамъ;
По томно-длиннымъ вечерамъ
Съ обѣда зажигались свѣчи,
И чувствомъ тягостнымъ тюрьмы
Откликнулся приходъ зимы.
Хоть Катя уже мѣсяцъ цѣлый
Переселилась въ барскій домъ
Хозяйкой полною и смѣлой,
Разпоряжалася бѣльемъ,
На слугъ кричала спозаранку,
Имѣла при себѣ служанку,
Бранилась съ ней, и съ ней потомъ
Любила сплетничать тайкомъ;
Но какъ то былъ угрюмъ и мраченъ
Андрей Патапычь. Самъ собой
Онъ былъ печально озадаченъ,
Бранилъ весь образъ жизни свой;
Бранилъ себя за слабость права,
И чувствовалъ свою вину—

Не извиняяся лукаво,
И видѣлъ, что идетъ ко дну,
И сознавалъ свое паденье,
И пробуждалось угрызенье,
И накипъ горечи въ тиши
Все росъ и росъ на днѣ души.
Ужель онъ втунѣ жизнь разтратитъ?...
Оставить Катю... Силъ не хватитъ!
Теперь осталося одно
Спасенье жалкое—вино!
Вино кипитъ и тѣло грѣетъ,
Спадаетъ съ сердца тяжкій гнетъ,
Вновь ожилъ умъ и мысль свѣтлѣетъ,
И снова къ подвигамъ зоветъ;
Андрей Патапычъ снова вѣритъ
И самъ себя широко мѣритъ;
Въ чаду вакхическихъ химеръ—
Онъ Мининъ или Робеспьеръ,
Законодатель, зла губитель,
Отчизны доблестный спаситель;
Опять онъ завтра же готовъ
Завесть оброкъ для мужиковъ,
А тамъ, оставивъ всѣмъ по полю,
Совсѣмъ отпустить ихъ на волю;
А между тѣмъ какъ баринъ пьетъ—
Кузьма Терентьевъ все сѣчетъ!
И не въ терпежъ пришлося видно:
Хоть на подъемъ и не легки,
А къ барину на гнетъ обидный
Ходили съ просьбой мужики;
Но доказательства всѣ ясны,
Что были жалобы напрасны
И вышло только, что потомъ
Имъ было хуже съ каждымъ днемъ.
Взведенный винными парами,
Андрей Патапычъ какъ въ чаду—

То занятъ смутными мечтами
И разплывается въ бреду,
То Катю бѣшено ласкаетъ,
То, будто самъ въ себя взойдя,
Съ досадой на нее глядя,
Ее сердито упрекаетъ
За жизнь свою . . . Къ чему упрекъ
И всѣ тижелыя волненья?
Оставить онъ ее не могъ
И послѣ самъ просилъ прощенья.
А Катя? ... Какъ сказать? ... Она
Его по своему любила,
Прощала много какъ жена;
Съ утра его чесала, мыла,
Порой сидѣла съ нимъ пол-дня
Къ плечу головку прислоня;
Бѣлье чинила, пѣсни пѣла
И спать укладывала въ срокъ,
Подать заботливо умѣла
Къ обѣду лакомый кусокъ,
И если дворня замѣчала,
Что баринъ пьетъ не въ добрый прокъ,
Она ворчливо отвѣчала:
"Ужъ и напиться то ему
Нельзя родному моему!"

* *
*

Не скрылось это поведенье
И, изъявляя всей душой
Сочувствіе и уваженье,
Сталъ часто ѣздить становой.
Андрей Патапычь разъ печально
Сказалъ, по сердцу говоря
Самъ о себѣ, что не похвально

Проходитъ жизнь его и зря ;
Но становой спѣшилъ замѣтить,
Что онъ печалится вотще,
Что разсуждая вообще—
По человѣчески—, то встрѣтить
Примѣры здѣсь весьма легко,
Что есть сосѣдъ не далеко,—
Годами вовсе не моложе,
А крѣпостную дѣвку тоже
Содержитъ, а еще женатъ
И много маленькихъ ребятъ.
Андрей Ватанычь радъ былъ тайно :
Потачкамъ онъ не довѣрялъ,
Но ждалъ, чтобы его случайно
Хоть кто нибудь да оправдалъ.
И дружба крѣпла по немногу,
И каждый вечеръ становой
Катилъ къ крыльцу черезъ дорогу
Гуськомъ на тройкѣ вороной.
И вотъ затѣялися балы :
Сбиралась дворня середь залы ;
Какъ нарень ловкій и лихой
Иванъ трудился на гитарѣ,
Гремѣли въ ревностномъ разгарѣ
Раскаты пѣсни плясовой.
Плясала Катя танецъ дикой
Задорно, съ ловкостью великой
Махала бѣленькимъ платкомъ,
Стучать умѣла каблучкомъ,
И баринъ самъ на зло порядку
Пускался съ присвистомъ въ присядку,
Слегка подергивалъ плечомъ,
Ногами сѣменилъ и топалъ,
А становой въ ладоши хлопалъ
Изъ всѣхъ приказныхъ силъ своихъ,
И ѣлъ и пилъ за четверыхъ.

* *
*

Зима тянулась. Послѣ святокъ
Случилось разъ, что у крыльца,
Съ тревожной гнѣвностью лица
Старуху тетку за остатокъ
Какой то пряжи грошевой —
Бранила Катя нестерпимо.
Кузнецъ Василій шелъ тутъ мимо
И проворчалъ, махнувъ рукой :
" Вотъ нынче вѣкъ у насъ какой !
И даже старыя старушки
Подъ властью всякой потаскушки ! "
А Катя съ теткой на него,
Да какъ піявицы пристали ,
Ну всячески ругать его !
Пошли—и барину сказали.
А баринъ выпивъ черезъ край,
Обидѣлся и встрепенулся ;
А тутъ прикащикъ подвернулся,
Сказалъ, что Васька негодяй,
Съ нимъ ладить—словъ пустыя траты ...
И Ваську отдали въ солдаты !
Пошелъ бѣднякъ мой одинокъ !
Лѣтъ на двадцать попался въ сѣти,
Подъ палку, никому не въ прокъ !
Жена осталась , тоже дѣти.
Поплакали. Да что—жена ?
Пожалуй рада , что одна
Безъ мужа можетъ потаскаться !
Солдаткамъ сродно баловаться !
Эхъ жизнь ! Какъ поглядишь—куда
Скверна бываетъ иногда !
Но Катя и сама струхнула :
Ей человѣка было жаль

И въ сердцѣ совѣсть промелькнула...
Онъ за нее понесъ печаль!
Но Богу такъ хотѣлось видно,
Да и въ грѣхѣ сознаться стыдно,
Да показать не худо власть,
Да ужъ случилася напасть—
Такъ не вернешь! И слезъ не тратя
Поуспокоилася Катя.
А говорилъ ей и отецъ:
"Послушай, дѣвка, наконецъ!
Ты парня согнала со свѣта,
Сгубила ни за что его;
Умру,—не дамъ тебѣ за это
Благословенья моего!"—
И Катя чуть не зарыдала,
Но ободрилась и сказала:
"Вотъ вы какіе! Вотъ для васъ
Поди ты—дѣлай все въ угоду,
А вы готовы дочь какъ разъ
Загрызть на смѣхъ всему народу!..."
И думала (какъ умъ лукавъ!)
Что былъ отецъ ея не правъ.

* *
*

Уже пришла недѣли шумной
Неугомонная пора.
Гдѣ объѣдается безумно
Вся Русь съ утра и до утра;
Пеклись блины, варилась брага,
И мужики съ прямой отвагой,
Чтобъ погулять передъ постомъ
Копѣйку ставили ребромъ.
И вотъ иная наступила
Пора: великій постъ пришелъ —

Съ своею важностью унылой
И пищей хуже всякихъ золъ,
Съ печальнымъ колокольнымъ звономъ,
Съ убійственнымъ земнымъ поклономъ,
Съ ворчливо-грустною мольбой
И подавляющей тоской.
Андрей Патапычь мало вѣрилъ,
И мнѣнья гордаго закалъ
Еще храня,—не лицемѣрилъ,
Своихъ привычекъ не мѣнялъ.
По утру разъ—въ раздумьи сладкомъ
Сидѣлъ онъ празденъ и лѣнивъ,
Еще немного закусивъ,
То есть ужъ выпивши порядкомъ...
Какъ мутенъ взоръ его теперь!
Весь видъ разстроенный и жалкой!...
Вдругъ тихо отворилась дверь
И, подпираясь вѣрной палкой,
Вошелъ дрожащею стопой
Согбенный дядька, другъ сѣдой.
"А!... ты за чѣмъ?"—"Я порывался
Къ вамъ, баринъ мой, уже давно,
Да какъ то съ духомъ не собрался;
Но жить не долго мнѣ дано
И старыя спокоить кости
Я чай пора бы на погостѣ...
Такъ я рѣшился и пришелъ."
"Ну, что же надо?"—"Въ память что ли
Вамъ будетъ?... Кажется—давно ли?...
На то былъ барскій произволъ:
Велѣли мнѣ ходить за вами...
А няня ваша умерла,
Да ужъ и то сказать—годами
Старѣй меня тогда была.
Ты, сударь, былъ ребенокъ хилой,
Тебя я холилъ и берегъ,

И надышаться то не могъ!...
Бывало лѣто подходило,
Готовлю удочки скорѣй;
Есть вѣтерокъ,—спускаю змѣй.
Семъ лѣтъ съ тобой былъ безъ отлучки,
Такъ было мало ли проказъ!
А ты былъ добренькой у насъ!
Бывало всѣмъ протянешь ручки,
Не обижаешь никого....
И вотъ я дожилъ до чего!
На старости, что долженъ видѣть!
Что долженъ слышать отъ людей;
Должно быть богъ хотѣлъ обидѣть,—
Ужъ умереть бы поскорѣй!"
"Чтожъ ты? Учить пришелъ ты что ли?—
"Сердиться, сударь, въ вашей волѣ,
А лгать предъ вами не должно,
Да и на старости грѣшно.
Опомнись, баринъ! Худо, стыдно!
За чѣмъ же Васька то солдатъ?
За чѣмъ народу жить обидно?
А что сосѣди говорятъ?
Что ты связался съ дѣвкой вздорной
И что проводишь жизнь позорно..."—
Андрей Патапычь—самъ не свой—
Себѣ подумать не далъ сроку,
Вскочилъ весь бѣшеный и злой
И старика ударилъ въ щеку.
Старикъ ни слова не сказалъ
И только старой головою,
Взглянувъ печально, покачалъ—
И вышелъ... И своей тропою
Домой побрелъ себѣ, кряхтя,
Да и заплакалъ какъ дитя.

* *
*.

Но какъ ушелъ онъ оскорбленный,
Андрей Патапычь протрезвѣлъ;
Стоялъ какъ бы оцѣпенѣлъ,
Какъ будто къ полу пригвожденый;
Мгновеннымъ страхомъ съ той поры
Отшибло винные пары.
Когда же взрывъ угомонился,
Онъ тихо въ креслы опустился
И головой поникъ на грудь,
И молча въ думу погрузился.
Не въ силахъ тѣла повернуть,
Онъ долго внутренно встревоженъ
Сидѣлъ глубоко уничтоженъ.
Потомъ рукой по лбу провелъ,
Какъ будто умъ его закруженъ,
И чувствуя что воздухъ нуженъ,
Пройтись по улицѣ пошелъ,
Встрѣчались люди,— онъ съ испугомъ
Вдругъ поворочивалъ назадъ,
Какъ будто всѣ его карятъ
За обращенье съ старымъ другомъ.
Завидѣлъ онъ издалека
На жалкихъ дровняхъ мужика—
И будто слышитъ возгласъ рьяный:
"Вотъ баринъ пьяный! баринъ пьяный!"
Домой вернулся,—тутъ Иванъ...
А онъ Ивану вдругъ со злобой:
"Что смотришь? Думаешь я пьянъ?..."
И странно удивились оба;
Къ себѣ приходитъ въ кабинетъ,—
Тутъ Павла перваго портретъ,—
Точь въ точь живой, глядитъ, хохочетъ
И будто палкой стукнуть хочетъ,
Пыхтитъ какъ будто на морозъ
И дерзко вздергиваетъ носъ,
И говоритъ самодержавецъ:

"Пошелъ ты пьяница мерзавецъ!"
Вездѣ встрѣчаетъ слухъ и взоръ
Или насмѣшку, иль укоръ;
Онъ слушать, онъ глядѣть не смѣетъ
И тайный ужасъ имъ владѣетъ,
И Катя думала сама,
Что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

* *
*

Хотѣлъ въ порывахъ сокрушенья
Андрей Патапычъ иногда
У старика просить прощенья,
Но не рѣшался отъ стыда.
Пить пересталъ; почти не видѣлъ
Онъ никого, сидѣлъ одинъ,
Какъ будто міръ возненавидѣлъ.
Чтобъ разогнать печальный сплинъ
Великъ былъ трудъ для бѣдной Кати,
Но какъ то было все не кстати:
Затянетъ пѣсню,—онъ рукой
Махнетъ, нахмурясь какъ больной.
Съ ума, конечно, онъ не спятилъ,
Но жизни мощь уже утратилъ;
Вино ли выжгло силы въ немъ,
Или раздумье подточило
Всеразъѣздающимъ огнемъ,
И тѣло грустно истомила
Неодолимая борьба
Поступковъ явныхъ съ тайнымъ мнѣньемъ,
Казня безплоднымъ сожалѣньемъ?
Или вмѣшалася судьба,
Случайныхъ недуговъ порука?
Какъ это знать? Скупа наука!
Съ вина-ль, съ простуды, иль съ тревогъ

Андрей Патапычь занемогъ,—
А всежъ болѣзнь своей дорогой
Пошла съ законностію сторогой.
А тутъ повѣяло весной,
Пошли отъ оттепели лужи,
И воздухъ вкрадчиво сырой
Все тѣло обдавалъ тоской ...
И вотъ больному стало хуже.
Еще бродилъ онъ кое какъ,
Но было все ему не такъ,
Онъ тосковалъ, глаза блестѣли
И щеки впалыя горѣли.
Вся кровь казалась горяча ...
Онъ слегъ и таялъ какъ свѣча.
То видѣлъ онъ въ бреду жестокомъ—
Отецъ и мать пришли съ упрекомъ;
То Катю съ нѣжностію звалъ
И какъ то грустно цаловалъ;
То дѣлался тревожнѣй вдвое
И имя называлъ другое,
Ей незнакомое ... И вдругъ
Онъ улыбался сквозь недугъ,
И слабыя поднявши руки
Шепталъ въ припадкѣ тайной муки:
"Отдайте молодые сны,
Когда всѣ были впечатлѣнья
Какъ дѣтство мирное ясны,
Свѣжи какъ утромъ дуновенья
Благоухающей весны! ... "
И голосъ слабаго взыванья
Смолкалъ отъ слезъ, среди рыданья.
Пріѣхалъ докторъ, поглядѣлъ,
Пощупалъ пульсъ и грудь послушалъ,
И за попомъ послать велѣлъ;
Спросилъ позавтракать, покушалъ
И поспѣшилъ домой какъ могъ,

Боясь испорченныхъ дорогъ.
Склонивъ колѣни у постели
Стояла Катя вся дрожа,
Больнаго за руки держа;
Но тихо руки холодѣли,
Остановился мутный взоръ,
Въ лицѣ застылъ тупой укоръ . . .
И жизнь окончила тревогу.
Ну! плачте и молитесь Богу!

* *
*

Что станешь дѣлать? Мужики
Между собой потолковали,
Что дни ихъ были не легки,
А лучше будетъ имъ едва-ли;
Что былъ онъ добрый человѣкъ,
Хотя прикащикъ ихъ и сѣкъ.
"И кто теперь въ наслѣдство вступитъ?
Быть можетъ дальняя сестра? . . .
Ну! говорятъ она добра!
Ну! а какъ съ торгу кто насъ купитъ?
Вотъ это ужъ неловко намъ!
Военный что-ль какой полковникъ,
Да станетъ самъ бить по зубамъ;
Или нажившійся чиновникъ,
Пожалуй съ виду и не строгъ,
А выжметъ весь послѣдній сокъ!"

* *
*

Тепла бояся положили
Покойника скорѣе въ гробъ
И въ церквѣ гробъ постановили

(А дома тѣло загнилобъ.)
Кругомъ зажгли большія свѣчи,
Всю ночь псалтырь читалъ дьячекъ,
Да двѣ старухи, въ уголокъ
Забившись, причитали рѣчи.
У гроба трепетно блѣдна
Стояла Катя середь ночи.
Лапитъ румяная весна
Изчезла, потускнѣли очи,
Безпечной рѣзвости чреда
Съ лица сбѣжала безъ слѣда.
Она одна! и что то будетъ?
Наслѣдникъ кто бы ни былъ онъ
Ее заброситъ и забудетъ ...
Все это точно страшный сонъ!
Она быть можетъ виновата
Передъ покойникомъ! Ему
Была не пара, глуповата,
Не обучалась ничему ...
И Катя сильно упрекала
Себя, а въ чемъ—не понимала.
"И вотъ лежитъ, голубчикъ мой,
Такъ тихъ, какъ будто восковой!"
По церквѣ мракъ бродилъ унылo,
И сырость пахла и томила,
И чтенья равномѣрный звукъ
Трещалъ какъ дальній, мелкій стукъ;
Ей было страшно, было больно
И слезы капали невольно.

* *
*

Кузьма Терентьевъ съ становымъ
Всѣ шканы—времени не тратя—
И двери заперли и къ нимъ

Тотчасъ привѣсили печати,
Конечно прежде раздѣливъ
Все что могли, чего желали,
Какъ былъ еще покойникъ живъ;
А Катю изъ дому согнали,
На память не хотѣли дать
Ни перышка, и стали звать
Такъ просто Катькой—Катерину
Ильиничну ...

* *
*

Вотъ про кончину
Узнала барышня, предметъ
Любви въ теченьи пяти лѣтъ.
Сгрустнулось ей, она жалѣла
То было вечеромъ: она
Сбиралась лечь, желая сна,
И передъ зеркаломъ сидѣла
И любовалася собой,
И русый локонъ завивала
Своею бѣленькой рукой
И на ночь шпилькой укрѣпляла,
И думала: "Такъ умеръ другъ! ..."
Но какъ то вспомнилось ей вдругъ,
Мечтая надъ покойнымъ другомъ,
Что былъ Патапъ его отецъ;
Моглобъ случиться наконецъ
Патапычь сталъ бы ей супругомъ! ...
И тутъ она полу-шутя,
Разхохоталась какъ дитя;
Надѣла кофточку тревожно,
Покрыла волосы платкомъ
И завязала узелкомъ
У самой шейки осторожно;

Потомъ въ постель легла она,
Закуталась, свѣчу задула,
Да потихоньку и заснула,
Дыша спокойно середь сна;
И мертвый другъ, и сожалѣнье,
Все прошлое пришло въ забвенье,
И жизни пустозвучный ходъ
Своимъ путемъ пошелъ впередъ.

III.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

(Изъ III части "Записокъ Искандера")(*)

ГЛАВА I.

Княгиня и Княжна.

Когда мнѣ было лѣтъ пять, шесть и я очень шалилъ, Вѣра Артамоновна говоривала — "Хорошо, хорошо, дайте срокъ, погодите, я все разскажу Княгинѣ какъ только она пріѣдетъ". Я тотчасъ усмирялся послѣ этой угрозы и умолялъ ее не жаловаться.

Княгиня Х., родная сестра моего отца, была строгая, угрюмая старуха, толстая, важная, съ пятномъ на щекѣ, съ поддѣльными буклями подъ чепцомъ, она говорила прищуривая глаза и до конца жизни т. е. до восьмидесяти лѣтъ употребляла немного румянъ и немного бѣлилъ. Всякой разъ когда я ей попадался на глаза, она притѣсняла меня, ея проповѣднямъ, ворчанью не было конца, она меня журила за все, за измятый

(*) Отрывокъ печатаемый теперь слѣдуетъ прямо за той частію, которая была особо издана подъ заглавіемъ "Тюрьма и Ссылка", она была написана тогда же (1853), но я многое прибавилъ и дополнилъ.

Странная судьба моихъ "Записокъ", я хотѣлъ напечатать одну часть ихъ, вмѣсто того напечаталъ три и теперь еще печатаю четвертую.

Одинъ парижскій рецензентъ, разбирая впрочемъ очень благосклонно (La Presse, 13 Oct. 1856.) третій томикъ нѣмецкаго перевода моихъ Записокъ,— изданныхъ Гофманомъ и Кампе въ Гамбургѣ, въ которомъ я разсказываю о моемъ дѣтствѣ, прибавляетъ шутя, что я повѣствую свою жизнь какъ эпическую поэму; началъ in medias res и потомъ возвратился къ дѣтству.

Это эпическое кокетство совершенная случайность и если кто нибудь виноватъ

воротничекъ, за пятно на курточкѣ, за то что я не такъ подошелъ къ рукѣ, заставляла подойти другой разъ. Окончивши проповѣдь, она иногда говоривала моему отцу, бравши кончиками пальцевъ табакъ изъ крошечной золотой табатерки—"Ты мнѣ бы, голубчикъ, отдалъ баловня то твоего на выправку, онъ у меня въ мѣсяцъ сдѣлался бы шелковый". Я зналъ, что меня не отдадутъ, а все таки у меня дѣлался ознобъ отъ этихъ словъ.

Съ лѣтами страхъ прошелъ, но дома Княгини я не любилъ, я въ немъ не могъ дышать вольно, мнѣ было у нея не по себѣ, и я какъ-пойманный заяцъ беспокойно смотрѣлъ то въ ту, то въ другую сторону, чтобъ дать стрѣчка.

Княгининъ домъ вовсе не походилъ на домъ моего отца или Сенатора. Это былъ старинный, православный русскій домъ. Домъ, въ которомъ соблюдались посты, ходили къ заутрени, ставили на канунѣ крещенья крестъ на дверяхъ, дѣлали удивительные блины на масляницѣ, ѣли бужанину съ хрѣномъ, обѣдали ровно въ два и ужинали въ девятомъ часу. Западная зараза коснувшаяся братьевъ и сбившая ихъ нѣсколько съ родной колеи, не коснулась житья Княгини, она напротивъ, съ неудовольствіемъ посматривала какъ "Ванюша и Левушка" испортились въ этой Франціи.

въ немъ, то совсѣмъ не я, а скорѣе мои рецензенты, и въ томъ числѣ самъ критикъ "Прессы". Если они отрывки изъ моихъ записокъ приняли строже, холоднѣе, и что еще хуже—пропустили бы ихъ безъ всякаго вниманія, я долго не рѣшился бы печатать еще и долго обдумывалъ бы въ какомъ порядкѣ печатать.

Пріемъ сдѣланный имъ увлекъ меня и мнѣ стало труднѣе не печатать, нежели печатать.

Я знаю, что большая часть успѣха ихъ принадлежитъ не мнѣ, а предмету. Западные люди были рады еще разъ заглянуть за кулисы русской жизни. Но можетъ въ сочувствіи къ моему разсказу, доля принадлежитъ простой правдѣ его. Эта награда была бы мнѣ очень дорога, ее только я и желалъ.

Часть печатаемая теперь, интимнѣе прежнихъ; именно потому она имѣетъ меньше интереса, меньше фактовъ; но мнѣ было гораздо труднѣе писать ее . . Къ ней я приступилъ съ особеннымъ страхомъ былаго и печатаю ее съ внутреннимъ трепетомъ, не давая себѣ отчета зачѣмъ . . .

. . . Можетъ быть кому нибудь изъ тѣхъ, которымъ была занимательна внѣшняя сторона моей жизни, будетъ занимательна и внутренняя. Вѣдь мы уже теперь старые знакомые!

И—ръ.

Лондонъ 21 Ноября 1856.

Княгиня жила во флигели дома, занимаемаго ея теткой княжной М. дѣвицей лѣтъ восьмидесяти.

Княжна была живою и чуть ли не единственною связью множества родственниковъ во всѣхъ семи восходящихъ и нисходящихъ колѣнахъ. Около нея собирались въ большіе праздники всѣ ближніе, она мирила ссорившихся, сближала отдалявшихся, ее всѣ уважали и она заслуживала это. Съ ея смертью родственныя семьи распались, потеряли свое средоточіе, забыли другъ друга.

Она окончила воспитаніе моего отца и его братьевъ; послѣ смерти ихъ родителей, она завѣдывала ихъ имѣньемъ до совершеннолѣтія, она отправила ихъ въ гвардію на службу, она выдала за мужъ ихъ сестеръ. Не знаю насколько она была довольна плодомъ своего воспитанія, образовавшая съ помощью французскаго инженера Вольтерова родственника — помѣщиковъ esprits forts, но уваженіе къ себѣ вселить она умѣла, и племянники не очень расположенные къ чувствамъ покорности и уваженія, почитали старушку и часто слушались ее до конца ея жизни.

Домъ Княжны уцѣлѣвшій какимъ то чудомъ во время пожара 1812, не былъ поправленъ лѣтъ пятдесятъ; штофные обои выцинялые и почернѣвшіе, покрывали стѣны; хрустальныя люстры какъ то загорѣлыя и сдѣлавшіяся дымчатыми топазами отъ времени, дрожали и позванивали, мерцая и тускло блестя, когда кто нибудь шелъ по комнатѣ; тяжелая изъ цѣльнаго краснаго дерева мебель съ вычурными украшеніями, потерявшими позолоту, печально стояла около стѣнъ, комоды съ китайскими инкрустаціями, столы съ мѣдными рѣшоточками, фарфоровыя куклы рококо—все напоминало о другомъ вѣкѣ, объ иныхъ нравахъ.

Въ передней сидѣли сѣдые лакеи, важно и тихо занимаясь разными мелкими работами а иногда читая въ полслуха молитвенникъ или псалтырь, котораго листы были темнѣе переплета. У дверей стояли мальчики, но и они были скорѣе похожи на старыхъ карликовъ, нежели на дѣтей; никогда не смѣялись и не подымали голоса.

Во внутреннихъ комнатахъ царила мертвая тишина, только по временамъ раздавался печальный крикъ какаду, несчастный опытъ его, картавя, повторить человѣческое слово, костяной звукъ его клюва объ жердочку покрытую жестью, да противное хныканье небольшой обезьяны, старой, осунувшейся, чахоточной, жившей въ залѣ на небольшомъ выступѣ изразцовой печи. Обезьяна эта одѣтая дебардеромъ, въ широкихъ красныхъ шаравахъ, сообщала всей комнатѣ особый запахъ, чрезвычайно непріятный. Въ другой залѣ висѣло множество фамильныхъ портретовъ всѣхъ величинъ, формъ, временъ, возрастовъ и костюмовъ. Портреты эти имѣли для меня особый интересъ именно по противоположности оригиналовъ съ изображеніями. Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, въ свѣтлозеленомъ шитомъ кафтанѣ, съ пудреной головой, вѣжливо улыбавшійся съ холста—это былъ мой отецъ. Дѣвочка съ растрепанными кудрями, съ букетомъ розъ, украшенная мушкой, неумолимо затянутая въ какой то граненый бокалъ, воткнутый въ непомѣрныя фижмы, была грозная Княгиня...

Чинность и тишина росли по мѣрѣ приближенія къ кабинету. Старыя горничныя въ бѣлыхъ чепцахъ съ широкой оборкой, ходили взадъ и впередъ, съ какими го чайничками, такъ тихо, что ихъ шаговъ не было слышно; иногда появлялся въ дверяхъ какой нибудь сѣдой слуга, въ длинномъ сертукѣ изъ толстаго синяго сукна, но и его шаговъ также не было слышно, даже свой докладъ старшей горничной онъ дѣлалъ шевеля губами безъ всякаго звука.

Небольшая ростомъ, высохнувшая, сморщившаяся, но вовсе не безобразная старушка обыкновенно сидѣла или лучше лежала на большемъ, неуклюжемъ диванѣ, обкладенная подушками. Ее едва можно было разглядѣть; все было бѣлое, капотъ, чепецъ, подушки, чахлы на диванѣ. Блѣдно-восковое и кружевно нѣжное лицо ея вмѣстѣ съ слабымъ голосомъ и бѣлой одеждой, придавали ей что то отошедшее, ели-ели дышащее.

Большіе, англійскіе, столовые часы, своимъ мѣрнымъ, громкимъ спондеемъ—тикъ-такъ—тикъ-такъ—тикъ-такъ ... казалось отмѣривали ей послѣдніе четверть часа жизни.

Часу въ первомъ являлась Княгиня и важно усаживалась въ глубокія кресла, ей было скучно въ пустомъ флигелѣ своемъ. Она была вдова и я еще помню ея мужа, онъ былъ небольшаго роста, сѣдинькой старичекъ, пившій тайкомъ отъ Княгини— настойки и наливки, ничѣмъ не замимавшійся путнымъ въ домѣ и привыкнувшій къ безусловной покорности женѣ, противъ которой иногда возмущался на словахъ, особенно послѣ наливокъ, но никогда на дѣлѣ. Княгиня удивлялась потомъ, какъ сильно дѣйствуетъ на князя Ѳедора Сергѣевича крошечная рюмка водки, которую онъ пилъ оффиціально передъ обѣдомъ, и оставляла его покойно играть цѣлое утро съ дроздами, соловьями и канарейками, кричавшими на перерывъ во все птичье горло; онъ обучалъ однихъ органчикомъ, другихъ собственнымъ свистомъ; онъ самъ ѣздилъ ранехонько въ охотный рядъ мѣнять птицъ, продавать, прикупать; онъ былъ артистически доволенъ, когда случалось (да и то по его мнѣнію), что онъ надулъ купца . . . и такъ продолжалъ свою полезную жизнь до тѣхъ поръ, пока разъ по утру посвиставши своимъ канарейкамъ, онъ упалъ навзничь и черезъ два часа умеръ.

Княгиня осталась одна, у нея были двѣ дочери. Она обѣихъ выдала за мужъ, обѣ вышли не по любви, а только чтобъ освободитсья отъ родительскаго гнета матери. Обѣ умерли послѣ первыхъ родовъ. Княгиня была дѣйствительно несчастная женщина, но несчастія скорѣе исказили ея нравъ, нежели смягчили его. Она отъ ударовъ судьбы стала не кротче, не добрѣе, а жестче и угрюмѣе.

Теперь у нея оставались только братья и главное Княжна. Княжна, съ которой она почти не разставалась во всю жизнь, еще больше приблизила ее къ себѣ послѣ смерти мужа. Она не распоряжалась ничѣмъ въ домѣ. Княгиня самодержавно управляла всѣмъ и притѣсняла старушку, подъ предлогомъ заботъ и вниманія.

— Около стѣнъ, по разнымъ угламъ постоянно сиживали всякія старухи приживавшія у Княжны или временно кочевавшія въ ея домѣ. Полусвятыя и полубродяги, нѣсколько поврежденныя и очень набожныя, больныя и чрезвычайно нечистыя,

эти старухи таскались изъ одного старинпаго дома въ другой; въ одномъ домѣ покормятъ, въ другомъ подарятъ старую шаль, отсюда пришлютъ крупокъ и дровецъ, отсюда холста и капусты, концы то кой какъ и сойдутся. Ими вездѣ тяготились, вездѣ ихъ обходили, вездѣ сажали на послѣднее мѣсто, и вездѣ принимали отъ скуки, пустоты, а пуще всего отъ любви къ сплетнямъ. При постороннихъ печальныя фигуры эти обыкновенно молчали, съ завистливой ненавистью поглядывали другъ на друга . . . вздыхая качали головой, крестились и бормотали себѣ подъ носъ счетъ петель, молитвы, а можетъ и брань. За то оставшись на единѣ съ благодѣтельницей и покровительницей, онѣ вознаграждали себя за молчаніе самой предательской болтовней обо всѣхъ другихъ благодѣтельницахъ, къ которымъ ихъ пускали, гдѣ ихъ кормили и дарили.

Онѣ безпрестанно просили что нибудь у Княжны, и за ея подарки, дѣлаемыя часто тайкомъ отъ Княгини, которая не любила ихъ баловать, приносили ей окаменѣлыя просвиры и собственнаго издѣлія шерстяныя и вязаныя ненужности, которыя Княжна потомъ продавала въ ихъ же пользу, при чемъ воля покупщика вовсе не бралась въ соображеніе.

— Сверхъ дня рожденія, именинъ и другихъ праздниковъ, самый торжественный сборъ родственниковъ и близкихъ въ домѣ Княжны былъ на канунѣ новаго года. Княжна въ этотъ день поднимала Иверскую Божію матерь. Съ пѣніемъ носили монахи и священники образъ по всѣмъ комнатамъ. Княжна первая крестясь, проходила подъ него, за ней всѣ гости, слуги, служанки, старики, дѣти. Послѣ этого всѣ поздравляли ее съ наступающимъ новымъ годомъ и дарили ей всякія бездѣлицы какъ дарятъ дѣтямъ. Она ими играла нѣсколько дней, потомъ сама раздаривала.

Отецъ мой возилъ меня всякой годъ на эту языческую церемонію, все повторялось въ томъ же порядкѣ, только иныхъ стариковъ и иныхъ старушекъ не доставало, объ нихъ намѣренно умалчивали, одна Княжна говоривала — "А нашего то Ильи Васильевича и нѣтъ, дай ему Богъ царство небесное!...

Кого то въ будущій годъ Господь еще позоветъ?"—И сомнительно качала головой.

А спондей англійскихъ часовъ продолжалъ отмѣривать дни, часы, минуты ... и наконецъ домѣрилъ до роковой секунды; старушка разъ вставши, какъ то дурно себя чувствовала; прошлась по комнатамъ,—все не хорошо; кровь пошла у нея носомъ и очень обильно, она была слаба, устала, прилегла совсѣмъ одѣтая на своемъ диванѣ, спокойно заснула ... и не просыпалась. Ей было тогда за девяносто лѣтъ.

Домъ и большую часть имѣнья оставила она Княгинѣ, но внутренній смыслъ своей жизни не передала ей. Княгиня не умѣла продолжать изящную въ своемъ родѣ роль прародительницы, патріархальной связи многихъ нитей. Съ кончиной Княжны все приняло разомъ, какъ въ гористыхъ мѣстахъ при захожденіи солнца, мрачный видъ; длинныя, черныя тѣни легли на все. Она заперла на глухо домъ тетки и осталась жить во флигелѣ, дворъ поросъ травой, стѣны и рамы все больше и больше чернѣли; сѣни, на которыхъ вѣчно спали какія то желтоватыя, неуклюжія собаки, покривились.

Знакомые и родные рѣдѣли, домъ ея пустѣлъ, она огорчалась этимъ, но поправить не умѣла.

Уцѣлѣвъ одна изъ всей семьи, она стала бояться за свою ненужную жизнь и безжалостно отталкивала все—что могло физически или морально разстроить равновѣсіе, обезпокоить, огорчить. Боясь прошедшаго и воспоминаній, она удаляла всѣ вещи принадлежавшія дочерямъ, даже ихъ портреты. Тоже было послѣ Княжны—какаду и обезьяна были сосланы въ людскую, потомъ высланы изъ дома. Обезьяна доживала свой вѣкъ въ кучерской у Сенатора, задыхаясь отъ нѣжинскихъ корешковъ и потѣшая форрейтеровъ.

Эгоизмъ самохраненія страшно черствитъ старое сердце. Когда болѣзнь послѣдней дочери ея, приняла совершенно отчаянный характеръ, мать уговорили ѣхать домой, и она поѣхала. Дома она тотчасъ велѣла приготовить разные спирты и капустные листы (она ихъ привязывала къ головѣ) для того чтобъ имѣть подъ рукой все что надобно, когда при-

детъ страшная вѣсть. Она не простилась ни съ тѣломъ мужа, ни съ тѣломъ дочери, она ихъ не видала послѣ смерти и не была на похоронахъ. Когда въ послѣдствіи умеръ Сенаторъ, ея любимый братъ, она догадалась по нѣсколькимъ словамъ племянника, о томъ что случилось, и просила его не объявлять ей печальной новости, ни подробности кончины. Какъ же не жить съ этими мѣрами противъ собственнаго сердца и такаго сговорчиваго сердца, до восьмаго, девятаго десятка въ полномъ здоровіи и съ несокрушимымъ пищевареніемъ.

Впрочемъ напомню въ защиту Княгини, что это уродливое отдаленіе всего печальнаго было гораздо больше въ ходу у аристократическихъ баловней прошлаго вѣка, нежели теперь. Знаменитый Кауницъ строго запретилъ подъ старость, чтобъ при немъ говорили о чьей нибудь смерти и объ оспѣ, которой онъ очень боялся. Когда умеръ Іосифъ II, секретарь не зная какъ доложить Кауницу, рѣшился сказать—"Нынѣ царствующій императоръ Леопольдъ". Кауницъ понялъ, и блѣдный опустился на кресла, не спросивъ ничего. Садовникъ его въ разговорахъ миновалъ слово 'прививка', чтобъ не напомнить оспы. Наконецъ о смерти собственнаго сына, онъ узналъ случайно отъ испанскаго посланника. А надъ страусами, которые прячутъ голову подъ крыло отъ опасности, люди смѣются!

Для храненія полнаго покоя своего—Княгиня учредила особую полицію, и начальство ея ввѣрила искуснымъ рукамъ.

Сверхъ кочующихъ старухъ, унаслѣдованныхъ отъ Княжны, у Княгини жила постоянная "компаньонка". Эту почетную должность занимала здоровая, краснощекая, вдова, какого то Звенигородскаго чиновника, надмѣнная своимъ "благородствомъ" и ассесорскимъ чиномъ покойника, сварливая и неугомонная женщина, которая никогда не могла простить Наполеону преждевременную смерть ея звенигородской коровы, погибшей въ отечественную войну 1812 года. Я помню какъ она серьезно заботилась послѣ смерти Александра I,—какой ширины плерезы ей слѣдуетъ носить по рангу.

Женщина эта играла очень неважную роль пока Княжна была жива, но потомъ такъ ловко умѣла приладится къ капри-

зами Княгини и къ ея тревожному безпокойству о себѣ, что вскорѣ заняла при ней точно то мѣсто, которое сама Княгиня имѣла при теткѣ.

Обшитая своими чиновными плерезами, Марья Степановна каталась какъ шаръ по дому съ утра до ночи, кричала, шумѣла, не давала покоя людямъ, жаловалась на нихъ, дѣлала слѣдствія надъ горничными, давала тузы и драла за уши мальчишекъ, сводила счеты, бѣгала въ кухню, бѣгала въ конюшню, обмахивала мухъ, терла ноги, заставляла принимать лекарство. Домашніе не имѣли больше доступу къ барынѣ,—это былъ Аракчеевъ, Биронъ, словомъ, первый министръ. Княгиня — чопорная и хотя по старинному, но все же воспитанная, часто, особенно сначала тяготилась звенигородской вдовой, ея крикливымъ голосомъ, ея рыночными манерами, но ввѣрялась ей больше и больше и съ восхищеніемъ видѣла, что Марья Степановна значительно уменьшила и безъ того не очень важные расходы по дому. Кому Княгиня берегла деньги — трудно сказать, у нея не было никого близкаго кромѣ братьевъ, которые были вдвое богаче ея.

Совсѣмъ тѣмъ Княгиня въ сущности послѣ смерти мужа и дочерей скучала, и бывала рада, когда старая Француженка бывшая гувернантой при ея дочеряхъ, пріѣзжала къ ней погостить недѣли на двѣ, или когда ея племянница изъ Корчевы навѣщала ее. Но все это было мимоходомъ, изрѣдка, а скучное съ глазу на глазъ съ компаньонкой не наполняло промежутковъ.

Занятіе, игрушка и разсѣяніе, нашлись очень естественно незадолго передъ смертью Княжны.

ГЛАВА II.

Сирота.

Въ половинѣ 1825 года, "Химикъ", принявшій дѣла отца въ большомъ безпорядкѣ, отправилъ изъ Петербурга въ Шацкое имѣнье своихъ братьевъ и сестеръ; онъ имъ давалъ господскій домъ и содержаніе предоставляя впослѣдствіи заняться ихъ воспитаніемъ и устроить ихъ судьбу. Княгиня поѣхала на нихъ взглянуть. Ребенокъ восьми лѣтъ поразилъ ее своимъ грустно задумчивымъ видомъ, Княгиня посадила его въ карету, привезла домой и оставила у себя.

Мать была рада и отправилась съ другими дѣтьми въ Тамбовъ.

Химикъ согласился, ему было все равно.

"Помни всю жизнь", говорила маленькой дѣвочкѣ, когда онѣ пріѣхали домой, компаньонка. "помни, что Княгиня твоя благодѣтельница и молись о продолженіи ея дней, что была бы ты безъ нея?"

И вотъ въ этомъ отжившемъ домѣ, надъ которымъ угрюмо тяготѣли двѣ неугомонныя старухи, одна полная причудъ и капризовъ; другая, ея безпокойная лазутчица, лишенная всякой деликатности, всякаго такта—явилось дитя, оторванное отъ всего близкаго ему, чужое всему окружающему и взятое отъ скуки, какъ берутъ собаченокъ, или какъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ держалъ канареекъ.

Въ длинномъ, траурномъ, шерстяномъ платьи, блѣдная до синеватаго отлива, она сидѣла у окна, когда меня привезъ, черезъ нѣсколько дней, мой отецъ къ Княгинѣ. Она сидѣла молча, удивленная, испуганная и глядѣла въ окно, боясь смотрѣть на что нибудь другое.

Княгиня подозвала ее и представила моему отцу. Всегда холодный и непривѣтливый, онъ равнодушно потрепалъ ее по плечу, замѣтилъ, что покойный братъ самъ не зналъ что дѣлалъ, побранилъ Химика, и сталъ говорить о другомъ.

У дѣвочки были слезы на глазахъ, она опять сѣла къ окну и опять стала смотрѣть въ него.

Тяжелая жизнь начиналась для нея. Ни одного теплаго слова, ни одного нѣжнаго взгляда, ни одной ласки — возлѣ, около посторонніе, морщины, пожелтѣлыя щеки, существа потухающія, хилыя. Княгиня была постоянно строга, взыскательна, нетерпѣлива и держала себя слишкомъ далеко отъ сироты, чтобъ ей въ голову пришло пріютиться къ ней, отогрѣться, утѣшиться въ ея близости или поплакать. Гости не обращали на нее никакаго вниманія. Компаньонка сносила ее какъ капризъ Княгини, какъ вещь лишнюю, но которая ей вредить не можетъ, она, особенно при постороннихъ, даже показывала, что покровительствуетъ ребенку и ходатайствуетъ передъ Княгиней о ней.

Ребенокъ не привыкалъ и черезъ годъ былъ столько же чуждъ, какъ въ первый день и еще печальнѣе. Сама Княгиня удивлялась его "серьезности" и иной разъ видя, какъ она часы цѣлые уныло сидитъ за маленькими пяльцами, говорила ей—"Что ты не порѣзвишся, не пробѣжишь" — дѣвочка улыбалась, краснѣла, благодарила, но оставалась на своемъ мѣстѣ.

И Княгиня оставляла ее въ покоѣ, нисколько не заботясь въ сущности о грусти ребенка и не дѣлая ничего для его развлеченія. Приходили праздники, другимъ дѣтямъ дарили игрушки, другіе дѣти разсказывали о гуляньяхъ, объ обновахъ. Сиротѣ ничего не дарили. Княгиня думала, что довольно дѣлаетъ для нея, давая ей кровъ; благо есть башмаки, на что еще куклы. Ихъ въ самомъ дѣлѣ было не нужно, она не умѣла играть, да и не съ кѣмъ было.

Одно существо поняло положеніе сироты; за ней была приставлена старушка няня, она одна просто и наивно любила ребенка. Часто вечеромъ раздѣвая ее, она спраши-

вала: "Да что же это вы моя барышня, такія печальныя ?. . ." Дѣвочка бросалась къ ней на шею и горько плакала, и старушка заливаясь слезами и качая головой уходила съ подсвѣчникомъ въ рукѣ.

Такъ шли годы. Она не жаловалась, она не роптала, она только лѣтъ двѣнадцати хотѣла умереть. "Мнѣ все казалось, писала она, что я попала ошибкой въ эту жизнь и что скоро ворочусь домой, но гдѣ же былъ мой домъ . . . . уѣзжая изъ Петербурга, я видѣла большой сугробъ снѣга на могилѣ моего отца, моя мать оставляя меня въ Москвѣ, скрылась на широкой, безконечной дорогѣ . . . я горячо плакала и молила Бога, взять меня скорѣе домой.

". . . Мое ребячество было самое печальное, горькое, сколько слезъ пролито не видимыхъ никѣмъ, сколько разъ бывало ночью не понимая еще что такое молитва, я вставала украдкой (не смѣя и молиться не въ назначенное время) и просила Бога чтобъ меня кто нибудь любилъ, ласкалъ. У меня не было той забавы или игрушки, которая бы заняла меня и утѣшила; потому что ежели и давали что нибудь, то съ упрекомъ и съ непремѣннымъ прибавленіемъ: 'ты этого не стоишь'. Каждый лоскутъ получаемый отъ нихъ, былъ мною оплаканъ; потомъ я становилась выше этаго; стремленье къ наукѣ душило меня, я ничему больше не завидовала въ другихъ дѣтяхъ, какъ ученью. Многіе меня хвалили, находили во мнѣ способности и съ состраданіемъ говорили: 'еслибъ приложить руки къ этому ребенку!'—Онъ дивилъ бы свѣтъ, договоривала я мысленно и щеки мои горѣли, я спѣшила идти куда то, мнѣ виднѣлись мои картины, мои ученики—а мнѣ не давали клочка бумаги, карандаша . . . Стремленье выйдти въ другой міръ, становилось все сильнѣе и сильнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ росло презрѣніе къ моей темницѣ и къ ея жестокимъ часовымъ, я повторяла безпрерывно стихи Чернеца.

Вотъ тайна: дней моихъ весною
Ужъ я все горе жизни зналъ.

"Помнишь ли ты, мы какъ то были у васъ, давно, еще въ

томъ домѣ, ты меня спросилъ читала ли я Козлова, и сказалъ изъ него именно тоже самое мѣсто. Трепетъ пробѣжалъ по мнѣ, я улыбнулась, насилу удерживая слезы."

Глубоко грустная нота постоянно звучала въ ея груди, вполнѣ она никогда не исключалась, а только иногда умолкала —поглащенная свѣтлой минутой жизни.

Мѣсяца за два до своей кончины, возвращаясь еще разъ къ дѣтству, она писала къ своей Консуело:

"Кругомъ было старое, дурное, холодное, мертвое, ложное, мое воспитаніе началось съ упрековъ и оскорбленій, вслѣдствіе этого—отчужденіе отъ всѣхъ людей, недовѣрчивость къ ихъ ласкамъ, отвращеніе отъ ихъ участія, углубленіе въ самое себя . . ."

Но для такого углубленія въ самаго себя, надобно было имѣть не только страшную глубь души, въ которой привольно нырять, но страшную силу независимости и самобытности. Жить своею жизнію въ средѣ непріязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной, могутъ очень не многіе. Иной разъ духъ не вынесетъ, иной разъ тѣло сломится.

Сиротство и грубыя прикосновенія въ самый нѣжный возрастъ, оставили черную полосу на душѣ, рану, которая никогда не сросталась вполнѣ.

"Я не помню, пишетъ она въ 1837, когда бы я свободно и отъ души произнесла слово 'Маменька', къ кому бы безпечно забывая все, склонилась на грудь. Съ восьми лѣтъ чужая всѣмъ; я люблю мою мать . . . но мы не знаемъ другъ друга,"

Глядя на блѣдный цвѣтъ лица, на большіе глаза окоймленные темной полоской двѣнадцатилѣтней дѣвочки, на ея томную усталь и вѣчную грусть, многимъ казалось, что это одна изъ предназначенныхъ, раннихъ жертвъ чахотки, жертвъ съ дѣтства отмѣченныхъ перстомъ смерти — особымъ знаменіемъ красоты и преждевременной думы. "Можетъ, говоритъ она, я и не вынесла бы этой борьбы, еслибъ я не была спасена нашей встрѣчей."

И я такъ поздно ее понялъ и разгадалъ!

До 1834, я все еще не умѣлъ оцѣнить это богатое существо-

ваніе, развертывавшееся возлѣ меня, не смотря на то, что девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Княгиня представляла ее моему отцу, въ длинномъ, шерстяномъ платьи. Объяснить это не трудно. Она была дика, я разсѣянъ; мнѣ было жаль дитя, которое все такъ печально и одиноко сидѣло у окна, но мы видались очень не часто. Рѣдко, и всякій разъ поневолѣ ѣздилъ я къ Княгинѣ; еще рѣже привозила ее Княгиня къ намъ. Визиты Княгини производили къ тому же почти всегда непріятныя впечатленія, она обыкновенно ссорилась изъ за пустяковъ съ моимъ отцомъ и не видавшись мѣсяца два, они говорили другъ другу колкости, прикрывая ихъ нѣжными оборотами въ томъ родѣ какъ леденцомъ покрываютъ противныя лекарства, "Голубчикъ мой", говорила Княгиня, "Голубушка моя" отвѣчалъ мой отецъ, и ссора шла своимъ порядкомъ. Мы всегда радовались когда Княгиня уѣзжала. Сверхъ того не надобно забывать, что я тогда былъ совершенно увлеченъ политическими мечтами, науками; до самой тюрьмы я жилъ университетомъ и товариществомъ.

Но чѣмъ жила она сверхъ своей грусти въ продолженіи этихъ томныхъ длинныхъ девяти годовъ, окруженная глупыми ханжами, надменными родственниками, скучными іеромонахами, толстыми попадьями, лицемѣрно покровительствуемая компаньонкой и не выпускаемая изъ дома далѣе печальнаго двора, поросшаго травою и маленькаго полисадника за домомъ?

Изъ приведенныхъ строкъ уже видно, что Княгиня не особенно изъубытчивалась на воспитаніе ребенка взятаго ею. Нравственностью—занималась она сама—это преподаваніе состояло изъ наружной выправки и изъ привитія цѣлой системы лицемѣрія. Ребенокъ долженъ былъ быть съ утра зашнурованъ, причесанъ, на вытяжкѣ, это можно бы было допустить въ ту мѣру, въ которую оно не вредно здоровью; но Княгиня шнуровала вмѣстѣ съ таліей и душу, подавляя всякое откровенное, чистосердечное чувство, она требовала улыбку и веселый видъ, когда ребенку было грустно, ласковое слово, когда ему хотѣлось плакать, видъ участія къ предметамъ безразличнымъ—словомъ постоянной лжи.

Сначала бѣдную дѣвочку ничему не учили подъ предлогомъ что ранніе ученіе безполезно; потомъ, т. е. года черезъ три или четыре, наскучивъ замѣчаніями Сенатора и даже постороннихъ, Княгиня рѣшилась устроить ученіе, имѣя ввиду наименьшую трату денегъ.

Для этаго она воспользовалась старушкой гувернантой, которая считала себя обязанной Княгинѣ и иногда нуждалась въ ней, такимъ образомъ французскій языкъ былъ доведенъ до послѣдней дешевизны, за то и преподавался à batons rompus.

Но и русскій языкъ былъ доведенъ до того же; для него и для всего прочаго былъ приглашенъ сынъ какой то вдовы попадьи, облагодѣтельствованной Княгиней, разумѣется безъ особенныхъ тратъ: черезъ ея ходатайство у Митрополита, двое сыновей попадьи были сдѣланы соборными священниками. Учитель былъ ихъ старшій братъ, діаконъ бѣднаго прихода, обремѣненный большей семьей, онъ гибнулъ отъ нищеты, былъ доволенъ всякой платой и не смѣлъ дѣлать условій съ благодѣтельницей братьевъ.

Что можетъ быть жалче, недостаточнѣе такаго воспитанія, а между тѣмъ все пошло на дѣло, все принесло удивительные плоды, такъ мало нужно для развитія, если только есть чему развиться.

Бѣдный, худой высокій и плешивой діаконъ, былъ одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ мечтателей, которыхъ не лѣчутъ ни лѣта, ни бѣдствія, напротивъ, бѣдствія ихъ поддерживаютъ въ мистическомъ созерцаніи. Его вѣра доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена поэтическаго оттѣнка. Между имъ — отцомъ голодной семьи и сиротой, кормимой чужимъ хлѣбомъ, тотчасъ образовалось взаимное пониманіе.

Въ домѣ Княгини Діакона принимали такъ, какъ слѣдуетъ принимать беззащитнаго и къ тому же кроткаго бѣдняка, едва кивая ему головой, едва удостоивая его словомъ. Даже компаньонка считала необходимымъ обращаться съ нимъ свысока; а онъ едва замѣчалъ и ихъ самихъ и ихъ пріемъ, съ любовью давалъ свои уроки, былъ тронутъ понятливостью ученницы и умѣлъ трогать ее самую до слезъ. Этаго Княгиня не могла

понять, журила ребенка за плаксивость и была очень недовольна, что діаконъ разстроиваетъ первы : "Ужъ это слишкомъ какъ то сдакъ, совсѣмъ не по дѣтски!"

А между тѣмъ слова старика открывали передъ молодымъ существомъ иной міръ, иначе симпатичный, нежели тотъ, въ которомъ сама религія дѣлалась чѣмъ то кухоннымъ, сводилась на соблюденіе постовъ, да на хожденіи ночью въ церковь, гдѣ все было ограниченно, поддѣльно, условно и жало душу своей узкостью. Діаконъ далъ ученицѣ въ руки Евангеліе,—и она долго не выпускала его изъ рукъ. Евангеліе была п е р в а я к н и г а, которую она читала и перечитывала съ своей единственной подругой Сашей, племянницей пяни, молодой горничной Княгини.

Я Сашу знадъ потомъ очень хорошо. Гдѣ и какъ умѣла она развиться, родившись между кучерской и кухней, не выходя изъ дѣвичьей, я никогда не могъ понять, но развита она была необыкновенно. Это была одна изъ тѣхъ неповинныхъ жертвъ — которыя гибнутъ незамѣтно, и чаще нежели мы думаемъ въ людскихъ, раздавленныя крѣпостнымъ состояніемъ. Онѣ гибнутъ не только безъ всякаго вознагражденія, сострадаиія, безъ свѣтлаго дня, безъ радостнаго воспоминанія, но не зная, не подозрѣвая сами, что въ нихъ гибнетъ и сколько въ нихъ умираетъ.

— Барыня съ досадой скажетъ : "только было начала дѣвченка пріучаться къ службѣ, какъ вдругъ слегла и умерла . . ." Ключница семидесяти лѣтъ проворчитъ : "какія нынчѣ слуги, хуже всякой барышни" и отправится на кутью и поминки. Мать поплачетъ, поплачетъ и начнетъ попивать: тѣмъ дѣло и кончено.

И мы идемъ возлѣ, торопясь и не видя этихъ страшныхъ повѣстей,совершающихся подъ нашими ногами, отдѣлываясь важнымъ недосугомъ, нѣсколькими рублями и ласковымъ словомъ. А тутъ вдругъ изумленные слышимъ страшный стонъ, которымъ дастъ о себѣ вѣсть, на вѣки вѣковъ сломившаяся душа, и какъ спросонья спрашиваемъ откуда взялась эта душа, эта сила?

Княгиня убила свою горничную... разумѣется не хотя и безсознательно, она ее замучила по мелочи, сломила ее гнувшій цѣлую жизнь, она истомила ее униженіями, шероховатымъ, грубымъ прикосновеніемъ. Она нѣсколько лѣтъ не позволяла ей идти за мужъ и разрѣшила только тогда, когда разглядѣла чахотку на ея страдальческомъ лицѣ.

Бѣдная Саша, бѣдная жертва гнусной, проклятой русской жизни, запятнанной крѣпостнымъ состояніемъ — смертью ты вышла на волю. И ты еще была несравненно счастливѣе другихъ; въ суровомъ плѣну княгининаго дома, ты встрѣтила друга и дружба той, которую ты такъ безмѣрно любила, проводила тебя заочно до могилы. Много слезъ стоила ты ей; не задолго до своей кончины, она еще поминала тебя и благословляла память твою, какъ единственный свѣтлый образъ, явившійся въ ея дѣтствѣ!

... Двѣ молодыя дѣвушки (Саша была постарше) вставали рано по утрамъ, когда все въ домѣ еще спало, читали Евангеліе и молились выходя на дворъ, подъ чистымъ небомъ. Онѣ молились о Княгинѣ, о компаньонкѣ, просили Бога раскрыть ихъ души; выдумывали себѣ испытанія, не ѣли цѣлыя недѣли мяса, мечтали о монастырѣ и о жизни за гробомъ.

Такой мистицизмъ идетъ къ отроческимъ чертамъ, къ тому возрасту, гдѣ все еще тайна, все религіозная мистерія, пробуждающаяся мысль еще не ясно свѣтитъ изъ за утреннаго тумана, а туманъ еще не разсѣянъ ни опытомъ, ни страстью.

Въ тихія и кроткія минуты, я любилъ слушать потомъ, разсказы объ этой дѣтской молитвѣ, которою начиналась одна широкая жизнь и оканчивалось одно несчастное существованіе. Образъ сироты, оскорбленной грубымъ благодѣяніемъ и рабы, оскорбленной безвыходностью своего положенія— молящихся на одичаломъ дворѣ, о своихъ притѣснителяхъ— наполняло сердце какимъ то умиленіемъ, и рѣдкій покой сходилъ на душу.

Это чистое и граціозное явленіе, никѣмъ не оцѣненное изъ близкихъ въ безсмысленномъ домѣ Княгини, нашло сверхъ

Діакона и Саши, отзывъ и горячее поклоненіе всей дворни. Простые люди эти видѣли въ ней больше, нежели добрую, ласковую барышню, они въ ней угадали что то высшее, передъ чѣмъ они склонялись, они вѣровали въ нее. Невѣсты изъ княгининаго дома просили ее приколоть своими руками какую нибудь ленту когда шли къ вѣнцу. Одна молодая горничная, помнится ее звали Еленой, вдругъ занемогла колотьемъ, открылась сильная плерези, надежды спасти ее не было, послали за попомъ. Дѣвушка испуганная, спрашивала мать—все ли кончено; мать рыдая, сказала ей, что Богъ ее скоро позоветъ. Тогда больная, припавъ къ матери, съ горькими слезами просила сходить за барышней, чтобъ она пришла сама благословить ее образомъ на тотъ свѣтъ. Когда она пришла къ ней, больная взяла ея руку, приложила къ своему лбу и повторяла: "Молитесь обо мнѣ, молитесь!" Молодая дѣвушка, сама вся въ слезахъ, начала въ полслуха молитву,—больная отошла въ продолженіи этаго времени. Всѣ въ комнатѣ стояли кругомъ на колѣняхъ и крестились, она закрыла ей глаза, поцаловала холодѣющій лобъ и вышла.(*)

Однѣ сухія и недаровитыя натуры не знаютъ этаго романтическаго періода; ихъ столько же жаль, какъ тѣ слабыя и хилыя существа, у которыхъ мистицизмъ переживаетъ молодость и остается на всегда. Въ нашъ вѣкъ съ реальными натурами этаго и не бываетъ, но откуда могло проникнуть въ домъ Княгини свѣтское вліяніе девятнадцатаго столѣтія, онъ былъ такъ хорошо законопаченъ.

(*) Въ бумагахъ моихъ сохранились нѣсколько писемъ Саши, писанныхъ между 35 и 36 годами. Саша оставалась въ Москвѣ, а подруга ея съ Княгиней въ деревнѣ была; я не могу читать этаго простаго и восторженнаго лепета сердца безъ глубокаго чувства. "Неужели это правда, пишетъ она, что вы пріѣдете? Ахъ еслибъ вы въ самомъ дѣлѣ пріѣхали, я не знаю что со мною бы было. Вѣдь вы не повѣрите, чтобъ я такъ часто объ васъ думала, почти всѣ мои желанія, всѣ мои мысли, все, все, все въ васъ... Ахъ, Наталья Александровна, вѣдь какъ вы прекрасны, какъ милы, какъ высоки, какъ — но не могу ужъ выразить. Право это не выученныя слова, прямо изъ сердца..."

Въ другомъ письмѣ она благодаритъ за то, что 'барышня' часто пишетъ ей.— "Это ужъ слишкомъ, говоритъ она, впрочемъ, вѣдь это вы, вы, и заключаетъ письмо словами: "все мѣшаютъ, обнимаю васъ, мой ангелъ со всею истинной безмѣрной любовью. Благословите меня!"

Щель нашлась таки.

Корчевская кузина иногда гостила у Княгини, она любила 'маленькую кузину', какъ любятъ дѣтей, особенно несчастныхъ, но не знала ее. Съ изумленіемъ, почти съ испугомъ, разглядѣла она впослѣдствіи эту необыкновенную натуру, и порывистая во всемъ, тотчасъ рѣшилась поправить свое невниманіе. Она просила у меня Гюго, Бальзака, или вообще что нибудь новое. 'Маленькая кузина', говорила она мнѣ геніяльное существо, намъ слѣдуетъ ее вести впередъ!"

'Большая' кузина, и при этомъ названіи я не могу безъ улыбки вспомнить, что она была прекрошечная ростомъ, сообщила разомъ своей ставленицѣ все бродившее въ ея собственной душѣ, шиллеровскія идеи и идеи Руссо, революціонныя мысли, взятыя у меня и мечты влюбленной дѣвушки, взятыя у самой себя. Потомъ она ей тайкомъ надавала французскихъ романовъ, стиховъ, поэмъ. Это были большей частію книги вышедшія послѣ 1830 г. Онѣ, при всѣхъ недостаткахъ, сильно будили мысль и крестили огнемъ и духомъ юныя сердца. Въ романахъ и повѣстяхъ, въ поэмахъ и пѣсняхъ того времени, свѣдома писателя имъ пѣтъ, вездѣ сильно билась соціальная аргерія, вездѣ обличались общественныя раны, вездѣ слышался стонъ сгнетенныхъ голодомъ, невинныхъ каторжниковъ работы; тогда еще этаго ропота и этаго стона не боялись какъ преступленія.

Само собою разумѣется, что 'кузина' надавала книгъ безъ всякаго разбора, безъ всякихъ объясненій, и я думаю, что въ этомъ не было вреда; есть организаціи, которымъ никогда не нужна чужая помощь, опора, указка, которыя всего лучше идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки.

Вскорѣ прибавилось другое лицо, продолжавшее свѣтское вліяніе корчевской кузины. Княгиня наконецъ рѣшилась взять гувернанту, и чтобъ не дорого платить, пригласила молодую русскую дѣвушку, только что выпущенную изъ института.

Русскія гувернанты у насъ нипочемъ, по крайней мѣрѣ такъ еще было въ тридцатыхъ годахъ а между тѣмъ при всѣхъ недостаткахъ, онѣ все же лучше большинства Француженокъ изъ Швейцаріи, безсрочно отпускныхъ лоретокъ и отставныхъ

актрисъ, которыя съ отчаянья бросаются на воспитаніе, какъ на послѣднее средство доставать насущный хлѣбъ, средство, для котораго не нужно ни таланта, ни молодости, ничего, — кромѣ произношенія "грррр" и манеръ d' une dame de comptoir, которыя часто у насъ по провинціямъ принимаются за "хорошіе" манеры. Русскія гувернанты выпускаются изъ институтовъ или изъ воспитательныхъ домовъ, стало быть, все же имѣютъ какое нибудь правильное воспитаніе и не имѣютъ того мѣщанскаго pli, которое вывозятъ иностранки.

Нынѣшнихъ французскихъ воспитательницъ не надобно смѣшивать съ тѣми, которыя пріѣзжали въ Россію до 1812 г. Тогда и Франція была меньше мѣщанской и пріѣзжавшія женщины, принадлежали совсѣмъ другому слою. Долею это были дочери эмигрантовъ, раззорившихся дворянъ, вдовы офицеровъ, часто ихъ покинутыя жены. Наполеонъ женилъ своихъ воиновъ въ томъ родѣ, какъ наши помѣщики женятъ дворовыхъ людей, не очень заботясь о любви и наклонностяхъ. Онъ хотѣлъ браками сблизить дворянство пороха, съ старымъ дворянствомъ; онъ хотѣлъ оболванить своихъ Скалозубовъ женами. Привычные къ слѣпому повиновенію, они вѣнчались безпрекословно, но вскорѣ бросали своихъ женъ, находя ихъ слишкомъ чопорными для казарменныхъ и бивачныхъ вечеринокъ. Бѣдныя женщины плелись въ Англію, въ Австрію, въ Россію. Къ числу прежнихъ гувернантъ принадлежала Француженка, гащивавшая у Княгини. Она говорила съ улыбкой, отборнымъ слогомъ и никогда не употребляла ни одного сильнаго выраженія. Она вся состояла изъ хорошихъ манеръ и никогда ни на минуту не забывалась. Я увѣренъ, что она ночью въ постелѣ больше преподавала какъ слѣдуетъ спать, нежели спала.

Молодая институтка была дѣвушка умная, бойкая, энергическая, съ прибавкой пансіонской восторженности и врожденнаго чувства благородства. Дѣятельная и пылкая, она внесла въ существованіе ученицы-подруги больше жизни и движенія.

Унылая, грустная дружба къ увядающей Сашѣ, имѣла

печальный, траурный отблескъ. Она вмѣстѣ съ словами Діакона и съ отсутвіемъ всякаго развлеченія, удаляла молодую дѣвушку отъ міра, отъ людей. Третье лицо, живое, веселое, молодое и съ тѣмъ вмѣстѣ сочувствовавшее всѣму мечтательному и романтическому, было очень на мѣстѣ; оно стягивало на землю, т.е. на дѣйствительную, истинную почву.

Сначала ученица приняла нѣсколько наружныхъ формъ Эмиліи; улыбка чаще стала показываться, разговоръ становился живѣе, но черезъ годъ времени натуры двухъ дѣвушекъ заняли мѣста по удѣльному вѣсу. Разсѣянная, милая Эмилія, склонилась передъ сильнымъ существомъ и совершенно подчинилась ученицѣ, видѣла ея глазами, думала ея мыслями, жила ея улыбкой, ея дружбой.

Передъ окончаніемъ курса я сталъ чаще ходить въ домъ княгини. Молодая дѣвушка казалось, радовалась, когда я приходилъ, иногда вспыхивалъ огонь на щекахъ, рѣчь оживлялась, но тотчасъ потомъ она входила въ свой обыкновенный, задумчивый покой, напоминая холодную красоту изваянья, или "дѣву чужбины" Шиллера, останавливавшую всякую близость.

Это не было ни отчужденіе, ни холодность, а внутренная работа—чужая другимъ, она еще себѣ была чужою и больше предчувствовала, нежели знала, что въ ней. Въ ея прекрасныхъ чертахъ было что то недокончанное, невысказавшееся, имъ недоставало одной искры, одного удара рѣзцомъ, который долженъ былъ рѣшить назначено ли ей истомиться, завянуть на песчаной почвѣ, не зная ни себя ни жизни, или отразить зарево страсти, обняться ею и жить—можетъ страдать, даже навѣрное страдать, но много жить.

Печать жизни, выступившей на полудѣтскомъ лицѣ ея, я первый увидѣлъ, на канунѣ долгой разлуки.

Памятенъ мнѣ этотъ взглядъ, иначе освѣщенный и всѣ черты вдругъ измѣнившія значенье, будто проникнутыя иною мыслію, инымъ огнемъ ...будто тайна разгадана и внутренній туманъ разсѣянъ. Это было въ тюрьмѣ. Десять разъ прощались мы и все еще не хотѣлось разстаться; наконецъ моя

Мать, пріѣзжавшая съ Natalie (*) въ Крутицы, рѣшительно встала чтобъ ѣхать. Молодая дѣвушка вздрогнула, поблѣднѣла, крѣпко не по своимъ силамъ сжала мнѣ руку и повторила, отворачиваясь, чтобъ скрыть слезы — "Александръ, не забывай же Сестры".

Жандармъ проводилъ ихъ и принялся ходить взадъ и впередъ. Я бросился на постель и долго смотрѣлъ на дверь, за которой изчезло это свѣтлое явленіе. "Нѣтъ, братъ твой не забудетъ тебя"—думалъ я.

На другой день меня везли въ Пермь, но прежде нежели я буду говорить о разлукѣ, разскажу что еще мнѣ мѣшало передъ тюрьмой лучше понять Natalie, больше сблизиться съ нею. —Я былъ влюбленъ!

—Да, я былъ влюбленъ и память объ этой юношеской, чистой любви мнѣ мила, какъ память весенней прогулки на берегу моря середь цвѣтовъ и пѣсень. Это было сновидѣніе, навѣявшее много прекраснаго и изчезнувшее, какъ обыкновенно сновидѣнья изчезаютъ!

Я говорилъ уже прежде, что мало женщинъ было во всемъ нашемъ кругу, особенно такихъ, съ которыми бы я былъ близокъ; моя дружба сначала пламенная къ корчевской кузинѣ, приняла мало по малу ровной характеръ; послѣ ея замужества мы видались еще рѣже, потомъ она уѣхала. Потребность чувства больше теплаго, больше нѣжнаго, нежели наша мужская дружба, неопредѣленно бродила въ сердцѣ. Все было готово, не доставало только 'ея'. Въ одномъ изъ знакомыхъ намъ домовъ

(*) Я очень хорошо знаю, сколько аффектаціи въ французкомъ переводѣ именъ, но какъ быть, имя дѣло традиціонное, какъ же его мѣнять? Къ тому же всѣ не славянскія имена у насъ какъ то усѣчены и менѣе звучны—мы воспитанные отчасти "не въ отеческомъ законѣ", въ нашу молодость "романизировали" имена; предержащія власти "славянизируютъ" ихъ. Съ производствомъ въ чины и съ пріобрѣтеніемъ силы при дворѣ, мѣняются буквы въ имени, такъ на примѣръ графъ Строгоновъ, остался до конца дней Сергѣй Григорьевичемъ, но князь Голицынъ всегда назывался Сергій Михайловичъ. Послѣдній примѣръ производства по этой части, мы замѣтили въ извѣстномъ по 14 Декабрю, генералѣ Ростовцовѣ; во все царствованіе Николая Павловича, онъ былъ Яковъ, такъ какъ Яковъ Долгорукій, но съ воцаренія Александра II, онъ сдѣлался Іаковъ—такъ какъ братъ Божій!

была молодая дѣвушка, съ которой я скоро подружился; странный случай сблизилъ насъ. Она была помолвлена, вдругъ вышла какая то ссора, женихъ оставилъ ее и уѣхалъ куда то на другой край Россіи. Она была въ отчаяніи, огорчена, оскорблена; съ искреннымъ и глубокимъ участіемъ смотрѣлъ я какъ горе разъѣдало ее; не смѣя заикнуться о причинѣ, я старался разсѣять ее, утѣшить, носилъ романы, самъ ихъ читалъ вслухъ, разсказывалъ цѣлыя повѣсти и иногда не приготовлялся вовсе къ университетскимъ лекціямъ, чтобъ подольше посидѣть съ огорченной дѣвушкой.

Мало по малу слезы ея стапонились рѣже, улыбка свѣтилась по временамъ изъ за нихъ; отчаянье ея превращалось въ томную грусть; скоро ей сдѣлалось страшно за прошедшее, она боролась съ собой и отстаивала его противъ настоящаго изъ сердечнаго point d'honneur' а, какъ воинъ отстаиваетъ знамя, понимая что сраженіе потеряно. Я видѣлъ эти послѣднія облака едва задержанные у небосклона, и, самъ увлеченный и съ бьющимся сердцемъ—тихо, тихо вынималъ изъ ея рукъ знамя, а когда она перестала его удерживать—я былъ влюбленъ. Мы вѣрили въ нашу любовь. Она мнѣ писала стихи, я писалъ ей въ прозѣ цѣлыя диссертаціи, а потомъ мы вмѣстѣ мечтали о будущемъ, о ссылкѣ, о казематахъ, она была на все готова. Внѣшняя сторона жизни никогда не рисовалась свѣтлой въ нашихъ фантазіяхъ, обреченные набой съ чудовищною силою, успѣхъ намъ казался почти невозможнымъ. "Будь моей Гаетаной", говорилъ я ей, читая "Изувѣченнаго" Сантина и воображалъ какъ она проводитъ меня въ сибирскіе рудники.

'Изувѣченный', это тотъ поэтъ, который написалъ пасквиль на Сикста V, и выдалъ себя когда папа далъ слово не казнить виновнаго смертью. Сикстъ V велѣлъ ему отрубить руки и языкъ. Образъ несчастнаго страдальца, задыхающагося отъ собственной полноты мыслей, которыя тѣснятся въ его головѣ не находя выхода, не могъ не нравится намъ тогда. Грустный и истомленный взглядъ страдальца успокоивался только и останавливался съ благодарностью и остаткомъ веселья на

дѣвушкѣ, которая любила его прежде и не измѣнила ему въ несчастіи, ее то звали Гаетаной.

Этотъ первый опытъ любви прошелъ скоро, но онъ былъ совершенно искренень. Можетъ даже эта любовь должна была пройдти, иначе она лишилась бы своего лучшаго, самаго благоуханнаго достоинства, своего девятнадцатилѣтняго возраста, своей непорочной свѣжести. Когда же ландыши зимуютъ?

— И неужели ты, моя Гаэтана, не съ той же ясной улыбкой вспоминаешь о нашей встрѣчѣ, неужели что нибудь горькое примѣшивается къ памяти обо мнѣ черезъ двадцать два года? Мнѣ было бы это очень больно. И гдѣ ты? И какъ прожила жизнь?

Я свою дожилъ и плетусь теперь подъ гору, сломленный и нравственно "изувѣченный", не ищу никакой Гаэтаны, перебираю старое и память о тебѣ встрѣтилъ радостно . . . Помнишь угольное окно, противъ небольшаго переулка, въ который мнѣ надобно было заворачивать, ты всегда подходила къ нему, провожая меня, и какъ бы я огорчился, еслибъ ты не подошла или ушла бы прежде, нежели мнѣ приходилось повернуть.

А встрѣтить тебя въ самомъ дѣлѣ, я не хотѣлъ бы. Ты въ моемъ воображеніи осталась съ твоимъ юнымъ лицомъ, съ твоими кудрями blond-cendré, останься такою, вѣдь и ты, если вспоминаешь обо мнѣ, то помнишь стройнаго юношу съ искрящимся взглядомъ, съ огненной рѣчью, такъ и помни и не знай, что взглядъ потухъ, что я отяжелѣлъ, что морщины прошли по лбу, что давно нѣтъ прежняго свѣтлаго и оживленнаго выраженія въ лицѣ, которое Н. называлъ "выраженіемъ надежды", да нѣтъ и надеждъ.

Другъ для друга мы должны быть такими, какими были тогда . . . ни Ахиллъ, ни Діана не старѣются . . . Не хочу встрѣтится съ тобою, какъ Ларина съ княжной Алиной :

Кузина, помнишь Грандисона?
Какъ Грандисонъ? — А Грандисонъ!
Въ Москвѣ живетъ у Сімеона,
Меня въ сочельникъ навѣстилъ,
Недавно сына онъ женилъ.

. . . Послѣднее пламя потухавшей любви освѣтило на минуту тюремный сводъ, согрѣло грудь прежними мечтами и каждый пошелъ своимъ путемъ. Она уѣхала въ Украину, я собирался въ ссылку. Съ тѣхъ поръ не было вѣсти объ ней.

ГЛАВА III.

Разлука.

"Ахъ люди, люди злые
Вы ихъ разрознили..."

Такъ окапчивалось мое первое письмо къ Natalie и замѣчательно, что испуганный словомъ "сердца", я его не написалъ, а написалъ въ концѣ письма "Твой Братъ."

Какъ дорога мнѣ была уже тогда моя сестра и какъ безпрерывно въ моемъ умѣ, видно изъ того что я писалъ къ ней изъ Нижняго, изъ Казани и на другой день послѣ пріѣзда въ Пермь. Слово Сестра выражало все сознанное въ нашей симпатіи; оно мнѣ бесконечно нравилось и теперь нравится, употребляемое не какъ предѣлъ, а напротивъ, какъ смѣшеніе ихъ, въ немъ соединены дружба, любовь, кровная связь, общее преданіе, родная обстановка, привычная неразрывность. Я никого не называлъ прежде этимъ именемъ и оно было мнѣ такъ дорого, что я и впослѣдствіи часто называлъ Natalie такъ.

Прежде нежели я вполнѣ понялъ наше отношеніе и можетъ именно оттого, что не понималъ его вполнѣ, меня ожидалъ иной искусъ, который мнѣ не прошелъ такой свѣтлой полоской, какъ встрѣча съ Гаетаной, искусъ смирившій меня, и стоившій мнѣ много печали и внутренной тревоги.

Очень мало опытный въ жизни и брошенный въ міръ совершенно мнѣ чуждый, послѣ девятимѣсячной тюрьмы, я жилъ сначала разсѣянно, безъ оглядки, новый край, новая обста-

новка рябили передъ глазами. Мое общественное положеніе измѣнилось. Въ Перми, въ Вяткѣ на меня смотрѣли совсѣмъ иначе нежели въ Москвѣ, тамъ я былъ молодымъ человѣкомъ, жившемъ въ родительскомъ домѣ, здѣсь, въ этомъ болотѣ я сталъ на свои ноги, былъ принимаемъ за чиновника, хотя и не былъ вовсе имъ. Не трудно было мнѣ догадаться, что безъ большаго труда я могъ играть роль свѣтскаго человѣка въ заволжскихъ и закамскихъ гостинныхъ и быть львомъ въ вятскомъ обществѣ.

Въ Перми я не успѣлъ оглядѣться, тамъ только хозяйка дома къ которой я пришелъ нанимать квартеру, спрашивала меня нужепъ ли мнѣ огородъ и держу ли я корову! Вопросъ, по которому я съ ужасомъ вымѣрилъ мое паденіе съ академическихъ высотъ студентской жизни. Но въ Вяткѣ, я перезнакомился со всѣмъ свѣтомъ, особенно съ молодымъ купечествомъ, которое тамъ гораздо образованнѣе купечества внутреннихъ губерній, хотя кутить любитъ не меньше. Сбитый канцеляріей съ моихъ занятій, я велъ безпокойно праздную жизнь; при особенной удобовпечатлимости, или лучше сказать удободвижимости характера и отсутствіи опытности, можно было ждать рядъ всякаго рода столкновеній.

Въ силу кокетливой страсти de l'approbativité, я старался нравиться, на право и на лѣво, безъ разбора кому, натягивалъ симпатіи, дружился по десяти словамъ, сближался больше нежели нужно, сознавалъ свою ошибку черезъ мѣсяцъ или два, молчалъ изъ деликатности и таскалъ скучную цѣпь непстинныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока опи не обрывались нелѣпой ссорой, въ которой меня же обвиняли въ капризной нетерпимости, въ неблагодарности, въ непостоянствѣ.

Я сначала жилъ въ Вяткѣ не одинъ. Странное и комическое лице, которое время отъ времени является на всѣхъ перепутьяхъ моей жизни, при всѣхъ важныхъ событіяхъ ея; лице, которое тонетъ для того, чтобъ меня познакомить съ Н. и машетъ фуляромъ съ русской земли, когда я переѣзжаю таурогенскую границу, словомъ, К. П. Зоненбергъ

жилъ со мною въ Вяткѣ, я забылъ объ этомъ, разсказывая мою ссылку.

Случилось это такъ: въ то время, какъ меня отправляли въ Пермь, Зонненбергъ собирался на ирбитскую ярмарку. Отецъ мой, любившій всегда усложнять простыя дѣла, предложилъ Зонненбергу заѣхать въ Пермь и тамъ монтировать мой домъ, за это онъ бралъ на себя путевыя издержки.

Въ Перми Зонненбергъ ревностно принялся за дѣло, т. е. за покупку ненужныхъ вещей, всякой посуды, кастрюль, чашекъ, хрусталю, занасовъ; онъ самъ ѣздилъ на Обву, чтобъ пріобрѣсти ex ipsa fonte вятскую лошадь. Когда все было готово, меня перевели въ Вятку. Мы распродали за полцѣны купленное добро и оставили Пермь. Зонненбергъ добросовѣстно исполняя волю моего отца, счелъ необходимымъ ѣхать также и въ Вятку "монтировать" мой домъ. Отецъ мой такъ былъ доволенъ его преданностью и самоотверженіемъ, что положилъ ему сто рублей жалованья въ мѣсяцъ, пока онъ будетъ у меня. Это было выгоднѣе и вѣрнѣе Ирбита,—и онъ не торопился меня оставить.

Въ Вяткѣ онъ уже купилъ не одну, а трехъ лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала ему самому, хотя тоже была куплена на деньги моего отца. Лошади эти подняли насъ чрезвычайно въ глазахъ вятскаго общества. Карлъ Ивановичъ — мы уже говорили это, не смотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ и на значительные недостатки въ лицѣ, былъ большой волокита, и былъ пріятно увѣренъ, что всякая женщина и дѣвушка, подходящая къ нему, подвергается опасности мотылька летающаго возлѣ зажженой свѣчи. Дѣйствіе произведенное лошадьми, Карлъ Ивановичъ утратить не хотѣлъ, и старался вывести изъ него пользу по эротической части. Къ тому же всѣ обстоятельства ему способствовали, у насъ былъ балконъ, выходящій на дворъ, за которымъ начинался садъ. Съ десяти часовъ утра Зонненбергъ въ казанскихъ ичигахъ, въ шитой золотомъ тибитейкѣ и въ кавказскомъ бешметѣ, съ огромнымъ янтарнымъ мундштукомъ во рту, сидѣлъ на вахтѣ, дѣлая видъ будто читаетъ.

Тибитейка и янтарь, все это было направлено на трехъ барышенъ, жившихъ въ сосѣднемъ домѣ. Барышни съ своей стороны занимались пріѣзжими и съ любопытствомъ разсматривали восточную куклу, курившую на балконѣ. Карлъ Ивановичъ зналъ когда и какъ тайкомъ онѣ подымали стору, находилъ, что дѣла его идутъ успѣшно, — и нѣжно выпускалъ дымъ легкой струйкой по завѣтному направленію.

Вскорѣ садъ представилъ намъ возможность познакомиться съ сосѣдками. У нашего хозяина было три дома, садъ былъ общій. Два дома были заняты, въ одномъ жили мы и самъ хозяинъ съ своей мачихой — толсто-мягкой вдовою, которая такъ мастерски и съ такой ревностью за нимъ присматривала, что онъ только украдкой отъ нея разговоривалъ съ садовыми дамами. Въ другомъ жили барышни съ своими родителями, третій стоялъ пустой. Карлъ Ивановичъ черезъ недѣлю былъ свой человѣкъ въ дамскомъ обществѣ нашего сада, онъ постоянно по нѣсколько часовъ вдень качалъ барышень на качеляхъ, бѣгалъ за мантильями и зонтиками, словомъ, былъ aux petits soins. Барышни съ нимъ дурачились больше, нежели съ другими, именно потому что его еще меньше можно было подозрѣвать нежели жену Цезаря; при взглядѣ на него, останавливалось всякое, самое отважное злорѣчіе.

По вечерамъ ходилъ и я въ садъ по тому табунному чувству, по которому люди безъ всякаго желанія дѣлаютъ тоже что другіе. Туда сверхъ жильцовъ приходили ихъ знакомые, главный предметъ занятій и разговоровъ было волокитство и подсматриваніе другъ за другомъ. Карлъ Ивановичъ съ неусыпностью Видока, предался сентиментальному шпіонству, зналъ кто съ кѣмъ чаще гуляетъ, кто на кого не просто смотритъ. Я былъ страшнымъ камнемъ преткновенія для всей тайной полиціи нашего сада, дамы и мущины удивлялись моей скрытности и при всѣхъ стараніяхъ не могли открыть за кѣмъ я ухаживаю, кто мнѣ особенно нравится, что дѣйствительно было не легко, я рѣшительно ни за кѣмъ не ухаживалъ и всѣ барышни мнѣ особенно не правились.

Это наконецъ имъ надоѣло и оскорбило ихъ, меня стали считать гордымъ, насмѣшникомъ и дружба барышень замѣтно стыла,—ходя въ одиночку, каждая пробывала на мнѣ самые опасные взгляды свои.

Середи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, однимъ утромъ Карлъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что хозяйская кухарка съ утра открыла ставни третьяго дома и мостъ окна. Домъ былъ занятъ какимъ то пріѣзжимъ семействомъ.

Садъ занялся исключительно подробностями о новопріѣзжихъ. Незнакомая дама, усталая съ дороги, или еще не успѣвшая разобраться, какъ на зло не являлась къ намъ въ воксалъ. Ее старались увидѣть въ окно или въ сѣняхъ, иным удавалось, другіе тщетно караулили цѣлые дни, видѣвшіе находили ее блѣдной, томной, словомъ, интересной и недурной. Барышни говорили, что она печальна и болѣзненна, молодой губернаторскій чиновникъ, шалунъ и очень неглупый малый, одинъ зналъ пріѣзжихъ. Онъ служилъ прежде въ одной губерніи съ ними, всѣ пристали къ нему съ распросами.

Разбитной чиновникъ, довольный что знаетъ чего другіе не знаютъ, толковалъ безъ конца о достоинствахъ новопріѣзжей; онъ ее превозносилъ, называлъ ее столичной дамой—"она умна, повторялъ онъ, мила, образована, на нашего брата и не посмотритъ. Ахъ Боже мой, прибавилъ онъ вдругъ обращаясь ко мнѣ, вотъ чудесная мысль, поддержите честь вятскаго общества, поволочитесь за ней . . . ну знаете, вы изъ Москвы, въ ссылкѣ, вѣрно пишете стихи—это вамъ съ неба подарокъ".

— Какой вы вздоръ порите, сказалъ я ему смѣясь, однако вспыхнулъ въ лицѣ—мнѣ захотѣлось ее видѣть.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ ней въ саду, она въ самомъ дѣлѣ была очень интересная блондина, тотъ же господинъ, который говорилъ объ ней, представилъ меня ей, я былъ взволнованъ и такъже мало умѣлъ это скрыть, какъ мой патронъ улыбку.

Самолюбивая застѣнчивость прошла, я познакомился съ ней —она была очень несчастна, и обманывая себя мнимымъ

спокойствіемъ, томилась и исходила въ какой то праздности сердца.

Р. была одна изъ тѣхъ скрытно страстныхъ женскихъ натуръ, которыя встрѣчаются только между блондинами, у нихъ пламенное сердце маскировано кроткими и тихими чертами; онѣ блѣднѣютъ отъ волненья и глаза ихъ не искрятся, а скорѣе тухнутъ, когда чувства выступаютъ изъ береговъ. Утомленный взоръ ея выбивался изъ силъ, стремясь къ чему то, несытая грудь неровно подымалась. Во всемъ существѣ ея было что то неспокойное, электрическое. Часто гуляя по саду, она вдругъ блѣднѣла и смущенная или встревоженная изнутри, отвѣчала разсѣянно и торопилась домой, я именно въ эти минуты любилъ смотрѣть на нее .....

.....

.....

..... (*)

... Сбитый съ толку, предчувствуя несчастія, недовольный собой, я жилъ въ какомъ то тревожномъ состояніи; — снова кутилъ, искалъ разсѣянія въ шумѣ, досадовалъ за то что находилъ его, досадовалъ за то что не находилъ и ждалъ какъ чистую струю воздуха середь пыльнаго жара, нѣсколько строкъ изъ Москвы отъ Natalie. — Надо всѣмъ этимъ броженіемъ юныхъ страстей, всходилъ свѣтлѣе и свѣтлѣе кроткій образъ ребенка-женщины. Порывъ любви къ Р. уяснилъ мнѣ мое собственное сердце, раскрылъ его тайну.

Имя сестры начинало тѣснить меня, теперь мнѣ недостаточно было дружбы, это тихое чувство казалось холоднымъ. Любовь ея видна изъ каждой строки ея писемъ, но мнѣ ужъ и этаго мало, мнѣ нужно не только любовь, но и самое слово, и вотъ я пишу: "Я сдѣлаю тебѣ странный вопросъ, вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ, — одна дружба? Вѣришь ли ты, что чувство, которое я имѣю къ тебѣ, — одна дружба? — Я не вѣрю".

— "Ты что то смущенъ, отвѣчаетъ она, я знала, что твое

(*) Нѣсколько листовъ пропущенныхъ здѣсь, будутъ можетъ быть напечатаны въ полномъ изданіи "Былей и Думъ",

письмо испугало тебя больше нежели меня. Успокойся, другъ мой, оно не перемѣнило во мнѣ рѣшительно ничего, оно уже не могло заставить меня любить тебя ни больше, ни меньше.

Но слово было произнесено,"туманъ изчезъ, пишетъ она, опять свѣтло и ясно".

Она радостно, безоблачно отдавалась названному чувству, письма ея одна отроческая пѣснь любви, подымающаяся отъ дѣтскаго лепета, до могучаго лиризма.

—"Можетъ ты сидишь теперь, пишетъ она, въ кабинетѣ, не пишешь, не читаешь, а задумчиво куришь сигару и взоръ углубленъ въ неопредѣленную даль и нѣтъ отвѣта на привѣтствіе взошедшаго. Гдѣ же твои думы? Куда стремится взоръ? Не давай отвѣта—пусть придутъ ко мнѣ.

"Будемъ дѣтьми, назначимъ часъ, въ который намъ обоимъ непремѣнно быть на воздухѣ, часъ, въ который мы будемъ увѣрены, что насъ ничего не дѣлитъ, кромѣ одной дали. Въ восемъ часовъ вечера и тебѣ вѣрно свободно? А то я давича вышла было на крыльцо,—да тотчасъ возвратилась, думая, что ты былъ въ комнатѣ.

"Глядя на твои письма, на портретъ, думая о моихъ письмахъ, о браслетѣ, мнѣ захотѣлось перешагнуть лѣтъ за сто и посмотрѣть какая будетъ ихъ участь. Вещи, которыя были для насъ святыней, которыя лечили наше тѣло и душу, съ которыми мы бесѣдовали и которыя намъ замѣняли нѣсколько другъ друга въ разлукѣ; всѣ эти орудія которыми мы оборонялись отъ людей, отъ ударовъ рока, отъ самихъ себя, что будутъ они послѣ насъ? Останется ли въ нихъ сила ихъ, ихъ душа? разбудятъ ли, согрѣютъ ли они чье сердце, разскажутъ ли нашу повѣсть, наши страданія, нашу любовь, будетъ ли имъ въ награду хоть одна слеза? Какъ грустно становится, когда воображу, что портретъ твой наконецъ будетъ висѣть безвѣстнымъ въ чьемъ нибудь кабинетѣ, или можетъ какой нибудь ребенокъ играя имъ, разобьетъ стекло и сотретъ черты".

Не таковы мои письма, (*) середь полной, восторженной лю-

(*) Разница между слогомъ писемъ Natalie и моимъ очень велика, особенно въ началѣ переписки; потомъ онъ уравнивается и впослѣдствіи дѣлается сходенъ.

бви пробиваются горькіе звуки досады на себя, раскаянія, нѣмой укоръ Р. гложетъ сердце, мутитъ свѣтлое чувство, я казался себѣ лгуномъ, а вѣдь я не лгалъ. Я также откровенно увлекся Р., какъ откровенно отдался теперь непонятой мною любви.

Но какъ же мнѣ было признаться въ этомъ, какъ сказать Р. въ Январѣ, что я ошибся въ Августѣ, говоря ей о своей любви. Какъ она могла повѣрить въ истину моего разсказа,—новая любовь была бы понятнѣе, измѣна проще. Какъ могъ дальній образъ отсутствующей, вступить въ борьбу съ настоящимъ, какъ могла струя другой любви пройти черезъ этотъ горнъ и выйти больше сознанной и сильной, все это я самъ не понималъ, а чувствовалъ только, что все это правда.

Наконецъ сама Р. съ неуловимой ловкостью ящерицы, ускользала отъ серьезныхъ объясненій, она чуяла опасность, искала отгадки, и въ то же время отдаляла правду. Точно она предвидѣла, что мои слова разкроютъ страшныя истины, послѣ которыхъ все будетъ кончено, и она обрывала рѣчь тамъ, гдѣ она становилась опасною.

Сначала она осмотрѣлась кругомъ, нѣсколько дней она находила себѣ соперницу въ молодой, милой, живой Нѣмкѣ, которую я любилъ какъ дитя, съ которой мнѣ было легко именно потому, что ни ей не приходило въ голову кокетничать со мной, ни мнѣ съ ней. Черезъ недѣлю, она увидѣла, что Паулина вовсе не опасна. Но я не могу идти дальше не сказавши нѣсколько словъ о ней.

Въ вятской аптекѣ приказа общественнаго призрѣнія, былъ аптекарь Нѣмецъ и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но удивительно было то, что его гезель былъ Русскій, а назывался Болманъ. Вотъ съ нимъ то я и познакомился, онъ

Въ моихъ письмахъ, рядомъ съ истиннымъ чувствомъ — ломаныя выраженія, изысканныя эффектныя слова и явное вліяніе школы Гюго и новыхъ французскихъ романистовъ. Ничего подобнаго въ ея письмахъ, языкъ ея простъ, поэтиченъ, истиненъ, на немъ замѣтно одно вліяніе, вліяніе Евангелія. Тогда я все еще старался писать съ высока и писалъ дурно, потому что это не былъ мой языкъ. Жизнь въ непрактическихъ сферахъ и излишнее чтеніе, долго не позволяютъ юношѣ естественно и просто говорить и писать; умственное совершеннолѣтіе начинается для человѣка только тогда, когда его слогъ установливается и принимаетъ свой послѣдній складъ.

былъ женатъ на дочери какого то вятскаго чиновника, у которой была самая длинная, густая и красивая коса изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Самаго аптекаря Фердинанда Рулковіуса не было на лицо и мы съ Болманомъ пили разныя 'шипучки' и художественныя 'желудочныя' настойки фармацевта.— Аптекарь былъ въ Ревелѣ; тамъ онъ познакомился съ какой то молодой дѣвушкой и предложилъ ей руку, дѣвушка едва знавшая его, шла за него очертя голову, какъ слѣдуетъ дѣвушкѣ вообще и Нѣмкѣ въ особенности, она даже не имѣла понятія въ какую дичь онъ ее везетъ. Но когда послѣ сватьбы пришлось собираться, страхъ и отчаяніе овладѣли ею. Чтобъ утѣшить новобрачную, аптекарь пригласилъ ѣхать съ ними въ Вятку молодую дѣвушку лѣтъ семнадцати, дальнюю родственницу его жены, она еще болѣе очертя голову и уже совсѣмъ не зная что такое 'Віатка', согласилась. Обѣ Нѣмки не говорили ни слова по русски, въ Вяткѣ не было четырехъ человѣкъ говорившихъ по нѣмецки. Даже учитель нѣмецкаго языка въ гимназіи не зналъ его, это меня до того удивило, что я рѣшился его спросить, какъ же онъ преподаетъ. "По грамматикѣ, отвѣчалъ онъ, и по діалогамъ." Онъ объяснялъ при этомъ, что онъ собственно учитель математики, но покамѣсть за недостаткомъ ваканціи, преподаетъ нѣмецкій языкъ, и что впрочемъ онъ получаетъ половинный окладъ(*). Нѣмки пропадали со скуки и увидѣвши человѣка, который если не хорошо, то понятно могъ объясняться по нѣмецки, пришли въ совершенный восторгъ, запоили меня кофеемъ и еще какой то 'калте-шале', разсказали мнѣ всѣ свои тайны, желанія и надежды, и черезъ два дня называли меня другомъ и еще больше подчивали сладкими мучнистыми яствами съ корицей. Обѣ были довольно образованы, т. е. знали на память Шиллера, поигрывали на фортепьяно и пѣли нѣмецкіе романсы. Этимъ сходство впрочемъ между ними и оканчивается. Аптекарша была бѣлокурая, лимфатическая, высо-

(*) За то 'просвѣщенное' начальство опредѣлило въ той же вятской гимназіи извѣстнаго оріенталиста, товарища Ковалевскаго и Мицкевича Вершковскаго, сосланнаго по дѣлу Филаретовъ, учителемъ французскаго языка.

кая, очень недурная собой, но вялая и сонная женщина, она была чрезвычайно добра, да и трудно было при такой комплекціи быть злою. Убѣдившись однажды, что ея мужъ —мужъ ея, она тихонько и ровненько любила его, занималась кухней и бѣльемъ, читала въ свободныя минуты романы и въ свое время благополучно родила аптекарю дочь бѣлобрысую и золотушную.

Подруга ея, небольшаго роста, смуглая брюнетка, крѣпкая здоровьемъ, съ большими черными глазами и съ самобытнымъ видомъ, была коренастая, сельская красота, въ ея движеніяхъ и словахъ видна была большая энергія, и когда бывало аптекарь, существо скучное и скупое, дѣлалъ не очень вѣжливыя замѣчанія своей женѣ, и та ихъ слушала съ улыбкой на губахъ и слезой на рѣсницѣ, Паулина краснѣла въ лицѣ и такъ взглядывала на расходившагося фармацевта, что тотъ мгновенно усмирялся, дѣлалъ видъ что очень занятъ и уходилъ въ лабораторію мѣшать и толочь всякую дрянь для возстановленія здоровья вятскихъ чиновниковъ.

Мнѣ нравилась наивная дѣвушка, которая за себя постоять умѣла, и, не знаю какъ это случилось, но ей первой разсказалъ я о моей любви, ей переводилъ письма. Тотъ только знаетъ цѣну этой сердечной болтовни, кто живалъ долго, годы цѣлые съ людьми совершенно посторонними. Я рѣдко говорю о чувствахъ, но бываютъ минуты, въ которыя потребность высказаться, становится невыносимою, даже теперь. А тогда мнѣ было двадцать четыре года, и я только что понялъ мою любовь. Я могъ переносить разлуку, перенесъ бы и молчаніе, но встрѣтившись съ другимъ ребенкомъ женщиной, въ которомъ все было такъ непритворно просто, я не могъ удержаться чтобъ не разболтать ей мою тайну. Да и какъ же она была мнѣ благодарна за то, и сколько добра сдѣлала она мнѣ.

Всегда серьезная бесѣда Витберга, иной разъ утомляла меня, мучимый моимъ тяжелымъ отношеніемъ къ Р., я не могъ быть при ней свободенъ. Часто вечеромъ уходилъ я къ Полинѣ, читалъ ей пустыя повѣсти, слушалъ ея звонкій смѣхъ, слушалъ

какъ она, нарочно для меня, пѣла — das Mädchen aus der Fremde, подъ которой я и она понимали другую дѣву чужбины, и облака разсѣевались на душѣ, мнѣ становилось искренно весело, безмятежно спокойно и я съ миромъ уходилъ домой, когда аптекарь, окончивъ послѣднюю микстуру и намазавъ послѣдній пластырь, приходилъ надоѣдать мнѣ вздорными политическими распросами, не прежде впрочемъ какъ выпивши его 'лекарственной' и закусивши герингъ салатомъ приготовленнымъ бѣленькими ручками der Frau Apotekerin.

. . . . . .

. . . Между тѣмъ я съ жалкой слабостью ждалъ отъ времени случайныхъ разрѣшеній и длилъ и длилъ полуложъ. Тысячу разъ хотѣлъ я идти къ Р., броситься къ ея ногамъ, разсказать все, вынести ея гнѣвъ, ея презрѣніе, но я боялся не негодованія, я бы ему былъ радъ, боялся слезъ. Много дурнаго надобно испытать, чтобъ умѣть вынести женскія слезы, чтобъ умѣть сомнѣваться пока онѣ еще теплыя текутъ по воспаленной щекѣ. Къ тому же ея слезы были бы искреннія.

Такъ прошло много времени. Начали носиться слухи о близкомъ окончаніи ссылки, не такъ уже казался далекимъ день, въ который я брошусь въ повозку и полечу въ Москву, знакомыя лица мерещились, и между ними, передъ ними, завѣтныя черты, но едва я отдавался этимъ мечтамъ, какъ мнѣ представлялась съ другой стороны повозки, блѣдная, печальная фигура Р. съ заплаканными глазами, съ взглядомъ выражающимъ боль и упрекъ, и радость моя мутилась, мнѣ становилось жаль, смертельно жаль ее.

Долѣе оставаться въ ложномъ положеніи, я не могъ, и рѣшился, собравъ всѣ силы, вынырнуть изъ него. Я написалъ ей полную исповѣдь. Горячо, откровенно разсказалъ ей всю правду. Утромъ я получилъ отвѣтъ. Можно себѣ представить какъ я провелъ эту ночь, я испыталъ все, что можетъ испытать преступникъ, боящійся, что его уличатъ. Она писала кротко, благородно, и глубоко печально; цвѣты моего краснорѣчія, не скрыли аспика, въ ея примирительныхъ словахъ слышался загаенный стонъ слабой груди, крикъ боли, подавленный

чрезвычайнымъ усиліемъ. Она благословляла меня на новую жизнь, желала намъ счастія, называла Natalie сестрой и протягивала намъ руку на забвеніе прошедшаго и на будущую дружбу, — какъ будто она была виновата!

Рыдая перечитывалъ я ея письмо. Qual cuor tradisti!

ГЛАВА IV.

Владиміръ.

"Ну прощай,—писалъ я къ Natalie, — прощай городъ, въ которомъ прошли почти три года моей жизни, прощай Вятка, благословеніе изгнанника на тебѣ, за твой привѣтъ, за дружбу, которой я былъ окруженъ. Во Владимірѣ вся жизнь моя будетъ посвящена тебѣ, тамъ буду я очищать душу и издали молиться тебѣ. Такъ пилигримъ останавливается не доходя до Іерусалима гдѣ нибудь въ Емаусѣ, проситъ прощенія за прошедшее и приготовляется. Это будутъ мои сорокъ дней въ пустынѣ".

Я сдержалъ слово, съ самаго пріѣзда моего во Владиміръ, жизнь сложилась иначе, нежели въ Вяткѣ. Моя небольшая квартира близь Золотыхъ Воротъ, скорѣе походила на келью монаха, нежели на берлогу провинціальнаго льва. Да я и не былъ львомъ во Владимірѣ. Никакое пошлое разсѣяніе не шло въ голову, рука поддерживавшая меня, служившая мнѣ нравственной опорой была ближе. Письма приходили на другой день, казалось, бумага еще была тепла, пульсъ руки чувствовался на ней; слѣдъ взгляда, обращеннаго на строчки, казалось не успѣлъ пройти . . .

Губернаторъ Курута, умный Грекъ, хорошо зналъ людей, и давно успѣлъ охладѣть къ добру и злу. Мое положеніе онъ понялъ тотчасъ и не дѣлалъ ни малѣйшаго опыта меня притѣснять. Объ канцеляріи не было и помину, онъ поручилъ мнѣ съ однимъ учителемъ гимназіи завѣдывать 'губернскими вѣдомостями', въ этомъ состояла вся служба.

Дѣло это было мнѣ знакомое, я уже въ Вяткѣ поставилъ на ноги 'неоффиціальную часть вѣдомостей' и помѣстилъ въ нее разъ статейку, за которую чуть не попалъ въ бѣду мой пре-

емникъ. Описывая празднество "на Великой рѣкѣ", (*) я сказалъ, что баранину, приносимую на жертву Николаю Хлыновскому, встары годы раздавали бѣднымъ, а нынче продаютъ. Архіерей разгнѣвался, и губернаторъ насилу уговорилъ его оставить дѣло.

Губернскія вѣдомости были введены въ 1837. Оригинальная мысль пріучать къ гласности въ странѣ молчанія и нѣмоты, — пришла въ голову министру внутреннихъ дѣлъ Блудову. Блудовъ, извѣстный какъ продолжатель исторіи Карамзина, не написавшій ни строки далѣе и какъ сочинитель Доклада слѣдственной коммиссіи послѣ 14 Декабря, котораго было бы лучше совсѣмъ не писать, принадлежалъ къ числу государственныхъ доктринеровъ, явившихся въ концѣ александровскаго царствованія. Это были люди умные, образованные, честные, состарившіеся и выслужившіеся "арзамасскіе гуси"; они умѣли писать по русски, были патріоты и такъ усердно занимались отечественной исторіей, что не имѣли досуга заняться серьезно современностью. Всѣ они чтили 'незабвенную память' Н. М. Карамзина, любили Жуковскаго, знали на память Крылова, и ѣздили въ Москвѣ бесѣдовать къ И. И. Дмитріеву, въ его домъ на Садовой, куда и я ѣзживалъ къ нему студентомъ, вооруженный романтическими предразсудками, личнымъ знакомствомъ съ Н. Полевымъ и затаеннымъ чувствомъ неудовольствія, что Дмитріевъ будучи поэтомъ—былъ министромъ юстиціи. Отъ нихъ многаго надѣялись, они ничего не сдѣлали, какъ вообще доктринеры всѣхъ странъ. Можетъ быть имъ и удалось бы оставить слѣдъ болѣе прочный при Александрѣ, но Александръ умеръ, и они остались при своемъ желаніи сдѣлать что нибудь путное.

Въ Монако на надгробномъ памятникѣ одного изъ владѣтельныхъ князей написано: "Здѣсь покоится Флорестанъ такой то, — онъ хотѣлъ сдѣлать добро своимъ подданнымъ!" (†) Наши доктринеры тоже желали сдѣлать добро, если не своимъ, то подданнымъ Николая Павловича, но счетъ былъ соста-

(*) См. Тюрьма и Ссылка.
(†) Il a voulu le bien de ses sujets.

вленъ безъ хозяина. Не знаю кто помѣшалъ Флорестану, но имъ помѣшалъ нашъ Флорестанъ. Имъ пришлось быть соприкосновенными во всѣхъ ухудшеніяхъ Россіи и ограничиваться ненужными нововведеніями, перемѣнами формъ, названій. Всякій начальникъ у насъ считаетъ высшей обязанностью нѣтъ, нѣтъ, да и представить какой нибудь проэктъ, измѣненіе, обыкновенно къ худшему, но иногда просто безразличное. Секретаря въ канцеляріи губернатора напр., сочли нужнымъ назвать правителемъ дѣлъ, а секретаря губернскаго правленія оставили безъ перевода на русскій языкъ. Я помню, что министръ юстиціи подавалъ проэктъ о необходимыхъ измѣненіяхъ мундировъ гражданскихъ чиновниковъ. Проэктъ этотъ какъ то начинался величаво и торжественно: "Обративъ въ особенности вниманіе на недостатокъ единства въ шитьѣ и покроѣ нѣкоторыхъ мундировъ гражданскаго вѣдомства, и взявъ въ основаніе и т. д."

Одержимый тою же болѣзнію проэктовъ министръ внутреннихъ дѣлъ, замѣнилъ земскихъ засѣдателей — становыми приставами. Засѣдатели жили по городамъ и наѣзжали въ деревни. Становые иногда съѣзжаются въ городъ, но постоянно живутъ въ деревнѣ. Всѣ крестьяне такимъ образомъ были отданы подъ надзоръ полиціи, и это при полномъ знаніи какое хищное, плотоядное, развратное существо—нашъ полицейскій чиновникъ. Блудовъ ввелъ полицейскаго въ тайны крестьянскаго промысла и богатства, въ семейную жизнь, въ мірскія дѣла и черезъ это коснулся послѣдняго убѣжища народной жизни. По счастію деревень у насъ очень много, а становыхъ бываетъ два на уѣздъ.

Почти въ тоже время, тотъ же Блудовъ выдумалъ Губернскія Вѣдомости. У насъ правительство, презирая всякую граммотность, имѣетъ большія притязанія на литературу; и въ то время какъ въ Англіи на пр. совсѣмъ нѣтъ казенныхъ журналовъ, у насъ каждое министерство издаетъ свой, академія и университеты свои. У насъ есть журналы горные и соляные, французскіе и нѣмецкіе, морскіе и сухопутные. Все это издается на казенный счетъ, подряды статей дѣлаются въ министер-

ствахъ, такъ какъ подряды на дрова и свѣчи, только безъ переторжки; недостатка въ общихъ отчетахъ, выдуманныхъ цифрахъ и фантастическихъ выводахъ не бываетъ. Взявши всѣ монополи, правительство взяло и монополь болтовни, оно велѣло всѣмъ молчать и стало говорить безъ умолку. Продолжая эту систему, Блудовъ велѣлъ чтобъ каждое губернское правленіе издавало свои вѣдомости и чтобъ каждая вѣдомость имѣла свою неоффиціальную часть для статей историческихъ, литературныхъ и пр.

Сказано, сдѣлано, и вотъ пятьдесятъ губернскихъ правленій рвутъ себѣ волосы надъ неоффиціальной частью. Священники изъ семинаристовъ, доктора медицины, учители гимназіи, всѣ люди состоящіе въ подозрѣніи образованія и умѣстнаго употребленія буквы "ѣ", берутся въ реквизицію. Они думаютъ, перечитываютъ "Библіотеку для чтенія" и "Отечественныя Записки", боятся, посягаютъ и наконецъ пишутъ статейки.

Видѣть себя въ печати, одна изъ самыхъ сильныхъ, искусственныхъ страстей человѣка, испорченнаго книжнымъ вѣкомъ. Но тѣмъ не меньше рѣшаться на публичную выставку своихъ произведеній—не легко, безъ особаго случая. Люди, которые не смѣли бы думать о печатаніи своихъ статей въ московскихъ вѣдомостяхъ, въ петербургскихъ журналахъ, стали печататься у себя дома. А между тѣмъ пагубная привычка имѣть органъ, привычка къ гласности, укоренилась. Да и совсѣмъ готовое орудіе имѣть не дурно. Типографскій станокъ тоже безъ костей!

— Товарищъ мой по редакціи, былъ кандидатъ нашего университета и однаго со мною отдѣленія. Я не имѣю духу говорить о немъ съ улыбкой, такъ горестно онъ кончилъ свою жизнь, а все таки до самой смерти онъ былъ очень смѣшенъ. Далеко не глупый, онъ былъ необыкновенно неуклюжъ и неловокъ. Не только полнѣйшаго безобразія трудно было встрѣтить, но и такаго большаго, т. е. такаго разтянутаго. Лицо его было вполтора больше обыкновеннаго, и какъ то шероховато, огромный рыбій ротъ раскрывался до ушей, свѣ-

тло-сѣрые глаза были не оттѣнены, а скорѣе освѣщены бѣлокурыми рѣсницами, жесткіе волосы скудно покрывали его черепъ и притомъ онъ былъ головою выше меня, сутуловатъ и очень неопрятенъ.

Онъ даже назывался такъ, что часовой во Владимірѣ посадилъ его въ караульню за его фамилію. Поздно вечеромъ шелъ онъ завернутый въ шинель мимо губернаторскаго дома, въ рукѣ у него былъ ручной телескопъ, онъ остановился и прицѣлился въ какую то планету; это озадачило солдата, вѣроятно считавшаго звѣзды казенной собственностью. "Кто идетъ?" закричалъ онъ неподвижно стоявшему наблюдателю. 'Небаба', отвѣчалъ мой пріятель густымъ голосомъ, не двигаясь съ мѣста.

— Вы не дурачтесь, отвѣтилъ оскорбленный часовой, я въ должности.

— Да говорю же, что я Небаба! Солдатъ не вытерпѣлъ и дернулъ звонокъ, явился унтеръ-офицеръ, часовой отдалъ ему астронома чтобъ свести на гауптвахту.—"Тамъ молъ тебя разберутъ, баба ты, или нѣтъ". Онъ непремѣнно просидѣлъ бы до утра, еслибъ дежурный офицеръ не узналъ его,

Разъ Небаба зашелъ ко мнѣ по утру, чтобъ сказать что ѣдитъ на нѣсколько дней въ Москву, при этомъ онъ какъ то умильно лукаво улыбался. "Я, сказалъ онъ заминаясь, я возвращусь не одинъ!" Какъ, вы — то есть? — "Да-съ, вступаю въ законный бракъ", отвѣтилъ онъ застѣнчиво. Я удивлялся героической отвагѣ женщины, рѣшающейся идти за этаго добраго, но ужъ черезъ чуръ некрасиваго человѣка. Но когда черезъ двѣ-три недѣли, я увидѣлъ у него въ домѣ, дѣвочку лѣтъ восьмнадцати, не то чтобъ красивую, но смазливенькую и съ живыми глазками, тогда я сталъ смотрѣть на него какъ на героя.

Мѣсяца черезъ полтора я замѣтилъ, что жизнь моего Казимодо шла плохо, онъ былъ подавленъ горемъ, дурно правилъ корректуру, не окончивалъ своей статьи "о перелетныхъ птицахъ" и былъ мрачно разсѣянъ; иногда мнѣ казались его

глаза заплаканными. Это продолжалось не долго. Разъ возвращаясь домой черезъ Золотыя Ворота, я увидѣлъ мальчиковъ и лавочниковъ, бѣгущихъ на погость церкви, полицейскіе суетились. Пошелъ и я.

Трупъ Небабы лежалъ у церковной стѣны, а возлѣ ружье. Онъ застрѣлился супротивъ оконъ своего дома, на ногѣ оставалась веревочка, которой онъ спустилъ курокъ. Инспекторъ врачебной управы плавно повѣствовалъ окружающимъ, что покойникъ нисколько не мучился; полицейскіе приготовлялись нести его въ часть.

— Куда природа свирѣпа къ лицамъ. Что и что прочувствовалось въ этой груди страдальца прежде, нежели онъ рѣшился своей веровочкой остановить маятникъ, мѣрившій ему одни оскорбленія, одни несчастія. И за что? За то что отецъ былъ золотушенъ, или мать лимфаточна? — Все это такъ. Но по какому праву мы требуемъ справедливости, отчета, причинъ,—у кого?—у крутящагося урагана жизни? . . .

ГЛАВА V.

Въ Москвѣ безъ меня.

Мирная жизнь моя во Владимірѣ, скоро была возмущена вѣстями изъ Москвы, которыя теперъ приходили со всѣхъ сторонъ. Онѣ сильно огорчали меня. Для того чтобъ сдѣлать ихъ понятными, надобно воротиться къ 1834 году.

На другой день послѣ моего взятія въ 1834 году, были имянины Княгини, потому то Natalie, разставаясь со мной на кладбищѣ, сказала мнѣ: "до завтра". Она ждала меня; — съѣхалось нѣсколько человѣкъ родныхъ, вдругъ является мой двоюродный братъ и разказываетъ со всѣми подробностями исторію моего ареста. Новость эта совершенно неожиданная, поразила ее, она встала чтобъ выйдти въ другую комнату и сдѣлавъ два шага упала безъ чувствъ на полъ. Княгиня все видѣла и все поняла; она рѣшилась противудѣйствовать всѣми средствами возникающей любви.

Для чего?

Не знаю. — Въ послѣднее время, т. е. послѣ окончанія моего курса, она была очень хорошо разположена ко мнѣ; но мой арестъ, слухи о нашемъ вольномъ образѣ мыслей, о измѣнѣ православной церквѣ при вступленіи въ сен-симонскую "секту", разгнѣвали ее; она съ тѣхъ поръ меня иначе не называла какъ "государственнымъ преступникомъ" или "несчастнымъ сыномъ брата Ивана". Весь авторитетъ Сенатора былъ нуженъ, чтобъ она рѣшилась отпустить Natalie въ Крутицы проститься со мной.

По счастію меня ссылали, времени передъ Княгиней было

много. “ Да и гдѣ это Пермь, Вятка, — вѣрно онъ тамъ себѣ свернетъ шею, или ему сверхнутъ ее, а главное тамъ онъ ее забудетъ.”

Но какъ на зло Княгини у меня память была хороша. Переписка со мной долго скрываемая отъ Княгини, была наконецъ открыта, и она строжайше запретила людямъ и горничнымъ доставлять письмы молодой дѣвушкѣ или отправлять ея письмы на почту. Года черезъ два стали поговоривать о моемъ возвращеніи. “Эдакъ пожалуй какимъ нибудь добрымъ утромъ несчастный сынъ брата отворитъ дверь и взойдетъ, чего тутъ долго думать, да откладывать,—мы ее выдадимъ за мужъ и спасемъ отъ государственнаго преступника, человѣка безъ религій и правилъ.”

Прежде Княгиня вздыхая говорила о бѣдной сиротѣ, о томъ что у нея почти ничего нѣтъ, что ей нельзя долго разбирать, что ей бы хотѣлось к а к ъ н и б у д ь пристроить ее при себѣ. Она дѣйствительно, съ своими приживалками устроила к о й к а к ъ судьбу одной дальней родственницы безъ состоянія, отдавъ ее за мужъ за какаго то подъячаго. Добрая, милая дѣвушка, очень развитая, пошла за мужъ, желая успокоить свою мать; года черезъ два она умерла, но подъячій остался живъ и изъ благодарности продолжалъ заниматься хожденіемъ по дѣламъ ея сіятельства. Теперь совсѣмъ напротивъ, сирота вовсе не бѣдная невѣста, Княгиня собирается ее выдать какъ родную дочь, даетъ одними деньгами сто тысячь рублей и оставляетъ сверхъ того какое то наслѣдство. На такихъ условіяхъ можно всегда найти жениховъ не только въ Москвѣ, но гдѣ угодно, особенно имѣя компаньонку, княжеской титулъ и кочующихъ старухъ.

Шопотъ, переговоры, слухи и горничныя довели до несчастной жертвы такой попечительности намѣренія Княгини. Она сказала компаньонкѣ, что рѣшительно не приметъ ничьего предложенія. Тогда началось безпрерывное, оскорбительное, лишенное пощады и всякой деликатности гоненіе; гоненіе ежеминутное, мелкое, цѣпляющееся за каждый шагъ, за каждое слово. “ Представъ себѣ дурную погоду, страшную

стужу, вѣтеръ, дождь, пасмурное, какое то безъ выраженія небо, прегадкую маленькую комнату, изъ которой кажется сей часъ вынесли покойника, а тутъ эти д ѣ т и безъ цѣли, даже безъ удовольствія, шумятъ, кричатъ, ломаютъ и маратъ все близкое, да хорошо бы еще еслибъ только можно было глядѣть на этихъ дѣтей, а когда заставляютъ быть въ ихъ средѣ" — пишетъ она въ одномъ письмѣ изъ деревни, куда Княгиня уѣзжала лѣтомъ, и продолжаетъ: "У насъ сидятъ три старухи и всѣ три разказываютъ какъ ихъ покойники были въ параличѣ, какъ онѣ за ними ходили—а и безъ того холодно."

Теперь къ этой средѣ прибавилось систематическое преслѣдованіе и уже не отъ одной Княгини, но и отъ жалкихъ старухъ, мучившихъ безпрерывно Natalie, уговоривая ее идти за мужъ и браня меня; большей частію она умалчивала въ письмахъ о рядѣ непріятностей выносимыхъ ею, но иной разъ горечь, униженіе и скука брали верхъ. "Незнаю, пишетъ она, можно ли выдумать еще что нибудь къ моему угнѣтенію, неужели у нихъ станетъ на столько ума? Знаешь ли ты, что даже выходъ въ другую комнату мнѣ запрещенъ, даже перемѣна мѣста въ той же комнатѣ. Я давно не играла на фортепьяно, подали огонь, иду въ залу, авось либо смилосердятся, нѣтъ, воротили, заставили вязать; пожалуй, только сяду у другаго стола, подлѣ нихъ мнѣ невыносимо—можно ли хоть это? Нѣтъ, непремѣнно сядь тутъ, рядомъ съ попадьей, слушай, смотри, говори—а онѣ только и говорятъ о Филаретѣ, да пересуживаютъ тебя. На минуту мнѣ стало досадно, я покраснѣла и вдругъ, тяжелое чувство грусти сдавило грудь, но не оттого, что я должна быть ихъ рабою, нѣтъ . . . мнѣ смертельно стало жаль ихъ."

Начинается формальное сватовство.

"У насъ была одна дама, которая любитъ меня и которую я за это не люблю . . . хлопочетъ что есть мочи пристроить меня и до того разсердила меня, что я пропѣла ей въ слѣдъ:

Гробовой скорѣй покроюсь пеленой,
Чѣмъ безъ милаго узорчатой фатой."

Черезъ нѣсколько дней 26 Октября 1837 г. она пишетъ —

"Что я вытерпѣла сегодня, другъ мой, ты не можешь себѣ представить. Меня нарядили и повезли къ С., которая съ дѣтства была ко мнѣ милостива черезъ мѣру, къ нимъ каждый вторникъ ѣздитъ полковникъ З. играть въ карты. Вообрази мое положеніе, съ одной стороны старухи за карточнымъ столомъ, съ другой разныя безобразныя фигуры и онъ; разговоръ, лица, все это такъ чуждо, странно, противно, такъ безжизненно, пошло, я сама была больше похожа на изваяніе, нежели на живое существо; все происходящее казалось мнѣ тяжкимъ удушливымъ сномъ, я какъ ребенокъ безпрерывно просила ѣхать домой, меня не слушали. Вниманіе хозяина и гостя задавили меня, онъ даже написалъ мѣломъ до половины мой вензель; Боже мой, моихъ силъ не достаетъ, ни на кого не могу опереться изъ тѣхъ, которые могли быть опорой; одна—на краю пропасти, и цѣлая толпа употребляетъ всѣ усилія, чтобъ столкнуть меня, иногда я устаю, силы слабѣютъ и нѣтъ тебя вблизи и вдали тебя не видно; но одно воспоминіе—и душа встрепенулась, готова снова на бой въ доспѣхахъ любви."

Между тѣмъ полковникъ понравился всѣмъ, Сенаторъ его ласкалъ, отецъ мой находилъ, что "лучше жениха нельзя ждать и желать не должно." "Даже, пишетъ Natalie, его превосходительство Д. П. доволенъ имъ." Княгиня не говорила прямо Natalie, но прибавляла притѣсненія и торопила дѣло. Natalie пробовала прикидываться при немъ совершенной 'дурочкой,' думая, что отстращаетъ его. Нисколько, онъ продолжаетъ ѣздить чаще и чаще.

" Вчера, пишетъ она, была у меня Эмилія, вотъ что она сказала.—Еслибъ я услышала, что ты умерла, я бы съ радостью перекрестилась и поблагодарила бы Бога. Она права въ многомъ, но не совсѣмъ, душа ея живущая однимъ горемъ поняла вполнѣ страданія моей души, но блаженство, которымъ наполняетъ ее любовь, едва ли ей доступно."

Но и Княгиня не унывала. "Желая очистить свою совѣсть, Княгиня призвала какого то священника, знакомаго съ З. и спрашивала его, не грѣхъ ли будетъ отдать меня насильно?

Священникъ сказалъ что это будетъ даже богоугодно пристроить сироту. Я пошлю за своимъ духовникомъ и открою ему все."

30 Октября. "Вотъ платье, вотъ нарядъ къ завтраму, а тамъ образъ, кольцы, хлопоты, приготовленія и ни слова мнѣ. Приглашены М. и другіе. Они готовятъ мнѣ сюрпризъ—и я готовлю имъ сюрпризъ.

Вечеръ. "Теперь происходитъ совѣщаніе. Левъ Алексѣевичъ (сенаторъ) здѣсь.—Ты уговориваешь меня, не нужно, другъ мой, я умѣю отворачиваться отъ этихъ ужасныхъ, гнусныхъ сценъ, куда меня тянутъ на цѣпи. Твой образъ сіяетъ надо мной, за меня нечего бояться, и самая грусть и самое горе такъ святы и такъ сильно и крѣпко обняли душу, что отрывая ихъ, сдѣлаешь еще больнѣе, раны откроются."

Однако какъ ни скрывали и ни маскировали дѣла, полковникъ не могъ не увидѣть рѣшительнаго отвращенія невѣсты; онъ сталъ рѣже ѣздить, сказался больнымъ, заикнулся даже о прибавкѣ приданаго, это очень разсѣрдило, но Княгиня прошла и черезъ это униженіе, она давала еще свою подмосковную. Этой уступки кажется и онъ не ждалъ, потому что послѣ нея онъ совсемъ скрылся.

Мѣсяца два прошли тихо. Вдругъ разнеслась вѣсть о моемъ переводѣ во Владиміръ. Тогда Княгиня сдѣлала послѣдній отчаянный опытъ сватовства. У одной изъ ея знакомыхъ былъ сынъ, офицеръ только что возвратившійся съ Кавказа, онъ былъ молодъ, образованъ и весьма порядочный человѣкъ. Княгиня откинувъ спѣсь, сама предложила его сестрѣ "посондировать" брата, не хочетъ ли онъ посвататься. Онъ поддался на внушенія сестры. Молодой дѣвушкѣ не хотѣлось еще разъ играть туже отвратительную и скучную роль, она видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, написала ему письмо, прямо, открыто и просто говорила ему, что любитъ другаго, довѣрялась его чести и просила не прибавлять ей новыхъ страданій.

Офицеръ очень деликатно устранился. Княгиня была поражена, оскорблена и рѣшилась узнать въ чемъ дѣло. Сестра

офицера, съ которой говорила сама Natalie и которая дала слово брату ничего не передавать Княгинѣ, разсказала все компаньонкѣ. Разумѣется, та тотчасъ же донесла.

Княгиня чуть не задохнулась отъ негодованія. Не зная что дѣлать, она приказала молодой дѣвушкѣ идти къ себѣ на верхъ и не казаться ей на глаза; не довольная этимъ, она велѣла запереть ея дверь и посадила двухъ горничныхъ для караула. Потомъ она написала къ своимъ братьямъ и одному изъ племянниковъ записки и просила ихъ собраться для совѣта, говоря что она такъ разстроена и огорчена, что не можетъ ума приложить къ несчастному дѣлу ее постигшему. Отецъ мой отказался, говоря, что у него своихъ заботъ много, что вовсе не нужно придавать случившемуся такой важности, и что онъ плохой судья въ дѣлахъ сердечныхъ. Сенаторъ и племянникъ явились на другой день вечеромъ по зову.

Долго толковали они, ни въ чемъ не согласились и наконецъ потребовали арестанта. Молодая дѣвушка взошла, но это была не та молчаливая, застѣнчивая сирота, которую они знали. Непоколебимая твердость и безвозвратное рѣшеніе, были видны въ спокойномъ и гордомъ выраженіи лица, это была не дитя, а женщина, которая шла защищать свою любовь—мою любовь.

Видъ 'подсудимой' смѣшалъ ареопагъ. Имъ было неловко; наконецъ племянникъ, l'orateur de la famille, изложилъ пространно причину ихъ съѣзда, горесть Княгини, ея сердечное желаніе устроить судьбу своей воспитанницы и странное противудѣйствіе со стороны той, въ пользу которой все дѣлается. Сенаторъ подтверждалъ головой и указательнымъ пальцемъ слова племянника. Княгиня молчала, сидѣла отвернувшись и нюхала соль.

'Подсудимая' все выслушала и простодушно спросила — Чего отъ нея требуютъ?

— Мы весьма далеки отъ того чтобъ что нибудь требовать, замѣтилъ племянникъ, мы здѣсь по волѣ тетушки для того, чтобъ дать вамъ искренній совѣтъ. Вамъ представляется партія, превосходная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я не могу ее принять.

— Какая же причина на это?

— Вы ее знаете.

Ораторъ семейства немного покраснѣлъ, понюхалъ табаку и щуря глаза продолжалъ: "Тутъ есть очень многое, противъ чего можно бы возражать, — я обращаю ваше вниманіе на шаткость вашихъ надеждъ. Вы такъ давно не видались съ нашимъ несчастнымъ Alexandr'омъ, онъ такъ молодъ, горячъ, увѣрены ли вы . . .?"

— Увѣрена. Да и какія бы намѣренія его ни были, я не могу перемѣнить своихъ.

Племянникъ исчерпалъ свою латынь, онъ всталъ говоря— "Дай Богъ, дай Богъ чтобъ вы не раскаялись, я очень боюсь за ваше будущее." Сенаторъ морщился, къ нему то и обратилась теперь несчастная дѣвушка. "Вы, сказала она ему, показывали мнѣ всегда участіе, Васъ я умоляю, спасите меня, сдѣлайте что хотите, но избавте меня отъ этой жизни. Я ничего никому не сдѣлала, ничего не прошу, ничего не предпринимаю, я только отказываюсь обмануть человѣка и погубить себя, выходя за него за мужъ. Что я за это терплю, нельзя себѣ представить, мнѣ больно, что я должна это высказать въ присутствіи Княгини, но выносить оскорбленія, обидныя слова, намеки ея пріятельницы, выше моихъ силъ. Я не могу, я не должна позволить, чтобъ во мнѣ былъ оскорбленъ . . . ." Нервы взяли свое и слезы градомъ полились изъ ея глазъ; Сенаторъ вскочилъ и взволнованный ходилъ по комнатѣ.

Въ это время компаньонка кипѣвшая отъ злобы не выдержала и сказала обращаясь къ Княгинѣ: "Какова наша скромница то, вотъ вамъ и благодарность."

— О комъ она говоритъ? закричалъ Сенаторъ—А?—Какъ это вы, сестрица, позволяете чтобъ эта чортъ знаетъ кто такая, при васъ такъ говорила о дочери вашего брата? Да и вообще зачѣмъ эта шваль здѣсь? Вы ее тоже позвали на совѣтъ? Что она вамъ родственница, что ли?

— Голубчикъ мой — отвѣчала испуганная Княгиня—ты знаешъ что она мнѣ и какъ она за мной ходитъ.

— Да, да, это прекрасно, ну и пусть подаетъ лекарство и что нужно; не о томъ рѣчь, я васъ, ma soeur, спрашиваю — зачѣмъ она здѣсь, когда говорятъ о семейномъ дѣлѣ, да еще голосъ подымаетъ? Можно думать послѣ этаго, что она дѣлаетъ одна, а потомъ жалуетесь.—Эй! карету!

Компаньонка разплаканная и разкраснѣвшаяся, выбѣжала вонъ.—Зачѣмъ вы такъ балуете ее, продолжалъ разходившійся Сенаторъ, она все воображаетъ, что въ шинкѣ въ Звѣнигородѣ сидитъ, какъ вамъ это не гадко!

— Перестань, мой другъ, пожалуста, у меня нервы такъ разстроены—охъ! Ты можешь идти на верхъ и тамъ остаться, прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

— Пора и бастильи всѣ эти уничтожить. Все это вздоръ и ни къ чему не ведетъ, замѣтилъ Сенаторъ и схватилъ шляпу.

Уѣзжая, онъ взошелъ на верхъ; взволнованная всѣмъ происшедшемъ, Natalie сидѣла на креслахъ закрывши лицо и горько плакала. Старикъ потрепалъ ее по плечу и сказалъ:

— Успокойся, успокойся, все перемѣнится. Ты постарайся, чтобъ сестра перестала сердиться на тебя, она женщина больная, надобно ей уступить, она вѣдь всежъ тебѣ добра желаетъ, ну а насильно тебя за мужъ не отдадутъ, за это я тебѣ отвѣчаю.

— Лучше въ монастырь, въ пансіонъ, въ Тамбовъ къ брату въ Петербургъ, нежели дольше выносить эту жизнь, отвѣчала она.

— Ну полно, полно, старайся успокоить сестру а дуру эту я отъучу отъ грубостей.

Сенаторъ проходя по залѣ, встрѣтилъ компаньонку, "прошу не забывается!" закричалъ онъ на нее, грозя пальцомъ. Она рыдая пошла въ спальню, гдѣ Княгиня уже лежала въ постелѣ и четыре горничныя терли ей руки и ноги, мочили виски уксусомъ и капали гофманскія капли на сахаръ.

Тѣмъ семейный совѣтъ и кончился.

Ясное дѣло, что положеніе молодой дѣвушки, не могло перемѣниться къ лучшему. Компаньонка стала осторожнѣе, но питая теперь личную ненависть и желая на ней вымѣстить обиду и униженіе, она отравляла ей жизнь мелкими, косвен-

ными средствами ; само собою разумѣется, что Княгиня участвовала въ этомъ неблагородномъ преслѣдованіи беззащитной дѣвушки.

Надобно было положить этому конецъ. Я рѣшился выступить прямо на сцену. Я написалъ моему отцу длинное, спокойное, искренное письмо. Я говорилъ ему о моей любви и предвидя его отвѣтъ, прибавлялъ, что я вовсе его не тороплю, что я даю ему время вглядѣться мимолетное это чувство или нѣтъ, и прошу его объ одномъ, чтобъ онъ и Сенаторъ взошли въ положеніе несчастной дѣвушки, чтобъ они вспомнили, что они имѣютъ на нее столько же права, сколько сама Княгиня.

Отецъ мой на это отвѣчалъ, что онъ въ чужія дѣла терпѣть не можетъ мѣшаться, что до него не касается что Княгиня дѣлаетъ у себя въ домѣ ; между прочимъ онъ мнѣ совѣтовалъ оставить пустыя мысли "порожденныя праздностью и скукой ссылки" и лучше приготовляться къ путешествію въ чужія края. Мы часто говаривали съ нимъ въ былые годы о поѣздкѣ за границу, онъ зналъ какъ страстно я желалъ, но находилъ бездну препятствій и всегда оканчивалъ однимъ: "Ты прежде закрой мнѣ глаза, потомъ дорога окрыта на всѣ четыре стороны... Въ ссылкѣ я потерялъ всякую надежду на скорое путешествіе, зналъ какъ трудно будетъ получить дозволеніе и сверхъ того мнѣ казалось неделикатно послѣ насильственной разлуки, настаивать на добровольную. Я помнилъ слезу, дрожавшую на старыхъ вѣкахъ, когда я отправлялся въ Пермь... и вдругъ мой отецъ беретъ инициативу и предлагаетъ мнѣ ѣхать.

Я былъ откровененъ, писалъ щадя старика, просилъ такъ мало ; онъ мнѣ отвѣчалъ ироніей и уловкой. "Онъ ничего не хочетъ сдѣлать для меня, говорилъ я самъ себѣ, онъ какъ Гизо проповѣдуетъ la non intervention, хорошо, такъ я сдѣлаю самъ и теперь аминь уступкамъ." Я ни разу прежде не думалъ объ устройствѣ будущаго ; я вѣрилъ, зналъ, что оно мое, что оно наше, и предоставлялъ подробности случаю ; намъ такъ было довольно сознанія любви, что желанія не шли дальше минутнаго свиданія. Письмо моего отца заставило меня схватить

будущее въ мои руки. Ждать было нечего.—Cosa fatta capo ha! Отецъ мой не очень сентименталенъ, а Княгиня—

Пускай себѣ поплачетъ
Ей ничего не значитъ.

Въ это время гостили во Владимірѣ, мой больной братъ и К. — Мы съ К. проводили цѣлыя ночи, на пролетъ говоря, вспоминая, смѣясь сквозь слезъ и до слезъ. Онъ былъ первый изъ нашихъ, котораго я увидѣлъ послѣ отъѣзда изъ Москвы. Отъ него я узналъ хронику нашего круга, въ чемъ перемѣны и какіе интересы занимаютъ; какія лица прибыли, гдѣ тѣ, которыя оставили Москву и пр. Переговоривши все, я разсказалъ о моихъ памѣреніяхъ. Разсуждая что и какъ слѣдуетъ сдѣлать, К. заключилъ предложеніемъ, нелѣпость котораго я оцѣнилъ потомъ. Желая исчерпать всѣ мирныя пути, онъ хотѣлъ съѣздить къ моему отцу, котораго едва зналъ и серьезно съ нимъ поговорить. Я согласился.

К. конечно былъ способнѣе на все хорошее и на все худое, нежели на дипломатическіе переговоры, особенно съ моимъ отцомъ. Словомъ, онъ имѣлъ въ высшей степени все то, что должно было окончательно испортить дѣло. Онъ однимъ появленіемъ своимъ наводилъ уныніе и тревогу на всякаго консерватора. Высокій ростомъ, съ волосами странно разбросанными, безъ всякаго единства прически, съ рѣзкимъ лицомъ, напоминающимъ рядъ членовъ Конвента 93 года, а всего болѣе Мара, съ тѣмъ же большимъ ртомъ, съ тою же рѣзкой чертой пренебреженія на губахъ и съ тѣмъ же грустно и озлобленно печальнымъ выраженіемъ; къ этому слѣдуетъ прибавить очки, шляпу съ широкими полями, чрезвычайную раздражительность, громкій голосъ, непривычку себя сдерживать и способность по мѣрѣ негодованія поднимать брови все выше и выше. К. былъ похожъ на Ларавинье въ превосходномъ романѣ Ж. Сандъ — Орасъ, съ примѣсью чего то патфайндерскаго, робинзоновскаго и еще чего то чисто московскаго. Открытая, благородная натура съ дѣтства, поставила его въ прямую ссору съ окружающимъ міромъ онъ не скрывалъ это враждебное отношеніе и привыкъ къ нему. Нѣсколь-

кими годами старше насъ, онъ безпрерывно бранился съ нами и былъ всѣмъ недоволенъ, дѣлалъ выговоры, ссорился и покрывалъ все это добродушіемъ ребенка. Слова его были грубы, но чувства нѣжны, и мы бездну прощали ему.

Представте же именно его, этаго послѣдняго Могикана, съ лицемъ Мара "друга народа", отправляющагося увѣщевать моего отца. Много разъ потомъ я заставлялъ К. пересказывать ихъ свиданіе, моего воображенія недоставало, чтобъ представить все оригинальное этаго дипломатическаго вмѣшательства. Оно пришлось такъ невзначай, что старикъ не нашелся сначала сталъ объяснять всѣ глубокія соображенія, почему онъ противъ моего брака, и потомъ уже, спохватившись, перемѣнилъ тонъ и спросилъ К. съ какой онъ стати пришелъ къ нему говорить о дѣлѣ до него вовсе не касающемся. Разговоръ принялъ характеръ желчевой. Дипломатъ, видя, что дѣло становится хуже, попробовалъ пугнуть старика моимъ здоровіемъ, но уже это была поздно, и свиданье окончилось, какъ слѣдовало ожидать, рядомъ язвительныхъ колкостей со стороны моего отца и грубыхъ выраженій со стороны К.

К. писалъ мнѣ: "Отъ старика ничего не жди." Этаго то и надо было. Но что было дѣлать, какъ начать? Пока я обдумывалъ по десяти разныхъ проэктовъ въ день и не рѣшался который предпочесть, братъ мой собрался ѣхать въ Москву.

Это было 1 Марта 1838 года.

ГЛАВА VI.

Третье Марта и Девятое Мая 1838 года.

Утромъ я писалъ письма; когда я кончилъ, мы сѣли обѣдать. Я не ѣлъ, мы молчали, мнѣ было невыносимо тяжело,—это было часу въ пятомъ, въ семь должны были придти лошади. —Завтра послѣ обѣда онъ будетъ въ Москвѣ, а я—и съ каждой минутой пульсъ у меня бился сильнѣе.

— Послушайте, сказалъ я наконецъ брату глядя въ тарелку, довезите меня до Москвы? — Братъ мой опустилъ вилку и смотрѣлъ на меня неувѣренный, послышалось ему или нѣтъ.

— Провезите меня черезъ заставу какъ вашего слугу, больше мнѣ ничего непужно, согласны?

— Да я пожалуй, только знаешь, чтобъ тебѣ потомъ . . .

Это ужъ было поздно, его 'пожалуй' было у меня въ крови, въ мозгу. Мысль едва мелькнувшая за минуту, была теперь неисторгаема.

— Что тутъ толковать мало ли что можетъ случиться — и такъ вы берете меня?

— Отчего же—я право готовъ—только . . .

Я вскочилъ изъ за стола.

— Вы ѣдите? спросилъ Матвѣй, желая что то сказать.

— Ѣду, отвѣчалъ я такъ что онъ ничего не прибавилъ. Я послѣ завтра возвращусь, коли кто придетъ, скажи что у менѣ болитъ голова и что я сплю, вечеромъ зажги свѣчи, и за симъ дай мнѣ бѣлья и сакъ.

Бубенчики позванивали на дворѣ.—Вы готовы?—Готовъ. И такъ въ добрый часъ.

На другой день въ обѣденную пору бубенчики перестали позванивать, мы были у подъѣзда К. Я велѣлъ его вызвать.

Недѣлю тому назадъ, когда онъ меня оставилъ во Владимірѣ, о моемъ пріѣздѣ не было даже предположенія, а потому онъ такъ удивился увидя меня, что сначала не сказалъ ни слова, а потомъ покатился со смѣху, но вскорѣ принялъ озабоченный видъ и повелъ меня къ себѣ. Когда мы были въ его комнатѣ, онъ тщательно запирая дверь на ключь, спросилъ меня :"Что случилось"

— Ничего.

— Да ты зачѣмъ?

— Я не могъ остаться во Владимірѣ, я хочу видѣть Natalie — вотъ и все, а ты долженъ это устроить, и сію же минуту, потому что завтра я долженъ быть дома.

К. смотрѣлъ мнѣ въ глаза и сильно поднялъ брови.—Какая глупость, это чортъ знаетъ что такое, безъ нужды, ничего не приготовивши ѣхать. Что ты, писалъ, назначилъ время?

— Ничего не писалъ.

— Помилуй, братецъ да что же мы съ тобой сдѣлаемъ? Это изъ рукъ вонъ, это бѣлая горячка!

— Въ томъ то все и дѣло, что не теряя ни минуты, надобно придумать какъ и что.

— Ты глупъ, сказалъ положительно К., забирая еще выше бровями, я былъ бы очень радъ, чрезвычайно радъ еслибъ ничего не удалось, былъ бы урокъ тебѣ.

— И довольно продолжительный, если попадусь. Слушай, когда будетъ темно, мы поѣдимъ къ дому Княгини, ты вызовешь кого нибудь на улицу, изъ людей, я тебѣ скажу кого,— ну потомъ увидимъ что дѣлать Ладно, что ли?

— Ну дѣлать нечего, пойдемъ, а ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось чтобъ не удалось! Что же вчера не написалъ? — и К. важно нахлобучилъ на себя свою шляпу съ длинными полями и набросилъ черный плащъ на красной подкладкѣ.

— Ахъ ты проклятый ворчунъ! сказалъ я ему выходя, и К. отъ души смѣясь, повторялъ: Да развѣ это не курамъ на смѣхъ, не написалъ и пріѣхалъ—это изъ рукъ вонъ.

У К. нельзя было оставатся, онъ жилъ ужасно далеко и въ этотъ день у его матери были гости. Онъ отправился со мной

къ одному гусарскому офицеру. К. его зналъ за благороднаго человѣка, онъ не былъ замѣшанъ въ политическія дѣла и слѣдственно внѣ полицейскаго надзора. Офицеръ съ длинными усами, сидѣлъ за обѣдомъ когда мы пришли; К. разсказалъ ему въ чемъ дѣло, офицеръ въ отвѣтъ налилъ мнѣ стаканъ краснаго вина и поблагодарилъ за довѣріе, потомъ отправился со мной въ свою спальню, украшенную сѣдлами и чепраками, такъ что можно было думать, что онъ спитъ верхомъ.

— Вотъ вамъ комната, сказалъ онъ, васъ никто здѣсь не обезпокоитъ, тутъ онъ позвалъ денщика гусара же и велѣлъ ему ни подъ какимъ предлогомъ никого не пускать въ эту комнату. Я снова очутился подъ охраной солдата, съ той разницей, что въ Крутицахъ жандармъ меня караулилъ отъ всего міра, а гусаръ караулилъ весь міръ отъ меня.

Когда совсѣмъ смерклось, мы отправились съ К. Сильно билось сердце когда я снова увидѣлъ знакомыя родныя улицы, мѣста, домы, которыхъ я не видалъ около четырехъ лѣтъ . . . Кузнецкій мостъ, Тверской бульваръ . . . вотъ и домъ П., ему нахлобучили какой то огромный гербъ, онъ чужой ужъ; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ мы такъ юно жили, жилъ портной... вотъ Поварская — духъ занимается, въ мезонинѣ, въ угловомъ окнѣ горитъ свѣчка, это ея комната, она пишетъ ко мнѣ, она думаетъ обо мнѣ, свѣча такъ весело горитъ, такъ м н ѣ горитъ.

Пока мы придумывали, какъ лучше вызвать кого нибудь, намъ на встрѣчу бѣжитъ одинъ изъ молодыхъ офиціантовъ Княгини. “ Аркадій”, сказалъ я поровнявшись. Онъ меня не узналъ. “Что съ тобой, сказалъ я, своихъ не узнаешь?”—“Да это вы-съ?” вскрикнулъ онъ, я приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ : “Хочешь ли ты мнѣ сослужить дружескую службу, доставь немедленно, черезъ Сашу или Костиньку, какъ можно скорѣй вотъ эту записочку, понимаешь? Мы будемъ ждать отвѣтъ въ переулкѣ за угломъ, и ни полслова никому о томъ, что ты меня видѣлъ въ Москвѣ.”

—Будьте покойны, все обдѣлаемъ въ мигъ, отвѣчалъ Аркадій и пустился рысью домой.

Около получаса ходили мы взадъ и впередъ по переулку,

прежде нежели вышла, торопясь и оглядываясь небольшая, худенькая старушка, та сама бойкая горничная, которая въ 1812 году у французскихъ солдатъ просила для меня 'манже'; съ дѣтства мы звали ее Костинькой. Старушка взяла меня обѣими руками за лицо и разцаловала. "Такъ то ты и пріѣхалъ, говорила она, ахъ ты буйная голова, и когда ты это уймешся, безпутный ты мой, и барышню такъ испугалъ, что чуть въ обморокъ не упала.

—Что же записочка, есть у васъ?

—Есть, есть, ишь какой нетерпѣливый, и она мнѣ подала лоскутокъ бумаги.

—Дрожащей рукой, карандашомъ, были написаны нѣсколько словъ: "Боже мой, неужели это правда—ты здѣсь, завтра въ шестомъ часу утра, я буду тебя ждать, не вѣрю, не вѣрю! неужели это не сонъ?"

Гусаръ снова меня отдалъ на сохраненіе денщику. Въ пять часовъ съ половиной я стоялъ прислонившись къ фонарному столбу и ждалъ К. взошедшаго въ калитку княгининаго дома. Я и не попробую передать того, что происходило во мнѣ пока я ждалъ у столба; такія мгновенія остаются потому личной тайной, что они нѣмы.

К. махалъ мнѣ рукой. Я взошелъ въ калитку, мальчикъ, который успѣлъ вырости, провожалъ меня, знакомо улыбаясь. И вотъ я въ передней, въ которую нѣкогда входилъ зѣвая, а теперь готовъ былъ пасть на колѣна и цаловать каждую доску пола. Аркадій привелъ меня въ гостинную и вышелъ. Я утомленный бросился на диванъ, сердце билось такъ сильно, что мнѣ было больно, и сверхъ того мнѣ было страшно. Я растягиваю разсказъ, чтобъ дольше остаться съ этими воспоминаніями, хотя и вижу что слово ихъ плохо беретъ.

Она взошла, вся въ бѣломъ, ослѣпительно-прекрасна, три года разлуки и вынесенная борьба окончили черты и выраженіе. — "Это ты", сказала она своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.

Мы сѣли на диванъ и молчали.

Выраженіе счастія въ ея глазахъ доходило до страданія.

Должно быть чувство радости, доведенное до высшей степени, смѣщивается съ выраженіемъ боли, потому что и она мнѣ сказала: "Какой у тебя измученный видъ."

Я держалъ ея руку, на другую она облокотилась, и намъ нечего было другъ другу сказать... короткія фразы, два-три воспоминанія, слова изъ писемъ, пустыя замѣчанія объ Аркадіи, о гусарѣ, о Костинькѣ.

Потомъ взошла няпюшка, говоря что пора, и я всталъ не возражая и она меня не останавливала... такая полнота была въ душѣ. Больше, меньше, короче, дольше, еще, все это изчезало передъ полнотой настоящаго...

Когда мы были за заставой, К. спросилъ: "Что же у васъ, рѣшено что нибуть?"

— Ничего.

— Да ты говорилъ съ ней?

— Объ этомъ ни слова.

— Она согласна?

— Я не спрашивалъ,—разумѣется согласна.

— Ты ей Богу поступаешь какъ дитя или какъ сумашедшій, замѣтилъ К. повышая брови и пожимая съ негодованіемъ плечами.

— Я ей напишу, потомъ тебѣ, а теперь прощай!— Путка по всѣмъ по тремъ!

На дворѣ была оттепель, рыхлой снѣгъ мѣстами чернѣлъ, безконечная бѣлая поляна лежала съ обѣихъ сторонъ, деревеньки мелькали съ своимъ дымомъ, потомъ взошелъ мѣсяцъ и иначе освѣтилъ все; я былъ одинъ съ ямщикомъ и все смотрѣлъ и все былъ тамъ съ нею, и дорога и мѣсяцъ и поляны какъ то смѣшивались съ княгининой гостинной. И странно я помнилъ каждое слово няпюшки, Аркадія, даже горничной проводившей меня до воротъ, но что я говорилъ съ нею, что она мнѣ говорила не помнилъ!

Два мѣсяца прошли въ безпрерывныхъ хлопотахъ, надобно было занять денегъ, достать метрическое свидѣтельство; оказалось, что Княгиня его взяла. Одинъ изъ друзей досталъ всѣми неправдами другое изъ консисторіи—платя, кланяясь, потчуя квартальныхъ и писарей.

Когда все было готово, мы поѣхали, т. е. я и Матвѣй.

На разсвѣтѣ 8 Мая, мы были на послѣдней ямской станціи передъ Москвой. Ямщики пошли за лошадями. Погода была душная, дождь капалъ, казалось будетъ гроза, я не вышелъ изъ кибитки и торопилъ ямщика. Кто то страннымъ голосомъ тонкимъ, плаксивымъ, протяжнымъ говорилъ возлѣ. Я обернуся и увидѣлъ дѣвочку лѣтъ шестнадцати блѣдную, худую, въ лохмотьяхъ и съ разпущенными волосами, она просила милостыню. Я далъ ей мелкую серебряную монету; она захохотала увидя ее, но вмѣсто того, чтобъ идти прочь, влѣзла на облучекъ кибитки, повернулась ко мнѣ и стала бормотать полусвязныя рѣчи, глядя мнѣ прямо въ лице; ея взглядъ былъ мутенъ, жалокъ, пряди волосъ падали на лицо.—Болѣзненное лицо ея, непонятная болтовня вмѣстѣ съ утреннимъ освѣщеніемъ, наводили на меня какую то нервную робость.

— Это у насъ такъ юродивая, т. е. дурочка, замѣтилъ ямщикъ. И куда ты лезишь, вотъ стягну, такъ узнаешь! Ей Богу стягну, озарница эдакая!

— Что ты бронишся, что я тѣ сдѣлла — вотъ баринъ то серебряной пятачекъ далъ, а что я тебѣ сдѣлла?

— Ну далъ, такъ и убирайся къ своимъ чертямъ въ лѣсъ.

— Возьми меня съ собой, прибавила дѣвочка, жалобно глядя на меня, ну право возьми . . .

— Въ Москвѣ показывать за деньги, чудо молъ юдо, ракъ морской, замѣтилъ ямщикъ, ну слѣзай, что ли, трогаемъ.

Дѣвочка не думала идти, а все жалобно смотрѣла, я просилъ ямщика не обижать ее, онъ взялъ ее тихо въ охабку и поставилъ на землю. Она расплакалась, и я готовъ былъ плакать съ нею.

Зачѣмъ это существо попалось мнѣ именно въ этотъ день, именно при въѣздѣ въ Москву? Я вспомнилъ "Безумную" Козлова, и ее онъ встрѣтилъ подъ Москвой.

Мы поѣхали, воздухъ былъ полонъ электричества, непріятно тяжелъ и тепелъ. Синяя туча, опускавшаяся сѣрыми клочьями до земли, медленно тащилась ими по полямъ—и вдругъ зигъ

загъ молніи прорѣзалъ ее своими уступами вкось — ударилъ громъ и дождь полился ливнемъ. Мы были верстахъ въ десяти отъ Рогожской заставы, да еще Москвой приходилось съ часъ ѣхать до Дѣвичьяго поля. Мы пріѣхали къ А., гдѣ меня долженъ былъ ожидать К. рѣшительно безъ сухой нитки на тѣлѣ.

К. не было на лицо. Онъ былъ у изголовья умирающей женщины, Е. Д. Левашевой. Женщина эта принадлежала къ тѣмъ удивительнымъ явленіямъ русской жизни, которыя мирятъ съ нею, которыхъ все существованіе подвигъ, никому невѣдомый, кромѣ небольшаго круга друзей. Сколько слезъ утерла она, сколько внесла утѣшеній не въ одну разбитую душу, сколько юныхъ существованій поддержала она и сколько сама страдала. "Она изошла любовью", сказалъ мнѣ Чаадаевъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей ея, посвятившій ей свое знаменитое письмо о Россіи.

К. не могъ ее оставить и писалъ, что около девяти часовъ пріѣдетъ. Меня встрѣвожила эта вѣсть. Человѣкъ, объятый сильной страстью, страшный эгоистъ; я въ отсутствіи К. видѣлъ одну задержку . . . когда же пробило девять часовъ, раздался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ и прошло еще четверть часа, мною овладѣло лихорадочное безпокойство и малодушное отчаяніе . . . Половина десятаго—нѣтъ, онъ не будетъ, больной вѣрно хуже, что мнѣ дѣлать?—Оставаться въ Москвѣ не могу, одно неосторожное слово горничной, нянюшки въ домѣ Княгини, откроетъ все. Ѣхать назадъ было возможно; но я чувствовалъ, что у меня не было силы ѣхать назадъ.

Въ три четверти десятаго явился К. въ соломенной шляпѣ, съ измятымъ лицомъ человѣка не спавшаго цѣлую ночь. Я бросился къ нему и обнимая его, осыпалъ упреками. К. нахмурившись, посмотрѣлъ на меня и спросилъ: "Развѣ получаса не достаточно, чтобъ дойдти отъ А. до Поварской? Мы бы тутъ болтали съ тобой цѣлый часъ, ну оно какъ непріятно, а я изъ этого не рѣшился прежде, нежели было нужно оставить умирающую женщину. Левашева, прибавилъ онъ, посылаетъ вамъ свое привѣтствіе, она благословила меня на успѣхъ своей умирающей рукой и дала мнѣ на случай нужды

теплую шаль." Привѣтъ умирающей былъ для меня необыкновенно дорогъ. Теплая шаль была очень нужна ночью, и я не успѣлъ ее поблагодарить, ни пожать ея руки .... она вскорѣ скончалась.

К. и А. отправились. К. долженъ былъ ѣхать за заставу съ Natalie, А. воротиться чтобы сказать мнѣ все ли успѣшно, и что дѣлать. Я остался ждать съ его милой, прекрасной женой; она сама недавно вышла за мужъ, страстная, огненная натура, она принимала самое горячее участіе въ нашемъ дѣлѣ; она старалась съ притворной веселостью увѣрить меня, что все пойдетъ превосходно, а сама была до того снѣдаема безпокойствомъ, что безпрестанно мѣнялась въ лицѣ. Мы съ ней сѣли у окна, разговоръ не шелъ; мы были похожи на дѣтей посаженныхъ за вину въ пустую комнату. Такъ прошли часа два.

Въ мірѣ нѣтъ ничего разрушительнѣе, невыносимѣе, какъ бездѣйствіе и ожиданіе въ такія минуты. Друзья дѣлаютъ большую ошибку, снимая съ плечъ главнаго пацієнта всю ношу. Выдумать надобно занятія для него, если ихъ нѣтъ, задавить физической работой, разсѣять недосугомъ, хлопотами.

Наконецъ взошелъ А., мы бросились къ нему, "Все идетъ чудесно, они при мнѣ ускакали, кричалъ онъ намъ со двора. Ступай сейчасъ за Рогожскую заставу, тамъ у мостика увидишь лошадей не далеко Перова трахтира. Съ Богомъ. Да перемѣни на полдорогѣ извощика, чтобъ послѣдній не зналъ откуда ты."

Я пустился какъ изъ лука стрѣла ... Вотъ и мостикъ не далеко отъ Перова; никого нѣтъ, да и по другую сторону мостикъ и тоже никого нѣтъ. Я доѣхалъ до измаиловскаго звѣринца, никого; я отпустилъ извощика и пошелъ пѣшкомъ. Ходя взадъ и впередъ, я наконецъ увидѣлъ на другой дорогѣ какой то экипажъ; молодой красивый кучеръ стоялъ возлѣ. "Не проѣзжалъ ли здѣсь, спросилъ я его, баринъ высокій въ соломенной шляпѣ и не одинъ—съ барышней?"

— Я никого не видалъ, отвѣчалъ нехотя кучеръ.

— Да ты съ кѣмъ здѣсь?

— Съ господами.

— Какъ ихъ зовутъ?

— А вамъ на что?

— Экой ты братецъ какой, не было бы дѣла, такъ и не спрашивалъ бы.

Кучеръ посмотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ и улыбнулся, видъ мой казалось его лучше разположилъ въ мою пользу. "Коли дѣло есть, такъ имя сами должны знать, кого вамъ надо?"

— Экой ты кремень какой, ну подобно мнѣ барина, котораго К. зовутъ.

Кучеръ еще улыбнулся и указывая пальцемъ на кладбище, сказалъ: "Вотъ вдали то видите, чернѣетъ, это самый онъ и есть и барышня съ нимъ, шляпки то не взяли, такъ уже Г. К. свою дали, благо соломенная."—И въ этотъ разъ мы встрѣчались на кладбищѣ!

. . . Она съ легкимъ крикомъ бросилась мнѣ на шею—"И навсегда!" сказала она; "навсегда" повторилъ я. К. былъ тронутъ, слезы дрожали на его глазахъ, онъ взялъ наши руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ: "Друзья, будьте счастливы!" Мы обняли его. Это было наше дѣйствительное бракосочетаніе!

Мы были больше часу въ особой комнатѣ Перова трахтира, а коляска съ Матвѣемъ еще не пріѣзжала? К. хмурился. Намъ и въ голову не шла возможность несчастія, намъ такъ хорошо было тутъ втроемъ и такъ дома какъ будто мы и все вмѣстѣ были. Передъ окпами была роща, снизу слышалась музыка и раздавался цыганскій хоръ; день послѣ грозы былъ прекрасный.

Полицейской погони со стороны Княгини я не боялся, какъ К.; я зналъ, что она изъ спѣси не замѣшаетъ квартальнаго въ семейное дѣло. Сверхъ того, она ничего не предпринимала безъ Сенатора, ни Сенаторъ безъ моего отца; отецъ мой никогда не согласился бы на то, чтобъ полиція остановила меня въ Москвѣ или подъ Москвой, т. е. чтобъ меня отправили въ

Бобруйскъ или въ Сибирь за нарушеніе высочайшей воли. Опасность могла только быть со стороны тайной полиціи, но все было сдѣлано такъ быстро, что ей трудно было знать; да если она что нибудь и провѣдала, то кому же придетъ въ голову, чтобъ человѣкъ тайно возвратившійся изъ ссылки, который увозитъ свою невѣсту, спокойно сидѣлъ въ Перовомъ трахтирѣ, гдѣ народъ толчется съ утра до ночи.

Явился накопецъ и Матвѣй съ коляской. "Еще бокалъ!" командовалъ К. — и въ путь. И вотъ мы одни, т. е. вдвоемъ несемся по владимірской дорогѣ.

Въ Буньковѣ, пока мѣняли лошадей, мы взошли на постоялый дворъ. Старушка хозяйка пришла спросить не надо ли чего подать и добродушно глядя на насъ, сказала: "Какая хозяюшка то у тебя молоденькая, да пригожая—и оба то вы Господь съ вами—парочка". Мы покраснѣли до ушей, не смѣли взглянуть другъ на друга и спросили чаю, чтобъ скрыть смущеніе. На другой день часу въ шестомъ мы пріѣхали во Владиміръ. Время терять было нечего; я бросился, оставивъ у однаго стараго семейнаго чиновника невѣсту, узнать все ли готово. Но кому же было готовить во Владимірѣ?

Вездѣ не безъ добрыхъ людей. Во Владимірѣ стоялъ тогда сибирскій уланскій полкъ; я мало былъ знакомъ съ офицерами, но встрѣчаясь довольно часто съ однимъ изъ нихъ въ публичной библіотекѣ, я сталъ съ нимъ кланяться; онъ былъ очень учтивъ и милъ. Съ мѣсяцъ спустя онъ признался мнѣ, что зналъ меня и мою исторію 1834 года, разсказалъ что онъ самъ изъ студентовъ московскаго университета. Уѣзжая изъ Владимира и отыскивая кому поручить мнѣ разные хлопоты, я подумалъ объ немъ, поѣхалъ къ нему и прямо разсказалъ въ чемъ дѣло. Онъ, искренно тронутый моей довѣренностью, пожалъ мнѣ руку, все обѣщалъ и все исполнилъ.

Офицеръ ожидалъ меня во всей формѣ, съ бѣлыми отворотами, съ киверомъ безъ чахла, съ ледункой черезъ плечо, со всякими шнурками. Онъ сообщилъ мнѣ, что архіерей разрѣшилъ священнику вѣнчать, но велѣлъ предварительно показать метрическое свидѣтельство. Я отдалъ офицеру свидѣтель-

ство, а самъ отправился къ другому молодому человѣку, тоже изъ московскаго университета. Онъ служилъ свои два губернскихъ года, по новому положенію, въ канцеляріи губернатора и пропадалъ отъ скуки. "Хотите быть шаферомъ;"—У кого? —У меня.—Какъ, у васъ?—Да, да, у меня.—Очень радъ, когда?—Сей часъ. Онъ думалъ что я шучу, но когда я ему наскоро сказалъ въ чемъ дѣло, онъ вспрыгнулъ отъ радости. — Быть шаферомъ на тайной свадьбѣ, хлопотать, можетъ попасть подъ слѣдствіе, и все это въ маленькомъ городѣ безъ всякихъ разсѣяній. Онъ тотчасъ обѣщалъ достать для меня карету, четверку лошадей и бросился къ комоду смотрѣть есть ли чистый, бѣлый жилетъ.

Ѣхавши отъ него, я встрѣтилъ моего улана, онъ везъ на колѣняхъ священника. Представте себѣ пестраго, разнаряженнаго офицера на маленькихъ дрожкахъ съ дороднымъ попомъ, украшеннымъ большой, разчесанной бородой, въ шелковой рясѣ, которая цѣплялась за всѣ ненужности уланской сбруи. Одна эта сцена могла бы обратить на себя вниманіе не только улицы идущей отъ владимірскихъ Золотыхъ Воротъ, но и парижскихъ бульваровъ или самой Реженть стритъ. А уланъ и не подумалъ объ этомъ, да и я подумалъ уже послѣ. Священникъ ходилъ по домамъ съ молебномъ, это былъ Николинъ день, и мой кавалеристъ насилу гдѣ то его поймалъ и взялъ въ реквизицію. Мы поѣхали къ Архіерею.

Для того чтобъ понять въ чемъ дѣло, надобно разсказать какъ вообще Архіерей могъ быть замѣшанъ въ это дѣло. За день до моего отъѣзда священникъ согласившійся вѣнчать, вдругъ объявилъ, что безъ разрѣшенія Архіерея, онъ вѣнчать не станетъ, что онъ что то слышалъ, что онъ боится. Сколько мы ни ораторствовали съ уланомъ, — священникъ уперся и стоялъ на своемъ. Уланъ предложилъ попробовать ихъ полковаго попа. Священникъ этотъ бритый, стриженый, въ длинномъ, долгополомъ сертукѣ, въ сапогахъ сверхъ штановъ, смиренно курившій изъ солдатской трубченки, хотя и былъ тронутъ нѣкоторыми подробностями нашего предложенія, но вѣнчать отказался, говоря, и притомъ на какомъ то польско-

бѣлорускомъ парѣчіи, что имъ строго на строго заказано вѣнчать "цивильныхъ". — А намъ еще строже запрещено быть свидѣтелами и шафферами безъ позволенія, замѣтилъ ему офицеръ, а вѣдь вотъ я иду же.

— Инное дѣло, предъ Іесусомъ инное дѣло.

— Смѣлымъ владѣетъ Богъ, сказалъ я Улану, я ѣду сей часъ къ Архіерею. Да кстати зачѣмъ же вы не спросите позволенія?

— Не нужно. Полковникъ скажетъ женѣ, а та разболтаетъ. Да еще пожалуй онъ не позволитъ.

Владимірскій Архіерей Парѳеній, былъ умный, суровый и грубый старикъ, разпорядительный и своеобычный; онъ равно могъ быть губернаторомъ или генераломъ, да еще я думаю генераломъ онъ былъ бы больше на мѣстѣ, нежели монахомъ; но случилось иначе, и онъ управлялъ своей эпархіей какъ управлялъ бы дивизіей на Кавказѣ. Я въ немъ вообще замѣчалъ гораздо больше свойствъ администратора, нежели живаго мертвеца. Онъ впрочемъ былъ больше человѣкъ крутой, нежели злой; какъ всѣ дѣловые люди, онъ понималъ вопросы быстро, рѣзко и бѣсился когда ему толковали вздоръ или не понимали его. Съ такими людьми вообще гораздо легче объясняться, нежели съ людьми мягкими, но слабыми и нерѣшительными. По обыкновенію всѣхъ губернскихъ городовъ, я послѣ пріѣзда во Владиміръ, зашелъ разъ послѣ обѣдни къ Архіерею. Онъ радушно меня принялъ, благословилъ и подчивалъ семгой; потомъ пригласилъ когда нибудь пріѣхать посидѣть вечеромъ, потолковать, говоря, что у него слабѣютъ глаза и онъ читать по вечерамъ не можетъ. Я былъ раза два-три; онъ говорилъ о литературѣ, зналъ всѣ новыя русскія книги, читалъ журналы, и такъ мы съ нимъ были какъ нельзя лучше. Тѣмъ не менѣе не безъ страха постучался я въ его архипастырскую дверь.

День былъ жаркій. Преосвященный Парѳеній принялъ меня въ саду. Онъ сидѣлъ подъ большой тѣнистой липой, снявъ клобукъ и разпустивъ свои сѣдые волосы. Передъ нимъ стоялъ безъ шляпы, на самомъ солнцѣ, статный, плѣшивый протопопъ и читалъ вслухъ какую то бумагу; лице его было

багрово и крупныя капли пота выступали на лбу, онъ щурился отъ ослѣпительной бѣлизны бумаги освѣщенной солнцемъ—и ни онъ не смѣлъ подвинутся, ни Архіерей ему не говорилъ, чтобъ онъ отошелъ.

— Садитесь, сказалъ онъ мнѣ, благословляя, мы сей часъ кончимъ, это наши консисторскія дѣлишки. Читай, прибавилъ онъ протопону, и тотъ обтершись синимъ платкомъ и откашлянувъ въ сторону, снова принялся за чтеніе.

— Что скажете новаго, спросилъ меня Парѳеній, отдавая перо протопону, который воспользовался сей вѣрной оказіей, чтобъ поцаловать руку.

Я разсказалъ ему объ отказѣ священника.

—У васъ есть свидѣтельства?

—Я показалъ губернаторское разрѣшеніе.

—Только то?

—Только. Парѳеній улыбнулся.

—А со стороны невѣсты?

—Есть метрическое свидѣтельство, его привезутъ въ день свадьбы.

—Когда свадьба?

—Черезъ два дня.

—Что же вы нашли домъ?

—Нѣтъ еще.

—Ну вотъ видите, сказалъ мнѣ Парѳеній, кладя палецъ за губу и разтягивая себѣ роть, зацѣпивши имъ за щеку, одна изъ его любимыхъ игрушекъ. Вы человѣкъ умный и начитанный, ну а стараго воробья на мякинѣ вамъ не провести. У васъ тутъ что то не ладно; такъ вы, коли уже пожаловали ко мнѣ, лучше разскажите мнѣ ваше дѣло по совѣсти, какъ на духу. Ну я тогда прямо вамъ и скажу, что можно и чего нельзя, во всякомъ случаѣ совѣтъ дамъ не къ худу.

Мнѣ казалось мое дѣло такъ чисто и право, что я разсказалъ ему все, разумѣется, не вступая въ ненужныя подробности. Старикъ слушалъ внимательно и часто смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Оказалось что онъ давнишій знакомый съ Княгиней и долею могъ стало быть самъ повѣрить истину моего разсказа.

—Понимаю, понимаю, сказалъ онъ когда я кончилъ. Ну дайте-ка я напишу отъ себя письмо къ Княгинѣ.

—Будьте увѣрены, что всѣ мирныя средства ни къ чему не поведутъ, капризы, ожесточеніе, все это зашло слишкомъ далеко. Я вашему преосвященству все разсказалъ, такъ какъ вы желали, теперь я прибавлю, если вы мнѣ откажете въ помощи, я буду принужденъ тайкомъ, воровски, за деньги сдѣлать то, что дѣлаю теперь безъ шума, но прямо и открыто. Могу увѣрить васъ въ одномъ, ни тюрьма, ни новая ссылка меня не остановятъ.

—Видишь — сказалъ Парѳеній, вставая и потягиваясь — прыткій какой, тебѣ все еще мало Перми то, не укатали крутыя горы. Что я развѣ говорю, что запрещаю? Вѣнчайся себѣ пожалуй, противузаконнаго ничего нѣтъ; ну лучше бы было семейно, да кротко. Пришлите-ка ко мнѣ вашего попа, уломаю его какъ нибудь; ну только одно помните, безъ документовъ со стороны невѣсты и не пробуйте. Такъ "ни тюрьма, ни ссылка"—ишь какіе нынче подумаешь люди стали,—ну Господь съ вами, въ добрый часъ, а съ Княгиней то вы меня поссорите.

И такъ въ нашъ заговоръ сверхъ улана, вступилъ высокопреосвѣщенный Парѳеній, Архіепископъ владимирскій и суздальскій.

Когда я предварительно просилъ у губернатора дозволеніе, я вовсе не представлялъ моего брака тайнымъ, это было вѣрнѣйшее средство, чтобъ никто не говорилъ, и чего же было естественнѣе пріѣзда моей невѣсты во Владиміръ, когда я былъ лишенъ права изъ него выѣхать. Тоже естественно было и то, что въ такомъ случаѣ мы желали вѣнчаться — какъ можно скромнѣе.

Когда мы съ священникомъ пріѣхали 9 Мая къ Архіерею, намъ послушникъ его объявилъ, что онъ съ утра уѣхалъ въ свой загородный домъ и до ночи не будетъ. Былъ уже восьмой часъ вечера, послѣ десяти вѣнчать нельзя, слѣдующій день была суббота. Что дѣлать? Священникъ трусилъ. Мы взошли къ іеромонаху, духовнику Архіерея; монахъ пилъ чай

съ ромомъ и былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи. Я разсказалъ ему дѣло, онъ мнѣ налилъ чашку чая и настоятельно требовалъ, чтобъ я прибавилъ рому; потомъ онъ вынулъ огромныя серебряныя очки, прочиталъ свидѣтельство, повернулъ его, посмотрѣлъ съ той стороны гдѣ ничего не было написано, сложилъ и отдавая священнику, сказалъ: "Въ наисовершеннѣйшемъ порядкѣ." Священникъ все еще мялся. Я говорилъ отцу іеромонаху, что если я сегодня не обвѣнчаюсь, мнѣ будетъ страшное разстройство. "Что откладывать, сказалъ Іеромонахъ, я доложу преосвященнѣйшему, повѣнчайте, отецъ Іоаннъ, повѣнчайте — во имя отца и сына и святаго духа— Аминь!" Попу нечего было говорить, онъ поѣхалъ писать обыскъ, я поскакалъ за Natalie.

. . . Когда мы выѣзжали изъ Золотыхъ Воротъ вдвоемъ, безъ чужихъ, солнце до тѣхъ поръ закрытое облаками ослѣпительно освѣтило насъ послѣдними ярко красными лучами, да такъ торжественно и радостно, что мы сказали въ одно слово: вотъ наши провожатые! Я помню ея улыбку при этихъ словахъ и пожатье руки.

Маленькая ямская церковь, верстахъ въ трехъ отъ города, была пуста, не было ни пѣвчихъ, ни зажженыхъ паникадилъ. Человѣкъ пять простыхъ улановъ взошли мимоходомъ и вышли. Старый дьячекъ пѣлъ тихимъ и слабымъ голосомъ, Матвѣй со слезами радости смотрѣлъ на насъ, молодые шафферы стояли за нами съ тяжелыми вѣнцами, которыми перевѣнчали всѣхъ владимірскихъ ямщиковъ. Дьячекъ подавалъ дрожащей рукой серебряный ковшъ единенія . . . въ церкви становилось темно, только нѣсколько мѣстныхъ свѣчъ горѣло. Все это было или казалось намъ необыкновенно изящно, именно своей простотой. Архіерей проѣхалъ мимо и увидя отворенныя двери въ церквѣ, остановился и послалъ спросить что дѣлается; священникъ нѣсколько поблѣднѣвшій самъ вышелъ къ нему и черезъ минуту возвратился съ веселымъ видомъ и сказалъ намъ: "Высокопреосвященнѣйшій посылаетъ вамъ свое архипастырское благословеніе и велѣлъ сказать, что онъ молится о васъ."

Когда мы ѣхали домой, вѣсть о таинственномъ бракѣ разнеслась по городу, дамы ждали на балконахъ, окна были открыты, я опустилъ стекла въ каретѣ и нѣсколько досадовалъ, что сумерки мѣшали мнѣ показать "молодую."

Дома мы выпили съ шаффераии и Матвѣемъ двѣ бутылки вина, шафферы посидѣли минутъ двадцать и мы остались одни и намъ опять какъ въ Перовѣ. это казалось такъ естественно, такъ просто, само собою понятно, что мы совсѣмъ не удивлялись, а потомъ мѣсяцы цѣлые не могли надивиться тому же.

У насъ было три комнаты, мы сѣли въ гостинной за небольшимъ столикомъ и забывая усталь послѣднихъ дней, проговорили часть ночи . . .

Толпа чужихъ на брачномъ пирѣ мнѣ всегда казалась чѣмъ то грубымъ, неприличнымъ, почти циническимъ ; къ чему это преждевременное снятіе покрывала съ любви, это посвященіе людей постороннихъ, хладнокровныхъ — въ семейную тайну. Какъ должны оскорблять бѣдную дѣвушку выставленную всенародно въ качествѣ невѣсты, всѣ эти битыя привѣтствія, тертыя пошлости, тупые намеки...ни одно деликатное чувство не пощажено, роскошь брачнаго ложа, прелесть ночной одежды, выставлены не только на удивленіе гостямъ, но всѣмъ праздношатающимся. А потомъ первые дни начинающейся новой жизни въ которыхъ дорога каждая минута, въ которые слѣдовало бы бѣжать куда нибудь вдаль, въ уединеніе, проводятся за безконечными обѣдами, за утомительными балами въ толпѣ, точно на смѣхъ.

На другой день утромъ мы нашли въ залѣ два куста розъ и огромный букетъ. Милая, добрая Юлія Ѳедоровна (жена губернатора), принимавшая горячее участіе въ нашемъ романѣ, прислала ихъ. Я обнялъ и разцаловалъ губернаторскаго лакея и потомъ мы поѣхали къ ней самой. Такъ какъ приданое "молодой" состояло изъ двухъ платьевъ, однаго дорожнаго и другаго вѣнчальнаго, то она и отправилась въ вѣнчальномъ.

Отъ Юліи Ѳедоровны, мы заѣхали къ Архіерею, старикъ

самъ повелъ насъ въ садъ, самъ парѣзалъ букетъ, цвѣтовъ, разсказалъ Natalie, какъ я его стращалъ своей собственной гибелью и въ заключеніи совѣтовалъ заниматься хозяйствомъ. 'Умѣете ли вы солить огурцы?' спросилъ онъ Natalie. 'Умѣю.' Отвѣчала она смѣясь. 'Охъ, плохо вѣрится. А вѣдь это необходимо.'

Вечеромъ я написалъ письмо къ моему отцу. Я просилъ его не сердиться на конченное дѣло, и такъ "какъ Богъ соединилъ насъ" простить меня и присовокупить свое благословеніе. Отецъ мой обыкновенно писалъ мнѣ нѣсколько строкъ разъ въ недѣлю, онъ не ускорилъ ни однимъ днемъ отвѣта и не отдалилъ его, даже начало письма было какъ всегда. "Письмо твое отъ 10 Маія, я третьяго дня въ пять часовъ съ половиною получилъ и изъ него не безъ огорченія узналъ, что Богъ тебя соединилъ съ Наташей. Я волѣ Божіей ни въ чемъ не перечу и слѣпо покоряюсь искушеніямъ, которыя онъ ниспосылаетъ на меня. Но такъ какъ деньги мои, а ты не счелъ нужнымъ сообразоваться съ моей волей, то и объявляю тебѣ, что я къ твоему прежнему окладу тысячи руб. сер. въ годъ, не прибавлю ни копѣйки."

Какъ мы смѣялись отъ чистаго сердца этому раздѣлу духовной и свѣтской власти!

А куда какъ надобно было прибавить! Деньги, которыя я занялъ выходили. У насъ не было ничего, да вѣдь рѣшительно ничего, ни одежды, ни бѣлья, ни посуды. Мы сидѣли подъ арестомъ въ маленькой квартирѣ, потому что не въ чемъ было выйти. Матвѣй изъ экономическихъ видовъ сдѣлалъ отчаянный опытъ превратиться въ повара, но кромѣ бифстека и котлетъ, онъ не умѣлъ ничего дѣлать и потому держался больше вещей по натурѣ готовыхъ, ветчины, соленой рыбы, молока, яицъ, сыру и какихъ то пряниковъ съ мятой, необычайно твердыхъ и не первой молодости. Обѣдъ былъ для насъ безконечнымъ источникомъ смѣха, иногда молоко подавалось сначала, это значило супъ; иногда послѣ всего вмѣсто десерта. За этими спартанскими трапезами, мы вспоминали улыбаясь длинную

процессію священнодѣйствія обѣденнаго стола у княгини и у моего отца, гдѣ полдюжина офиціантовъ бѣгали изъ угла въ уголъ съ чашками и блюдами, прикрывая торжественной mise en scène въ сущности очень незатѣйливый обѣдъ.

Такъ бѣдствовали мы и пробивались съ годъ времени. Химикъ прислалъ десять тысячъ асс., изъ нихъ больше шести надобно было отдать долгу, остальныя слѣлали большую помощь. Наконецъ и отцу моему надоѣло брать насъ какъ крѣпость голодомъ, онъ не прибавляя къ окладу, сталъ присылать денежныя подарки, не смотря на то, что я ни разу не заикнулся о деньгахъ послѣ его знаменитаго distinguo!

Я принялся искать другую квартиру. За Лыбедью отдавался въ наймы запущенный, большой барскій домъ съ садомъ. Онъ принадлежалъ вдовѣ какого то князя, проигравшагося въ карты и отдавался особенно дешево, оттого что былъ далекъ, неудобенъ, а главное оттого, что Княгиня выговоривала небольшую часть его, ничѣмъ неотдѣленную для своего сына, баловня лѣтъ тринадцати и для его прислуги. Никто не соглашался на это черезъполосное владѣніе; я тотчасъ согласился, меня прельстила вышина комнатъ, размѣръ оконъ и большой тѣнистый садъ. Но именно эта вышина и эти размѣры пресмѣшно противурѣчили совершенному отсутствію всякой движимой собственности, всѣхъ вещей первой необходимости. Ключница Княгини, добрая старушка, очень неравнодушная къ Матвѣю, снабжала насъ на свой страхъ то скатертью, то чашками, то простынями, то вилками и ножами.

Какіе свѣтлые, безмятежные дни проводили мы и въ маленькой квартирѣ въ три комнаты у Золотыхъ Воротъ и въ огромномъ домѣ княгини! . . . Въ немъ была большая зала, едва меблированная, иногда насъ брало такое ребячество, что мы бѣгали по ней, прыгали по стульямъ, зажигали свѣчи во всѣхъ канделабрахъ прибитыхъ къ стѣнѣ и освѣтивъ залу a giorno, читали стихи. Матвѣй и горничная молодая гречанка участвовали во всемъ и дурачились не

меньше насъ. Порядокъ "не торжествовалъ" въ нашемъ домѣ!

И со всѣмъ этимъ ребячествомъ, жизнь наша была полна глубокой серьезности. Заброшенные въ маленькомъ городкѣ, тихомъ и мирномъ, мы вполнѣ были отданы другъ другу. Изрѣдка приходила вѣсть о комъ нибудь изъ друзей, нѣсколько словъ горячей симпатіи — и потомъ опять одни, совершенно одни. Но въ этомъ одиночествѣ грудь наша не была замкнута счастіемъ, а напротивъ, была больше нежели когда либо разкрыта всѣмъ интересамъ; мы много жили тогда и во всѣ стороны, думали и читали, отдавались всѣму и снова сосредоточивались на нашей любви; мы свѣряли наши думы и мечты и съ удивленіемъ видѣли какъ безконечно шло наше сочувствіе, какъ во всѣхъ тончайшихъ, пропадающихъ изгибахъ и развѣтвленіяхъ чувствъ и мыслей, вкусовъ и антипатій, все было родное, созвучное. Только въ томъ и была разница, что Natalie вносила въ нашъ союзъ элементъ тихій, кроткій, граціозный, элементъ молодой дѣвушки со всей поэзіей любящей женщины; а я—живую дѣятельность, мое semper in motu, безпредѣльную любовь, да сверхъ того путаницу серьезныхъ идей, смѣха, опасныхъ мыслей и кучу несбыточныхъ проэктовъ.

. . . "Мои желанія остановились. Мнѣ было довольно, я жилъ въ настоящемъ, ничего не ждалъ отъ завтрашняго дня, беззаботно вѣрилъ, что онъ и не возметъ ничего. Личная жизнь не могла больше дать, это былъ предѣлъ; всякое измѣненіе должно было съ какой нибудь стороны уменьшить его.

"Весною пріѣхалъ Н. изъ своей ссылки на нѣсколько дней. Онъ былъ тогда во всей силѣ своего развитія; вскорѣ приходилось и ему пройдти скорбнымъ испытаніемъ; минутами онъ будто чувствовалъ, что бѣда возлѣ, но еще могъ отворачиваться и принимать за мечту занесенную руку судьбы. Я и самъ думалъ тогда, что эти тучи разнесутся; беззаботность свойственна всему молодому и не лишенному силъ, въ ней выражается довѣріе къ жизни, къ себѣ. Чувство полнаго обладанія своей судьбой усыпляетъ насъ... а темныя силы, а

черные люди влекутъ не говоря ни слова, па край пропасти.

"И хорошо, что человѣкъ или не подозрѣваетъ или умѣетъ не видать, забыть. Полнаго счастія нѣтъ съ тревогой; полное счастіе покойно какъ море во время лѣтней тишины. Тревога даетъ свое болѣзненное, лихорадочное упоеніе, которое правится какъ ожиданіе карты, но это далеко отъ чувства гармоническаго, безконечнаго мира. А потому сонъ или нѣтъ, но я ужасно высоко цѣню это довѣріе къ жизни, пока жизнь не возразила на него, не разбудила . . . мруть же Китайцы изъ за грубаго упоенія опіумомъ . . ." (*)

Такъ оканчивалъ я эту главу въ 1853 году, такъ окончу ее и теперь.

(*) Полярная Звѣзда на 1855, стр. 86 (второе изданіе)

ГЛАВА VII.

13 Іюня 1839 года.

Разъ длиннымъ, зимнымъ вечеромъ въ концѣ 1838, сидѣли мы какъ всегда одни, читали и не читали, говорили и молчали и молча продолжали говорить. На дворѣ сильно морозило и въ комнатѣ было совсѣмъ не тепло. Наташа чувствовала себя нездоровой и лежала на диванѣ, покрывшись мантильей, я сидѣлъ возлѣ на полу; чтеніе не налаживалось, она была разсѣянна, думала о другомъ, ее что то занимало, она мѣнялась въ лицѣ. "Александръ, сказала она, у меня есть тайна, поди сюда поближе, я тебѣ скажу на ухо, или нѣтъ, отгадай." Я отгадалъ, но потребовалъ чтобъ она сказала ее, мнѣ хотѣлось слышать отъ нея эту новость; она с к а з а л а м н ѣ, и мы взглянули другъ на друга въ какомъ то волненіи и съ слезами на глазахъ.

. . . Какъ человѣческая грудь богата на ощущеніе счастья, на радость, лишь бы люди умѣли имъ отдаваться, не развлекаясь пустяками. Н а с т о я щ е м у мѣшаетъ обыкновенно внѣшняя тревога, пустыя заботы, раздражительная строптивость, весь этотъ соръ, который къ полудню жизни наноситъ суета суетствъ и глупое устройство нашего обихода. Мы тратимъ, пропускаемъ сквозь пальцы лучшія минуты, какъ будто ихъ и не вѣсть сколько въ запасѣ. Мы обыкновенно думаемъ о завтрашнемъ днѣ, о будущемъ годѣ, въ то время какъ надобно обѣими руками уцѣпится за чашу налитую черезъ край, которую протягиваетъ сама жизнь, не прошеная, съ обычной щедростью своей—и пить, и пить пока чаша не перешла въ другія руки ; природа долго подчивать и предлагать не любитъ.

Что кажется можно было бы прибавить къ нашему счастью а между тѣмъ вѣсть о будущемъ младенцѣ разкрыла новыя, совсѣмъ невѣданныя нами области сердца, чувствъ, упоеній, тревогъ и падеждъ.

Нѣсколько испуганная и встревоженная любовь становится нѣжнѣе, заботливѣе ухаживаетъ, изъ эгоизма двухъ, она дѣлается не только эгоизмемъ трехъ, но самоотверженіемъ двухъ для третьяго; семья начинается съ дѣтей. Новый элементъ вступаетъ въ жизнь, какое то таинственное лице стучится въ нее, гость, который есть и котораго нѣтъ, но который уже необходимъ, котораго страстно ждутъ. Кто онъ? Никто не знаетъ, но кто бы онъ ни былъ, онъ счастливый незнакомецъ, съ какой любовью его встрѣчаютъ у порога жизни!

А тутъ мучительное безпокойство—родится ли онъ живымъ или нѣтъ? Столько несчатныхъ случаевъ. Докторъ улыбается на вопросы, ничего не смыслитъ или не хочетъ говорить; отъ посторонпихъ все еще скрыто; не у кого спросить, — да и совѣстно.

Но вотъ младенецъ подаетъ знаки жизни, я не знаю выше и религіознѣе чувства какъ то, которое наполняетъ душу при осязаніи первыхъ движеній будущей жизни, рвущейся наружу, расправляющей свои не готовые мышцы, это первое рукоположеніе, которымъ отецъ благословляетъ на бытіе грядущаго пришельца и уступаетъ ему долю своей жизни.

"Моя жена, сказалъ мнѣ разъ одинъ французскій буржуа, моя жена, онъ осмотрѣлся, и видя, что ни дамъ, ни дѣтей нѣтъ, прибавилъ въ полслуха—"беременна".

Дѣйствительно, путаница всѣхъ нравственныхъ понятій такова, что беременность считается чѣмъ то неприличнымъ; Требуя отъ человѣка безусловнаго уваженія къ матери, какова бы она ни была, завѣшиваютъ тайну рожденія, не изъ чувства уваженія, внутренной скромности — а изъ приличія. Все это идеальное распутство, монашескій развратъ, проклятое закланіе плоти; все это несчастный дуализмъ, въ которомъ насъ тянутъ, какъ магдебурскія полушарія, въ двѣ разныя стороны. Жанъ Деруан', не смотря на свой соціялизмъ, намекаетъ въ Alma-

nach des femmes, что современемъ дѣти будутъ родится иначе. Какъ иначе?—Такъ какъ ангелы родятся.—Ну оно и ясно.

Честь и слава, общему нашему учителю, старому реалисту Гёте, онъ осмѣлился рядомъ съ непорочными дѣвами романтизма, поставить беременную женщину и не побоялся своими могучими стихами изваять измѣнившуюся форму б у д у щ е й матери, сравнивая ее съ гибкими членами будущей женщины.

Дѣйствительно, женщина несущая вмѣстѣ съ памятью былаго упоенья весь крестъ любви, все бремя ея, жертвующая красотой, временемъ, страданіемъ, питающая потомъ своей грудью, — одинъ изъ самыхъ изящныхъ и трогательныхъ образовъ.

Въ римскихъ Элегіяхъ, въ Ткачихѣ, въ Гретхенъ и ея отчаянной молитвѣ, Гёте выразилъ все торжественное чѣмъ природа окружаетъ созрѣвающій плодъ и всѣ терніи, которыми вѣнчаетъ общество—этотъ сосудъ будущаго.

Бѣдныя матери, скрывающія какъ позоръ—слѣды любви, какъ грубо и безжалостно гонитъ ихъ міръ и гонитъ въ то время, когда женщинѣ такъ нуженъ покой и привѣтъ, дико отравляя ей тѣ незамѣнимыя минуты полноты, въ которыя жизнь слабѣя, склоняется подъ избыткомъ счастія . . .

Съ ужасомъ открывается мало по малу тайна, несчастная мать сперва старается убѣдиться, что ей только показалось, но вскорѣ сомнѣніе невозможно, отчаяніемъ и слезами сопровождаетъ она всякое движеніе младенца, она хотѣла бы остановить тайную работу жизни, вести ее назадъ, она ждетъ несчастья какъ милосердія, какъ прощенія — а неотвратимая природа идетъ своимъ путемъ ; она здорова, молода!

Заставить чтобъ мать желала смерти своего ребенка, — а иногда и больше, сдѣлать изъ нея его палача, а потомъ ее казнить нашимъ палачемъ, или покрыть ее позоромъ, если сердце женщины возметъ верхъ—какое умное и нравственное устройство.

И кто взвѣсилъ, кто подумалъ о томъ — что и что было въ этомъ сердцѣ, пока мать переходила страшную тропу отъ любви до страха, отъ страха до отчаянія, отъ отчаянія до пре-

ступленія, до безумія, потому что дѣтоубійство есть физіологическая нелѣпость. Вѣдь были же и у нея минуты забвенія, въ которыя она страстно любила своего будущаго малютку и тѣмъ больше, что его существованіе была тайна между ними двумя; было же время, въ которое она мечтала объ его маленькой ножкѣ, объ его молочной улыбкѣ, цаловала его во снѣ, находила въ немъ сходство съ кѣмъ то, который былъ ей такъ дорогъ ...

"Да чувствуютъ ли онѣ это, конечно есть несчастныя жертвы ... но ... но другія, но вообще."

Мудрено, кажется, пасть далѣе этихъ летучихъ мышей шныряющихъ въ ночное время, середь тумана и слякоти по лондонскимъ улицамъ, этихъ жертвъ неразвитія, бѣдности и голода, которыми общество оборонясь честныхъ женщинъ, отъ излишней страстности ихъ поклонниковъ... конечно въ нихъ всего труднѣе предположить слѣдъ материнскихъ чувствъ. Не правда ли?

Позвольте же мнѣ разсказать вамъ небольшое происшествіе, случившееся со мною. Года три тому назадъ, я встрѣтился съ одной красивой и молодой дѣвушкой. Она принадлежала къ почетному гражданству разврата, т. е. не 'дѣлала' демократически 'тротуаръ', а буржуазно жила на содержаніи у какого то купца. Это было на публичномъ балѣ, пріятель бывшій со мною, зналъ ее, и пригласилъ выпить съ нами на хорахъ бутылку вина, она разумѣется приняла приглашеніе. Это было существо веселое, беззаботное и навѣрное какъ Лаура въ 'каменномъ гостѣ' Пушкина, никогда не заботившаяся о томъ что тамъ—гдѣ то далеко въ Парижѣ холодно, слушая какъ сторожъ въ Мадридѣ кричитъ 'ясно' ... Допивши послѣдній бокалъ, она снова бросилась въ тяжелый вихръ англійскихъ танцовъ, и я потерялъ ее изъ виду.

Нынѣшней зимой въ ненастный вечеръ, я пробирался черезъ улицу подъ аркаду въ Пель-Мель, спасаясь отъ усилившагося дождя; подъ фонаремъ за аркой стояла, вѣроятно ожидая добычи и дрожа отъ холода, бѣдно одѣтая женщина. Черты ея показались мнѣ знакомыми, она взглянула на меня,

отвернулась и хотѣла спрятаться, но я успѣлъ узнать ее. "Что съ вами сдѣлалось?" спросилъ я ее съ участіемъ. Яркій пурпуръ покрывалъ ея исхудалыя щеки, стыдъ ли это былъ или чахотка, не знаю, только казалось не румяны; она въ два года съ половиной состарѣлась на десять.

— Я была долго больна и очень несчастна; она съ видомъ сильной горести указала мнѣ взглядомъ на свое изношенное платье.

— Да гдѣ же вашъ другъ?

— Убитъ въ Крыму.

— Да вѣдь онъ былъ какой то купецъ?

Она смѣшалась и вмѣсто отвѣта сказала: Я и теперь еще очень больна, да къ тому же работы совсѣмъ нѣтъ.— Ачто, я очень перемѣнилась? спросила она, вдругъ съ смущеніемъ глядя на меня.

— Очень, тогда вы были похожи на дѣвочку, а теперь я готовъ держать пари, что у васъ есть свои дѣти.

Она побагровѣла, и съ какимъ то ужасомъ спросила: Отчего же вы это узнали?

— Да видите узналъ. Теперь разскажите-ка мнѣ, что съ вами въ самомъ дѣлѣ было?

— Ничего, ну только вы правы, у меня есть маленькой... еслибъ вы знали—и при этихъ словахъ лице ея оживилось— какой славный, какъ онъ хорошъ, даже сосѣди всѣ удивляются ему. А тотъ то женился на богатой и уѣхалъ на материкъ. Малютка родился послѣ. Онъ то и причина моему положенію. Сначала были деньги, я всего накупила ему въ самыхъ большихъ магазейнахъ, а тутъ пошло хуже, да хуже, я все снесла 'на крючекъ', мнѣ совѣтовали отдать малютку въ деревню, оно точно было бы лучше,—да не могу; я посмотрю на него, посмотрю—нѣтъ, лучше вмѣстѣ умирать; хотѣла мѣста искать, съ ребенкомъ не берутъ. Я воротилась къ матери, она ничего, добрая, простила меня, любитъ маленькаго, ласкаетъ его; да вотъ пятый мѣсяцъ какъ отнялись ноги; что доктору переплатили и въ аптеку, а тутъ сами знаете нынѣшній годъ, уголь, хлѣбъ, все дорого; приходится умирать съ голоду. Вотъ я —

она пріостановилась, — вѣдь конечно лучшебъ бросится въ Темзу, нежели . . . да малютку то жаль, на кого же я его оставлю, вѣдь ужъ онъ очень, очень милъ!

Я далъ ей что то и сверхъ того вынулъ шиллингъ и сказалъ: а на это купите что нибудь вашему малюткѣ. Она съ радостью взяла монету, подержала ее въ рукѣ и вдругъ отдавая мнѣ ее назадъ, прибавила съ печальной улыбкой: "Ужъ если вы такъ добры, купите ему тутъ гдѣ нибудь въ лавкѣ сами что нибудь, игрушку какую нибудь — вѣдь этому бѣдному малюткѣ съ тѣхъ поръ какъ онъ родился, никто еще не подарилъ ничего."

Я съ умиленіемъ взглянулъ на эту потерянную женщину и дружески пожалъ ей руку.

Охотники до реабилитаціи всѣхъ этихъ дамъ съ камеліями и съ жемчугами, лучше бы сдѣлали, еслибъ оставили въ покоѣ бархатныя мебели и будуары рококо, и взглянули бы поближе на несчастный, зябнущій, голодный развратъ, развратъ роковой, который насильно влечетъ свою жертву по пути гибели, и не даетъ ни опомнится, ни раскаятся. Вѣтошники чаще въ уличныхъ канавахъ находятъ драгоцѣнные камни, нежели подбирая блески мишурныхъ платій.

Это мнѣ напомнило бѣднаго, умнаго переводчика Фауста, Жераръ де Перваля, который застрѣлился въ прошломъ году. Онъ въ послѣднее время, дней по пяти, по шести не бывалъ дома. Открыли наконецъ, что онъ проводитъ время въ самыхъ черныхъ харчевняхъ возлѣ заставъ, въ родѣ Поль Нике, что онъ тамъ перезнакомился съ ворами и со всякой сволочью, поитъ ихъ, играетъ съ ними въ карты и иногда спитъ подъ ихъ защитой. Его прежніе пріятели стали его уговоривать, стыдить. Нерваль добродушно защищаясь, разъ сказалъ имъ: "Послушайте, друзья мои, у васъ страшные предразсудки, увѣряю васъ, что общество этихъ людей вовсе не хуже всѣхъ остальныхъ, въ которыхъ я бывалъ." Его подозрѣвали въ сумашествіи, послѣ этаго, я думаю подозрѣніе перешло въ достовѣрность!

— Роковой день приближался, все становилось страшнѣе и страшнѣе. Я смотрѣлъ на доктора и на таинственное лицо бабушки съ подобострастіемъ. Ни Наташа, ни я, ни наша молодая горничная не смыслили ничего; по счастію къ намъ изъ Москвы пріѣхала по просьбѣ моего отца, на это время, одна пожилая дама, умная, практическая и разпорядительная. Прасковья Андреевна, видя нашу безпомощность, взяла самодержавно бразды правленія, я повиновался какъ негръ.

Разъ ночью слышу чья то рука коснулась меня, открываю глаза, Прасковья Андреевна стоитъ передо мной, въ ночномъ чепцѣ и кофтѣ, со свѣчей въ рукахъ, она велитъ послать за докторомъ и за бабушкой. Я обмеръ, точно будто эта новость была для меня совсѣмъ неожиданна. Такъ бы кажется выпилъ опіума, повернулся бы на другой бокъ и проспалъ бы опасность . . . но дѣлать было нечего, я одѣлся дрожащими руками и бросился будить Матвѣя.

Десять разъ выбѣгалъ я въ сѣни изъ спальни, чтобъ прислушаться не ѣдитъ ли издали экипажъ: все было тихо, едва, едва утреннiй вѣтеръ шелестилъ листъ въ саду, въ тепломъ іюньскомъ воздухѣ; птицы начинали пѣть, алая заря слегка подкрашивала листъ, и я снова торопился въ спальню, теребилъ добрую Прасковью Андреевну глупыми вопросами, судорожно жалъ руки Наташѣ, не зналъ что дѣлать, дрожалъ и былъ въ жару . . . но вотъ дрожки простучали по мосту черезъ Лыбедь—слава Богу во время!

Въ одинадцать часовъ утра, я вздрогнулъ какъ отъ сильнаго электрическаго удара, громкій крикъ новорожденнаго коснулся моего уха. "Мальчикъ! кричала мнѣ Прасковья Андреевна, идучи къ корыту" — я хотѣлъ было взять младенца съ подушки, но не могъ, такъ дрожали у меня руки. Мысль объ опасности (которая часто тутъ только начинается) сжимавшая грудь, разомъ изчезла, буйная радость овладѣла сердцемъ, будто въ немъ звонъ во всѣ колокола, праздникомъ праздникъ! Наташа улыбалась мнѣ, улыбалась малюткѣ, плакала, смѣялась и только перерывающееся, спазмотическое

дыханье, слабые глаза и смертная блѣдность, напоминали о недавнемъ мученіи, о вынесенной борьбѣ.

Потомъ я оставилъ комнату, я не могъ больше вынести, взошелъ къ себѣ и бросился на диванъ, совершенно обезсиленный и съ полчаса пролежалъ безъ опредѣленной мысли, безъ опредѣленнаго чувства, въ какой то боли счастья.

Это измученно-востороженное лицо, эту радость летающую вмѣстѣ съ началомъ смерти около юнаго чела родильницы, я узналъ потомъ въ Фан' Дейковой мадоннѣ въ Римской галлереѣ Корсини. Младенецъ только что родился, его подносятъ къ матери, изнеможенная, безъ кровинки въ лицѣ, слабая и томная, она улыбнулась и остановила на малюткѣ взглядъ усталый, но исполненный безконечной любви.

Надобно признаться, дѣва-родильница совсѣмъ не идетъ въ холостую религію христіанства. Съ нею невольно врывается жизнь, любовь, кротость въ вѣчныя похороны, въ страшный судъ и въ другія ужасы церковной теодицеи.

Оттого то протестантизмъ и вытолкнулъ одну богородицу изъ своихъ сараевъ богослуженія, изъ своихъ фабрикъ—слова божія. Она дѣйствительно мѣшаетъ христіанскому чину, она не можетъ отдѣлаться отъ своей земной природы, она грѣетъ холодную церковь и не смотря ни на что, остается женщиной, матерью. Естественными родами мститъ она за неестественное зачатіе и вырываетъ благословеніе своему чрѣву изъ устъ монашескихъ, проклинающихъ все тѣлесное.

Бонаротти и Рафаилъ поняли все это кистью.

Въ страшномъ судѣ сикстинской капеллы, въ этой варѳоломеевской ночи на томъ свѣтѣ, мы видимъ сына Божія идущаго предводительствовать казнями ; онъ уже поднялъ руку, онъ дастъ знакъ и пойдутъ пытки, мученья, раздастся страшная труба, затрещитъ всемірное ауто да фе ; но—женщина мать, трепещущая и всѣхъ скорбящая, прижалась въ ужасѣ къ нему и умоляетъ его о грѣшникахъ ; глядя на нее, можетъ онъ смягчится, забудетъ свое жесткое "женщина что тебѣ до меня" и не подастъ знака.

Сикстинская мадона, это Миньона послѣ родовъ, она испугана небывалой судьбой, потеряна . . .

Was hat man dir du armes Kind gethan?

Внутренній миръ ея разрушенъ, ее увѣрили, что ея сынъ —сынъ Божій, что она богородица; она смотритъ съ какой то нервной восторженностью, съ магнитическимъ ясновидѣніемъ, она будто говоритъ—: "Возмите его, онъ не мой". Но въ тоже время прижимаетъ его къ себѣ такъ, —что еслибъ можно, она убѣжала бы съ нимъ куда нибудь вдаль и стала бы просто ласкать, кормить грудью не спасителя міра, а своего сына. И все это оттого, что она женщина-мать, и вовсе не сестра всѣмъ Изидамъ, Реямъ и прочимъ богамъ женскаго пола.

Оттого то ей и было такъ легко побѣдить холодную Аѳродиту, эту Нинону Ланкло Олимпа, о дѣтяхъ которой никто не заботится; Марія съ ребенкомъ на рукахъ, съ кротко потупленными на него глазами, окруженная нимбомъ женственности и святостью званія матери,—ближе нашему сердцу, нежели ея златовласая соперница.

Мнѣ кажется что Пій IX и конклавъ очень послѣдовательно объявили неестественное, или по ихъ, незапятнанное зачатіе богородицы. Марія рожденная какъ мы съ вами естественно заступается за людей, сочувствуетъ намъ; въ ней прокралось живое примиреніе плоти и духа въ религію. Если и она не по людски родилась, между ней и нами нѣтъ ничего общаго, ей не будетъ насъ жаль, плоть еще разъ проклята; церковь еще нужнѣе для спасенія.

Жаль что папа опоздалъ лѣтъ тысячу, это ужъ такая судьба Пія IX. Troppo tardi, Santo Padre, siete sempre e sempre —troppo tardi!

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ.

Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
Грядущее встрѣчаю безъ волненья,
И нѣтъ разкаянья, и прошлаго не жаль,
Нѣтъ передъ тѣмъ что будетъ—опасенья,
На грезы юности смотрю я безъ презрѣнья,
Пусть было многое въ нихъ жалко и смѣшно,
Но подлости на нихъ не брошено пятно;
Развратъ, любовь, иль трудъ—пусть все безплодно
Въ душѣ кипѣло, но все было благородно.

*

Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ
Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ;
Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ!
Но міръ, который мнѣ какъ гнусность ненавистенъ,
Міръ угнетателей, обмана и рабовъ—
Его пока я живъ подкапывать готовъ
Съ горячимъ чувствомъ мести или права,
Не думая отомъ—что гибель ждетъ иль слава.

*

Пусть иногда тоска тѣснитъ мнѣ жизнь мою
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня; люблю внимать средь лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ
И все что живо полюбилъ когда то—
Осталось мнѣ на вѣкъ и сладостно и свято.

II.

ИСКАНДЕРУ.

Я ѣхалъ по полю пустому,
И свѣжъ и сыръ былъ воздухъ и луна
Скучая шла по небу голубому
И плоская синѣлась сторона,
Въ моей душѣ мѣнялись скорбь и сила
И мысль моя съ тобою говорила.

*

Все степь, да степь! нѣтъ ни души, ни звука!
И ѣду въ даль я гордъ и одинокъ—
Моя судьба во мнѣ. Ни скорбь, ни скука
Не утомятъ меня. Всему свой срокъ,
Я правды рѣчь велъ строго въ дружнемъ кругѣ—
Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

*

И онъ ушелъ—котораго какъ брата,
Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!
Мнѣ тяжела какъ смерть его утрата;
Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное какъ ласка
И дружба съ нимъ мнѣ памятна какъ сказка.

*

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо
И пусть мечты и люди идутъ мимо.

III.

Годъ 1848.

УПОВАНІЕ.

Anno choleræ morbi.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ ;
На улицу боятся выходить,
Кто встрѣтить гробъ—трепещетъ и блѣднѣетъ,
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,
И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
Что мнѣ чума?—Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова :
Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
Всѣ воли ищутъ ! Тихо голова
Приподнялась, проходитъ сонъ упрямый
И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись узникъ ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ—взору трудно, больно,
А послѣ станетъ ясно и раздольно !
О ! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ далекіе народы

И что то бьется тутъ въ груди моей
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ . . .
Роскошныхъ сновъ лѣнивая страна—
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но втайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовится проклятье Ватикана.
Чтожъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткамъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ то новымъ днемъ,
Изъ хаоса корыстей величаво
Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право,
И пѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!
И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что вмѣстѣ изнывая
Съ тобою я и плакалъ и страдалъ
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ,—
И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ!
Что скажешъ міру ты? Какой призывъ?
Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

IV.

1849 годъ.

Вы знаете: побѣда дряхлой власти
Свершилася. Погибло какъ мятежъ
Свободы дѣло, рушилось на части
И деспотизмъ помолодѣлъ и свѣжъ.
Безропотно, какъ маленькія дѣти,
Они свободу отдали тотчасъ,
Въ смущеніи боясь отцовской плети,
И весь восторгъ какъ шалость въ нихъ погасъ.
Вы знаете: въ Европѣ уже нынѣ
Не сыщется ни одного угла,
Гдѣбъ наша жизнь вѣрна своей святынѣ
Свѣтло и мирно кончиться могла.
Вы не зарѣзались? Еще быть можетъ
Жить хочется? Такъ чтожъ? Скорѣй, скорѣй
Бѣгите въ степь, гдѣ развѣ вихрь тревожитъ,
Въ Америку—туда, гдѣ нѣтъ людей!
И до сѣдинъ безплодно доживая,
Съ отчаяньемъ въ груди умрите тамъ,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что въ жизни было свято вамъ,
Мечты свободы, ваши убѣжденья
Ненужны никому—и всѣ замрутъ,
Какъ всякія безумныя мученья,
Какъ всякій мозга безполезный трудъ!

V.

АРЕСТАНТЪ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожитъ вдоль коррндора
Огонекъ сторожевой
И звѣнитъ о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

*

"Часовой!"—"Что, баринъ, надо?"
"Притворись, что ты заснулъ:
Мимо бъ я, да за ограду
Тѣнью быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцаловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умирать!..."

*

"Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь чай тожъ и я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ
Только комъ окровавленный
На тѣлежкѣ увезутъ!"

*

Шопотъ смолкъ . . . Все тихо снова . . .
Гдѣ то Богъ подастъ пріютъ?
Толь схоронятъ здѣсь живаго ?
Толь на каторгу ушлютъ ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить . . .
Ни ножа! ни пистолета! . . .
И конца нѣтъ сколько жить!

VI.

КЪ Н .....

На нашъ союзъ святой и вольный—
Я знаю—съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.
Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья
И отстоимъ свою судьбу.
Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ
И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ..
И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ
И мы умчимся, волей полны,
Туда—къ свободнымъ берегамъ.

VII.

КАВКАЗСКОМУ ОФИЦЕРУ.

Огни, и музыка, и балъ!
Красавицъ рой, кружась, сіялъ.
Среди толпы, кавказскій воинъ,
Ты мнѣ казался одинокъ!
Твой взглядъ былъ грустенъ и глубокъ,
Отъ тайнаго мученья неспокоенъ.
Тупой ли долгъ, любви ль печаль
Тебя когда то гнали въ даль?
Или безвыходное горе?
Иль жажда молодой мечты—
Увидѣть горные хребты
И посмотрѣть на югъ и сине-море?
И возвратясь изъ тѣхъ сторонъ
Ты, можетъ, мыслью удрученъ,
Что рабъ безумія и вѣка—
Ты на войнѣ былъ палачемъ,
И стало жаль тебѣ потомъ,
Что ни съ чего зарѣзалъ человѣка?
А впрочемъ—можетъ быть, что ты
Питомецъ праздной пустоты—
Сидѣлъ усталый и бездушный,
А я сочувствіе къ тебѣ
Смѣшно натягивалъ въ себѣ—
По прежнему мечтатель простодушный.

VIII.

И——РУ.

О! еслибъ ты подумать только могъ,
Что пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалека,
Какъ вызвалъ тьму заглохнувшихъ тревогъ,
Какъ рану старую разбередилъ глубоко!
Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
На шею кинулся, любя меня какъ прежде;
Но свидясь вновь мы въ скорбной тишинѣ
Уже не ввѣримся ребяческой надеждѣ.
Нѣтъ! проклятъ будетъ этотъ вѣкъ,
Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво
И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
Страданья пріобрѣлъ убійственное право.
Но всежъ впередъ! Быть можетъ намъ дано
Прожить еще года въ безплодномъ этомъ спорѣ
И—какъ святыня глупая—одно
Для насъ останется—безвыходное горе!

V.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

15 Марта 1849.

Претрудное вы на меня, милостивый государь, возложили дѣло сообщать вамъ новости изъ провинціи! . . . да еще не изъ губернскаго города, гдѣ я не живу, а изъ деревни, гдѣ я живу, но поваго ничего не вижу. Хозяинъ я не мудреной, стало быть статьи о земледѣліи писать мнѣ страшно. У васъ же тамъ въ другихъ журналахъ печатаютъ такіе извѣстные и почтенные агропомы, до которыхъ куда намъ! Г. Лавровъ на примѣръ, который замѣтилъ, (и весьма справедливо) что почему же бабамъ не умирать и на жнитвѣ, когда онѣ могутъ умирать отъ простуды, моя бѣлье зимою, босоногія? Я съ этимъ, можетъ быть вопреки мнѣнію вашего журнала, совершенно согласенъ: главное дѣло человѣку, а слѣдственно и бабѣ—когда нибудь да умереть; а ужъ какъ умереть, па то воля Господня.

Въ Англіи вотъ, слыхалъ я, бабы совсѣмъ не жнутъ, говорятъ что не бабье дѣло. Бабье дѣло будто бы (по тамошнему) одно домашнее хозяйство: за дѣтьми присмотрѣть и за всякимъ скотомъ и птицею, обѣдъ сварить, да избу держать въ опрятности. Ну! оно можетъ и справедливо, да у насъ уже отцы наши не такъ завели, а чай не глупѣе насъ были. У насъ баба должна жать. А ужъ коли должна жать, отчего же ей и другой тяжелой работы не дѣлать. Мужику трудно, одинъ не поспѣетъ. Поля велики; хлѣбъ продать возить далеко, да и дороги скверны. А ужъ какъ дороги то скверны, этого вы себѣ представить

не можете! А впрочемъ отчего же не можете? Это и всякій русскій человѣкъ знаетъ.—Повезешь хлѣбъ продать подальше, гдѣ подороже, того гляди сани разобьешь, а теперь пожалуй и потопешь. А привезешь хлѣбъ на базаръ, никто не купитъ, а если купитъ, то наровитъ дать такую цѣну, что не изъ чего возить было. А если дорогой цѣной продадите, ну! такъ и знайте, что въ этотъ годъ мужики станутъ вмѣсто хлѣба всякую дрянь ѣсть, оттого, что хлѣба нѣтъ. Ну и пойдутъ просить: "выдайте, дескать намъ хлѣба изъ магазиновъ".—Постойте, ребята, надо у начальства спроситься. Вотъ и напишешъ въ коммиссію народнаго продовольствія. А коммиссія васъ и спроситъ: Отъ чего это вамъ изъ магазиновъ хлѣба надо? Развѣ у мужиковъ хлѣба нѣтъ?—Ну вотъ и отвѣчаешь, что оттого, дескать, коммиссію и утруждаемъ что хлѣба нѣтъ. Ну коммиссія, не прежде какъ сообразивъ всѣ обстоятельства, и дастъ вамъ резолюцію. Ей въ этомъ случаѣ поступать опрометчиво и не пельзя: магазинъ для того и сдѣланъ, чтобъ былъ въ немъ хлѣбъ, такъ чтожъ хорошаго, если вдругъ изъ него весь хлѣбъ съѣдятъ?—Вся цѣль пропадаетъ. Правда и то: рѣдко спрашивать приходится, въ магазинахъ хлѣба и безъ того не бываетъ. Ну! казенной мужикъ другое дѣло. Онъ проситъ черезъ свое начальство, а ужъ оно тамъ само знаетъ—нуженъ ли ему хлѣбъ или не нуженъ. Лиха бѣда съѣсть хлѣбъ; послѣ опять понадобится. А тогда гдѣ его возмешь? Гдѣ онъ и есть, оттуда не повезутъ, далеко. А безъ хлѣба плохо! Мяса же у насъ мужики почти не употребляютъ. Оно дорого, да и грѣхъ; середа постъ и пятница постъ; а въ великій постъ и еще грѣшнѣе. Вотъ нынѣшнимъ постомъ приходитъ ко мнѣ мужикъ, да чуть не въ ноги: "Помоги батюшка, сынъ умираетъ."—А отъ чегожъ онъ умираетъ?—"А богъ его знаетъ, почитай ничего не ѣстъ." —Отчего не ѣстъ?—"Да все молока проситъ."—Чтожъ ты не даешь?—"Какъ можно, батюшка, грѣхъ!" —А который ему годъ?—"Да никакъ четвертый объ масляницу пошелъ."—Ахъ ты дуракъ эдакой! да вѣдь ты ребенка съ голоду моришь. Давай ему молока.—"Какъ можно, батюшка, грѣхъ!"—Знаетъ ребенокъ что грѣхъ, не грѣхъ. Давай ему молока.—Такъ я и

настоялъ, чтобъ дали молока ребенку; ребенокъ на другой день и выздоровѣлъ. А бываютъ и такіе, что скажутъ: хоть умри, да не оскоромься! Постъ у насъ вообще самое скучное время, время непостоянныхъ оттепелей и постоянныхъ болѣзней. Кто объѣстся гороху съ конопляннымъ масломъ, кто рыбы порченой, кто не доѣстъ изъ усердія,—поди лечи ихъ! Лекарей у насъ мало. Въ городъ посылать за ними далеко. А пошлешъ, такъ иной недоволенъ, что зовутъ лѣчить простаго мужика и вмѣсто дѣла начнетъ отыскивать не боленъ ли чѣмъ самъ помѣщикъ, или жена его, или дочь его, или двоюродный братъ, про котораго слышно, что занемогъ въ Москвѣ; или сошлется на недостатокъ аптеки, или ужъ такъ усердно примется лечить, что человѣкъ былъ на ногахъ, а полечится — сляжетъ. Да и трудное дѣло лечить мужика въ постъ. — Ты ему даешь лѣкарство, а черезъ минуту онъ уже наѣлся такой тюри, что никакой молитвой не отмолишся. Что же вы хотите, чтобы я вамъ писалъ новаго изъ деревни? Всѣ наши маленькія радости и печали ни васъ, ни читателей вашихъ занять не могутъ, а порадовать и еще менѣе.

Однако, думая, если хорошій человѣкъ просилъ, надо дѣло сдѣлать. Я и собрался съѣздить къ сосѣдямъ посмотрѣть, что гдѣ дѣлается, не разскажутъ ли чего новенькаго? Сосѣдей у меня много. Все люди смирные и добрые. Сосѣдки такія набожныя и степенныя и такія хозяйки славныя, что не могу нахвалиться довольно. Вотъ я и собрался было, какъ вдругъ шасть на дворъ становой. "Филипъ Ефимычъ, говорю ему, откуда васъ это, батюшка, богъ принесъ?" "Ѣхалъ, говоритъ, мимо изъ такого то села, захотѣлъ повидаться." Велѣлъ я, какъ водится, подать закуску, а самъ себѣ на умѣ: Становой вѣрно знаетъ что нибудь новенькаго, и спрашиваю: Чтожъ въ томъ селѣ такого случилось? А онъ и пошелъ мнѣ разсказывать такую исторію, что индо мнѣ жутко стало. "Да вотъ, говоритъ, преступницу наказывали. Жена мужа отравила." — Какъ такъ? за что?—"Мудреное дѣло говоритъ. Вышла она за мужъ тому назадъ года три за мужика того же села. И мужикъ то былъ славный, изъ себя такой здоровенный и деньжопку ско-

пилъ порядочную. Да не хотѣлось ей за него за мужъ выходить. Такая мерзавка! Отца съ матерью не слушаетъ, говоритъ: хочу идти за другаго! И диви бы парень то былъ хорошій, а то дрянь, такъ — тощій мужиченко. Мать пожурила, отецъ посѣкъ. Ну дѣлать нечего, вышла дѣвка за мужъ какъ велѣно. Вышла, да и ну мужа то ненавидѣть. Сына родила отъ него и на того не можетъ смотрѣть безъ отвращенія. А между тѣмъ съ мужикомъ, за котораго ей прежде за мужъ хотѣлось, и слюбилась. Мужикъ ничего, не дерется, смиренъ. А она его ненавидитъ, да ненавидитъ, и наконецъ не въ терпежъ ей: взяла и подсыпала ему чего то въ кашу. Мужикъ сдѣлался боленъ. Я проѣздомъ какъ то останавливаюсь въ томъ селѣ. Свекровь этой бабы и приходитъ ко мнѣ. Проситъ помочь: сынъ боленъ, все животомъ жалуется. Я хоть не лекарь, а за недостаткомъ лекаря, все знаете что нибудь посовѣтуешь: гдѣ кровь пустить, гдѣ другое что." "Ну ужъ, я говорю, Филатъ Ефимычь, другого то чего вы чай посовѣтовать и не можете; да не въ томъ дѣло, продолжайте!" — "Смотрю, продолжалъ становой, точно! мужикъ животомъ жалуется. Да не дали ли вы ему, спрашиваю, съѣсть чего вреднаго? Старуха говоритъ: какъ можно! Да и чужихъ никого не было; только хозяйка его и была при немъ.—А гдѣ же она?—Теперь дома нѣтъ. Я велѣлъ прислать ее къ себѣ въ станъ и уѣхалъ. На другой день привозятъ бабу. Я опять спрашиваю, не дали ли ему съѣсть чего вреднаго? Какъ, говоритъ, можно! я тутъ все была. Такъ, богъ его знаетъ съ чего животомъ жалуется.— Въ это время пріѣзжаетъ изъ того села сотникъ и объявляетъ, что мужикъ умеръ. Какъ только онъ это сказалъ, баба моя поблѣднѣла, да на колѣни: мое, говоритъ, дѣло, я его отравила. Я за понятыми. Откуда ты взяла яду? Говоритъ, что тотъ ея любовникъ досталъ. А при формальномъ допросѣ заперлась. Говоритъ, что съ испугу показала, что любовникъ ей никогда яду не давалъ и она одна во всемъ виновата. Такъ и не отыскали откуда она яду достала. Дѣло пошло въ уголовную палату. Законъ ясенъ: сто ударовъ

плетью и въ Сибирь. Уголовная палата хотѣла было принять во уваженіе, что баба была за мужъ выдана насильно. Но оговорилась, что можно бы принять, что баба за мужъ выдана насильно, еслибъ она была крѣпостная, помѣщичья, но такъ какъ она вольная, казенная, стало принять этого въ соображеніе нельзя.—Постойте, Филатъ Ефимычь, говорю я, отчего же нельзя? Развѣ отецъ приневолитъ не все равно, что баринъ приневолитъ? Отецъ еще пуще приневолитъ, отецъ хуже помѣщика, потому что отъ отца не отвяжешся. Отецъ всякую минуту тутъ, и почнетъ пилить: выходи, да выходи! "Ну нѣтъ, Антонъ Прокофьичь, говоритъ становой, уголовная палата права. Помѣщикъ можетъ приневолить, а тутъ дѣвка не насильно шла за мужъ, а съ родительскаго увѣщанія. А между тѣмъ надо замѣтить, что баба разъ признавшись, послѣ и никакого разкаянія не показывала, какъ будто дѣло сдѣлала—мужа отравила разбойница! Получивъ указъ палаты, мы съ исправникомъ тотчасъ поѣхали въ то село исполнить наказаніе. Въ первый разъ приходилось наказывать на подмосткахъ съ прописаніемъ преступленія. Формы никакой не было. Подумали и рѣшились. Выстроили эшафотъ, народъ созвали. Взвели бабу на эшафотъ, раздѣли, до нага и отодрали. Народъ плачетъ. А бабѣ моей ничего. Только что когда раздѣвать стали, не давалась, будто стыдно стало заголиться передъ народомъ; впрочемъ ни малѣйшаго разкаянія не показываетъ. А мы еще нарочно привели ея любовника, да поставили его прямо противъ эшафота, чтобъ хоть немножко да укорить ее и пробудить въ ней какое нибудь христіанское чувство. Нѣтъ! Прокричала отъ того, что больно было (вѣдь плеть то не свой братъ: сто ударовъ въ три конца хоть кого проймутъ отчасти), а ни слезинки не выронила и никакой печали не оказала касательно своего преступленія, такая каналья!"—Ахъ, Филатъ Ефимычь, говорю ему я, жаль мнѣ васъ! То то вы чай измучились! Легко ли, какая сцена! Выпейте ка водочки, да отдохните. Становой водочки выкушалъ, а отдохнуть не захотѣлъ и уѣхалъ. А я опять велѣлъ запрячь лошадей и отправился къ сосѣдямъ.

Ѣздимъ мы зимой гусемъ, какъ вамъ извѣстно. Самъ я давно не выѣзжалъ, а людей посылалъ таки кой куда на своихъ лошадяхъ ; да еще моя старуха—ключница къ обѣднѣ ѣздила когда говѣла. Только ѣду мимо церкви, а передовая то лошадь и повернула прямо къ паперти, чуть повозки не опрокинула. Такая у меня умная эта лошадь ! Провели ее, опять поѣхали. Въѣзжаемъ въ сосѣднее селеніе, а тамъ кабакъ. Моя лошадь прямо къ кабаку и стала. Эге, говорю я кучеру, это Андрюшка твое дѣло.—"Никакъ нѣтъ, сударь говоритъ, это Фарафонъ." Ну, я говорю, Фарафонъ самъ по себѣ, а ты самъ по себѣ. А что говорю, дальше то кажется, ни кабака, ни церкви нѣтъ ? "Никакъ нѣтъ, сударь", говоритъ. Ну, подумалъ я — скоро доѣдимъ ! Вотъ и пріѣжаемъ къ Натальѣ Кириловнѣ. Наталья Кириловна великая моя пріятельница. Наталья Кириловна дама съ самыми лучшими свойствами. Трехъ дочерей имѣла, всѣхъ за мужъ повыдала и партіи то выгодныя отыскала. Да и меня она какъ то любитъ и имѣетъ ко мнѣ довѣріе. Часто о своихъ дѣлахъ совѣтуется и похлопотать проситъ. Помоги, говоритъ, Антонъ Прокофьичъ, въ судѣ тамъ что ли, или въ палатѣ, гдѣ случится. Вотъ еще въ концѣ прошлаго года присылаетъ довѣренность : съѣзди я въ губернскій городъ, достань ей изъ палаты какое то свидѣтельство. Не хотѣлось, а поѣхалъ. Нельзя, думаю, не услужить Натальѣ Кириловнѣ, женщина почтенная! Пріѣзжаю въ городъ, и иду къ предсѣдателю. Предсѣдатель у насъ такой отмѣнной человѣкъ, что сыскать другаго трудно. Законъ наблюдаетъ строго. Честности непомѣрной, копѣйкой не попользуется — Робеспьеръ настоящій! Говорю подумать? Дѣло простое, завтра же можно выдать. "Ну ужъ, говоритъ, извините, Антонъ Прокофьичъ, законъ даетъ три дня на разсмотрѣніе."Черезъ три дня посылаю къ нему моего конторщика навѣдаться. Пашъ предсѣдатель какъ напуститъ на него : Да какъ, говоритъ, ты ко мнѣ смѣешь на домъ ходить, иной еще подумаетъ, что я взятки беру! Долженъ придти въ палату. — Такъ вотъ до сихъ поръ ничего не могу добиться. А Наталья Кириловна сердится : мнѣ, говоритъ, по свидѣтельству надо денегъ получить; я, говоритъ, въ своихъ интересахъ страдаю.— Матушка, Наталья Кириловна, чтожъ

я то виноватъ? Пообождите немножко. Вы сами знаете, что предсѣдатель у насъ честнѣйшій человѣкъ. Понемножку ее и успокоиваю. А вотъ въ этотъ разъ пріѣзжаю, ужъ шестой часъ. Наталья Кириловна чай кушаетъ. "Я, говоритъ, къ тебѣ, батюшка, съ новой просьбой. Разсуди ты насъ съ Анной Матвѣвной." Что такое матушка? "Да какъ же! Пріѣзжаетъ ко мнѣ тому назадъ мѣсяца четыре. Разговориваемъ. Анна Матвѣвна упомянула мимоходомъ, что не знаетъ гдѣ кучера достать, кучеръ ей нуженъ. А я ей говорю, что пожалуй продамъ ей кучера. Объяснила, что вотъ кучеръ двадцати пяти лѣтъ, осьми вершковъ росту, здоровъ. Сила непомѣрная, ужъ, я это сама сколько разъ испытала. Анна Матвѣвна и согласилась купить. Да вдругъ говоритъ:а если я куплю, а кучеръ мнѣ не понравится. Я говорила, что въ такомъ случаѣ его назадъ возьму и деньги отдамъ обратно. За пять сотъ рублевъ и согласились. Черезъ четыре мѣсяца Анна Матвѣвна и присылаетъ кучера назадъ, худаго, больнаго, ну такъ, что еле живъ и проситъ возвратить деньги. Денегъ у меня не случилось, я пишу ей,что отдамъ какъ скоро крупа продастся, да замѣчаю, что я кучера продавала здороваго, а возвращенъ онъ мнѣ больной. Крупу продала, деньги Аннѣ Матвѣвнѣ посылаю пять сотъ рублевъ, а Анна Матвѣвна пишетъ мнѣ, что слѣдуетъ прислать ей за четыре мѣсяца процентовъ. Я такъ и ахнула! Какъ процентовъ? Пишу Аннѣ Матвѣвнѣ, какихъ ей процентовъ угодно? Въ умѣ она что ли? Кучеръ ей служилъ четыре мѣсяца присылаетъ больнаго, да еще процентоъ проситъ; А Анна Матвѣвна мнѣ обратно пишетъ, что какъ же ей не взять процентовъ : она кучера три мѣсяца лечила и на лекарства тратилась. Да ужъ какъ тамъ себѣ хочетъ, а не дамъ ей процентовъ. Ну кто правъ, кто виноватъ?" Я призадумался. Вопросъ, говорю, юридической. Не могу на себя взять рѣшить. Обращусь, какъ скоро буду въ городѣ къ губернаторскому чиновнику особыхъ порученій, онъ хоть и косъ а на эти дѣла мастеръ. Потомъ я хотѣлъ перемѣнить разговоръ и разпросить Наталью Кириловну не слыхала ли гдѣ чего интереснаго. Куда! объ чемъ ни заговори, а она все

свернетъ на кучера. Я о томъ, о другомъ, а она все свое, такъ себя на кучерѣ и выѣзжаетъ. Ахъ, говорю, матушка, Наталья Кириловна, дались вамъ эти проценты. Плюньте, да и заплатите. Нѣтъ, не унимается. Вижу, что Наталья Кириловна, хотя женщина почтенная, — а толку отъ нея никакого не добьешся, и уѣхалъ ночевать къ Ивану Семенычу верстъ за пятнадцать.

Нахожу Ивана Семеныча въ великомъ безпокойствѣ. Ходитъ по комнатѣ, сложа руки за спину и все думаетъ. Катерина Ивановна говоритъ: 'Папенька, душечка, полноте тревожиться, съ дяденькой худаго ничего не случится.' Вижу, что дѣло худо. Чтожъ такое, говорю, съ Петромъ Семенычемъ?—"Развѣ вы не слыхали, говоритъ Иванъ Семенычь, у него дѣло было, и чиновникъ на слѣдствіе пріѣзжалъ. Вы знаете, говоритъ, что братъ точно немножко крутенекъ. Имѣнье женино, послѣ нея осталось дѣтямъ малолѣтнымъ; братъ, какъ отецъ и опекунъ все тоже, что настоящій помѣщикъ. А мужики лентяи, мерзавцы и пьяницы. Мудрено и не поступать съ ними круто. Да потомъ чѣмъ же онъ и виноватъ? Ну правъ у него такой. Вѣдь ужъ въ пятдесятъ лѣтъ не перемѣнишся. Пошли къ губернатору и говорятъ: житья нѣтъ! Помѣщикъ хлѣба не дастъ, рабочихъ дней много отнимаетъ, да больно наказываетъ. Оно правда, что онъ наказываетъ. Да какъ же и не наказывать, когда нужно? Вы сами, говоритъ мнѣ, Антонъ Прокофьичь, помѣщики, чай знаете. Кто же не наказываетъ? Не къ становому же посылать въ самомъ дѣлѣ! Становой какъ сдѣлаетъ? Пошлешъ къ нему человѣка наказать: друженъ съ помѣщикомъ —пересѣчетъ; въ ссорѣ съ помѣщикомъ—не досѣчетъ. Толку никакого и нѣтъ и лучше домашнимъ средствомъ пробавиться. Намедни у Татьяны Ильинишны Сидорка стащилъ бутылку наливки изъ кладовой. Татьяна Ильинишна велѣла прикащику Сидорку высѣчь; да думаетъ: малый, пожалуй, все еще не уймется! и отправила его къ становому посѣчь. Чтожъ вышло? Становой ей и отвѣчаетъ письменно: вы де Сидорку дома ужъ высѣкли, чегожъ вамъ еще? Такъ и не высѣкъ, только Татьяна Ильинишна осрамилась. Лучше бы не посылала, чѣмъ такой

отвѣтъ получить. Просто дома бы и посѣкла въ другой разъ, если надо. Только мужики братшины и говорятъ начальству, что что хотите съ нами дѣлайте, подъ опекунство ли отдайте, продайте ли, только за этимъ помѣщикомъ жить мы не можемъ. Братъ узналъ про это, самъ въ городъ поѣхалъ. Объяснилъ губернатору, что онъ никакихъ наказаній незаконныхъ не дѣластъ и что мужики все врутъ, сами мерзавцы и пьяницы. Пріѣхалъ въ деревню чиновникъ особыхъ порученій. Сходъ собрали. Чѣмъ спрашиваетъ недовольны? Мужики говорятъ, что всѣмъ недовольны, что жить имъ за этимъ помѣщикомъ нельзя. Разпрашиваетъ чиновниковъ подробнѣе; толку никакого добиться не можетъ. Иной говоритъ, что по шести дней работаютъ. Разумѣется въ иную пору заставишь мужиковъ и семь дней работать. Какъ же иначе, когда надо? И всѣ такъ дѣлаютъ. Другой говоритъ, что дѣвку крестьянскую повѣнчалъ за вдовца. Вѣстимо вдовцу трудно сыскать невѣсту, чтобъ охотой пошла; этимъ шельмамъ дѣвкамъ тоже лѣнь за чужими дѣтьми ухаживать, рѣдкая захочетъ. Да вѣдь не раззорить же мужика одиночествомъ. А пожалуй эдакъ и вовсе безъ тяголъ останешся. Иначе тутъ дѣлать нечего какъ немножко поневолить. Третій говоритъ, что бабъ на работѣ между завтракомъ и обѣдомъ къ грудными младенцамъ не подпускаетъ. Это, Антонъ Прокофьичъ, самый скверный пунктъ въ жалобѣ, потому что отъ этого маленькое несчастье случилось. Баба пришла на поле и разумѣется люльку съ ребенкомъ поставила на земь, а сама работаетъ. А мальчишка поганый возился, возился въ люлькѣ, высунулъ руку, да и сталъ землею играть; а тутъ вмѣсто простой земли случись муравьиная куча. Муравьи и поползли по мальчишкѣ, залѣзли и въ уши, и въ глаза, и въ носъ, и въ ротъ, кусаютъ; ребенокъ кричитъ. Баба, само собой разумѣется не смѣетъ работы бросить и подойти къ люлькѣ. Ребенокъ покричалъ, покричалъ, да богу душу и отдалъ. Для дѣла это скверно, а все же братъ тутъ ничѣмъ не виноватъ. Не случись тутъ муравьиной кучи, ничего бы и не было. А нельзя же бабамъ потачку дать; пожалуй и все время будутъ

около ребятъ возиться, а барскую работу упустятъ. Извѣстное дѣло, что разъ по утру баба ребенка покормила, онъ до обѣда и ѣсть не попроситъ, развѣ мать избалуетъ, да баловать нисколько не нужно. Вы видите, Антонъ Прокофьичъ, что въ разпоряженіяхъ брата ничего такого противуестественнаго нѣтъ. Еще мужики говорятъ, что дѣвку Аѳимью Денисову братъ казакамъ продалъ, т. е. будто бы братъ къ ней нѣсколько лѣтъ былъ черезъ чуръ милостивъ, а потомъ продалъ на Донъ въ работницы. Продалъ онъ ее на Донъ дѣйствительно. Да чтожъ? Развѣ онъ не властенъ продать когда заблагоразсудитъ? А что касается до другаго смысла этой жалобы, я еще не вижу въ томъ грѣха. Чтожъ брату дѣлать прикажете? Дѣло вдовое. Чиновникъ судилъ, судилъ, спрашивалъ, спрашивалъ. — А! говоритъ наконецъ, такъ вы не хотите за помѣщикомъ жить? Нѣтъ! кричатъ, не хотимъ, батюшка! Куда хочешь дѣвай насъ, только намъ съ Петромъ Семенычемъ житья нѣтъ. Чиновникъ вызвалъ одпаго мужика который побольше другихъ горланилъ. А какъ я, говоритъ, тебя высѣчь велю? А другіе мужики кричатъ: Нѣтъ! батюшка! ужъ коли сѣчь, такъ всѣхъ насъ сѣки, а однаго не трогай. Такъ вотъ постойте же, говоритъ чиновникъ. Привели команду, двухъ человѣкъ сквозь строй прогнали и въ Сибирь сослали." — Ну, такъ чтожъ, я говорю, Иванъ Семенычь? Стало дѣло кончено, зачинщики удалены, мужики опять станутъ слушаться и братцу вашему безпокоиться не о чемъ.

"Какъ не о чемъ? — говоритъ Иванъ Семенычь, конечно братъ ни въ чемъ не виноватъ, но теперь пришлютъ надъ братомъ слѣдствіе дѣлать—точно ли онъ жестоко обращается. Ужъ и чиновника пазначили, со дня на день ждемъ." Вышло, что чиновника назначили моего знакомаго. Я говорю: Точно, Иванъ Семенычь, дѣло казусное, но тревожиться вамъ не о чемъ, этотъ чиновникъ человѣкъ хорошій и мнѣ пріятель. "Неужто пріятель? — говоритъ Иванъ Семенычь. Такъ ужъ вы въ такомъ случаѣ поговорите за брата." Этого я никакъ и не ожидалъ. Думаю: какъ же въ самомъ дѣлѣ, хоть Иванъ Семенычь и говоритъ, что братъ его ни въ чемъ не виноватъ,

а всежъ дѣло скверное и Петръ Семенычь можетъ и не совсѣмъ правъ. Однако же онъ свой братъ: благородный, подло не вступиться, а и вступиться не хорошо, какъ бы мужиковъ не обидѣтъ!.. Такъ и до сихъ поръ не знаю что дѣлать. Я думаю больнымъ скажусь и не поѣду повидаться съ чиновникомъ. Вы меня, милостивый государь, за это не осудите. Русскій человѣкъ покой любитъ. Зачѣмъ путаться не въ свое дѣло? Оно до добра не доводитъ. Вотъ на примѣръ у насъ Сергѣй Петровичь говоритъ Евсею Ѳеодорычу, что вы де худо дѣлаете, Евсей Ѳеодорычь, что у малолѣтнихъ дѣтей сестрицы вашей неправильно землю оттягиваете. А у Евсея Ѳеодорыча въ то время и сгори рига. Намедни мнѣ и разсказываютъ, что Евсей Ѳеодорычь на Сергѣя Петровича просьбу подалъ, что будто Сергѣй Петровичь у него ригу поджегъ или научилъ поджечь, оттого, что сестринымъ дѣтямъ покровительствуетъ. Вотъ оно каково не въ свое дѣло вмѣшиваться!

За ужиномъ я спрашиваю Ивана Семеныча, гдѣ же его братецъ теперь находится? А Катерина Ивановна меня клюковнымъ киселемъ съ миндальнымъ молокомъ подчуетъ. — "Кушайте, говоритъ, Антонъ Прокофьичь, сама третьяго дня готовила". Иванъ Семенычь мнѣ и отвѣчаетъ, что братецъ ихъ все въ томъ же имѣньи живетъ, но съ мужиками, говоритъ, никакихъ сношеній не имѣетъ, только черезъ старосту разпоряжаетъ. Домикъ у Ивана Семеныча маленькой. Мнѣ такой почетъ сдѣлали, въ гостинной спать положили на диванѣ, что желтой бомбой обитъ. И какой порядокъ у Ивана Семеныча! я уже вотъ лѣтъ восемъ этотъ диванъ знаю, а бомбу еще и моль не тронула, только что отъ солнца она полиняла немножко. Катерина Ивановна говоритъ, что покрасить можно, только цвѣта еще не придумала. Славная барышня Катерина Ивановна! Жаль если въ дѣвкахъ засидится. Ужъ какъ порядки деревенскіе знаетъ! и строгость какую въ домѣ ведетъ. Прошлаго года у ней Стешка какъ то двухъ талекъ не допряла, Катерина Ивановна: "Я говоритъ, Стешка, тебѣ за это косу отрѣжу". И не то чтобъ какъ нибудь разсердилась или разбранилась, а такъ просто взяла и отрѣзала у Стешки косу. А

коса была такая русая, густая! Катерина Ивановна знаетъ, что у насъ дѣвки, когда имъ въ наказаніе косу отрѣжутъ, больно этимъ обижаются и косу отрѣзанную берегутъ и плачутъ надъ ней, какъ будто что то милое, родное потеряли. Катерина Ивановна знаетъ этотъ обычай, такъ когда у Стешки косу отрѣзала, взяла да и забросила косу въ такое мѣсто, что и назвать совѣстно, чтобъ дѣвка пустякомъ не тѣшилась и косу не берегла бы. Поплакала дѣвка, а ужъ небось въ другой разъ станетъ тальки допрядать.

По утру рано я уѣхалъ къ генералу Краснопупову, добродѣтельнѣйшему помѣщику во всемъ околоткѣ. Вотъ ужъ душа, я вамъ скажу, мухи пальцемъ не обидитъ. А человѣкъ богатый и своя музыка есть, пятнадцать человѣкъ музыкантовъ, своихъ собственныхъ, крѣпостныхъ. Всѣ жалованье получаютъ, а по правдѣ сказать пьяницы горькіе. По дорогѣ я и заѣзжаю въ гости въ казенное селеніе къ мужику моему пріятелю. Старикъ славный, Пантелеемъ зовутъ; такой трудолюбивый и богатый. Мы съ нимъ давно пріятели; я за него долго по дѣлу хлопоталъ. А престрастное дѣло было. Въ томъ селѣ у мужиковъ завязался процессъ съ сосѣдней помѣщицей объ пятидесяти десятинахъ земли, не шутка! А все помѣщица привязалась, что ей владѣть по самую рѣчку слѣдуетъ—по крѣпостямъ. А рѣчка уже давнымъ давно измѣнила теченіе и врѣзалась въ чужую землю. Старое русло и теперь видно. Какъ же? мужикамъ и не хочется уступить земли. Выбрали Пантелея тяжбу вести. Пантелей, я знаю, старался усердно; да видно помѣщица какъ нибудь по судамъ пересилила, лѣтъ черезъ восемь дѣло и рѣшилось въ ея пользу. Мужики Пантелея и возненавидѣли. Міромъ просятъ начальство сослать Пантелея на поселеніе: онъ де намъ не способенъ. Земская полиція была на ихъ сторонѣ. Пантелей то имѣлъ такой характеръ строптивой: иной разъ и надо бы земскую полицію чѣмъ нибудь утѣшить, а онъ никогда ниже чашки меду земской полиціи не представитъ. А ужъ какой пчеловодъ славный! Пантелей говоритъ: побойтесь бога, братцы, за чтожъ вы меня гоните? Что я вамъ сдѣлалъ? Да ужъ молчи, говорятъ

ты намъ не способенъ. Я тогда самъ иныхъ мужиковъ разпрашивалъ: чѣмъ же вамъ, говорю, Пантелей не способенъ? ни онъ воръ, ни онъ пьяница, ни онъ забіяка какой? Одинъ мнѣ и говоритъ, что и самъ вины никакой за Пантелеемъ не видитъ, да ужъ коли весь міръ его сослать хочетъ, такъ чтожъ ему еще толковать? Стану я, говоритъ, міру поперечить? Міръ говоритъ: сослать, а я другое стану? Нѣтъ, ужъ это не приходится.—Отчегожъ, я говорю, братецъ ты мой, не приходится. Вѣдь ты самъ соглашаешся, что Пантелей хорошій человѣкъ? Да ужъ я, говоритъ, отъ міра не отстану. Экъ, я думаю, дался имъ міръ этотъ! Не лучше иного помѣщика. Никто у него не смѣй и голоса своего подать, такъ и заклюетъ. Да ты, скажетъ, что такое за птица? Коли міру хорошо, съ чегожъ тебѣ не ладно? Иной разъ мужикъ такъ даже въ разговорѣ пожалуется, что старшина что ли, (или другой кто) его ли, сына ли его обидѣлъ, побилъ что ли, или подводу лишнюю взялъ; міръ и кричитъ: вишь ты! жаловаться смѣетъ. Да чай старшина (или другой кто) и всѣхъ насъ случается обижаетъ, и поколотитъ больно, и подводу люшпюю возметъ, да вѣдь не жалуемся. А онъ жалуется! Вишь ты, выскочка какая! — Насилу я Пантелея отстоялъ противу міра. Ужъ кого я ни просилъ! И начальника губерніи просилъ, и правителя канцеляріи просилъ, и чиновниковъ палатскихъ просилъ, и тететушку Авдѣя Дмитрича, который у насъ въ губернскомъ городѣ обѣды даетъ, просилъ, всѣхъ просилъ. Насилу спасъ. За то когда пріѣзжаю къ Пантелею, ужъ онъ радъ, радъ мнѣ какъ отцу родному. Говоритъ, что когда къ обѣднѣ ходитъ просвиру за мое здоровье вынимаетъ, да еще прибавляетъ: "вотъ отъ того то ты, батюшка Антонъ Прокофьичъ, такой и здоровенный." Въ этотъ разъ Пантелей мнѣ, какъ водится, пересказалъ все это и о своей благодарности, и объ уваженіи и о просвирахъ. Я говорю спасибо, а самъ постматриваю на избу. Изба у Пантелея получше обыкновенныхъ избъ въ нашей сторонѣ. Попросторнѣй немного, а снаружки и ставни красной краской выкрашены и такая штука на верху крыши изъ дерева вырѣзана, что не разберешь пѣтухъ ли то, или

лошадь, а только хорошо что то. Въ избѣ по обычаю въ углу шкапчикъ съ образами; есть даже одинъ и въ серебряномъ окладѣ. У образа вербочка еще съ прошлаго года заткнута и яичко красное со святой пасхи, не помню котораго года, бережется. Говорятъ, что такія яицы пасхальныя не портятся, хоть черезъ двадцать лѣтъ ѣшь, точно будто вчера курица снесла. А хоть и богатъ Пантелей, а всежъ у него и теленокъ въ избѣ стоитъ надъ мѣсивомъ да что то думаетъ, съ малыхъ лѣтъ къ бычачей задумчивости пріучается. Тутъ и курица о чемъ то съ большимъ жаромъ кудахтаетъ на непонятномъ языкѣ. Тутъ и поросяты свинью сосутъ, а свинья хоть и похрюкиваетъ, а лежитъ на боку, не повернется, такая чадолюбивая! Только всѣ эти животныя производятъ въ избѣ не малую вонь и безпокойство. Какъ это, я говорю, Пантелей, деньги у тебя водятся, а ты себѣ чистой избы не заведешь?— "И, говоритъ, Антонъ Прокофьичъ, и весь міръ такъ живетъ, куда уже намъ особнякомъ прикидываться!" Опять міръ! Да вѣдь ужъ міръ тебѣ не мало насолилъ, а ты все по его хочешь дѣлать! Вонъ у мемя домъ то не много больше твоего, а всежъ чисто живу. "Ну, говоритъ, ваше дѣло господское." Разсказываю я Пантелею, что ѣду къ генералу Краснопупову. "Знаю ихъ милость, говоритъ Пантелей, я еще, говоритъ, и дядюшку ихняго зналъ, что у насъ былъ капитанъ-исправникомъ. Кажись и не бѣдный человѣкъ былъ, попалъ въ исправники. Давно ужъ этому. У насъ ихъ милость звали, съ позволенія доложить, сѣченымъ".—Отчего же сѣченымъ? "А ихъ милость въ ту пору Суворовъ высѣкъ."—Какъ Суворовъ?

Вышло дѣло вотъ въ чемъ, что это не тотъ Суворовъ. — Меня до сихъ поръ удивляетъ, какъ это имя такаго великаго полководца было тоже именемъ недостойнаго разбойника! Въ 17** году въ нашемъ уѣздѣ свирѣпствовали разбои. Убивать людей не слыхать было чтобъ убивали и бѣднаго мужика не грабили на большой дорогѣ а ужъ коли попадается чиновникъ какой, особенно если ѣдитъ собравши подать или даже какой нибудь незаконный налогъ съ деревни, тутъ ужъ его облупятъ бывало какъ липку, ниже подкладки въ карманахъ

не оставятъ, а самаго либо розгой отдерутъ, либо такихъ подзатыльниковъ надаютъ, что послѣ какая нибудь Акулина Ивановна ни водой, ни хрѣномъ ни заговоромъ синяковъ не сведетъ. А разбойничалъ оказалось одинъ только человѣкъ и то былъ мужикъ Суворовъ. Говорятъ, что сначала онъ былъ мужикъ хорошій, да вдругъ ему ни съ того, ни съ сего вообразилось, что у насъ никакого правосудія нѣтъ. Онъ и пошелъ въ разбойники; жилъ не знаю гдѣ и какъ, только на всю сторону павелъ трепетъ, хотя—какъ я уже сказалъ— никогда мужика на большой дорогѣ мизинцемъ не задѣлъ. А исправникъ ли, засѣдатель ли какой безъ ружья или кистеня бывало и не выѣдетъ. Да не помогало и оружіе! Суворовъ былъ парень ловкій. Извощикъ его боялся; завидитъ, броситъ возжи и убѣжитъ въ кусты. А Суворовъ и нагрянетъ; ружье и кистень къ чорту и тутъ то несчастнаго чиновника сперва ограбитъ, а потомъ розгой или палкой проннмаетъ, пронимаетъ, да приговариваетъ : въ другой разъ захочешъ народъ обиждать, помни, такой сякой, Суворова. Весь нашъ уѣздъ, говорятъ въ отчаянье приходилъ отъ этого зловреднаго грабителя. Чѣмъ онъ кончилъ не могъ я дознаться, такъ ли безъ вѣсти пропалъ и своей смертью умеръ, или былъ пойманъ, приговоренъ къ весьма лишенію живота, наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу, этого Панталей не умѣлъ мнѣ объяснить. Только и могъ Пантелей утверждатъ навѣрно, что Суворовъ высѣкъ дядюшку генерала Краснопупова, тоже подозрѣвая его въ какихъ то обидахъ, нанесенныхъ простому народу. Выслушавъ отъ Пантелея этотъ, какъ называютъ ученые люди, любопытный историческій фактъ, я отправился своею дорогою къ генералу Краснопупово.

Генералъ Краснопуповъ живетъ не по нашему. Домъ у него огромный. Правда видъ у этого дома какой то странный: справа пристроечка, слѣва пристроечка, кровелька повыше, кровелька пониже; балконъ приклеенъ гдѣ нибудъ — не то чтобы кстати, а все же балконъ и все же домъ огромный. Садъ старинный съ стриженными деревьями и прямыми дорожками, лѣтомъ очень красиво, Но нельзя сказать, чтобъ все это въ

какое нибудь время года было чисто. По для богатого барина размѣръ главное; въ большой опрятности есть что то мѣщанское. У генерала Краснопупова всегда найдешъ гостей. Все сосѣдство его страхъ любитъ. Да уже нечего сказать и принять умѣетъ. Такой ласковый, всякому что нибудь любезное скажетъ, и накормитъ по горло, и всѣ свои заведенія покажетъ, хотя бы вы къ нему въ двадцатый разъ пріѣзжали, и все его хозяйство давно наизусть бы знали. А онъ все таки поведетъ васъ и въ оранжереи, и на конный заводъ, и на фабрики разныя, суконныя и полотняныя и пр. и пр. и сызнова вамъ станетъ объяснять, что вотъ такое то строеніе онъ построилъ въ такомъ то году и стоило оно столько то; такого то жеребца, отъ такихъ то знаменитыхъ родителей, онъ выписалъ за столько то тысячъ; а когда дѣло дойдетъ до того, какъ онъ все у себя умно, разсудительно и великолѣпно устроилъ, у него слезы выступаютъ на глаза отъ истинно примѣрной чувствительности. За обѣдомъ всегда музыку заставитъ играть. Я въ этомъ впрочемъ толку не понимаю и по правдѣ сказать мнѣ даже непріятно становится, когда генералъ заставляетъ музыкантовъ играть. Такая видно у меня натура глупая: вѣдь знаю, что музыканты хорошіе, а заиграютъ—все какъ то ушамъ больно. Обѣдъ у генерала продолжается очень долго. Блюдамъ счетъ потеряешъ. Долженъ я однако признаться, что мнѣ за обѣдомъ какъ то не ловко бываетъ. Я привыкъ простой кусокъ говядины съѣсть; а у него всякое кушанье такъ приправлено, что насилу проглотить могу. А генералъ то такой добрый; все говоритъ: да покушайте же, Антонъ Прокофьичъ, вотъ этого то съ красненькой то жижицей. Ну, не учтиво отказаться. Давишся и ѣшь что то съ красненькой жижицей. А винъ то разныхъ и бѣлыхъ, и красныхъ, и шипучихъ, и наливочекъ, и ликерцевъ! бѣда непривычному человѣку! У генерала я нашелъ двухъ знакомыхъ: Авдѣя Авдѣича, да Тихона Тихоныча. Всѣ были мнѣ ужасно рады. Генералъ говоритъ: "Вотъ это, Антонъ Прокофьичъ, одолжили что пріѣхали, да еще по такой дурной дорогѣ." Такъ обласкалъ, что даже скопфу-

зился ; не знаю что отвѣчать. Тихонъ Тихонычь говоритъ, что уже давно желалъ со мною встрѣтиться, спросить хотѣлъ : не продамъ ли я ему мужиковъ на свозъ, зная, что земли у меня не вдостачу.—Нѣтъ ! я говорю, Тихонъ Тихонычъ, ужъ на этотъ счетъ вы меня извините. Кому другому, а вамъ не продамъ. У васъ жить мужику плохо. "Эге ! говоритъ Тихонъ Тихонычь, у васъ все филантропія на умѣ." Какъ бы вы думали ? У насъ изъ этого и завязался разговоръ, который я вамъ намѣренъ передать на сколько помню. Авдѣй Авдѣичь, я вамъ напередъ долженъ сказать, человѣкъ не старый и не слишкомъ богатый, по наружности престрогій и разговоривать не охотникъ ; но въ самомъ дѣлѣ обижать никого не любитъ и дѣло разсудить по справедливости въ состояніи. Я его таки уважаю. Да я и Тихона Тихоныча уважаю. И когожъ я не уважаю въ самомъ то дѣлѣ ? По чистой совѣсти всѣхъ уважаю, ибо и въ писаніи сказано : не суди и самъ судимъ не будешъ.—А враговъ себѣ нажить долго ли ? Лучше ужъ никого не задѣвай, и тебя не задѣнутъ. Великую истину говоритъ Писаніе !

Генералъ Краснопуповъ первый замѣтилъ намъ : Статочное ли, говоритъ, дѣло, мужиковъ на свозъ продавать ? У меня и отецъ мой сроду ни души на свозъ не продалъ, и я тоже никогда.—Да помилуйте, ваше превосходительство, говоритъ Тихонъ Тихонычь, у васъ и безъ того земли много. —Да, Тихонъ Тихонычь, говоритъ генералъ, положимъ, что у меня земли много ; однако сами посудите, легко ли человѣку отечество покидать ? — Трудно, я говорю, ваше превосходительство, и Авдѣй Авдѣичь, подумавши сказалъ : трудно!—Все филантропія, ваше превосходительство, говоритъ Тихонъ Тихонычь, это намъ трудно, у насъ и родственники и пріятели. А мужику не все ли равно—что здѣсь жить, что за Волгой гдѣ нибудь жить ? Здѣсь землю пашетъ и за Волгой землю пахать станетъ ; здѣсь хлѣбъ ѣстъ и тамъ будетъ хлѣбъ ѣсть ; здѣсь лѣпится и напивается и тамъ станетъ лѣниться и напиваться ; здѣсь его за это высѣкутъ и тамъ высѣкутъ. Никакой разницы нѣтъ.—Ну, оно хотя

дома и сѣкутъ мужика, говоритъ генералъ, а все же оно отѣчество. Да и сѣчь то дѣло нехорошее. Кабы можно было безъ этого обойтись!—Да какъ же можно безъ этого обойтись, говоритъ Тихонъ Тихонычь, никакая работа не пойдетъ.—Точно, говоритъ генералъ, работа не пойдетъ, а все таки—вотъ когда у меня мужика сѣкутъ—не повѣрите: такъ сердце и надрывается. Такая тяжелая необходимость!—А вы не заставляйте, говоритъ Авдѣй Авдѣичь, мужика сверхъ силъ работать и сѣчь не за што будетъ.—Авдѣй Авдѣичь! какъ вамъ не стыдно? говоритъ Тихонъ Тихонычь, все филантропія. Ну, что такое значитъ сверхъ силъ работать заставлять и что такое значитъ мужика высѣчь?—Разберите-ка хорошенько. Вамъ сверхъ силъ многое, если вы по себѣ судить станете. Да вы и не на томъ корму выросли. Васъ на французскихъ булкахъ да на бульонѣ воспитывали, не такъ ли-съ? А мужикъ то какъ выросъ? Мужикъ на черномъ хлѣбѣ выросъ. Чай и сила то у него другая! чай ему и линнее сработать ничего не значитъ—пустое дѣло! Вотъ что-съ. Тожъ и сѣчь. Ну, какъ же мужика не сѣчь? Нашего брата высѣчь, конечно не ловко: всякій обидится, да и больно. А мужику ничего не обидно, онъ уже привыкъ. Да и кожа то у него не то, что ваша. Васъ тронь прутикомъ, у васъ и кровь брызнула, вы и заплакали. А мужика пожалуй сѣки: у него кожа какъ скорлупа. А между тѣмъ по пословицѣ: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Высѣчешь и нравственности у мужика прибавится. Не правда ли, ваше превосходительство?—Оно конечно, говоритъ генералъ, для нравственности точно полезно, да все же .... Генералъ покачалъ головою и спросилъ трубку. Гаврюшка принесъ трубку. Чтожъ ты, говоритъ ему генералъ, скотина, съ дырами сапоги надѣлъ когда гости тутъ? Пошелъ дуракъ, надень крѣпкіе. Никакъ, говоритъ генералъ, этаго Гаврюшку къ хорошимъ манерамъ не пріучишь. А вѣдь ужъ какъ на волторнѣ играетъ. Соло съ варіяціями играетъ даже! Однако, продолжалъ генералъ, вотъ у меня иные мужички на волю просятся и деньги за себя взносятъ. Видно не хотятъ, чтобъ кто нибудь имѣлъ право ихъ посѣчь немножко.

—На волю просятся и деньги взносять! воскликнулъ Тихонъ Тихонычь съ видомъ отчаянія. И не отпускайте, говоритъ, ваше превосходительство. Погубите мужика если отпустите. На что ему воля и деньги? Это верхъ безнравственности! Что мужикъ съ волей сдѣлаетъ? Воровать развѣ пойдетъ? Чтожъ хорошаго? Поймаютъ, да плетьми выдерутъ. А деньги главное зло для мужика. Что мужикъ съ деньгами сдѣлаетъ? Въ кабакъ снесетъ! Только! Мужику что нужно? Хлѣбъ нуженъ, квасъ нуженъ. Ну давайте ему и хлѣба и кваса; пусть кормится натурою—и будетъ хорошъ. А чуть деньги у мужика завелись, ужъ тутъ какая нравственность?—Такъ по вашему, говоритъ Авдѣй Авдѣичь съ сердцемъ, мужику ни воли, ни денегъ не надо; а только его работать заставлять, да сѣчь надо! Эге! Тихонъ Тихонычь! куда заѣхали! гадость какую говорите! —Вотъ вы, Авдѣй Авдѣичь, и разсердились, говоритъ Тихонъ Тихонычь. У васъ все филантропія! И какаяжъ тутъ гадость, позвольте спросить? Оно совершенно справедливо. Вамъ другое дѣло: вамъ и воля и деньги нужны. Не крѣпостнымъ же въ самомъ дѣлѣ дворянину быть! Да вы знаете, что съ волей и дѣлать; не бось воровать не пойдете; а въ городъ поѣдите, вечеромъ въ карточки поиграете: не въ преферансъ же въ самомъ дѣлѣ мужику играть! А вамъ и деньги и богатство нужны: женѣ платье, на примѣръ къ святой недѣли купите, и дѣтей воспитывать станете и фортепьяны дочкѣ купите. Чтожъ вы хотите, чтобъ мужикъ тоже фортепьяны покупалъ? На что ему фортепьяны! Фильдъ то чай учить его не поѣдетъ! — Авдѣй Авдѣичь топнулъ ногой, всталъ и пошелъ въ другую комнату. Мы съ генераломъ посмотрѣли другъ на друга и подумали: вѣдь точно Фильдъ не поѣдитъ мужика учить. Такъ зачѣмъ же мужику фортепьяны! Какъ это Тихонъ Тихонычь хорошо говорить умѣетъ!

"А вотъ, говоритъ генералъ, я вамъ покажу письмо, которое получилъ отъ моего мужика изъ Рязанской деревни. Истинно все письмо пропикнуто нравственностью и христіянскимъ чувствомъ". Генералъ далъ Гаврюшкѣ ключь отъ бюра и велѣлъ достать ящикъ съ письмами. Гаврюшка принесъ ящикъ.

Генералъ порылся и наконецъ отыскалъ письмо. Письмо длинное. Я попросилъ хоть первую страничку списать и сообщаю вамъ оную, какъ она писана, съ тѣмъ же правописаніемъ и нимало не выдумывая. Истинно, скажу вамъ, благодать Божія, когда у кого заведутся такіе крестьяне какъ у генерала Краснопупова. Вотъ эта страничка:

Его превосходительству

ЛЕКСѢЮ ДМИТРИЕВИЧУ!

Милостивый Государь, батюшка, Лексѣй Дмитричь!

Видючи Антонъ Бобковъ въ пароди неправды умнажаетъ:

1.—Егда вышелъ народъ въ господцкой день работать да и талкуетъ И разсуждастъ между себя о господинѣ и старости что наши господа глупы, занимаются больше пустыми дѣлами, роспашки, да бороны, да еще катки. только наши господа разоряются да и насъ разорятъ.

2.—еще, братцы, господинъ нашъ возлюбилъ старосту какова Аспида! не знаетъ онъ ни родни, всѣхъ дурными словами ругаетъ, хило наше дѣло, ибо онъ насъ разоритъ до конца, всѣхъ внищи приведетъ, незнаетъ никакаго добраго разпоряженія въ работе, ганяетъ насъ на барщену дни четыре или пять. А когда всю неделю. Ино и хлеба нетъ, то спросимъ Староста Панкратъ Ларивоначъ какъ миня хлеба нетъ, да мнѣ хоть здохни, а ступай на барщену. Или когда рабенокъ умираетъ, то староста кричитъ, что нейдешъ на барщену? Какъ, батюшка, у миня вить рабенокъ умираетъ. Да мнѣ хоть и ты здохни. А ступай. беда, братцы, житье наше, начальники азарники, не знаютъ ни праздниковъ ни воскресныхъ дней, все на барщену гонютъ работать, видно не знаютъ что грѣхъ въ праздники работать. Ступай!

3.—Антонъ Бобковъ говоритъ мужикамъ: братцы, что талкуети и осуждаети, намъ грѣшно ихъ осуждать то и бранить то, намъ слѣдоватъ богу молиться за нихъ. Какъ за нихъ не молиться! они насъ всегда будутъ бить да тиранить а за нихъ богу молиться! О го го! выдумалъ ты Антонъ, что сказать то.

— Нету, братцы, истинно я вамъ говорю, пусть начальники насъ бьютъ, ежели напрасно, имъ господь отъмѣщуетъ.

4.—братцы, вы послушайте что я вамъ скажу.—Скажи-ка, Антонъ!—Почему мы называемся христиане?—Знама почиму : веровамъ богу. — Но какая вера богу? — Знама какая : молюсь богу.—Да вить татары не крещены и то богу молются? Но не по глаголу вера христианская утверждается. А по содеиствію всѣхъ дѣловъ : Верно работать, да всегда говорить правду, никого неосудить, неоклеветать и необесчестить, следоватъ намъ каждаго человѣка любить какъ себя,

5.—То послушайти, что сказано въ пророческимъ писаніи: раби послушайте господій своихъ по плоти. Со страхомъ и трепетомъ въ простоте сердца вашего якоже и Христа не предъ очима, точію работающе яко человѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю божию отъ души соблагоразуміемъ служаще якоже господу, А не яко человѣкамъ....

Потомъ слѣдуютъ самыя трогательныя и назидательныя выписки изъ текстовъ св. Писанія, но я не смѣю слишкомъ много выписывать, ибо, какъ я выше сказалъ, письмо очень длинно. А заключено оно слѣдующими словами :

15. — батюшка Лексѣй Дмитричъ видишъ крѣстьяновъ твоихъ въ какомъ состояніи провождаютъ жизнь свою, больше живутъ въ злобленіе въ гордости въ зависти. Батюшка Лексѣй Дмитричъ изъ ясняю я вашей милости о крестьянскихъ дѣлахъ, то прошу я васъ батюшка Лексѣй Дмитричъ, ежели я вамъ въ семъ писаніе согрублю, то накажити миня, А ежели примети мое письмо, то желаю еще свами батюшка Легсѣй Дмитричъ, о семъ христианскомъ деле поговорить.

Антонъ Фирсонъ Бобковъ.

Письмо это читалъ самъ генералъ, а мы съ Тихонъ Тихонычемъ слушали въ великомъ умиленіи.

День провелъ я у генерала въ величайшемъ удовольствіи. Гаврюшка на волторнѣ игралъ, Генералъ былъ очень тронутъ. "Вѣдь вотъ, говоритъ, Гаврюшка собственный мой крѣпостной. Я самъ его изъ мужицкихъ дѣтей выбралъ. — А какъ

играетъ!"—Да, я говорю, ваше превосходительство. Воспитаніе великое дѣло. Почаще учите мужицкихъ дѣтей на волторнѣ играть : истинная будетъ, какъ въ журналахъ называется, цивилизація.

Вечеромъ мы въ преферанчикъ сыграли, да и разошлись поотдохнуть. Очень весело было. Я на сонъ грядущій взялъ на удачу кой какія нумера Московскихъ Вѣдомостей, отъ того, что и заснуть не могу не прочитавши хотя строчекъ двухъ! Мнѣ и попались три статьи о благотворительности. Разговоръ то съ Тихонъ Тихонычемъ, да эти статьи, я и пошелъ думать, да думать о бѣдныхъ людяхъ. Даже и заснуть не могъ порядочно. Мудреное это дѣло какъ помочь бѣдности. Богъ знаетъ! Видно ужъ на то воля господня, чтобъ были бѣдные люди! Оно и справедливо! такъ и должно быть! Не будь бѣдныхъ людей кому же богатые то помогать бы стали? А не имѣя случая помогать ближнему какъ бы они выучились добродѣтели? Премудрое это дѣло, что бѣдность на землѣ водится!— Только какъ же помочь то ей? Въ газетахъ хвалять, да какъ то странно хвалять какъ будто и не хвалять, что помогаютъ балами и концертами : сами веселятся, а между тѣмъ и бѣднымъ помогаютъ. Оно конечно, чтожъ тутъ худаго, что сами веселятся и ближнему помогаютъ. Вѣдь лучше доброе дѣло съ весельемъ дѣлать, чѣмъ плакать надъ добрымъ дѣломъ какъ будто надъ мерзостью какою. Не знаю много ли за разходами послѣ бала да концерта останется бѣднымъ; а все же сколько нибудь да останется, хотя одному человѣку да помогутъ, а можетъ и нѣсколькимъ хоть по грошику да очистится. Чтожъ? Оно и грошъ не всякій разъ на улицѣ подпимешь. Правда бѣдности этимъ не уничтожишь. Да, я уже замѣтилъ выше, что и уничтожать ее не слѣдуетъ. А надо вотъ какъ въ третьей статьѣ газетъ г. С. Шевыревъ предлагаетъ, чтобы богатые помогали откровенно, а бѣдные принимали милостыню безъ противурѣчія и гордости, и тогда истинно будетъ на землѣ царство небесное! Оно въ самомъ дѣлѣ удивительно хорошо выйдетъ : — когда богатые откровенно станутъ помогать бѣднымъ, они все свое имущество и раздадутъ бѣднымъ;

а бѣдные сдѣлавшись богатыми обратно раздадутъ полученное имущество богатымъ, что стали бѣдными. Оно такъ и пойдетъ изъ рукъ въ руки, какъ вотъ доводилось мнѣ видѣть на картинкѣ—колесо фортуны, подъ которой подписано:

Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ,
Суетится цѣлый вѣкъ,
А того не замѣчаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.

На той картинкѣ колесо представлено: сверху колеса человѣкъ и внизу колеса человѣкъ; такъ и знаешь: колесо повернется—нижній на верху будетъ, а верхній внизу; еще повернется — опять по прежнему и такъ можетъ хоть до конца вѣковъ вертѣться, всякій на колесѣ посидитъ и подъ колесомъ побываетъ. Вѣдь и на счетъ бѣдности, главное дѣло для поддержанія любви къ ближнему и добродѣтели, чтобъ бѣдные люди всегда оставались и богатые учились бы помогать имъ. Вотъ авторъ второй статьи ужъ что то черезъ чуръ мудрено выражается, что будто стыдно будетъ со временемъ богатому подавать милостыню, а бѣдному принимать ее. Я думалъ, думалъ, никакъ не могу понять этого. Авдѣй Авдѣичь, который въ университетѣ воспитывался, говоритъ, что авторъ хотѣлъ сказать, будто люди должны отыскать такія средства обогащенія въ своей промышленности и такой между собой порядокъ вести, чтобъ вовсе бѣдныхъ не было. Авдѣй Авдѣичь говоритъ, что наука политическая экономія въ наше время на это и мѣтитъ, а что г. С. Шевыревъ должно быть той науки вовсе не знаетъ, а что иначе, говоритъ, бѣдныхъ не уничтожишъ, какъ чтобъ они сами собственными силами обогатились, а то, говоритъ, хоть сей часъ всѣ имущества между всѣми людьми поровну раздѣли, такъ такая малость на брата придется, что не на что будетъ табаку понюхать. А оставить, говоритъ, бѣдныхъ на произволъ богатыхъ нельзя. А надо говоритъ, никому не мѣшать работать, ограждать независимость труда законами, какъ то въ нашемъ отечествѣ и дѣлается, да платить за трудъ то, чего онъ стоитъ и правосудіе всякому

человѣку равно отдавать; тогда, говоритъ, бѣдные будутъ много производить и богатѣть. Вотъ что, говоритъ Авдѣй Авдѣичь. Ну, ужъ правду ли онъ говоритъ, это пусть люди поумнѣе моего разсудятъ.

Возвратясь домой отъ генерала Краснопупова, я было на другой же день принялся писать къ вамъ, милостивый государь, уже и перо очинилъ и бумагу передъ собой положилъ, какъ вдругъ мнѣ сказываютъ, что пришли ко мнѣ два мужика сосѣдніе о чемъ то посовѣтоваться. Велѣлъ ихъ позвать. "Что вы, говорю, почтенные? Что вамъ надо?" Одинъ говоритъ: "Вотъ, батюшка Антонъ Прокофьичь письмо".—Смотрю, да это, говорю, не ко мнѣ. "Вѣстимо, говоритъ, не къ тебѣ; это къ намъ барыня приказъ пишетъ. Прочти, батюшка, да скажи что намъ дѣлать?" — Читаю. Сверху надписано: Старостѣ Акиму Русопенкову приказъ.—А сколько, я говорю, васъ душъ у барыни? "Да, говоритъ, насъ всего двое".— Какъ двое? — "Да деревня то, говоритъ, большая, разнопомѣстная; насъ только двое барынѣ то нашей принадлежимъ." —Такъ какой же у васъ староста?—"Да я, говоритъ староста." Это ты Акимъ Русопенковъ? "Не што, батюшка, такъ прозываютъ."—Ну, да сколько же васъ тянетъ? "Да два тягла насъ только и есть, Антонъ Прокофьичь. Я староста, а вотъ Панкратъ такъ ничего, то есть не староста. У него сынъ, да только не женатъ еще, еще не въ лѣтахъ." — Постой, я что то не понимаю. Такъ васъ всего двое и одинъ изъ васъ староста? "Такъ, батюшка. Я староста, а онъ такъ себѣ ничего."—Гм, подумалъ я, хорошо! Что то дальше? Читаю. Барыня пишетъ:

"Продала я землю, на которой вы сидите Татарамъ, а потому запрещаю тебѣ и всѣмъ мужикамъ моимъ деревни Перевѣрдѣевки вашу землю пахать; а сдать ее Татарамъ, которымъ она продана. А вамъ земли той вовсе не пахать. И выходите вы на волю, а я за каждую ревизкую душу съ васъ по сту рублей серебромъ возьму, а избы и скотъ вашъ вамъ предоставлю. Да смотритежъ непремѣнно выходите на волю, а коли не хотите по сту рублей серебромъ за душу заплатить,

(а вы дураки вѣдь пожалуй и не захотите) ну, такъ я васъ въ Усмановку перешлю. Да коли не хотите заплатить и на волю выйти, такъ будетъ съ васъ за оное ослушаніе строго взыскано. Да ты еще, Акимъ, стоишъ того, чтобъ тебя просто розгами высѣчь: я же тебя старостой опредѣлила, а ты мнѣ пять телячьихъ шкуръ перегадилъ! Такъ смотрижъ земли съ весны вамъ не пахать, а приказываю вамъ идти на волю и внести мнѣ за это по сту рублей серебромъ за душу."

Приказъ написанъ довольно четкой рукой, а внизу какими то каракулями подписано: Сѣму вѣрь, барыня ваша Лизавета Улыбочкина.

Прочелъ я. — Ну, такъ чтожъ вы, говорю, хотите? "Да пришли, говоритъ Акимъ, спросить у твоей милости можно ли намъ весной то землю нашу пахать?" — Да вѣдь вамъ барыня пишетъ, что нельзя. "Вѣстимо, говоритъ, пишетъ, что нельзя; то то мы и пришли спросить не можно ли?" — Экой ты какой! вѣдь знаешь, что земля продана и стало ее пахать нельзя, а надо Татарамъ отдать. А барыня велитъ вамъ на волю идти и по сту рублей серебромъ за душу внести. "Да гдѣ, говоритъ, намъ ей сто рублей серебромъ взять? У насъ и ста копѣекъ серебромъ въ дому нѣтъ."—Ну, жаль мнѣ васъ, да что же съ этимъ дѣлать? "А земли то пахать нельзя, батюшка?"—Нѣтъ, нельзя, она продана. "То то и мы думали, что нельзя, да и пришли спросить. Ну! нельзя, такъ нельзя, Ну прощай, батюшка! Теперь такъ и будемъ знать".

Предобрый мужикъ, русскій мужикъ, думаю я. Право! Чай добрѣй нашего мужика и не сыщешъ. Главное его качество въ томъ, что онъ почти никогда не сердится. Вотъ хоть этотъ казусъ: какъ бы, кажется, не разсердиться, хотя внутренно, что приступаютъ къ тебѣ: денегъ давай или ступай въ какую то Усмановку? Нѣтъ, нашъ мужикъ не таковъ: съ полной вѣрой въ благость Провидѣнія и съ мудрымъ равнодушіемъ встрѣчаетъ онъ всякую невзгоду, и если когда и вздумаетъ показать нѣкоторую бойкость, то это не на долго. Малѣйшее увѣщаніе старшихъ и легкое наказаніе—больше для примѣру —тотчасъ снова его дѣлаютъ смирнымъ, и свершаетъ онъ въ

кротости путь своей скудной жизни, ожидая награды небесной. Бойкость его уходитъ совсѣмъ на другія вещи, потому что вѣдь надо же куда нибудь выпалить бойкости человѣческой, и пойдетъ онъ въ кабакъ, и напьется, и подерется и возвращается домой съ разбитой рожей, но весьма довольный тѣмъ, что показалъ свою удаль и пріятно провелъ время въ дружеской бесѣдѣ.

Хотѣлъ я еще что то вамъ сообщить, но теперь не припомню и потому рѣшился оставить до слѣдующаго письма. Впрочемъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть, Вашъ, Милостивый Государь, покорный слуга

Антонъ Постегайкинъ.

VI.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СНЫ.

Часы старинные въ столовой
Пробили полночь. Старый князь
Всѣмъ тѣломъ къ отдыху готовый
Сталъ раздѣваться, спать ложась.
Съ лицомъ исполненнымъ боязни,
Какъ будто ждалъ заутро казни,
Вокругъ заботился слуга
Въ ливреѣ вышитой гербами.
Уже была его перстами
Разута барская нога;
Онъ волю барскую пугливо
Читалъ во взглядѣ и привыкъ
Ходить на цыпочкахъ, но живо
И преклоняться молчаливо,
Внимая брань иль грозный крикъ.
Но вечеръ весь шелъ тихъ и миренъ,
Князь въ этотъ разъ былъ вовсе смиренъ
И гладко-голое чело
Сіяло важно и свѣтло;
Князь чувствомъ счастья былъ подавленъ,
Что утромъ къ лентѣ былъ представленъ.

* *
*

Въ богатой спальнѣ въ ту же ночь,
Въ тотъ самый часъ уже лежала
Подъ мягкимъ шелкомъ одѣяла
Его молоденькая дочь,
На ложѣ медленно вздыхая,
Отъ тайныхъ думъ не засыпая.
И тутъ же у стѣны другой,
Въ постелѣ теплой гувернантка,
Временъ минувшихъ парижанка,
Съ своей дѣвической душой,
Съ лицемъ морщинистымъ и старымъ,
Съ главой повязанной фуляромъ,
Жалѣла, что пора пресѣчь
Непстощаемую рѣчь.
Все было тихо въ этой спальнѣ . . .
Едва могъ долетать до ней
Какъ отголосокъ смутно-дальній
Съ морозныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолкѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Насупротивъ былъ видѣнъ домъ,
И кровля длинная на немъ
Бѣлѣлась холодно, уныло ;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна,
И такъ все тихо, тихо было,
Что безотчетно сердце ныло.

* *
*

О чемъ же думала княжна?
Съ бѣды ль прямой, иль съ небылицы
Такъ долго медлила она
Сомкнуть усталыя рѣсницы,
И по лбу бѣлому порой
Водила медленной рукой?
За чѣмъ тихонько грудь вздыхала?
За чѣмъ не рѣдко выступала
На темно-синіе глаза
Тоски невольная слеза?
Въ ея лѣта воспоминанья
Не шевелятъ еще страданья,
Легко бы жизнь идти должна ...
И гдѣ сыскать завидней долю?
И юность и богатства вволю,
Да и красавица она!
Все это такъ, княжна не знала
Чего ей надо, но скучала.
Едва десятки школьныхъ книгъ—
Забвенья ради—склавъ на полку,
Она про мертвый ихъ языкъ,
Въ которомъ не добилась толку,
Безъ муки вспомнить не могла,
И умъ ребячески пытливый
Сгаралъ въ тоскѣ нетерпѣливой,
И книгъ живыхъ она ждала,
И въ мглѣ загадочныхъ стремленій
Искала чудныхъ откровеній.
Но не съ кѣмъ было слова ей
О думѣ вымолвить своей.
Понять душевную тревогу
Едва ль могла мамзель Приве—
И только шила по канвѣ,
Болтала и молилась Богу.
А между тѣмъ княжна сама
Не находила тайной битвѣ

Исхода ни въ одной молитвѣ;
Съ отцомъ она была нѣма,
Князь вѣчно сухъ былъ и серьезенъ,
Но вовсе самъ не религіозенъ.
Недавно Мери привезли
Изъ тишины деревни дальней,
И въ шумъ столичный, говоръ бальный
Ее—стыдливую—ввели.
Ей было жаль деревни милой,
Ея лѣсовъ, ея полей,
И сада липовыхъ аллей
И рѣчки тихой и унылой;
Была тамъ старой няни дочь
Ея подругой простодушной,
Въ затѣяхъ жизни мирно-скучной
Умѣла весело помочь;
Хоть Мери съ ней не говорила
Про все, но отъ души любила.
А здѣсь, между чужихъ, княжна·
Такъ безпріютна, такъ одна...
Она любить бы такъ хотѣла—
И не любила никого,
А въ тайнѣ жаждала такъ смѣло
Всей жаждой сердца своего
И мысли новой и обильной,
И страсти пламенной и сильной.
Вотъ отъ чего ночной порой,
На ложѣ—медленной тоской
Томилась Мери и не знала
Чего ей надо, но скучала
А усталь стала брать свое,
Тускнѣли помыслы дѣвицы
И навѣвалось забытье,
Сомкнулись длинныя рѣсницы
И неподвижно—какъ была
Осталась ручка близь чела.

Сквозь трепетъ тайнаго броженья
Подкрались тихо сновидѣнья
Съ толпою образовъ своихъ
Безплотныхъ, странныхъ, но живыхъ.

* *
*

Ей снилось—теплою струею
Пахнуло воздухомъ весны,
Долина спитъ подъ сѣнью мглою
Въ сіяньи дремлющемъ луны.
Въ ночномъ серебряномъ покоѣ
Ручья паденіе живое
Ласкаетъ ухо шумомъ водъ,
Звучатъ невѣдомыя струны
И голосъ сладкій, голосъ юный,
Весь въ душу льющійся, поетъ :

Роза дѣвственная дремлетъ
Въ свѣжей зелени листовъ
И въ почи спокойно внемлетъ
Звуку робкихъ голосовъ.
По подъ утреннимъ привѣтомъ,
Подъ живымъ лобзаньемъ дня—
Развернется пышнымъ цвѣтомъ
Роза юная моя,
И въ душистомъ пробужденьи,
Въ блескѣ жизни и красы—
Заколеблетъ въ упоеньи
Капли свѣтлыя росы.
Сбрось, дитя, дремоту ночи,
Чуткимъ сердцемъ оживи,
Тихо вызови на очи,
Слезы счастья и любви!...

Но голосъ смолкъ. Долина скрылась
И быстро въ сумракѣ луна

Дрожитъ и гаснетъ . . . Вдругъ княжна
На шумномъ балѣ очутилась.
Свѣтло какъ днемъ. Толпа гостей,
Усы, мундиры, фраки, шпоры,
Цвѣты, перчатки, блескъ очей,
Волосъ роскошные уборы;
Бѣлѣе томныхъ жемчуговъ
Красавицъ выпуклыя плечи;
Все вѣетъ запахомъ духовъ,
Сквозь общій гулъ мелькаютъ рѣчи,
И звуки музыки полны
Волшебной нѣгой и стремленьемъ . . .
Княжна танцуетъ съ увлеченьемъ;
Вотъ на нее обращены
Лорнеты, и она невольно
Краснѣетъ и собой довольна.
Но кончен вальсъ. Княжна глядитъ
Съ неяснымъ чувствомъ утомленья.
Madame N. N. вблизи сидитъ
И съ гордостью пренебреженья
На Мери и ея нарядъ
Завистливый бросаетъ взглядъ,
И—улыбаясь—вновь отводитъ
И съ кѣмъ то злую рѣчь заводитъ.
Не ловко Мери. Къ ней подсѣлъ
Столичный франтъ—и надоѣлъ;
Несносенъ говоръ, воздухъ душенъ
И балъ становится ей скученъ.
Но вотъ—мечта, иль тайный звукъ,
Или предчувствіе мелькнуло
И сердце ей пошевельнуло,—
Но Мери встрепенулась вдругъ
И смотритъ . . . Изъ толпы шумливой
Выходитъ юноша красивой.
Ей кажется, что съ нею онъ
Знакомъ съ младенческихъ временъ . . .

И гдѣ она его встрѣчала? . . .
И не во снѣ-ль его видала? . . .
Чело открытое хранитъ
И смѣлость думъ и гордый видъ;
Во взорѣ ясное сознанье
Какой то силы молодой,
Въ себѣ носящей ключъ живой
Прямой любви и состраданья.
Онъ къ ней подходитъ, говоритъ
И въ голосѣ его звучитъ
Любимой пѣсни или сказки
Знакомый лепетъ полный ласки,
И отголосокъ юныхъ сновъ
Она внимаетъ въ звукѣ словъ:
"Я знаю васъ. Я съ умиленьемъ
Слѣдилъ за вами съ дѣтскихъ лѣтъ,
На жизни розовый разсвѣтъ
Смотрѣлъ съ безмолвнымъ восхищеньемъ.
Вы разцвѣтали какъ цвѣтокъ,
Налюбоваться я не могъ!
Я все люблю въ васъ, всѣ движенья,
И цвѣтъ волосъ, и стройность рукъ,
Улыбки грусть и примиренье
И вашей рѣчи милый звукъ;
Глаза . . . Въ нихъ столько страсти нѣжной
И столько кроткой тишины,
Они такъ сини и темны
Какъ небо ночью безмятежной.
Я ваше сердце и вашъ умъ,
Весь тайный жаръ и чувствъ и думъ,
Всѣ ваши чистыя стремленья,
Всѣ мысли жгучія сомнѣнья,
Я все въ васъ знаю, все люблю,
Я вамъ всю душу отдаю.
Пойдемте вмѣстѣ дружнымъ ходомъ;
Какъ для меня для васъ святы

Мои надежды и мечты;
Вы сердцемъ связаны съ народомъ;
Съ отцовскою волею борьба
Въ васъ не страшила духъ упорный,
Вы заступались за раба,
Встрѣчая власти гнетъ позорный ...
При васъ мнѣ на сердцѣ тепло,
Я понимаю такъ свѣтло
Всю прелесть нѣжности природной
И силу воли благородной.
И что грядущіе года
Для насъ готовятъ въ этомъ мірѣ—
Работу-ль полную плода,
Иль горечь тщетнаго труда,
Затишье жизни, даль Сибири ...
Чтобъ ни было—въ чаду тревогъ,
Въ глуши безрадостной пустыни—
Любовь намъ счастія залогъ
И мы найдемъ въ ея святынѣ
Для сердца теплый уголокъ."
Ея рука уже лежала
Въ его рукѣ и крѣпко жала,
И чувства больше не тая,
Она шепнула: "Я твоя!"—
Кругомъ въ толпѣ недоумѣнье,
Шептанье, странное волненье,
Всѣ смотрятъ точно на пожаръ,
И Мери страшно и обидно.
Но вотъ зоветъ ее гусаръ
На польку; отказаться стыдно,
Идетъ съ тревожностью лица;
Но не танцуетъ до конца,
На мѣсто прежнее уходитъ
И ... никого тамъ не находитъ.
Исчезъ ея желанный другъ ...
Она дрожитъ, она блѣднѣетъ,

Она собою не владѣетъ,
Глядитъ съ отчаяньемъ,—и вдругъ
Бѣжитъ, бѣжитъ искать по залѣ . . .
Все лицы прежнія на балѣ,
Родныхъ встрѣчаетъ кой кого,
Но нѣтъ его, все нѣтъ его !
Вотъ дѣва зрѣлая, недавно
Знакомая, проходитъ плавно . . .
"Его вы видѣли?"—"Кого?"
"Ахъ боже мой ! Его, его,
Кого люблю, кого желаю . . ."
"Ахъ Мери ! я его не знаю."
И Мери далѣ. У дверей
Стоитъ затянутый лакей ;
Ея вопросъ его тревожитъ.
"Вамъ нужно папеньку быть можетъ?"
Онъ отвѣчаетъ, и княжна
Уходитъ прочь—огорчена.
Хозяйка дома ей на встрѣчу :
"Позвольте, Мери, я съ трудомъ
Сама рѣшаюсь, но замѣчу,
Что вы позорите мой домъ."
Но Мери мимо, все печальнѣй . . .
Въ диванной старики втроемъ
Сидятъ за карточнымъ столомъ ;
Одинъ изъ нихъ ей сродникъ дальній,
Съ губами тонкими старикъ,
Худой и дерзкій на языкъ.
Старикъ держалъ валетъ бубновый ;
Вдругъ Мери за руку его
Схвативъ, спросила у него :
"Его вы видѣли ?"—"Да что вы,
Княжна? помилуйте,—кого?"
"Какъ вамъ не знать ! ... Онъ благороденъ,
Такъ простъ въ движеньяхъ и свободенъ,
Такъ сердцемъ чистъ, такъ въ мысляхъ смѣлъ ..."

Старикъ, прищурясь, поглядѣлъ
И карты отложилъ на право,
И улыбнулся такъ лукаво,
Такъ губы сжавъ, что вмѣсто рта
Осталась злостная черта;
Взялъ табатерку золотую,
Открылъ, понюхалъ и сказалъ:
"Я, право въ васъ не ожидалъ
Найти проказницу такую.
Его, княжна, я не видалъ;
Здѣсь никого нѣтъ въ этомъ родѣ,
И даже, еслибъ было въ модѣ,
Чтобы такіе господа
Сюда являлись иногда,—
Вы имъ не вѣрьте. Въ нихъ, ей богу,
Играетъ кровь на мигъ одинъ,
А тамъ остынетъ по не многу
И хуже тряпки господинъ,
Такой выходитъ баринъ смирный,
Ничтожнѣй двойки некозырной".

Едва дослушавъ до конца
Холодной рѣчи смыслъ суровый,
Княжна бѣжитъ на поискъ новый...
Вдругъ видитъ предъ собой отца.
Онъ съ кѣмъ то щегольски одѣтымъ,
Чьи безполезно бровь и глазъ
Обезпокоены лорнетомъ.
"А! отыскали въ добрый часъ!"
Промолвилъ старый князь протяжно;
Звѣзда сіяла, и чело
Сіяло голо и свѣтло,
И онъ, взглянувъ на Мери важно,
Сказалъ торжественъ и тихъ:
"Вотъ это, Мери, твой женихъ:
У бѣдной Мери грудь стѣснилась
И закружилась голова,

Она стоять могла едва
И сердце билось, билось, билось . . .

* *
*

А между тѣмъ мамзель Приве
Уснула въ свой чередъ не даромъ,
И къ этой старой головѣ,
Тепло повязанной фуляромъ,
Свои перебѣгали сны,
Воспоминанія полны.
Сначала снилось ей—сбиралась
Куда то на вечеръ она
И передъ зеркаломъ одна
Своимъ нарядомъ занималась.
Какая страшная тоска—
Сѣдыхъ волосъ и нивѣсть сколько;
Ихъ выщипать—дрожитъ рука,
Ну—просто больно да и только!
Взяла румяны. Боже мой!
О годы! вы неумолимы!
Худыя щеки, носъ большой,
Слѣды морщинъ неисправимы . . .
Хлопочетъ, щиплетъ, мажетъ, третъ,
А дѣло все нейдетъ впередъ,
И все морщинка уцѣлѣла,
И все серебряной игрой
Мелькаетъ волосокъ сѣдой . . .
Она задумалась и сѣла.
Уже давно своимъ трудомъ,
Твердя Ноэля и Шапсаля,
Она живетъ—дѣтей печаля,
И не одинъ россійскій домъ
Ей благодаренъ за умѣнье
Съ разкатцемъ R произносить,

Цвѣтистымъ слогомъ говорить
И вздору придавать значенье.
Чтожъ? Сколотила капиталъ,
Но онъ къ несчастію такъ малъ,
Что какъ ни дѣйствуй осторожно,—
Жить на проценты невозможно.
А завтра за мужъ выдь княжна.—
Она останется одна,
Безъ мѣста, безъ друзей, безъ крова...
Куда подъ часъ судьба сурова!
" О! гдѣ же годы тѣ, когда
Была я тоже молода?..."
И передъ ней воспоминанья
Такъ ясно начали сквозь сонъ
Вставать изъ тусклаго молчанья,
Что образы иныхъ временъ
Совсѣмъ воскресли какъ живые;
Всѣ люди близкіе, родные,
И каждый стулъ, окно, иль дверь—
Все живо вотъ какъ бы теперь;
И видя прежніе предметы,
Она сама передъ собой
Опять является такой,
Какой была въ иныя лѣта.

* *
*

Вотъ близь столицы, ей родной,
Дряхлѣетъ монастырь святой
Съ своей оградой невеселой,
И корридорами, и школой.
Монахинь неослабный взоръ
За юнымъ женскимъ поколѣньемъ
Здѣсь держитъ бдительный надзоръ;
Въ саду играетъ съ увлеченьемъ

Дѣвчонокъ маленькій народъ
И бродятъ взрослыя дѣвицы;
Mam'selle Privé ихъ узнаетъ
Давно знакомыя ей лицы...
Межъ ними и сама она;
Она собою не дурна,
И станъ довольно схваченъ ловко,
И очень милая головка
Съ глазами черными, съ косой
Какъ воронъ черной—и густой,
Съ улыбкой милою, но строгой
И носомъ сгорбленнымъ немного.
Она не прочь бы раздѣлить
Затѣи шалости невинной,
Но наперед рѣшилась быть
Всегда послушною и чинной;
Къ томужъ съ подругами она
Не хочетъ слишкомъ быть дружна,
Хотя и есть въ ней непонятный
Избытокъ нѣжности къ одной
Блондинкѣ рослой и прямой,—
Ну! та породы очень знатной.
Mam' selle Privé ведетъ себя
Со всѣми очень благонравно;
Она и учится исправно,
Напрасно время не губя;
Хотя варьяціи и шибки—
Она брянчитъ ихъ безъ ошибки;
Въ наукѣ вѣруетъ всему,
Чему прикажутъ, не желая
Навлечь сомнѣніе уму;
Она довольствуется, зная,
Что въ небѣ троица святая,
А въ Римѣ папа, что народъ—
Державно милуя—пасетъ
Король законный—Карлъ десятый,

Отчизны истинный отецъ,
Но смертный ; долженъ наконецъ
Такимъ отцомъ быть Генрихъ пятый.
Она изгнавъ изъ сердца грусть,
Все это знаетъ наизусть.
Къ монастырю, его покою,
Однообразію вещей,
Одеждъ, занятій и рѣчей—
Хотя и скучно ей порою—
Она привыкла, какъ къ тюрьмѣ
Привыкнуть можно годъ отъ году,
Глазъ привыкаетъ къ полу-тьмѣ,
Иль ухо къ часовому ходу.
И вотъ ей колокола звонъ
Звучитъ сквозь трепетъ сновидѣнья ...
То часъ вечерняго моленья !
Готовясь на грядущій сонъ—
Монахини чредою чинной
Вступаютъ въ корридоръ пустынный ;
Передъ мадонною святой
Горитъ свѣча и отблескъ длинный
Печально борется со тьмой,
И сестры жертвуя святынѣ,
Поютъ (и все немножко въ носъ—
Какъ по привычкѣ завелось)
Свою молитву по латынѣ.
Но между сестрами одна,
Въ душѣ нося любовь святую,
Къ Mam'selle Privé привлечена,
Ей замѣняетъ мать родную,
Ей посвящаетъ каждый трудъ
Мольбой незанятыхъ минутъ.
Сестра Тереза ей предстала
Подъ сѣнью бѣлой покрывала.
Она въ томъ возрастѣ когда
Тревожной юности года,

Разбивъ души невинной цѣлость,
Уныло переходятъ въ зрѣлость.
Сосредоточенна, блѣдна,
Въ движеньяхъ медленныхъ достойна,
Среди сестеръ была она
Всегда печальна, но спокойна.
Хоть толки шли въ монастырѣ,
Что, предаваяся хандрѣ,
Она старается напрасно
Забыть обманъ любви несчастной;
Но никому до этихъ поръ,
Въ мигъ откровенности случайной,
Не довѣрялъ завѣтной тайны
Ея не шумный разговоръ,
Или раздумья полный взоръ.
И если въ ней къ кому пристрастье
Рождало нѣжное участье, —
Такъ это къ голубю, давно
Къ ней прилетавшему въ окно.
Святаго ль духа образъ вѣчный,
Занятье ль праздности сердечной
Ей были милы,—но его
Она какъ друга своего
Любила, холила, кормила...
И умеръ онъ!... Она грустила
Сестрѣ подобно, иль вдовѣ,
Потомъ внезапно полюбила—
Какъ голубя—Mam' selle Privé.
И видитъ дѣва пожилая,—
Лелѣя отроческій сонъ
Давно утраченныхъ временъ,—
Сестра Тереза, какъ живая,
Все той же ласковой рукой
Ее уводитъ за собой.
Мерцаетъ лампа, тихо въ кельѣ;
Сестра Тереза рѣчь ведетъ

О душъ загробномъ новосельѣ,
О томъ какъ ангеловъ полетъ
На крыльяхъ радужныхъ прекрасенъ,
Какъ ликъ ихъ свѣтелъ, взоръ ихъ ясенъ
И сладокъ голосъ, какъ душа
Въ жилищахъ горнихъ хороша . . .
Сестра Тереза бы желала,
Чтобы любимица ея
Заботу міра промѣняла
На монастырское житье,
Вдали житейскаго волненья
Нашла бы вѣрный путь спасенья.
Въ душѣ Mam'selle Privé самой
Къ сестрѣ Терезѣ на мгновенье
Мелькаетъ тайное влеченье,
Подобье дружбѣ молодой
Съ ея привязанностью нѣжной,
Какъ проблескъ утра безмятежной;
Но чаще въ ней передъ сестрой
Иное чувство обладаетъ
И дружба мѣсто уступаетъ
Одной покорности тупой,
Наружно доброй, но сухой.
Ей странны въ инокинѣ милой
Усталый и спокойный видъ
И ликъ мечтательно-унылый,
Ей странно, что она глядитъ
Такъ грустно, грустно говоритъ:
"Одна святая вѣра въ Бога
Душѣ способна дать покой.
Ты молода еще, другъ мой,
Ты ждешь отъ жизни очень много . . .
О! выходя за нашъ порогъ
Ты ждешь и счастья и тревогъ
Все чрезвычайныхъ и безмѣрныхъ,
Неслыханныхъ и безпримѣрныхъ,—

А жизнь скупа ; ни сильныхъ бѣдъ,
Ни счастья сильнаго въ ней нѣтъ.
Какъ лучше объяснить бы это ?
Тебѣ случалось ли одной
Сидѣть и слушать . . . Слышенъ гдѣ-то
Далеко въ тишинѣ ночной
Напѣвъ мечтаемый тобой . . .
И вдругъ продребезжитъ карета,
Спѣша по темной мостовой . . .
Ну чтожъ ? Кареты шумъ случайный
Не есть же признакъ грозныхъ бѣдъ ;
А смолкъ блаженства голосъ тайный,
Исчезъ, исчезъ, простылъ и слѣдъ ? . . .
Дитя, повѣрь мнѣ—въ жизни свѣта
Найдешь ты именно вотъ это,
Увидишь—какъ ни тяжело,—
Что вѣчно крошечное зло
На столько счастью помѣшаетъ,
Что счастья вовсе не бываетъ,
А зло не важно . . . Жизнь мелка,
И только скука велика.
Когда же отдаешся Богу—
Душа свѣтлѣетъ по немногу . . .”
Монахинѣ Mam’selle Privé,
Вперивъ недвижный взоръ, внимаетъ
И ничего не понимаетъ.
У ней все смутно въ головѣ—
Молитва, папа, богъ распятый,
Аѳины, credo, Римъ, символъ,
Лагарпъ, неправильный глаголъ,
Души безсмертье, Карлъ десятый,—
Все это истины ; она
Имъ вѣкъ останется вѣрна . . .
Но отъ чего же постоянно
Сестра Тереза такъ грустна ?
Чего же ждетъ еще она ?

Все это какъ то очень странно!
Но вотъ полгода наконецъ
Пройдутъ-же, — время не большое,—
И въ фіакрѣ явится отецъ
И увезетъ дитя родное
Изъ школы скучной и святой
По шумнымъ улицамъ домой.
Ей платье новое готово,
Она людей увидитъ снова,
Начнутся танцы, говоръ, смѣхъ . . .
Ахъ! можетъ быть все это грѣхъ! . . .
По вдругъ въ монастырѣ смятенье,
Всѣхъ разомъ охватилъ испугъ:
Отъ города пронесся вдругъ
Какой то гулъ. Борьба? сраженье? . . .
Какъ грома дальняго разскатъ
Слышна пальба, трещитъ набатъ;
Сестра Люси сама слыхала—
Надъ садомъ пуля просвистала;
Весь блѣдный сторожъ прибѣжалъ
И вѣсть принесъ, что Карлъ десятый,
Народной силою прижатый,
Съ престола въ Англію бѣжалъ,
Всѣ въ страхѣ вытянулись лицы,
Дрожатъ и сестры и дѣвицы . . .—
Mam'selle Privé сама въ бреду
Перевернулась, помычала,
И сны иные грезить стала,
Ловя былое на ходу.

* *
*

И видитъ—вотъ ея отецъ,
Опрятный, толстенькій купецъ
Со взглядомъ мило-плутоватымъ
И носомъ бойко-крючковатымъ—

Контору заперъ и идетъ,
Къ обѣду весело зоветъ ;
Спѣшатъ домашніе, тѣснятся,
И вотъ за столъ они садятся :
Отецъ, она, еще сестра
Madame Privé давно покойной,—
Она глуха да и стара,—
Еще Monsieur Ragout,—достойный
Хотя и юный адвокатъ,—
Еще прикащикъ и . . . “ Но врядъ
Еще кто будетъ ли ? ... такъ чтоже !
Горячій супъ всего дороже !
Займемтесь ! . . .” И Monsieur Privé
И разливаетъ, и болтаетъ,
Смѣется, шутитъ, угощаетъ ;
Хоть крѣпко помнитъ въ головѣ
Légion, продѣтую въ петлицу,
Но рѣжетъ жареную птицу
Отмѣнно быстро и умно . . .
Вдругъ злость въ глазахъ его блеснула :
“Опять на скатерти пятно !”
Mam’selle Privé съ нимъ за одно,
Вскочила съ рѣзкостью со стула—
Оскорблена, возмущена,
И позвала слугу она,
И показала, и сказала,
Что разъ ужъ вычетъ сдѣланъ былъ
За то, что онъ стаканъ разбилъ,
Но что впередъ во чтобъ ни стало,
Хоть будь проступокъ не великъ,
Его прогопятъ въ тотъ же мигъ.
Monsieur Ragout сидитъ, вздыхаетъ ;
Ее онъ любитъ и страдаетъ . . .
Онъ демократъ !—Ему была
Вся эта сцена, какъ пила
По сердцу . . .

По къ концу обѣда
Живѣй становится бесѣда ;
Monsieur Privé подать велѣлъ
Бордо—и вновь повеселѣлъ.
Не вѣдая сердечной муки,
Самодовольствомъ озарясь,
Себѣ онъ потираетъ руки
И говоритъ полу-смѣясь :
"Да, не совсѣмъ то пашу вѣру
Хранитъ моя родная дочь ;
По феодальную химеру
Поможетъ опытъ превозмочь.
Пока пускай себѣ мечтаетъ,
Пускай глядитъ себѣ въ окно—
Какой виконтъ тамъ проѣзжаетъ,
Иль дюкъ . . . Мнѣ дорого одно :
Она къ хозяйству привыкаетъ !
Повѣрте мнѣ, mon cher Ragout,—
Я опытенъ и я не лгу,—
Все это вздоръ, все это бредни
Всѣ ихъ Шамборы и обѣдни ;
И славный нашъ тридцатый годъ,
Нашъ коренной переворотъ—
Онъ вѣчность всю переживетъ !
Была бы собственность священна,
Порядокъ былъ бы сохраненъ,
И будетъ быстро излеченъ
Недугъ народный совершенно !"
Ragout весь вспыхнулъ и вскочилъ,
Потомъ ступилъ назадъ три шага
И шагъ впередъ ; въ лицѣ отвага ;
Онъ руки на груди скрестилъ,
Закинулъ голову, глазами
Повелъ восторженно кругомъ
И началъ тихо, но мѣстами
Все голосъ возвышалъ потомъ :

"Клянусь святою тѣнью Брута
И тѣнью матери моей,
Прискорбнѣй тысячи смертей
Мнѣ жизни каждая минута!
Нѣтъ, нѣтъ! Еще не спасъ народъ
Мѣщанскій вашъ переворотъ
Предвижу ваше я паденье,
Народа новое житье,
Гдѣ сдѣлавъ общее имѣнье
Отдѣлять каждому свое.
Былабъ любовь—и міръ свободный
Создастъ союзъ между-народный;
Вдобавокъ гильотина есть:
Она вашъ узкій безпорядокъ
Въ день, въ два (положимъ въ шесть)
Въ священный приведетъ порядокъ.
Не долго Франціи народъ
Потерпитъ мнимую свободу,—
Повѣрьте—не пройдетъ и году
И будетъ вновь переворотъ!"—
Старикъ вспылилъ, возникли споры
И дѣло чуть нейдетъ до ссоры,
Кричатъ, кричатъ, бранятся... Но
Потомъ играютъ въ домино
И вечеръ дружно, тихо млѣетъ...
Но вдругъ старикъ Приве блѣднѣетъ
И падаетъ... Что, что?... Глядятъ—
А онъ ужъ мертвый!... Всѣ молчатъ.
Ну! мертвый, мертвый совершенно,
Уже и холоденъ какъ ледъ;
Всѣхъ разомъ ужасъ обдаетъ,
Стоятъ—оцѣпенѣвъ мгновенно.
Но вотъ, жалѣя и любя,
Mam'selle Privê пришла въ себя
И плачетъ. Вносятъ гробъ дубовый
И положили старика;

Его отвислая щека
И носъ горбатый—видъ суровый
Лицу тупому придаютъ.
Проходитъ нѣсколько минутъ . . .
Вослѣдъ одѣтой въ трауръ свитѣ
Священникъ входитъ пожилой;
Старуха машетъ имъ рукой:
"Гсъ! тише! шепчетъ, не ходите—
Разбудите! Подите прочь!"
Всѣ шопотомъ жалѣютъ дочь.
Какой то господинъ высокой
Вошелъ съ бумагой и сказалъ:
"Долговъ покойника далеко
Не превышаетъ капиталъ."
Какъ? Остается волей неба
Mam'selle Privé совсѣмъ безъ хлѣба?
Всплеснувъ руками тихо къ ней
Идетъ Ragout и шепчетъ ей:
"Вы сирота и безъ имѣнья;
Молю—любовію святой—
Не отрицайте предложенья
И будьте вы моей женой."
Но подавляя скорбь и муку—
Она спѣшитъ сообразить:
"Виконтъ предложитъ можетъ быть
Свою породистую руку!"
И вотъ Monsieur Ragout какъ разъ
Она учтиво отклоняетъ
И извиняя свой отказъ
Его до двери провожаетъ, . .

* *
*

Дверь разпахнулась. На дворѣ
Мятель и снѣгъ летитъ клоками,

Исчезли улицы съ домами,
И все темно въ ночной порѣ.
Кругомъ лежитъ пустое поле
Подъ снѣгомъ бѣлымъ, и надъ нимъ
Тоскуетъ голосомъ глухимъ
Бездомный вихрь, носясь по волѣ.
Mam'selle Приве одна въ тоскѣ,
Усѣвшись на свои пожитки,
Дрожитъ отъ холода въ кибиткѣ.
Сидитъ ямщикъ на облучкѣ,
И рядомъ съ нимъ, качаясь дремлетъ
Въ тулупѣ скорчившись слуга;
Они все ѣдутъ, все вьюга
Знобитъ лице и вой подъемлетъ.
Но наконецъ—село и домъ;
Ямщикъ къ воротамъ и въѣзжаетъ,
Лакей мамзель передъ крыльцомъ
Изъ подъ рогожекъ вынимаетъ.
Уже въ переднюю отъ сѣней,
Клубясь въ пару оледѣнеломъ,
Докучный запахъ вслѣдъ за ней
Идетъ и пахнетъ въ домѣ цѣломъ;
На встрѣчу баринъ, весь сѣдой,
Въ сѣдыхъ усахъ, (онъ отставной,
Въ отставку вышелъ капитаномъ);
Вотъ барыня съ дебелымъ станомъ,
Съ лицомъ широкимъ какъ луна...
"А гдѣ же Варя?... Вотъ она!
Вотъ наша дочка. Что? Лихая?
У васъ тамъ встрѣтится ль такая?
Ну ты, мадамъ, ее учи,
А бить не смѣй и не кричи!"
Но звуковъ языка чужаго
Mam'selle Privé не поняла,
А по французки ни полслова
Отъ нихъ добиться не могла.

И дни проходятъ . . . О страданье!
Mam'selle Privé осуждена
На безконечное молчанье;
А хочетъ поболтать она,
Хоть съ кѣмъ нибудь, хоть бы съ сосѣдомъ . . .
Ужъ не бѣжать ли ей отсель? . . .
И видитъ бѣдная мамзель—
Ее обносятъ за обѣдомъ,
Жалѣя лакомый кусокъ;
При ней, (о! гдѣ терпѣнью мѣра!)
Чтобъ знала Варинька урокъ
Сѣкутъ Аксютку для примѣра!
И надо видѣть день за днемъ
Въ постыдной жизни вѣчно тоже,
И то, что чувствуешь при томъ
Съ морской болѣзнью какъ то схоже!

* *
*

По сопъ таинственной рукой
Мѣняетъ скорбную картину
И кажетъ мирную долину,
Село большое, домъ большой,
Весь убранъ на большую ногу,
Въ немъ вѣетъ барской стариной;
Mam'selle Privé здѣсь слава богу
Находитъ роскошь и покой.
Здѣсь съ нею Мери молодая
И бабушка ея больная,
Старушка добрая; она
Привѣтлива хоть и больна,
И лучше можетъ по французски
Вести бесѣду чѣмъ по русски.
Породу барскую любя
Mam'selle Privé здѣсь совершенно

Какъ дома чувствуетъ себя
И предается постепенно
Безперерывной суетѣ,
Дѣвичей старости чертѣ;
Она всегда гостей встрѣчаетъ,
Хозяйку замѣнивъ собой,
И не смолкая день деньской
Съ утра до вечера болтаетъ
О томъ о семъ, о прошлыхъ дняхъ,
Погодѣ, кушаньѣ, чепцахъ,
Грѣхѣ, молитвѣ сердобольной . . .
Перерываясь едва
Какъ бисеръ нижутся слова.
Порою Мери какъ то больно
Звучитъ вся эта болтовня,
И все неспосибѣй день отъ дня,
И говоритъ она невольно,
Съ досады внутренней дрожа:
"Mam'selle Privé, побойтесь Бога!
Мнѣ голосъ вашъ и вся тревога
Какъ по тарелкѣ скрибъ ножа!"
Mam'selle Privé не отвѣчаетъ
И барскій домъ не оставляетъ.
Но вотъ пріѣхалъ старый князь;
Съ больной старушкой согласясь—
Какъ ей ни жаль—онъ дочь дѣвицу
Съ Mam'selle Privé везетъ въ столицу.
Внезапно у Mam'selle Privé
Мечта мелькнула въ головѣ,
Что ей бы надо потрудиться
И въ князя стараго влюбиться,
Что онъ не старъ и что она,
Хотя въ лѣтахъ, но не дурна.
И вотъ она хлопочетъ страстно,
И притворяется несчастной,
И все вертится вкругъ него,

Но князь не видитъ ничего;
Едва, едва сухимъ отвѣтомъ
Почтитъ ея вопросъ пустой,
Илъ покиваетъ головой,
Иль съ гордымъ и нѣмымъ привѣтомъ
Изъ табатерки золотой
Съ алмазной, яркою каймой
И императорскимъ портретомъ—
Въ безмолвьи сродномъ старику—
Понюхать дастъ ей табаку.
И князя собственной особой
Прельстить нисколько не успѣвъ,
Mam'selle Privé притихла съ злобой,
Обычной сердцу старыхъ дѣвъ.

* *
*

Но вдругъ изъ двери потаенной
Выходитъ мальчикъ молодой,
За нимъ и дядька пожилой,
Наружности весьма почтенной,
Въ простомъ, но чистомъ сюртукѣ,
Въ очкахъ и черномъ парикѣ.
Mam'selle Privé глядитъ, дивится ...
"Неужто? Какъ могло случиться?
Monsieur Ragout? Какой судьбой?..."
Французъ протягиваетъ руку
И говоритъ, скрывая муку:
"Какъ видите,—удѣлъ такой!"—
"Но двадцать лѣтъ какъ мы разстались!"—
"Да, да! Съ тѣхъ поръ какъ не видались
Мы съ вами—многое прошло,
И въ Франціи есть перемѣна! ...
Но вѣрьте мнѣ, чѣмъ больше зло,
Тѣмъ чище выйдемъ мы изъ плѣна,

И гильотина наконецъ
Положитъ дерзостямъ конецъ.
Ужъ въ эмиграціи свободной
Начатъ союзъ между-народный;
Повѣрьте—году не пройдетъ
И будетъ вновь переворотъ."
Но погрузилась въ размышленье
Mam'selle Privé. Прошло мгновенье—
Она Французу говоритъ:
"Да! мнѣ теперь все стало ясно!
Насъ другъ для друга Богъ хранитъ,—
Женитесь! Я теперь согласна."—
Французъ оторопѣлъ—и вдругъ
Бѣжать пустился во весь духъ;
Она за нимъ быстрѣе птицы,
Съ парадной лѣстницы и въ дверь,
Бѣгутъ съ крыльца, бѣгутъ теперь
Уже по улицамъ столицы ...
На встрѣчу вѣтеръ имъ свиститъ,
Съ Monsieur Ragout парикъ летитъ,
Съ самой Mam'selle Privé—какъ тряпка
Свалилась шаль, упала шляпка.
Она бѣжитъ, она спѣшитъ,
Пять, шесть шаговъ,—чуть не догнала,
Но сердце въ грудь стучитъ, стучитъ,
Дыханье давитъ и тѣснитъ,
И шагъ еще—она-бъ упала ...

* *
*

Но тутъ проснулась и привстала.
На тощій локоть опершась,
Глядитъ: княжна приподнялась
И обѣ смотрятъ другъ на друга.
"Что съ вами, Мери? Вы больны?"—

"Нѣтъ, ничего ... во снѣ ... съ испуга ..."—
"И! спите съ богомъ! что за сны?"
И въ лихорадкѣ отъ волненья
Ложатся обѣ и молчатъ
И другъ отъ друга сновидѣнья
Въ безсонномъ ужасѣ таятъ.

И снова все затихло въ спальнѣ . . .
Уже не долеталъ до ней
Какъ отголосовъ смутно-дальній
Съ пустынныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолкѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Опять былъ видѣнъ тотъ же домъ
И кровля снѣжная на немъ,
Бѣлѣлась холодно, уныло;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна
И все такъ тихо было,
Что безотчетно сердце ныло.

II.

II———PV.

Die Rothweine regen die Kreislaufsorgane stark auf.

(Фармакологія Курта Шпренгеля).

Въ уныньи медленномъ недуга и леченья
Скучаетъ умъ, молчатъ уста
И жду я съ жадностью минуты исцѣленья,
Конца тяжелаго поста.
Удастся-ль помянуть намъ доблестное время
Упругихъ мышцъ и свѣжихъ силъ,
Когда безъ устали почей безсонныхъ бремя
Нашъ бодрый возрастъ выносилъ?
До устъ, взлелѣянныхъ вакхической отвагой,
Коснется-ль снова, жаръ тая,
И мягкимъ запахомъ и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я изъ подъ сѣдаго слоя
Бутылку мшистую мою
И на бокъ наклоня—съ падучаго отстоя
Въ стаканы бережно солью.
Но годы ужъ не тѣ! И кровь напиткомъ жгучимъ
Безплодно въ жилахъ разогрѣвъ,
Уже мы не пойдемъ въ волненіи могучемъ
На праздникъ сладострастныхъ дѣвъ.
Ни плечи бѣлыя, ни косы развитыя,
Ни взоръ полу-приподнятой—

Уже не пробудятъ въ насъ страсти прожитыя
И тѣла трепетъ молодой.
Отъ Фавна стараго таятся робко дѣвы
Въ зелено-свѣжей мглѣ дубровъ
И внемлятъ юношей влюбленные напѣвы
Сквозь шумъ колеблемыхъ листовъ.

*

Боюсь не вызвать бы, средь нашихъ возліяній
Перебирая жизни даль,
И горечь ѣдкую иныхъ воспоминаній,
И современную печаль?
Не вспомнить бы людей враждующія лицы,
Ихъ злобы грубыя черты,
И ихъ любовь дряблѣй изношенной тряпицы—
Прикрытье жалкой клеветы?
Не встрѣтить бы въ вѣкахъ насилій и стяжанья
Неисцѣлимую болѣзнь?
Не вспомнить бы утратъ могильныя преданья
И счастья смолкнувшую пѣснь?
Скорѣй—давай шутить! Пусть шутки даръ нескромный
Дастъ волю блесткамъ острыхъ словъ,
Яркомелькающихъ—какъ искры ночью темной
Надъ пепломъ тлѣющихъ костровъ.
Да! шутка насъ спасетъ. Ее мы за послугу
Сравнимъ съ красавицей больной,
Въ предсмертный часъ еще дарящей другу
Привѣтъ улыбки молодой.

VII.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА

ДАШКОВА.

"Очень бы мнѣ хотѣлось, пишетъ Миссъ Катринъ Вильмотъ своимъ роднымъ въ Ирландію изъ деревни Дашковой, чтобъ вы могли взглянуть на самую Княгиню. Въ ней все, языкъ и платье—все оригинально; чтобъ она ни дѣлала, она рѣшительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о такомъ. Она учитъ каменщиковъ класть стѣны, помогаетъ дѣлать дорожки, ходитъ кормить коровъ, сочиняетъ музыку, пишетъ статьи для печати, знаетъ до конца церковный чинъ и поправляетъ священника, если онъ не такъ молится, знаетъ до конца театръ и поправляетъ своихъ домашнихъ актеровъ, когда они сбиваются съ роли; она докторъ, аптекарь, фельдшеръ, кузнецъ, плотникъ, судья, законникъ; она всякій день дѣлаетъ самыя противуположныя вещи на свѣтѣ, ведетъ переписку съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, съ учеными, съ литераторами, съ жидами, съ своимъ сыномъ, со всѣми родственниками. Ея разговоръ, увлекательный по своей простотѣ, доходитъ иногда до дѣтской наивности. Она нисколько не думая, говоритъ разомъ по французски, по итальянски, по русски, по англійски, путая всѣ языки вмѣстѣ.

"Она родилась быть министромъ или полководцемъ, ея мѣсто во главѣ государства".

Все это вѣрно, но Миссъ Вильмотъ забываетъ, что сверхъ

того Дашкова родилась женщиной и женщиной осталась всю жизнь. Сторона сердца, нѣжности, преданности, была въ ней необыкновенно развита. Для насъ это особенно важно. Дашковою русская женская личность, разбуженная петровскимъ разгромомъ, выходитъ изъ своего затворничества, заявляетъ свою способность и требуетъ участія въ дѣлѣ государственномъ, въ наукѣ, въ преобразованіи Россіи—и смѣло становится рядомъ съ Екатериной.

Въ Дашковой чувствуется та самая сила, не совсѣмъ устроенная, которая рвалась къ просторной жизни изъ подъ плесни московскаго застоя, что то сильное, многостороннее, дѣятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическимъ воспитаніемъ и женственностью.

Екатерина II, дѣлая ее президентомъ Академіи, признала политическое равенство обоихъ половъ, совершенно послѣдовательное въ странѣ, принимавшей гражданскую правомѣрность женщинъ, остающихся на Западѣ прикрѣпленными къ мужьямъ или въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи.

Въ русской исторіи бѣдной личностями, записки женщины, участвовавшей на первомъ планѣ въ переворотѣ 1762 года и видѣвшей возлѣ всѣ событія отъ смерти Елизаветы до Тильзитскаго мира, чрезвычайно важны, тѣмъ больше, что мы очень мало знаемъ наше XVIII столѣтіе. Мы любимъ въ исторіи восходить гораздо дальше. Мы изъ за Варяговъ, Новгородцевъ, Кіевлянъ не видимъ вчерашняго дня; зубчатыя кремлевскія стѣны заслоняютъ намъ плоскія линіи петропавловской крѣпости. Разбирая отчетливо царскія грамоты, мы мало знаемъ, что писалось на ломаномъ русскомъ языкѣ въ петербургскихъ канцеляріяхъ, въ то время какъ подъ окнами зимняго дворца ревела дикая крамола и мятежъ, угрожая Сибирью и смертью его жителямъ и тронъ не получилъ еще ту силу и прочность, которую онъ пріобрѣлъ не больше какъ семдесять пять лѣтъ тому назадъ. Протверживать исторію этихъ временъ, очень полезно и для правительства, чтобъ оно незабывалось, и для насъ, чтобъ мы не отчаявались.

Я желалъ бы хоть въ кратцѣ объяснить мою мысль.

Вся Европа, и что гораздо хуже всѣ Русскіе, принимаютъ императорскую власть въ ея современной формѣ, за такую несокрушимую всегдашность русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно уцѣпившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

Императорская власть совсѣмъ напротивъ, устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земнаго шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіеся, но несоединенные химически.

Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій Соборъ— но развѣ Наполеонъ не рядился въ мантію Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ?—Все это поддѣлки въ родѣ Чатертона; почтенныя черты старости и минувшаго берутся въ займы для того, чтобы окружить новое—уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность иной жизни. Это военная и гражданская диктатура гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти, но прочна она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства ее вызвавшія останутся тѣже и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣется встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода дѣлающій фрунтъ и цѣлый городъ торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой

самобытности и служитъ пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями одного человѣка, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти— помѣщика, папы, палача, родной матери и сержанта, можетъ закружится въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ придти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опять на пароходъ и плыть куда нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстгаузенъ.

Этотъ сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой силы, приняло императорство особенно въ тридцатилѣтіе николаевскаго царствованія; стращать было у него въ принципѣ. Но тутъ невольно является вопросъ: Отъ чего же Николай не могъ въ эти тридцать лѣтъ забыть "дурные четверть часа," проведенные имъ при защитѣ Зимняго Дворца 14 Декабря 1825. Отъ чего, умирая, вспомнилъ онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Отъ того, что онъ понялъ сначала своего воцаренія, что его тронъ только силенъ силой. Онъ ею одной и держался, но чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе были вѣрны, рядомъ съ Самодержавіемъ, онъ поставилъ Православіе и Народность. Но это былъ протестъ противъ петровскаго направленія, котораго весь смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противурѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, его тронъ развалился бы самъ собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлѣталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. Его царствованіе была нелѣпость. Онъ понялъ, что идя по направленію Александра, должно было неминуемо измѣнить болѣе человѣческими формами—самодержавную власть, но

этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ настолько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, геніальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее, Русь жила на распашку и кой какъ собралась подгоняемая Татарами въ иконописное, т. е. суздальски-византійское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ что то говорило, что то говорящее до сихъ поръ въ сердцѣ каждаго изъ насъ, что подъ обвѣтшалыми и тяжелыми платьями, бездна силъ и мощи. Это что то и есть молодость, вѣра въ себя, сознаніе силы.

Крутой разрывъ со стариной оскорблялъ — но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перенесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій человѣкъ догадался, что чего бы ни стоило надо было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дрессировка Петра I и такихъ преемниковъ его какъ Бирономъ, разумѣется поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни. Такъ какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства, не составляютъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ? Воротиться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающейся отъ всего человѣческаго царской властію. Этого хотѣлъ Николай, десятокъ поврежденныхъ Славянофиловъ—и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правительство, вполнѣ заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство, онъ его забылъ черезъ одно поколеніе и совершенно не знаетъ.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ. Все петербургское устройство висѣло на ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины, тупоумные принцы, едва умѣвшіе говорить по русски, Нѣмки и дѣти садились на престолъ, сходили съ престола, дворцемъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу; горсть интригантовъ и кондотьеровъ завѣдывала государствомъ. Въ продолженіи всей этой сумятицы, мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. Напротивъ, то что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это именно петровская идея. Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ, что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолѣвалъ, до Петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ, Меншиковъ и Бирон, Минихъ и самые Долгорукіе — хотѣвшіе ограничить императорскую власть, не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой. (*) — Елизавета и Екатарина II льстятъ православію, льстятъ народности для того, чтобъ овладѣть тономъ, но осѣвшись на немъ, онѣ продолжаютъ его путь. Екатерина II больше нежели кто нибудь.

Противудѣйствіе новому порядку дѣлъ послѣ его жестокаго водворенія, мы видимъ въ однихъ неправославныхъ раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Вор-

(*) О которой Кошихинъ такъ живописно отзывался, говоря, что Бояре въ ней молчатъ, уставя глаза свои въ браду для того, чтобы показать глубокомысліе.

чливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значитъ. Подавленная покорность всѣхъ "старовѣровъ" была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ было что нибудь живое въ ихъ воззрѣніи, непремѣнно были бы попытки, положимъ неудачныя, невозможныя, но были бы. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоановны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны, находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся изъ за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а Пугачевъ свои двѣсти тысячъ войска; Киргизъ-Кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе Татары соединились съ Турками; Малороссія громко роптала, все оскорбленное или придавленное императорствомъ заявляло свой протестъ — старо-русская партія въ Россіи—никогда. У ней не было ни языка, ни преданныхъ людей, ни Полуботки, ни Мазепы!

И только полтораста лѣтъ послѣ Петра, она находитъ себѣ представителя и вождя и этотъ представитель и вождь — Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностію удалось пересоздать императорскую власть и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ — это было бы несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петровскую дорогу — и вовсе не въ завоевательномъ, не въ солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ проникнутъ имъ какъ Фридрихъ II, какъ Іосифъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ — онъ деспотъ а не монархъ.

Мы всѣ знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устроивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину, онъ противупоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія, онъ разъ предоставилъ импера-

ру право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну и за тѣмъ отнятую у роднаго сына корону отдалъ горничной, которая переходя изъ рукъ въ руки дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ мощамъ являтся, и утеръ до суха всѣхъ скорбящія слезы чудотворныхъ иконъ. Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Меншикова, водился съ иностранцами, даже съ арапами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буянилъ на улицахъ, словомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней чопорной русской жизни и важный царскій формализмъ.

Онъ далъ тонъ, наслѣдники продожали его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови, разврата—l'ultimo atto, какъ выразился одинъ итальянскій писатель — d'una tragedia—representato nel un lupanar.

Какое тутъ православіе, какой тутъ монархически-рыцарской принципъ?

Если во второй половинѣ царствованія Екатерины, трагической характеръ блѣднѣетъ, то локаль остается тотъ же; исторію Екатерины II нельзя читать при дамахъ. Монархически растленный Версаль, съ удивленіемъ смотрѣлъ на безпутство русскаго двора, такъ какъ на философскій либерализмъ Екатерины II, потому что Версаль не понималъ, что основанія императорской власти въ Россіи совсѣмъ не тѣ, на которыхъ зиждится французская королевская власть.

Когда Александръ сказалъ въ Тильзитѣ Наполеону, что онъ вовсе не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ наслѣдственности царской власти, Наполеонъ думалъ что онъ его обманываетъ. Когда онъ говорилъ мадамъ Сталь, что онъ только "счастливая случайность", она это приняла за фразу. А это была глубочайшая правда его.

Сердясь на трусость нѣмецкихъ государей, императоръ Александръ говорилъ въ своей прокламаціи 22 Февраля 1813 ихъ подданнымъ: "Страхъ удерживаетъ ваши правительства,

не останавливайтесь на этомъ, если ваши государи подъ вліяніемъ малодушія и подобострастья ничего не сдѣлаютъ, тогда долженъ раздаться голосъ подданныхъ и заставить государей, которые влекутъ свои народы въ рабство и несчастіе — вести ихъ къ свободѣ и чести".

Дѣло въ томъ, что Александръ еще понималъ петровскую традицію своей власти, онъ былъ слишкомъ близокъ къ первой эпохѣ императорства, чтобъ представлять изъ себя гвардейскаго пану всѣхъ реакцій. Онъ даже съ явнымъ сомнѣніемъ и нерѣшительностью прочелъ доносы Шервуда и Майбороды.

Безъ сомнѣній и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россію вспять. Но имераторство не сильно, какъ скоро оно дѣлается консервативнымъ. Россія отрѣклась отъ всего человѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу только для того, чтобъ выйдти изъ душнаго и тѣснаго состоянія, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же средствами невозможно.

Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи и можетъ держатся императорство. Масло, которымъ, будутъ смазывать пароходы на новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочнѣе вѣнчаетъ на царство, нежели елей Успѣнскаго Собора.

Вѣрно ли понята нами императорская власть, ярко и живо показываютъ превосходныя записки Дашковой.

Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута, если бѣглый отчетъ нашъ объ ихъ содержаніи, заставитъ читателей взять въ руки самую книгу.

Въ 1744 г. императрица Елисавета и великій князь Петръ Ѳедоровичъ крестили дочь Екатерину, родившуюся у графа Романа Воронцова, брата великаго канцлера. Семья Воронцовыхъ принадлежала къ тому небольшому числу олигархическаго барства, которое вмѣстѣ съ наложниками императрицъ управляли тогда какъ хотѣли Россіей, круто переходившей изъ однаго государственнаго быта въ другой. Они хозяйничали въ царствѣ точно такъ, какъ теперь у богатыхъ помѣщиковъ дворовые управляютъ дальними и ближними волостями.

Помѣщицу Елизавету Петровну любили, вовсе не потому, что она заслуживала это, ее любили за то, что покойница Анна Іоановна держала Нѣмца Бирона управляющимъ, а у насъ Нѣмцевъ управляющихъ терпѣть не могутъ. Она была народнѣе Анны Іоановны и Анны Леопольдовны; сверхъ петровской крови она имѣла всѣ недостатки русскаго характера — т. е. пила иногда запоемъ и всегда до того, что вечеромъ не могла дождаться пока горничныя ее раздѣнутъ, а разрѣзывала шнурки и платья. Она ѣздила на богомолья, ѣла постное, была суевѣрна и страстно любила рядиться, — послѣ нея осталось 15,000 платьевъ,—любила пуще всего драгоцѣнные камни, какъ наши богатыя купчихи и вѣроятно имѣла столько же вкусу какъ онѣ, о чемъ можно судить потому, что она убрала себѣ цѣлую комнату янтаремъ.

Господа жили тогда съ своимъ дворомъ совсѣмъ на другой ногѣ, нежели теперь, между ними была какая то близость и фамильярность, и не смотря на взрывы самовластья они чувствовали новость своей власти и необходимость въ опорѣ.

Вдругъ на пр. изъ Оперы императрица Елизавета беретъ Шувалова и ѣдитъ съ нимъ пить чай къ графу Воронцову, попробовать его венгерскаго, посплетничать, а если очень завруться, то "урѣзать" или "отрѣзать" языкъ кому нибудь,

смотря по винѣ, и все это отечески, безъ шума, по домашнему и не подписывая изъ человѣколюбія ни однаго смертнаго приговора.

Когда императриціной крестницѣ минуло четырнадцать лѣтъ, у нея сдѣлалась корь. Корь и оспа были не шуткой въ тѣ времена, а чуть не государственнымъ преступленіемъ, корь, оспа могли пристать къ Павлу Петровичу—къ этой будущей надеждѣ всея Россіи! Особый указъ воспрещалъ всякое сношеніе съ дворомъ семьямъ, въ которыхъ была страшная болѣзнь. Нашу больную графиню поскорѣе уложили и отправили въ деревню за семдесять верстъ, полагать надобно, что воздухъ тогда не былъ вреденъ для кори. Съ графиней послали старуху Нѣмку и чопорную вдову русскаго маіора; умная, бойкая и живая дѣвочка выздоровѣвшая отъ кори, чуть не умерла отъ скуки съ своими собесѣдницами; по счастію она нашла въ деревнѣ довольно значительную библіотеку. Четырнадцатилѣтняя графиня знала четыре языка кромѣ русскаго, котораго она не знала и которому порядкомъ выучилась бывши за мужемъ, въ угожденіе своей свекрови. Принялась она вовсе не за романы, а за Вольтера, Бэйля и пр. Чтеніе у нея превратилось въ страсть, тѣмъ не меньше книги не разогнали ея тоски, она груститъ и возвращается въ Петербугъ томной, нездоровой. Императрица посылаетъ къ ней своего доктора—и этотъ докторъ Боэргавъ; онъ говоритъ, что это ничего, что тѣло здорово, но что воображеніе больно... словомъ, что ей четырнадцать лѣтъ.

Послѣ Боэргава родные со всѣхъ сторонъ бросаются на бѣдную дѣвушку и съ неутомимой жестокостью принимаются ее разсѣевать, утѣшать, кормить; мучатъ ее распросами, совѣтами. А она проситъ объ одномъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ, она тогда читала de l'entendement Гельвеція.

Лекарство вскорѣ нашлось само собою.

Разъ вечеромъ, графиня довольно свободно располагавшая собой, отправляется къ Самариной, остается у нея ужинать, приказавъ прислать за собой карету. Въ одинадцать часовъ вечера она выходитъ, карета подана; но ночь такъ хороша,

на улицахъ никого нѣтъ и она идетъ пѣшкомъ, сопровождаемая сестрой Самариной. На углу встрѣчается высокій, стройный мущина, онъ знакомъ съ ея провожатой, начинаетъ съ ней говорить и обращаетъ нѣсколько словъ къ графинѣ.

Графиня приходитъ домой и мечтаетъ о прекрасномъ офицерѣ. Офицеръ пріѣзжаетъ къ себѣ влюбленный въ прекрасную графиню.

Зачѣмъ терять золотое время, графиня уже не ребенокъ, это было въ 1759 году, ей пятнадцать лѣтъ; офицеръ молодъ богатъ, блестящъ, очень высокъ, служитъ въ Преображенскомъ полку, принадлежитъ къ старинной фамиліи. Родные благословляютъ, помѣщица позволяетъ,—ихъ женятъ. И наша графиня дѣлается княгиней Дашковой.

Черезъ полтора года послѣ ихъ свадьбы, Дашкова будучи во второй разъ беременна оставалась одна въ Москвѣ, въ то время какъ мужъ ея ѣздилъ въ Петербургъ. Его отпускъ окончился и онъ просилъ отсрочки. Преображенскимъ полкомъ тогда начальствовалъ Великій Князь, онъ тотчасъ бы отсрочилъ Дашкову отпускъ, но дѣла становились серьезны, и онъ хотѣлъ сблизиться съ офицерами. Императрица дышала на ладонъ, Шуваловы, Разумовскіе, Панины интриговали съ Великой Княгиней и безъ нея въ пользу Павла, даже въ пользу несчастнаго Іоанна — и всего больше въ свою собственную пользу. Великаго Князя не любили, онъ не былъ злой человѣкъ, но въ немъ было все то, что русская натура ненавидитъ въ нѣмцѣ—gaucherie, грубое простодушіе, вульгарный тонъ, педантизмъ и высокомѣрное самодовольство — доходящее до презрѣнія всего русскаго. Елисавета бывшая вѣчно навеселѣ не могла ему простить, что онъ всякій вечеръ былъ пьянъ; Разумовскій, что онъ хотѣлъ Гудовича сдѣлать Гетманомъ; Панинъ за его фельдфебельскія манеры; гвардія за то, что онъ ей предпочиталъ своихъ голштинскихъ солдатъ; дамы за то, что онъ вмѣстѣ съ ними приглашалъ на свои пиры актрисъ, всякихъ Нѣмокъ; духовенство ненавидило его за его явное презрѣніе къ восточной церквѣ. Видя приближающуюся кончину Елисаветы и боясь быть оставленнымъ всѣми, неуклюжій Петръ

Ѳедоровичъ принялся угощать и ласкать офицеровъ и все это дѣлалъ съ чрезвычайной неловкостью. Между прочимъ ему хотѣлось также увѣриться и въ Дашковѣ, который командовалъ ротой, по этому онъ не отказывая ему въ отпускѣ, призвалъ его въ Ораніенбаумъ.

Князь повидавшись съ Петромъ Ѳедоровичемъ, отправился обратно въ Москву, на дорогѣ у него заболѣло горло, сдѣлалась лихорадка, не желая обеспокоить жены, онъ велѣлъ свезти себя къ своей теткѣ Новосильцовой, думая что боль въ горлѣ утишится, и голосъ нѣсколько возвратится; вмѣсто того у него сдѣлалась жаба и сильный жаръ.

Въ это самое время мать князя Дашкова и ея сестра княгиня Гагарина сидѣли въ спальнѣй нашей княгини вмѣстѣ съ повивальной бабкой, ожидая черезъ нѣсколько часовъ ея разрѣшенія. Дашкова еще была на ногахъ и вышла зачѣмъ то въ другую комнату, тамъ ее давно поджидала горничная, и сообщила ей по секрету о пріѣздѣ больнаго мужа, говоря, что онъ у тетки и умоляя не выдывать ее, потому что всѣмъ строго на строго запрещено было сообщать ей эту новость. Княгиня вскрикнула при этой неожиданной вѣсти; по счастію старухи ничего не слыхали. Оправившись она взошла какъ ни въ чемъ не бывало въ спальню, увѣрила ихъ, что всѣ ошиблись, что роды еще не скоро, уговорила ихъ идти отдохнуть, обѣщая священнѣйшимъ образомъ послать за ними если что случится.

Лишь только старухи ушли, княгиня бросилась со всей горячностью своего характера умолять повивальную бабку —проводить ее къ мужу. Добрая Нѣмка думала, что она сошла съума и начала на своемъ силезскомъ нарѣчіи уговоривать ее, прибавляя безпрерывно: "Нѣтъ, нѣтъ, я послѣ должна буду дать Богу отвѣтъ за убіеніе невинныхъ." Княгиня объявила ей рѣшительно, что если бабушка не хочетъ ее провожать, то она пойдетъ одна и никакая сила въ мірѣ ее не остановитъ. Страхъ подѣйствовалъ на старушку; но когда Дашкова ей сказала, что имъ надобно идти пѣшкомъ, чтобъ Княгиня не услыхала скрипъ саней, она

снова уперлась и стояла неподвижно "точно будто ноги ея пустили корни въ полъ." Наконецъ уладилось и это; на лѣстницѣ у Дашковой возвратились боли и притомъ сильнѣе, снова бабушка стала ее уговоривать, но она уцѣпившись руками за поручья лѣстницы была непреклонна.

Онѣ вышли за вороты и не смотря на боли добрались до дому Новосильцовой. Изъ свиданья съ мужемъ Дашкова помнитъ одно, что она увидѣла его блѣднаго, больнаго лежавшаго въ забытьи, она только успѣла бросить одинъ взглядъ и безъ памяти упала на полъ. Въ этомъ положеніи люди Новосильцовой снесли ее на носилкахъ домой, гдѣ впрочемъ никто не подозрѣвалъ ея отсутствія. Новыя еще больше напряженныя боли привели ее въ память, она послала за свекровью и за теткой, а черезъ часъ родила сына Михайлу.

Въ шесть часовъ утра перевезли больнаго мужа; мать положила его въ другой комнатѣ, запретивъ имъ имѣть всякія сношенія въ предупрежденіе того, чтобъ жаба не пристала къ родильницѣ, а въ сущности изъ маленькой ревности. Молодые супруги тотчасъ начинаютъ чувствительную переписку, что конечно для состоянія родильницы было опаснѣе жабы которая совсѣмъ не заразительна; они пишутъ записочки днемъ и ночью до тѣхъ поръ, пока старуха ихъ находитъ, бранитъ горничныхъ и обѣщаетъ обобрать перья, карандаши и бумагу.

Женщина, которая умѣла такъ любить, и такъ выполнять волю свою вопреки опасности, страха и боли, должна была играть большую роль въ то время, въ которое она жила и въ той средѣ, къ которой принадлежала.

Двадцать восьмаго Іюля 1761 года, переѣхали Дашковы въ Петербургъ. "День, говоритъ она, который двѣнадцать мѣсяцовъ спустя сдѣлался такъ памятенъ и такъ достославенъ для моего отечества."

Въ Петербургѣ ее ждало приглашеніе Великаго Князя— переѣхать въ Ораніенбаумъ. Ей не хотѣлось ѣхать, и отецъ

насилу уговорилъ ее занять его дачу недалеко отъ Ораніенбаума. Дѣло въ томъ, что она уже тогда терпѣть не могла Великаго Князя, а была предана всѣмъ сердцемъ его женѣ. Еще въ родительскомъ домѣ она была представлена Великой Княгинѣ; Екатерина ее приласкала, умная и образованная дѣвушка ей понравилась. Екатерина умѣла той улыбкой, тѣмъ abandon, которымъ она очаровывала потомъ тридцать лѣтъ всю Россію, дипломатовъ и ученыхъ всей Европы, привязать къ себѣ Дашкову на вѣки. Съ перваго свиданія Дашкова любитъ Екатерину страстно, "обожаетъ ее", какъ пансіонерки обожаютъ своихъ старшихъ совоспитанницъ; она влюблена въ нее, какъ мальчики бываютъ влюблены въ тридцатилѣтнихъ женщинъ.

За то она чувствуетъ такое же искренное отвращеніе отъ своего крестнаго отца Петра Ѳедоровича. Но хорошъ и онъ былъ, нечего сказать, мы это сейчасъ увидимъ.

Родная сестра Дашковой, — Елисавета Романовна была открытой любовницей Великаго Князя. Онъ думалъ, что Салтыковъ и Понятовскій, эти счастливые предшественники Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Новосильцовыхъ, Потемкиныхъ, Ланскихъ, Ермоловыхъ, Корсаковыхъ, Зоричей, Завадовскихъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ и цѣлой шеренги плечистыхъ virorum obscurorum — дали ему право не слишкомъ скупится на свое сердце и вовсе не скрывать своихъ предпочтеній.

Отношеніе его къ Великой Княгинѣ уже было таково, что при первомъ представленіи Дашковой, онъ ей сказалъ: "Позвольте надѣятся, что вы намъ подарите не меньше времени, чѣмъ Великой Княгинѣ".

Съ своей стороны порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтенія къ Екатеринѣ. Великій Князь замѣтилъ это и спустя нѣсколько дней, отвелъ разъ Дашкову въ сторону и сказалъ ей "съ простотой своей головы и съ добротой своего сердца", какъ она выражается — "Помните, что безопаснѣе имѣть дѣло съ честными простаками, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ большими умами, которые выжмутъ изъ васъ сокъ до капли, а потомъ какъ апельсинную корку выбросятъ за окно"

Дашкова, отклоняя рѣчь, замѣтила ему, что императрица настоятельно изъявляла свое желаніе, чтобъ они одинаковымъ образомъ оказывали уваженіе какъ его высочеству, такъ и Великой Княгинѣ.

Тѣмъ не менѣе ей было необходимо являться иногда на велико княжескія куртажныя попойки. Характеръ этихъ праздниковъ былъ нѣмецки-казарменный, грубый и пьяный. Петръ Ѳедоровичь, окруженный своими голштинскими генералами, (т. е. по словамъ Дашковой капралами и сержантами прусской службы, дѣтьми нѣмецкихъ мастеровыхъ, которыхъ родители не знали куда дѣть за безпутство и отдали въ солдаты), не выпуская трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на рукахъ.

Разъ за ужиномъ при Великой Княгинѣ и многочисленныхъ гостяхъ зашла рѣчь о сержантѣ гвардіи Челищевѣ и о предполагаемой связи, которую онъ имѣлъ съ графиней Гендриковой, племянницей императрицы. Великій Князь, уже сильно опьянѣвшій замѣтилъ что Челищеву слѣдовало бы отрубить голову для примѣра другимъ офицерамъ, чтобъ они не заводили шашней съ царскими родственницами. Голштинскіе сикофанты, изъявляли всевозможными знаками свое одобреніе и сочувствіе, Дашкова не могла выдержать чтобъ не замѣтить, что ей кажется очень безчеловѣчнымъ казнить за такое неважное преступленіе.

— Вы еще ребенокъ, отвѣчалъ Великій Князь, ваши слова доказываютъ это лучше всего, иначе вы бы знали, что скупиться на казни, значитъ поощрять неподчиненность.

— Ваше высочество, отвѣчала Дашкова, вы пугаете насъ нарочно; за исключеніемъ старыхъ генераловъ, мы всѣ имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, принадлежимъ къ поколѣнію никогда не видавшему смертной казни въ Россіи.

— Это ничего не значитъ — возразилъ Великій Князь — хорошъ за то былъ и порядокъ во всемъ. Говорю вамъ что вы еще дитя и ничего не смыслите въ этихъ дѣлахъ.

Всѣ до одного молчали. "Я готова — отвѣчала Дашкова — сознаться, что не въ состояніи понять ихъ; но не могу не радоваться при мысли что ваша тетушка еще здравствуетъ и занимаетъ престолъ".

Глаза всѣхъ обратились на смѣлую женщину. Великій Князь ничего не отвѣчалъ; онъ удовлетворился только тѣмъ, что высунулъ языкъ — милая шутка, которую онъ часто употреблялъ вмѣсто отвѣта, особенно будучи въ церквѣ.

Разговоръ этотъ начавшій политическую карьеру Дашковой замѣчателенъ сверхъ всего тѣмъ, что эти нероновскія рѣчи говорилъ самый кроткій въ мірѣ человѣкъ, никогда никого не казнившій. За столомъ было множество гвардейскихъ и кадетскихъ офицеровъ, слова Дашковой разнеслись съ быстротой молніи по всему городу. Онѣ пріобрѣли ей большую извѣстность, которую она сначала не умѣла цѣнить и которая сдѣлала изъ нея одинъ изъ центровъ и чуть ли не главный, около котораго собирались недовольные офицеры. На первый случай Дашкова была въ восхищеніи отъ того, что Великой Княгинѣ чрезвычайно понравился ея отвѣтъ. "Время, грустно прибавляетъ она, не научило еще меня тогда, какъ опасно говорить правду государямъ; если они и могутъ иногда это простить — то царедворцы никогда не прощаютъ".

Дружба ея къ Екатеринѣ ростетъ. Елисавета жила тогда въ Петергофѣ, тамъ разъ въ недѣлю Великой Княгинѣ было разрѣшено видѣть своего сына. Возвращаясь изъ дворца, она обыкновенно заѣзжала за Дашковой, брала ее съ собой и оставляла на весь вечеръ. Когда ей нельзя было заѣхать, она писала къ ней коротенькія записочки; отсюда возникла ихъ дружеская, интимная переписка, продолжавшаяся и послѣ отъѣзда съ дачи. Онѣ пишутъ о литературѣ, о мечтахъ, пишутъ о Вольтерѣ и о Руссо, стихами и прозой.

"Какія стихи и какая проза! — пишетъ Великая Княгиня къ Дашковой—и это въ семьнадцать лѣтъ. Я умоляю васъ не пренебрегать такимъ талантомъ. Можетъ я и не совсѣмъ безпристрастный судья, ваше лестное пристрастіе ко мнѣ виновато въ томъ, что вы избрали меня предметомъ стиховъ. Обвиняйте меня въ гордости сколько угодно, но я все таки скажу, что давно не читала такихъ правильныхъ и поэтическихъ произведеній".

Екатерина съ своей стороны посылаетъ ей свои статьи, и съ большой настойчивостію требуетъ, чтобъ она ихъ никому не показывала. "При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я обязана жить, всякій самый ничтожный поводъ послужитъ къ самымъ непріятнымъ вымысламъ." Она до того боится, что проситъ Дашкову адресовать письма на имя ея горничной Катерины Ивановны и жечь ихъ прочитавши. Что она называетъ "ничтожными поводами," можно догадаться по одному письму, гдѣ она опять говоритъ о своей рукописи; Дашкова возвратила ее съ большими похвалами и удостовѣряя ее, что она не выходила изъ ея рукъ. О содержаніи рукописи нигдѣ не сказано ни слова; но что это не были 'правильные и поэтическіе стихи', это видно изъ слѣдующихъ словъ (письмо 21): "Вы снимаете съ меня мои обязанности относительно моего сына, я вижу въ этомъ новое доказательство доброты вашего сердца. Я была глубоко потрясена знаками преданности, съ которыми меня встрѣтилъ народъ въ тотъ день. Никогда не была я такъ счастлива".

Это письмо писано вскорѣ послѣ смерти императрицы Елисаветы, но мы еще не дошли до ея кончины.

Въ концѣ Декабря 1761 года, разнесся слухъ, что Елисавета очень больна. Дашкова распростуженная лежала въ постели, когда до нея дошла эта вѣсть. Мысль объ опасности Великой Княгини поразила ее, она съ нею также мало могла улежаться какъ съ мыслію о болѣзни мужа; а потому закутавшись въ шубу, морозной ночью 20 Декабря отправилась она въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамилія. Не желая чтобъ ее, видѣли, Дашкова оставила карету въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца и пошла пѣшкомъ на маленькое крыльцо съ той стороны, гдѣ были комнаты Великой Княгини не зная вовсе къ нимъ дороги. По счастію она встрѣтилась съ Катериной Ивановной, съ извѣстной горничной Екатерины—она сказала ей, что Великая Княгиня въ постелѣ; но, Дашкова требовала чтобъ она доложила, говоря что ей непремѣнно надобно видѣться съ ней сейчасъ. Горничная знавшая ее и ея преданность Великой Княгинѣ, повиновалась ей. Ека-

терина знавшая, что Дашкова серьезно больна и что слѣдственно безъ особенно важныхъ причинъ не явилась бы ночью въ морозъ, велѣла ее принять.

Сначала она ее осыпала упреками за то что не бережется, и видя что она озябла, сказала ей: "Милая Княгиня, прежде всего васъ надобно согрѣть, подите сюда ко мнѣ въ постель, подъ одѣяло", укутавши ее, она спросила наконецъ въ чемъ дѣло?

—Въ теперичномъ положеніи дѣлъ, отвѣчала Дашкова — когда императрицѣ остается жить только нѣсколько дней, — можетъ нѣсколько часовъ, надобно не теряя времени принять мѣры противъ грозящей опасности и отвратить отъ васъ грозящую опасность. Бога ради, довѣрьтесь мнѣ, я докажу вамъ, что я достойна этаго. Если вы уже имѣете опредѣленный планъ, употребите меня, распоряжайтесь мной, я готова.

Великая Княгиня залилась слезами и прижимая руку Дашковой къ сердцу, сказала ей: "Увѣряю васъ, что у меня никакого плана нѣтъ, я не могу ничего предпринять и думаю, что мнѣ остается одно ожидать съ твердостью что случится. Я отдаюсь на волю Божію и на него одного полагаю надежды.

—Въ такомъ случаѣ ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что касается до меня, я чувствую въ себѣ довольно силы и усердія, чтобъ ихъ всѣхъ увлечь, и повѣрьте мнѣ, что нѣтъ жертвы, которая бы меня остановила.

—Ради Бога, перебила Екатерина, не подвергайте себя опасности, въ надеждѣ противудѣйствовать злу, которое въ сущности кажется неотвратимо. Если вы погубите себя изъ за меня, вы только прибавите къ моей несчастной судьбѣ вѣчное мученіе.

—Все что я могу вамъ сказать, это то, что я не сдѣлаю шага, который могъ бы васъ запутать, или могъ бы быть опасенъ вамъ. Чтобы ни было, пусть падетъ на меня, и если моя слѣпая преданность къ вамъ поведетъ меня на эшафотъ, вы никогда не будете его жертвой.

Великая Княгиня хотѣла возражать, но Дашкова (*) пере-

(*) Дидро въ чрезвычайно интересной статьѣ своей о знакомствѣ съ Дашковой,

рывая ея рѣчь, взяла ея руку, прижала къ губамъ и сказавши что боится продолжать бесѣду, просила ее отпустить. Глубоко тронутыя, онѣ оставались нѣсколько минутъ въ объятіяхъ другъ друга, и Дашкова осторожно покинула до высшей степени взволнованную Екатерину.

Добавимъ къ этой чувствительной сценѣ, что Екатерина все таки обманула Дашкову; она поручала свою судьбу въ это время не одному Богу, но и Григорью Орлову, съ которымъ обдумывала свой планъ и Орловъ уже въ тиши старался вербовать офицеровъ.

Въ Рождество императрица скончалась. Петербургъ мрачно принялъ эту новость и сама Дашкова видѣла какъ Семеновскій и Измайловскій полки проходили угрюмо и съ глухимъ ропотомъ мимо ея дома.

Петръ III, провозглашенный императоромъ, не хранилъ никакого декорума, попойки продолжались. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Елисаветы, онъ посѣтилъ отца Дашковой и черезъ ея сестру изъявилъ свое неудовольствіе, что не видитъ ее при дворѣ. Печего было дѣлать Дашкова отправилась: Петръ III, понизивъ голосъ сталъ ей говорить о томъ, что она не умѣетъ себя держать относительно своей сестры, что она наконецъ навлечетъ на себя ея негодованіе и можетъ потомъ очень горько раскаяться въ томъ, "потому что легко можетъ придти время, въ которое Романовна (такъ называлъ онъ свою любовницу) будетъ на мѣстѣ той".

Дашкова сдѣлала видъ, что не понимаетъ и торопилась занять свое мѣсто въ любимой игрѣ Петра III. Въ этой игрѣ (campis) каждый играющій имѣетъ нѣсколько марокъ; у кого остается послѣдняя тотъ выигрываетъ. Въ игру каждый клалъ десять империаловъ, что по тогдашнимъ доходамъ Дашковой составляло не малую сумму, особенно потому, что когда проигрывалъ Петръ III, онъ вынималъ марку изъ кармана и клалъ ее въ пулю, такимъ образомъ онъ почти всегда выи-

говоря объ этомъ происшествіи, прибавляетъ, что Екатерина сказала ей: "Вы—или ангелъ или демонъ." — "Ни то, ни другое, отвѣчала Дашкова, но императрица умираетъ и васъ надобно спасти."

грывалъ. Какъ только игра кончилась, государь предложилъ другую, Дашкова отказалась; онъ приставалъ до того къ ней чтобъ она играла, что пользуясь "правами избалованнаго ребенка," она сказала ему, что она недостаточно богата, чтобъ проигрывать навѣрное, что еслибъ его величество игралъ какъ всѣ, то по крайнѣй мѣрѣ были бы шансы выигрыша. Петръ III отвѣчалъ своими "привычными буфонствами" и Дашкова откланялась.

Когда она проходила рядомъ залъ наполненныхъ придворными и разными чинами, она подумала, что попала на маскарадъ, никого нельзя было узнать. Она не могла видѣть безъ смѣха семидесятилѣтняго князя Трубецкаго, одѣтаго въ первый разъ отроду въ военный мундиръ, затянутаго въ сапогахъ со шпорами, словомъ, совсѣмъ готоваго на самый отчаянный бой. "Этотъ жалкій старичишка, прибавляетъ она, представлявшійся больнымъ и страждущимъ, какъ это дѣлаютъ нищіе, пролежалъ въ постелѣ пока Елисавета кончалась; ему стало лучше когда Петръ III былъ провозглашенъ; но узнавши, что все обошлось хорошо, онъ тотчасъ вскочилъ, вооружился съ ногъ до головы и явился героемъ въ Измайловскій полкъ, по которому числился."

Кстати къ мундирамъ, къ этой пагубной страсти, которая перешла отъ Петра III къ Павлу, отъ Павла, ко всѣмъ его дѣтямъ, ко всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ; Панинъ—завѣдывавшій воспитаніемъ Павла, сѣтовалъ на то, что Петръ III ни разу не присутствовалъ при его испытаніяхъ. Голштинскіе принцы, его дяди, уговорили его наконецъ; онъ остался очень доволенъ и произвелъ Панина въ генералы отъ инфантеріи.—"Чтобъ понять всю нелѣпость этого, надобно себѣ представить блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, любившаго чопорно одѣваться, тщательно чесавшагося, пудрившагося и напоминавшаго собой царедворцевъ Людовика XIV. Панинъ ненавидилъ капральскій тонъ Петра III, мундиры и весь этотъ вздоръ. Когда Мельгуновъ привезъ ему радостную вѣсть о генеральствѣ, Панинъ хотѣлъ лучше бѣжать въ Швецію на житье, чѣмъ надѣть мун-

диръ. Это дошло до Петра III: онъ переименовалъ его въ соотвѣтствующій статскій чинъ, но не могъ довольно надивиться Панину.—"А я право, говорилъ онъ, всегда считалъ Панина умнымъ человѣкомъ!"

Пока Петръ III рядилъ въ героевъ своихъ придворныхъ, шли обычныя церемоніи похоронъ. Императрица не выходила изъ своихъ комнатъ, и являлась только на панихиды. Изрѣдка приходилъ и Петръ III и всегда держалъ себя неприлично, шептался съ дамами, хохоталъ съ адъютантами, насмѣхался надъ духовенствомъ, бранилъ офицеровъ и даже рядовыхъ за какія нибудь пуговицы. "Неосторожно, говорилъ англійскій посолъ Кейтсъ князю Голицыну, начинаетъ новый императоръ свое царствованіе, этимъ путемъ онъ дойдетъ до презрѣнія народнаго, а потомъ и до ненависти."

Петръ III какъ будто нарочно все дѣлалъ, чтобъ возбудить эту ненависть. Разъ вечеромъ, при Дашковой, императоръ разглагольствовалъ, по обыкновенію о своемъ поклоненіи Фридриху II и вдругъ обращаясь къ статсъ-секретарю Волкову, который былъ при Елисаветѣ главнымъ секретаремъ Верховнаго Совѣта, спросилъ его, помнитъ ли онъ, какъ они хохотали надъ постоянной неудачей тайныхъ повелѣній, посылаемыхъ въ дѣйствующую армію. Волковъ за одно съ Великимъ Княземъ, сообщавшій прусскому королю всѣ распоряженія и такимъ образомъ уничтожавшій ихъ дѣйствіе, до того растерялся отъ словъ Петра III, что чуть не упалъ въ обморокъ. Но императоръ продолжалъ шуточнымъ тономъ разсказывать какъ они во время войны предавали непріятелю страну въ которой онъ былъ наслѣдникомъ престола.

При заключеніи мира съ королемъ прусскимъ, въ которомъ онъ постыдно уступилъ все купленное русской кровью —не было мѣры радости и ликованью. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Между прочимъ Петръ III далъ большой обѣдъ на который были приглашены всѣ послы и три первые класса. Послѣ обѣда государь предложилъ три тоста, которые пили при пушечной пальбѣ—за здоровье

императорской фамиліи, за здоровье короля прусскаго, за продолженіе заключеннаго мира.

Когда императрица пила тостъ за царскую фамилію,— Петръ III послалъ своего адъютанта Гудовича, который стоялъ возлѣ его стула, спросить ее зачѣмъ она не встала. Екатерина отвѣчала что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ ея супруга, ея сына и ея самой, то она не думала, чтобъ его величеству угодно было чтобъ она встала. Когда Гудовичъ передалъ ея отвѣтъ, императоръ велѣлъ ему возвратиться и сказать императрицѣ, что она "дура" (*) и должна знать, что его дяди голштинскіе принцы, принадлежатъ также къ императорской фамиліи. Этого мало, боясь что Гудовичъ смягчитъ грубое выраженіе, онъ самъ повторилъ сказанное имъ черезъ столъ, такъ что большая часть гостей слышала. Императрица на первую минуту не могла удержаться и залилась слезами, но желая какъ можно скорѣе окончить эту исторію, она обратилась къ камергеру Строгонову, стоявшему за ея стуломъ и просила его начать какой нибудь разговоръ. Строгоновъ, самъ глубоко потрясенный происшествіемъ, началъ съ притворно веселымъ видомъ что то болтать. Выходя изъ дворца онъ получилъ приказаніе ѣхать въ свою деревню и не оставлять ее безъ особаго разрѣшенія.

Происшествіе это необыкновенно повредило Петру III; всѣ жалѣли несчастную женщину, грубо оскорбленную пьянымъ капраломъ. Этимъ расположеніемъ естественно должна была воспользоваться Дашкова. Она становится отчаяннымъ заговорщикомъ, вербуетъ, уговариваетъ, сондируетъ—и притомъ ѣздитъ на балы, танцуетъ чтобъ не подавать подозрѣнія. Князь Дашковъ обиженный Петромъ III, что то отвѣчалъ ему передъ фрунтомъ. Княгиня боясь послѣдствій выхлопотола ему какое то порученіе въ Константинополь и съ тѣмъ вмѣстѣ дала ему совѣтъ "торопиться медленно." Удаливши его, она окружаетъ себя офицерами, которые ввѣряются съ полнымъ довѣріемъ осьмнадцатилѣтнему шефу.

(*) Слово "дура" поставлено въ англійскомъ текстѣ латинскими буквами.

Около Петра III были и другіе недовольные, но заговорщиками они не были и по лѣтамъ, и по положенію; они были ради воспользоваться перемѣной, но дѣлать ее, подвергая голову плахѣ, было трудно для какаго нибудь Разумовскаго или Панина. Настоящіе заговорщики были Дашкова съ своими офицерами и Орловъ съ своими приверженцами.

О Разумовскомъ Дашкова говоритъ: "Онъ любилъ отечество настолько, насколько вообще могъ любить этотъ апатическій человѣкъ. Погрязшій въ богатствѣ, окруженный почетомъ, хорошо принятый при новомъ дворѣ и любимый офицерами, онъ впалъ въ равнодушіе и облѣнился."

Панинъ былъ государственный человѣкъ и глядѣлъ дальше другихъ; его цѣль состояла въ томъ, чтобъ провозгласить Павла императоромъ, а Екатерину правительницей. При этомъ онъ надѣялся ограничить самодержавную власть. Онъ сверхъ того думалъ достигнуть переворота какими то законными средствами черезъ Сенатъ.

Все это далеко не нравилось Дашковой. Къ тому же ропотъ и неудовольствіе солдатъ росло. Позорный миръ съ одной стороны и безумная война съ Даніей, которую Петръ III хотѣлъ начать изъ за Голштиніи, безъ всякой серьезной причины, раздражали умы. Война эта сдѣлалась у него пунктомъ помѣшательства; самъ Фридрихъ II письменно уговоривалъ его отложить ее.

Говорятъ, что молодая заговорщица употребила особыя орудія краснорѣчія, чтобъ убѣдить упорнаго Панина дѣйствовать съ ней за одно. Панинъ до того увлекся ея умомъ, ея энергіей и сверхъ того красотой, что на старости лѣтъ страстно влюбился въ нее. Дашкова со смѣхомъ отвергала его любовь, но не находя другихъ средствъ сладить съ нимъ, она рѣшилась склонить его собою. Послѣ этого Панинъ былъ въ ея рукахъ. Справедливость требуетъ сказать, что княгиня въ двухъ мѣстахъ своихъ записокъ съ негодованіемъ опровергаетъ этотъ слухъ.*

* Дидро упоминаетъ въ вышеприведенной статьѣ, что Дашкова ему говорила съ величайшемъ озлобленіемъ объ этомъ.

Не смотря на то что заговорщики могли считать на Разумовскаго и на Панина и сверхъ того на новгородскаго Архіепископа; не смотря на то, что множество офицеровъ было завербовано, опредѣленнаго плана дѣйствія у нихъ не было. Связанные общей цѣлью, они не могли согласится въ образѣ дѣйствія. Дашкова снѣдаемая жгучей дѣятельностію, сердится на медленность, не знаетъ что дѣлать и ѣдитъ наконецъ на свою дачу за Краснымъ Кабакомъ. Дача эта была первой личной собственностью Дашковой, она тотчасъ принялась за обстройку, роетъ капалы, разбиваетъ сады. "Не смотря, говоритъ она на привязанность, которую я имѣла къ этому первому клочку земли, который былъ мой, я не хотѣла дать имени моей дачи, желая ее посвятить, имени того святаго— который будетъ праздноваться въ тотъ день, когда успѣхъ увѣнчаетъ наше великое предпріятіе." "Дайте скорѣе названіе моей дачѣ!" пишетъ она къ императрицѣ, больная въ лихорадкѣ, которую захватила въ болотѣ, заѣхавъ въ него верхомъ по поясъ. Императрица ничего не понимаетъ и думаетъ, что у ея друга въ самомъ дѣлѣ горячка.

Но бѣлая горячка собственно была у Петра III; пока Дашкова садитъ акаціи и расчищаетъ дорожки, Петръ III быстро идетъ подъ гору; одна глупость смѣняется другою, одна безобразная пошлость другой вдвое безобразнѣйшей. Пророчество Кейтса сбывалось, общественное мнѣніе переходило отъ презрѣнія къ ненависти.

Австрійское гоненіе греческой церкви въ Сербіи, заставило многихъ Сербовъ прибѣгнуть къ императрицѣ Елисаветѣ съ просьбою отвести имъ земли на югѣ Россіи. Елисавета сверхъ земель велѣла имъ отпустить значительную сумму денегъ на подъемъ и переселеніе. Одинъ изъ ихъ поверенныхъ Хорватъ хитрый интригантъ завладѣлъ землей и деньгами и вмѣсто исполненія условій, на которыхъ была дана земля, сталъ распоряжаться переселенцами какъ своими крестьянами. Сербы принесли жалобу, Елисавета велѣла разобрать дѣло, но прежде чѣмъ оно кончилось, она умерла. Хорватъ услышавъ о ея смерти, явился въ Петербургъ и началъ съ того, что далъ по

двѣ тысячы червоныхъ тремъ лицамъ, приближеннымъ къ Петру III, — Л. Нарышкину, который былъ нѣчто въ родѣ придворнаго шута, генералу Мельгунову и генералъ-прокурору Глѣбову. Два послѣднихъ отправились къ императору и разсказали ему прямо о взяткѣ. Петръ III былъ очень доволенъ ихъ откровенностію, разхвалилъ ихъ и прибавилъ, что если они дадутъ ему половину, то онъ самъ пойдетъ въ сенатъ и велитъ рѣшить дѣло въ пользу Хорвата. Они подѣлились— императоръ сдержалъ слово, и за двѣ тысячы червонныхъ потерялъ сотни тысячь новыхъ переселенцовъ; видя, что ихъ товарищи обмануты правительствомъ, — они не рискнули переселяться.

По окончаніи дѣла, Петръ III услышалъ о томъ, что Нарышкинъ скрылъ отъ него свою взятку, и чтобъ наказать его за такой недостатокъ дружескаго довѣрія, отнялъ у него всю сумму. И потомъ долгое время спустя поддразнивалъ Нарышкина, спрашивая его — "что онъ дѣлаетъ съ Хорватскими червонцами?"

Вотъ еще милый анекдотъ о Петрѣ III. Разъ послѣ парада императоръ очень довольный Измайловскимъ полкомъ, возвращался съ Разумовскимъ домой; вдругъ онъ услышалъ издалека шумъ; его любимецъ Арапъ дрался съ профосомъ. Сначала зрѣлище это понравилось Петру III, но вдругъ онъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ: "Нарцисъ не существуетъ больше для насъ". Разумовскій, который ничего не могъ понять, спросилъ, что такъ вдругъ опечалило его величество "Развѣ вы не видите, вскричалъ онъ что я не могу больше держать при себѣ человѣка, дравшагося съ профосомъ. Онъ обезчестенъ—навсегда обезчестенъ". Фельдмаршалъ, показывая видъ что совершенно входитъ въ его глубокія соображенія, замѣтилъ, что честь Нарциса можно возстановить проведя его подъ знаменами полка. Мысль эта привела Петра III въ восторгъ; онъ сей часъ позвалъ негра, велѣлъ ему пройти подъ знаменами и находя это не вполнѣ достаточнымъ, велѣлъ оцарапать его пикой знамени, чтобъ онъ могъ своею кровью смыть обиду. Бѣдный Арапъ чуть не умеръ отъ страха, гене-

ралы и офицеры едва, едва могли удержатся отъ негодованія и смѣха. Одинъ Петръ III совершилъ съ величайшей торжественностью весь обрядъ очищенія Нарциса.

И этотъ шутъ царствовалъ? . . . за то не долго!

Вечеромъ 27 Іюня, Григорій Орловъ пришелъ къ Дашковой сказать ей, что капитанъ Пасекъ, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ, заговорщиковъ арестованъ. Орловъ засталъ у нея Панина; терять времени, откладывать было теперь невозможно. Одинъ лимфатическій, медленный и осторожный Панинъ совѣтовалъ ждать завтрашній день, узнать прежде какъ и за что арестованъ Пасекъ. Орлову и Дашковой это было не по сердцу. Первый сказалъ что пойдетъ узнать о Пасекѣ, Дашкова просила Панина оставить ее, ссылаясь на чрезвычайную усталь. Лишь только Панинъ уѣхалъ, Дашкова набросила на себя сѣрую мужскую шинель и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву, одному изъ заговорщиковъ.

Не далеко отъ дома Дашкова встрѣтила всадника скакавшаго во весь опоръ. Дашкова не смотря на то, что никогда не видала братьевъ Орлова, догадалась, что это одинъ изъ нихъ; поровнявшись съ всадникомъ, она назвала его; онъ остановилъ лошадь, Дашкова назвала ему себя. "Я къ вамъ, сказалъ онъ, Пасекъ схваченъ какъ государственный преступникъ, четыре часовыхъ у дверей и два у окна. Братъ пошелъ къ Панину, а я былъ у Рославлева".

— Что онъ очень встрѣвоженъ?

— Есть таки.

— Дайте знать нашимъ, Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они собирались сей часъ въ Измайловскій полкъ и готовились бы принять императрицу. Потомъ скажите что я совѣтую вашему брату или вамъ, какъ можно скорѣе ѣхать въ Петергофъ за императрицей, скажите ей, что карета ужъ приготовлена мной, скажите, что я умоляю ее не мѣшкать и скакать въ Петербургъ.

Наканунѣ Дашкова узнавши отъ Пасека о сильномъ ропотѣ солдатъ и боясь, чтобъ чего не вышло, написала на всякій случай къ Шкуриной, женѣ императрицына камердинера,

чтобъ она послала карету съ четырмя почтовыми лошадьми къ своему мужу въ Петергофъ и велѣла бы ей дожидаться у него на дворѣ. Паниинъ смѣялся надъ этими ненужными хлопотами, полагая, что переворотъ еще не такъ близокъ; обстоятельства показали насколько предусмотрительность Дашковой была необходима.

Разставшись съ Орловымъ, она возвратилась домой. Къ вечеру портной долженъ былъ ей принести мужское платье и не принесъ, въ женскомъ она была слишкомъ связана. Чтобъ не подать подозрѣнія, она отпустила горничную и легла въ постель; но не прошло получаса, какъ она услышала стукъ въ наружную дверь. Это былъ меньшой Орловъ, котораго старшіе братья прислали спросить ее не рано ли тревожить императрицу, Дашкова вышла изъ себя, осыпала упреками его и всѣхъ его братьевъ, "какая тутъ рѣчь, говорила она, о томъ, потревожится императрица или нѣтъ, лучше ее безъ памяти, въ обморкѣ привезти въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть заключенію или вмѣстѣ съ нами эшафоту. Скажите братьямъ, чтобъ сей часъ же кто нибудь ѣхалъ въ Петергофъ".

Орловъ согласился съ нею.

Тутъ наступили для Дашковой мучительные часы одиночества и ожиданія, она трепещетъ за свою Екатерину, представляетъ ее себѣ блѣдной, изнуренной, въ тюрьмѣ, идущей на казнь и "все это по нашей винѣ". Измученная и въ лихорадкѣ ждетъ она вѣсти изъ Петергофа, въ четыре часа она пришла; императрица въѣхала въ Петербургъ.

Какъ Алексѣй Орловъ ночью взошелъ въ павильонъ къ Екатеринѣ, которая спокойно спала и также въ глаза не знала Орлова какъ и Дашкова,—но тотчасъ рѣшилась ѣхать въ каретѣ приготовленной у Шкурина; какъ Орловъ сѣлъ кучеромъ и загналъ лошадей такъ, что императрица была вынуждена съ своей горничной идти пѣшкомъ; какъ они потомъ встрѣтили порожнюю телѣгу, какъ Орловъ нанялъ ее и демократически въ ней повезъ Екатерину въ Петербургъ,—все это извѣстно.

Измайловскіе солдаты приняли Екатерину съ восторгомъ; ихъ увѣрили, что Петръ III хотѣлъ въ эту ночь убить ее и

ея сына. Изъ казармъ солдаты съ шумомъ и крикомъ проводили ее въ Зимній Дворецъ, провозглашая ее на улицахъ царствующей императрицей; препятствій не было никакихъ. Народъ бѣжалъ толпами къ дворцу, сановники собирались, Архіепископъ, окруженный духовенствомъ, со святою водой ждалъ въ Соборѣ новую государыню.

Когда Дашкова съ чрезвычайными усиліями продралась до Екатерины, онѣ бросились другъ другу въ объятія и могли только выговорить: "Ну слава Богу, слава Богу!" Потомъ Екатерина разсказала ей, какъ они ѣхали изъ Петергофа. Потомъ онѣ опять бросились обнимать другъ друга. "Я не знаю, говоритъ Дашкова, былъ ли когда смертный больше счастливъ, какъ я въ эти минуты!"

"И, прибавляетъ она, когда я думаю какими несоразмѣрно малыми средствами сдѣлался этотъ переворотъ, безъ обдуманнаго плана, людьми вовсе несогласными между собою, имѣвшими разныя цѣли, нисколько не похожими ни образованіемъ, ни характеромъ, то участіе перста Божія мнѣ становится ясно".

Переворотъ конечно былъ необходимъ, но если перстъ Божій такъ прямо участвовалъ въ немъ, то въ этотъ день руки у Бога все же не совсѣмъ были чисты.

Нацаловавшись до сыта Дашкова замѣтила, что на императрицѣ екатерининская лента, а не андреевская, она тотчасъ побѣжала къ Панину, сняла съ него ленту, надѣла ее на императрицу, а екатерининскую ленту и звѣзду положила себѣ въ карманъ.

Императрица изъявила желаніе стать во главѣ войска и идти въ Петергофъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ она велѣла Дашковой сопровождать ее. Императрица взяла мундиръ у капитана Талызина, Дашкова у сержанта Пушкина. Оба мундира были прежней преображенской формы. Какъ только императрица пріѣхала въ Петербургъ, солдаты безъ всякаго приказа сбросили съ себя новые мундиры и надѣли петровскіе.

Пока Дашкова переодѣвалась, собрался чрезвычайный совѣтъ подъ предводительствомъ Екатерины, составленный

изъ высшихъ сановниковъ и сенаторовъ бывшихъ подъ рукой. Часовые поставленные у двѣрей залы, пропустили въ нее молодаго офицера съ смѣлой поступью и отважнымъ видомъ. Никто кромѣ императрицы не узналъ въ немъ Дашковой, она подошла къ Екатеринѣ и сказала, что караулъ очень плохъ, что такъ пожалуй пропустятъ и Петра III, если онъ вдругъ явится; (какъ мало знала этаго шута сама Дашкова !) караулъ немѣдленно былъ усиленъ, между тѣмъ императрица перерывая диктованіе манифеста Теплову, сказала членамъ, кто этотъ молодой офицеръ, такъ sans façon взошедшій и начавшій шептаться съ ней. Всѣ сенаторы встали чтобъ привѣтствовать ее.—"Я покраснѣла до ушей отъ такого почета, прибавляетъ милый сержантъ, и даже нѣсколько смѣшалась".

„Вслѣдъ за тѣмъ взявъ нужныя мѣры для спокойствія столицы, сѣли мы на лошадей и по дорогѣ въ Петергофъ сдѣлали смотръ двѣнадцати тысячамъ человѣкъ, принявшимъ императрицу съ восторгомъ".

Въ красномъ Кабакѣ инсурекціонная армія сдѣлала привалъ —надобно было дать отдыхъ людямъ, бывшимъ на ногахъ двѣнадцать часовъ. Императрица и Дашкова, которыя совсѣмъ не спали послѣднія ночи, были сильно утомлены. Дашкова взяла у полковника Кара шинель, постлала ее на единственный диванъ, бывшій въ небольшой комнатѣ занятой ими гостинницы, разставила часовыхъ и бросилась на диванъ вмѣстѣ съ Екатериной, не скидивая мундира, съ твердымъ намѣреніемъ нѣсколько уснуть ; но спать было невозможно и онѣ проболтали все время, строя планы и вовсе забывая объ опасности.

Нельзя не признаться, что есть что то необыкновенно увлекательное въ этой отвагѣ двухъ женщинъ перемѣняющихъ судьбу имперіи, въ этой революціи дѣлаемой красивой, умной женщиной, окруженной молодыми людьми, влюбленными въ нее, между которыми на первомъ планѣ красавица восьмнадцати лѣтъ, верхомъ, въ преображенскомъ мундирѣ и съ саблей въ рукахъ.

Несчастный Петръ III въ это время ѣздилъ изъ Ораніен-

баума въ Петергофъ и изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, не умѣя ничего придумать, ни на что рѣшиться. Онъ искалъ Екатерину по комнатамъ павильона, за шкапами и дверями, какъ будто она съ нимъ играла въ жмурки, и не безъ самодовольства повторялъ "Романовнѣ": "Вотъ видишь, что я правъ, я былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ что нибудь, я всегда говорилъ, что эта женщина способна на все".

Еще возлѣ него стоялъ престарѣлый вождь Минихъ, еще вся Россія и часть Петербурга были не противъ него, но онъ уже совсѣмъ растерялся. Давъ опыть невѣроятной трусости подъ Кронштатомъ, онъ велѣлъ императорской яхтѣ грести не къ флоту, а снова къ Ораніенбауму—дамы боялись качки и моря, онъ самъ боялся всего. Ночь была тихая, мѣсячная; жалкій императоръ спрятался въ каютѣ съ своими куртизанами, а на палубѣ сидѣли въ мрачной задумчивости, съ досадой, стыдомъ и грустью на сердцѣ два героя—Минихъ и Гудовичъ; они теперь увидѣли, что противъ воли нельзя спасать людей. Въ четыре часа утра пристали они снова къ Ораніенбауму и съ понурыми головами, тайкомъ взошли во дворецъ. Петръ III принялся писать письмо къ Екатеринѣ.

Въ тѣже четыре часа сѣдлали двухъ лихихъ коней, однаго для императрицы, другаго для Дашковой, и вотъ опѣ снова веселыя и исполненныя энергіи передъ войскомъ, выступившимъ въ пять часовъ въ походъ и остановившимся отдохнуть у Троицкаго монастыря. Тутъ начали являться одинъ за другимъ гонцы Петра III, привозя одно предложеніе глупѣе другаго; онъ отказывался отъ престола, просился въ Голштинію, признавалъ себя виноватымъ, недостойнымъ царствовать. Екатерина требовала, чтобъ онъ безусловно сдался, въ избѣженіе большихъ золъ и обѣщала за это устроить ему наивозможно лучшую жизнь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, по его выбору.

Войско Екатерины спокойно заняло Петергофъ; Орловъ ѣздившій на рекогносцировку не нашелъ никого. Голштинцы окружавшіе Петра въ Ораніенбаумѣ и преданные ему, были готовы умереть за него, но онъ приказалъ имъ не защищаться;

онъ хотѣлъ бѣжать, велѣлъ приготовить лошадь, но сѣлъ не на нее, а въ коляску съ Романовной и Гудовичомъ и печально самъ повезъ свою повинную голову виновной женѣ своей. Его провели потихоньку въ дальнюю комнату дворца. Романовну и Гудовича, который и тутъ себя велъ съ необыкновеннымъ благородствомъ, арестовали; Петра III накормили, напоили и свезли въ Ропшу подъ прикрытіемъ Алексѣя Орлова, Пасека, Барятинскаго и Баскакова. Ропшу онъ избралъ самъ она ему принадлежала когда онъ еще былъ Великимъ Княземъ. Другіе впрочемъ говорятъ, что онъ вовсе не былъ въ Ропшѣ, а въ имѣньи Разумовскаго.

Дашкова видѣла его письма къ императрицѣ. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ отрѣченіи, въ другомъ о липахъ, которыхъ желалъ бы оставить при себѣ, изчисляетъ все что ему нужно для житья, при чемъ именно упоминаетъ о запасѣ бургонскаго и табаку. Онъ еще требовалъ, говорятъ, скрипку, библію и разные романы, причемъ прибавлялъ, что хочетъ сдѣлаться философомъ.

Вечеромъ въ день занятія Петергофа, Дашкова возвращаясь отъ принцессы Голштинской на половину императрицы — наткнулась на Орлова, который въ внутреннихъ компатахъ ея лежалъ въ разтяжку на диванѣ, извиняясь тѣмъ, что онъ ушибъ себѣ ногу. Онъ разпечатывалъ какой то большой пакетъ; подобные пакеты Дашкова видала у своего дяди — вице-канцлера; ихъ употребляли для самыхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, сообщаемыхъ государямъ отъ верховнаго совѣта. "Что вы это дѣлаете?" Спросила его Дашкова съ изумленіемъ.

— Мнѣ императрица приказала.

— Не можетъ быть — отвѣчала Дашкова, вы не имѣете оффиціальнаго званія на это.

Въ это время пришли доложить, что солдаты, вломились въ дворцовые погреба и пьютъ венгерское касками, принимая его за медъ. Орловъ не двинулся. Дашкова сей часъ отправилась внизъ, приняла грозный видъ и своимъ тоненькимъ голосомъ востановила порядокъ. Довольная успѣхомъ, она

отдала имъ всѣ деньги бывшія съ ней и потомъ выворотивъ кошелекъ, сказала, что средствъ у ней меньше нежели желанія, но что по возвращеніи въ Петербургъ имъ позволятъ пить на казенный счетъ, послѣ этого она возвратилась.

Къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, былъ придвинутъ столъ накрытый на три куверта. Взошла императрица, заняла мѣсто и пригласила сѣсть Дашкову. Все это такъ поразило Княгиню, что она не могла скрыть своего волненія. Императрица замѣтила это и спросила что съ ней?

— Ничего, отвѣчала Дашкова, вѣроятно усталь отъ неспаныхъ ночей и отъ волненія.

Екатерина желая вызвать Дашкову на любезности Орлову, сообщила ей, что не смотря на всѣ ея просьбы, онъ оставляетъ военную службу и просила ее помочь ей, чтобъ его уговорить "Меня, говорила она, обвинятъ въ страшной неблагодарности если онъ оставитъ службу".— Но Дашкова оскорбленная своимъ открытіемъ, отвѣтила, что ея величество имѣетъ столько средствъ награждать за услуги, что ей вовсе ненужно прибѣгать къ насилію.

"Я только тогда, прибавляетъ она, убѣдилась: что между ними une liaison".

Думали, что она обидилась этимъ изъ ревности, и не ошиблись. Только она ревновала не Орлова; ни его, ни его братьевъ она никогда не любила и не уважала, она ревновала императрицу; ей не нравился ни выборъ, ни тонъ; а сверхъ того ея мечты объ исключительной довѣренности, о мечтательной дружбѣ, о всемогущемъ вліяніи блѣднѣли, изчезали передъ ея открытіемъ. И дѣйствительно съ этого вечера у Дашковой былъ соперникъ и врагъ; она это почувствовала на другой день послѣ переворота.

Слова юродиваго Петра III объ апельсинной коркѣ стали сбываться съ чрезвычайной быстротой. Императрица на другой день послѣ своего воцаренія начинаетъ цѣнить и награждать услуги Дашковой, начинаетъ быть благодарной т. е. перестаетъ быть другомъ.

Дашкова послѣ торжественнаго въѣзда въ Петербургъ, от-

правилась къ отцу, къ дядѣ и главное взглянуть на свою малютку. Ненадобно забывать, что у нашего преображенскаго сержанта есть дочь Настя, которую онъ горячо любитъ, и съ которой ему хочется поиграть, наигравшись до сыта императорской короной. Домъ ея отца былъ полонъ солдатъ, поставленныхъ долею въ охраненіе его, и долею потому, что "Романовна" была привезена къ нему въ домъ. Вадковскій присылалъ спросить ординарца нуженъ ли весь караулъ; Дашкова поговоривши съ нимъ по французски, сказала дежурному офицеру, что половина солдатъ не нужна и что она ихъ отпускаетъ.

Когда она воротилась во дворецъ, Екатерина приняла ее съ недовольнымъ видомъ, караульный офицеръ былъ на лицо и говорилъ съ Орловымъ. Императрица сдѣлала Дашковой выговоръ за самовольное распоряженіе и замѣтила даже то, что она при солдатахъ говорила по французски. Дашкова глубоко огорченная выслушала выговоръ, ничего не отвѣчала и чтобъ перемѣнить разговоръ, подала Екатеринѣ ленту и орденъ, которыя положила вчера въ карманъ.

"Потише, потише, сказала императрица, я должна была вамъ сдѣлать выговоръ за вашу поспѣшность, вы не имѣли права сами смѣнять солдатъ, но я также должна наградить васъ за ваши услуги", при этомъ она надѣла ей на шею возвращенную ленту.

Вмѣсто того чтобъ стать, какъ это дѣлается въ этихъ случаяхъ, на колѣни передъ императрицей, Дашкова печально сказала ей: "в. в., простите меня за то, что я хочу сказать; приходитъ время, въ которое правда должна быть изгнана изъ вашего присутствія; предупреждая его, я прошу васъ взять назадъ этотъ орденъ; какъ украшеніе—я не умѣю его довольно цѣнить; если это награда—какъ бы она велика ни была, она не можетъ вознаградить мои услуги, онѣ ничѣмъ не могутъ быть заплачены, потому что онѣ не продажныя".

—Но, замѣтила императрица, обнимая ее и оставляя ленту, дружба имѣетъ свои права, развѣ я и ихъ лишусь теперь?

Дашкова снова довольна, цалуетъ ея руку и осьмнадцать

лѣтъ берутъ свое, она черезъ полъвѣка не забываетъ съ удовольствіемъ прибавить: "Представте себѣ меня въ мундирѣ, со шпорой на одномъ сапогѣ, съ видомъ пятнадцатилѣтняго мальчика и съ красной екатерининской лентой черезъ плечо". Новый кавалеръ скачетъ опять къ Настѣ — ей показаться, присутствуетъ при ея ужинѣ и наконецъ раздѣвшись, бросается въ постель; но и на этотъ разъ сонъ бѣжитъ отъ раздраженныхъ нервъ, или пугаетъ грезами; удивительныя картины послѣднихъ дней, которыя она не только прожила, но отчасти сдѣлала, безпрестанно проходятъ въ ея воображеніи.

Важное участіе ея въ 28 Іюнѣ не отрицала сама императрица, напротивъ, когда старый и лукавый Бестужевъ, ей представлялся, она ему сказала: "Кто бы могъ подумать, что дочь Романа Воронцова поможетъ мнѣ сѣсть на престолъ".

Вѣсть объ убійствѣ Петра III, исполнила Дашкову ужасомъ и отвращеніемъ; она до такой степени была взволнована и возмущена этимъ пятномъ, "на переворотѣ который не стоилъ ни капли крови", что не могла настолько переломить себя, чтобъ ѣхать на другой день во дворецъ. Она минуетъ въ своихъ запискахъ всѣ подробности этого гадкаго происшествія, гдѣ три офицера, изъ которыхъ одинъ былъ гигантъ, полчаса работали чтобъ удушить салфеткой отравленнаго арестанта, какъ будто нельзя было подождать четверти часа. Она полагаетъ что Екатерина не знала впередъ о намѣреніи А. Орлова; вѣрнѣе то, что Дашкова не имѣла понятія о участіи Екатерины, которая тщательно умѣла скрывать что хотѣла; о ея интригѣ съ Григорьемъ Орловымъ не только не зналъ ни Панинъ, ни другіе заговорщики; но, какъ мы сей часъ видѣли, ни сама Дашкова.

Екатерина поняла что было на душѣ у Дашковой и увидѣвши ее, стала съ ужасомъ говорить о томъ что случилось.

—Да, в. в., отвѣчала Дашкова, смерть эта слишкомъ скоро и рано пришла для вашей и для моей славы.

Проходя пріемной залой, она громко при всѣхъ сказала, что конечно А. Орловъ пощадитъ ее своимъ знакомствомъ.

Слишкомъ двадцать пять лѣтъ они не кланялись и не говорили другъ съ другомъ.

Весьма вѣроятно, что Екатерина не давала приказанія убить Петра III; Александръ сдѣлалъ больше, онъ рѣшительно требовалъ чтобъ не убивать досмерти Павла, отправляя къ нему ватагу крамольныхъ олигарховъ. Мы знаемъ изъ Шекспира, какъ даются эти приказанія, взглядомъ, намекомъ, молчаніемъ. Зачѣмъ Екатерина поручила надзоръ за слабодушнымъ Петромъ III, злѣйшимъ врагамъ его? Пасекъ и Баскаковъ хотѣли его убить за нѣсколько дней до 27 Іюня, будто она не знала этаго? И зачѣмъ же убійцы были такъ нагло награждены?

Дашкова приводитъ въ оправданіе Екатерины письмо отъ Орлова къ ней, писанное тотчасъ послѣ убійства, и которое она ей показывала. Письмо это, говоритъ она, носило явные слѣды внутренняго безпокойства, душевной тревоги, страха и нетрезваго состоянія. Письмо это береглось у императрицы въ особой шкатулкѣ съ другими важными документами. Павелъ послѣ смерти матери велѣлъ при себѣ разобрать эти бумаги князю Безбородкѣ; дойдя до этаго письма, Павелъ прочелъ его императрицѣ въ присутствіи Нелидовой. Потомъ онъ велѣлъ Растопчину прочесть его Великимъ Князьямъ.

Я слыхалъ о содержаніи этаго письма отъ достовѣрнаго человѣка, который самъ его читалъ; оно въ этомъ родѣ: "Матушка императрица, какъ тебѣ сказать что мы надѣлали, такая случилась бѣда, заѣхали мы къ твоему супругу, и выпили съ нимъ вина; ты знаешь каковъ онъ бываетъ хмѣльной, слово за слово, онъ насъ такъ разобидѣлъ, что дѣло дошло до драки. Глядимъ, а онъ упалъ мертвый. Что дѣлать — возьми наши головы, если хочешь, или милосердая матушка, подумай, что дѣла не воротишь, и отпусти нашу вину". (*)

Дашкова, увлеченная любовью къ Екатеринѣ, вѣритъ или по крайней мѣрѣ притворяется что вѣритъ, что и Мировичъ поступилъ безъ ея вѣдома; а о худшей, самой позорной и гнусной исторіи всего царствованія, о похищеніи А. Орло-

(*) Таковъ смыслъ письма, за слова я не отвѣчаю, я его повторилъ черезъ долгое время по памяти.

вымъ и де Рибасомъ княжны Тараканової совсѣмъ не упоминаетъ.

Оттого то между прочимъ что она вѣрила и хотѣла вѣрить въ идеальную Екатерину, она и не могла удержаться въ милости. А она была бы славнымъ министромъ. Безспорно одаренная государственнымъ умомъ, она сверхъ своей восторженности имѣла два большихъ недостатка, помѣшавшіе ей сдѣлать карьеру; она не умѣла молчать, ея языкъ рѣзокъ, колокъ и не щадитъ никого, кромѣ Екатерины; сверхъ того она была слишкомъ горда, не хотѣла и не умѣла скрывать своихъ антипатій, словомъ, не могла "принижать своей личности", какъ выражаются московскіе старовѣры.

Вообще дружба Екатерины съ Дашковой была невозможна. Екатерина хотѣла царить не только властію, но всѣмъ на свѣтѣ геніемъ, красотой; она хотѣла одна обращать на себя вниманіе всѣхъ, у ней было ненасытимое желаніе нравиться. Она была еще въ полномъ блескѣ своей красоты, но ей уже стукнуло тридцать лѣтъ. Женщину слабую, потерянную въ лучахъ ея славы, молящеюся ей, не очень красивую, не очень умную, она вѣроятно умѣла бы удержать при себѣ. Но энергическую Дашкову, говорившую о своей собственной славѣ, съ ея умомъ, съ ея огнемъ и съ ея девятнадцатью годами, она не могла вынести возлѣ себя.

Она отдалилась отъ нея съ быстротой истинно царской неблагодарности. Въ Москвѣ послѣ коронаціи старый грѣшникъ Бестужевъ предложилъ написать императрицѣ адресъ и просить ее отъ имени всѣхъ подданныхъ снова избрать себѣ супруга. Григорій Орловъ тогда уже сдѣлавшій княземъ имперіи, мѣтилъ въ цари. Это возмутило всѣхъ порядочныхъ людей. Канцлеръ Воронцовъ попросилъ аудіенцію и предупредилъ Екатерину, предполагая что она не знаетъ что дѣлается. Екатерина удивилась и хотѣла намылить Бестужеву голову.

Хитровъ, одинъ изъ преданныхъ заговорщиковъ 27 Іюня, громко говорилъ, что онъ скорѣе убьетъ Орлова, или пойдетъ на плаху, чѣмъ признаетъ его императоромъ. Само собой

разумѣется, что при этомъ общемъ ропотѣ говорила и Дашкова; это дошло до Екатерины. Вдругъ вечеромъ секретарь императрицы Тепловъ пріѣзжаетъ къ Дашкову и велитъ его вызвать. Императрица пишетъ ему слѣдующую записку: "Я искренно желаю не быть въ необходимости предать забвенію услуги княгини Дашковой за ея неосторожное поведеніе. Припомните ей это, когда она снова позволитъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ".

Дашкова не отвѣчала на это письмо ни слова, держалась въ сторонѣ и стала послѣ смерти князя, случившейся въ 1768, проситься въ чужіе края. "Я очень могла ѣхать безъ спросу, говоритъ она, (навѣрное не грезившая во снѣ, что черезъ восемьдесятъ лѣтъ глупый законъ почти совсѣмъ лишитъ Россію права переходить границу и еще менѣе того, что правительство станетъ грабить по большимъ дорогамъ, принуждая каждаго путешественника платить за себя выкупъ,) но мое званіе статсъ-дамы клало на меня обязанность спросить высочайшее разрѣшеніе".

Не получая отвѣта, она отправилась въ Петербургъ и при первомъ представленіи просила Екатерину отпустить ее за границу для излеченія дѣтей. "Мнѣ очень жаль — отвѣчала Екатерина, что такая печальная причина заставляетъ васъ ѣхать. Но безъ всякаго сомнѣнія, княгиня, вы можете располагать собой какъ вамъ угодно".

Гдѣ это время, когда онѣ лежали подъ однимъ одѣяломъ на постелѣ и плакали и обнимались, или мечтали на шинели полковника Кара цѣлую ночь о государственныхъ реформахъ?

Въ чужихъ краяхъ Дашкова оживаетъ, становится опять та же гордая, неугомонная, неукротимая, дѣятельная, всѣмъ интересующаяся, всѣмъ занимающаяся.

Въ Данцигѣ на стѣнѣ въ гостинницѣ виситъ большая картина, представляющая какое то сраженіе Пруссаковъ съ Русскими, въ которомъ, разумѣется Русскіе побиты. На первомъ планѣ представлена группа нашихъ солдатъ, стоящихъ на колѣнахъ передъ Пруссаками и просящихъ помилованія. Дашкова не можетъ этого вынести, она подбиваетъ двухъ

Русскихъ пробраться потихоньку ночью съ ней въ залу, съ масленными красками и кистями, запирать за ними двери и принимается съ своими товарищами перерисовать мундиры —такъ что къ утру уже Пруссаки стояли на колѣнахъ и просили пощады у русскихъ солдатъ. Окончивши картину, Дашкова послала за почтовыми лошадьми, и прежде чѣмъ хозяинъ спохватился, она уже катилась по дорогѣ въ Берлинъ, отъѣзжая смѣясь при мысли объ его удивленіи.

Въ Ганноверѣ она отправляется одна съ Каменской въ Оперу. Такъ мало были онѣ похожи на добрыхъ Нѣмокъ, что принцъ мекленбургскій, начальствовавшій въ городѣ, послалъ узнать кто онѣ такія. Адъютантъ его, безъ церемоніи, взошелъ въ ложу, въ которой были еще двѣ Нѣмки, и спросилъ нашихъ дамъ не иностранки ли онѣ. Дашкова сказала что "да".— Его свѣтлость, прибавилъ онъ, желаетъ знать съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

—Имя наше, отвѣчала Дашкова, не можетъ быть интересно ни для герцога, ни для васъ; какъ женщины мы имѣемъ право умолчать кто мы и не отвѣчать на вашъ вопросъ.

Сконфуженный адъютантъ ушелъ. Нѣмки съ самаго начала почувствовавшія непреодолимое уваженіе къ нашимъ дамамъ, смотрѣли на нихъ съ подобострастіемъ, услышавъ храбрый отвѣтъ Дашковой. Видя что Нѣмки считаютъ ихъ за большихъ барынь, Дашкова учтиво обращаясь къ нимъ, сказала, что если она не хотѣла отвѣчать дерзкому запросу принца, то передъ ними она не имѣетъ причины утаивать кто онѣ. —"Я оперная пѣвица, а моя подруга танцовщица; мы обѣ безъ мѣста и ищемъ гдѣ нибудь найти выгодный контрактъ". Нѣмки разкрыли глаза, покраснѣли до ушей и не только оставили свою вѣжливость, но старались, насколько ложа позволяла, сѣсть къ нимъ спиною.

Въ Парижѣ Дашкова окружена всѣми знаменитостями, со всѣми дружится, кромѣ Руссо; къ нему она не хочетъ ѣхать, за его лицемѣрную скромность, за натянутую оригинальность. За то Дидро у нея на самой короткой ногѣ, сидитъ съ ней цѣлые вечера tête à tête и разсуждаетъ обо всемъ на

свѣтѣ. Дашкова доказываетъ ему, что крѣпостное состояніе не такъ дурно какъ думаютъ, запутываетъ его въ софизмы и удобовпечатлительный Дидро готовъ согласиться на минуту.

Входитъ человѣкъ и докладываетъ, Мадамъ Неккеръ и Мадамъ Жоффрен' пріѣхали. "Не принимать! кричитъ Дидро не спрашиваясь Дашковой, сказать что дома нѣтъ.—Мадамъ Жоффрен", превосходнѣйшая женщина въ мірѣ, но первая трещетка въ Парижѣ; я рѣшительно не хочу, чтобъ она не имѣя времени васъ хорошенько узнать, пошла пороть всякій вздоръ. Я не хочу чтобъ кощунствовали надъ моимъ идоломъ". И Дашкова велитъ сказать что она больна.

Рюльеръ, писавшій о Россіи и именно 1762 году, хочетъ непремѣнно ее видѣть. Дидро не велитъ припимать и его; онъ завладѣлъ Дашковой для себя.

Въ Лондонѣ Дашкова знакомится съ Паоли, но ей не нравятся его 'итальянскія гримассы', не идущія великому человѣку. Въ Женевѣ она ходитъ къ Вольтеру, удивляется ему, но не можетъ не посмѣятся съ какимъ то докторомъ надъ тѣмъ, что Вольтеръ сердится, выходитъ изъ себя, проигрывая въ шашки и притомъ дѣлаетъ самыя уморительныя рожи. Докторъ замѣчаетъ что этй рожи корчитъ не одинъ Вольтеръ, велитъ своей собакѣ поднять морду, и Дашкова катается со смѣху отъ необыкновеннаго сходства. Изъ Женевы она ѣдетъ въ Спа; тамъ она живетъ въ большой интимности съ мистрисъ Гамильтонъ, и прощаясь съ ней, романически клянется пріѣхать черезъ пять лѣтъ для свиданія съ нею если не увидится прежде и, что еще болѣе романически, дѣйствительно пріѣзжаетъ.

Чувство дружбы самой пламенной, самой дѣятельной, чуть ли не было преобладающимъ въ этой женщинѣ гордой и упрямой. Глубоко обиженная поведеніемъ Екатерины, она преждевременно состарилась. Дидро говоритъ, что ей съ виду казалось лѣтъ подъ сорокъ, въ то время какъ она была тогда двадцати семи лѣтъ. Любила ли она кого послѣ смерти мужа, была ли любима, этого не видать изъ записокъ; но навѣрно можно сказать, что ни одинъ мущина не игралъ никакой значительной роли въ ея жизни. Послѣ Екатерины, она со всѣмъ

пыломъ голоднаго сердца привязалась къ Гамильтонъ. И подъ старость дружба материнская, безконечно нѣжная, согрѣла ея жизнь; я говорю о Миссъ Вильмотъ, издательницѣ ея записокъ.

Изъ Спа она возвратилась въ Москву, въ домъ своей сестры Полянской; эта Полянская съ своимъ скромнымъ, прозаическимъ именемъ, никто иное, какъ знаменитая " Романовна", которая — легко, еслибъ не была Полянская, могла бы быть императрицей всероссійской.

Тучи, которыя заволакивали небо Дашковой, начали было разчищаться. Вліяніе Орловыхъ слабло. Императрица узнавъ о ея пріѣздѣ, прислала ей шестдесятъ тысячъ рублей на покупку имѣнья.

Но Дашкова рѣшительно не могла уживаться съ фаворитами и дѣйствительной близости между нею и дворомъ не было. Теперь ее начало сильно занимать воспитаніе сына; горячая поклонница англійскихъ учрежденій и Англіи, она рѣшается ѣхать съ сыномъ въ Эдинбургъ. Къ тому же она видитъ себя совершенно лишней въ Зимнемъ Дворцѣ

Собираясь снова въ путь, она сосватала свою дочь за Щербинина. На дорогѣ въ деревню къ женихову брату, куда Дашкова ѣздила цѣлымъ обществомъ, чей то слуга упалъ съ козелъ и трое саней проѣхали по немъ; онъ былъ оглушенъ и сильно ушибенъ; надобно было пустить кровь, но какъ?— у Дашковой есть съ собой портфель съ хирургическими инструментами, купленный въ Лондонѣ; она достаетъ ланцетъ, но никто не берется пустить кровъ; больной остается безъ помощи, тогда Дашкова побѣждая сильное чувство отвращенія открываетъ ему жилу, и отлично сдѣлавъ операцію, чуть не падаетъ сама въ обморокъ.

Въ Эдинбургѣ Дашкова является окруженной первыми знаменитостями, Робертсономъ, Блеромъ, Адамомъ Смитомъ, Фергусономъ. Она пишетъ длинныя письма къ Робертсону, излагаетъ ему подробно свой планъ воспитанія: она хочетъ, чтобъ ея сынъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ, окончилъ свое ученье въ два года съ половиной, и потомъ ѣхалъ на службу, сдѣлавъ путешествіе по всей Европѣ.

Робертсонъ полагаетъ что ему нужно четыре года, Дашкова думаетъ, что это слишкомъ много. Для этого она подробно пишетъ что сынъ ея уже знаетъ и что долженъ знать.

ЯЗЫКИ: Латинскій. Начальныя трудности всѣ побѣждены.
Англійскій. Князь очень хорошо понимаетъ прозу и отчасти стихи.
Нѣмецкій. Понимаетъ совершенно все.
Французскій. Знаетъ какъ свой собственный языкъ.

СЛОВЕСНОСТЬ: Онъ знаетъ лучшія классическія произведенія, его вкусъ больше образованъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ его возрастъ. Онъ имѣетъ излишнюю наклонность къ критицизму,—что можетъ составляетъ естественный недостатокъ его.

МАТЕМАТИКА: Весьма важная отрасль ученія. Онъ довольно успѣлъ въ разрѣшеніи сложныхъ задачъ, но я хочу чтобъ онъ шелъ дальше въ алгебрѣ.

ГРАЖДАНСКАЯ И ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА: Я хочу чтобъ онъ подробно изучилъ ихъ.

ИСТОРІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ: Онъ знаетъ всеобщую исторію и въ особенности исторію Германіи, Англіи и Франціи. Но ему слѣдуетъ еще подробнѣе пройти исторію; онъ можетъ заниматься ею дома съ учителемъ.

Теперь вотъ что я желаю, чтобъ онъ изучилъ: 1. Логику и философію мышленія (ph. of reasoning). 2. Опытную физику. 3. Нѣсколько химіи. 4. Философію и натуральную исторію. 5. Естественное право, народное право, публичное и частное право въ приложеніи къ законодательству европейскихъ народовъ. 6. Этику. 7. Политику".

Эту обширную программу она дѣлитъ на пять семестровъ; и потомъ, какъ всегда, исполняетъ ее въ точности. Сынъ ея въ

1779 году выдержалъ экзаменъ на магистра (Master of arts); говорятъ она его замучила, изъ него дѣйствительно ничего не вышло; къ тому же онъ и умеръ очень молодъ, но виновато ли въ этомъ ученье—мудрено сказать.

Послѣ экзамена Дашкова тотчасъ ѣдетъ въ Ирландію, царитъ въ дублинскомъ обществѣ, сочиняетъ церковную музыку, которую поютъ въ часовнѣ Магдалины при огромномъ стеченіи народа "желавшаго, какъ она выражается, послушать — какъ сѣверные медвѣди контонируютъ". Вѣроятно опытъ удался, потому что въ слѣдъ за тѣмъ она хлопочетъ, съ Давидомъ Гарикомъ, объ исполненіи на сценѣ ея музыкальныхъ сочиненій и пишетъ длинную инструкцію своему сыну, въ родѣ наставленій Полонія, какъ ему слѣдуетъ путешествовать ...

Изъ Англіи она отправляется въ Голандію; въ Гарлемѣ она пріѣзжаетъ къ знакомому доктору, и тамъ встрѣчаетъ князя Орлова уже женатаго и въ немилости. Въ тотъ же день Орловъ пришелъ къ ней и притомъ во время обѣда. Его посѣщеніе Дашковой "было столько же мало ожиданно, сколько мало пріятно".

— Я пришелъ къ вамъ не какъ непріятель, а какъ другъ и союзникъ, сказалъ Орловъ садясь на кресло. За тѣмъ молчаніе съ обоихъ сторонъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на сына Дашковой и замѣтилъ: "Вашъ сынъ записанъ въ кирасиры, а я шефъ кавалергардскаго полка; если вы желаете я попрошу императрицу перевести его въ мой полкъ, это ему дастъ повышеніе".

Дашкова поблагодарила его за доброе намѣреніе, но сказала что не можетъ воспользоваться его предложеніемъ, потому что о его службѣ уже писала къ князю Потемкину и не хочетъ безъ причины сдѣлать противъ него что либо.

— Что же тутъ непріятнаго для него? — спросилъ князь, почувствовавшій жало—впрочемъ какъ хотите, располагайте мной; вашъ сынъ сдѣлаетъ карьеру, трудно сыскать молодаго человѣка красивѣе его.

Дашкова вспыхнула отъ досады и разговоръ прекратился.

По при слѣдующей встрѣчѣ Орловъ обращаясь прямо къ молодому Дашкову, сказалъ: "Какая жалость, что меня не будетъ въ Петербургѣ когда вы пріѣдете; я увѣренъ, что вы замѣните теперичнаго фаворита при первомъ появленіи при дворѣ; я съ удовольствіемъ занялся бы моей теперичной должностію— утѣшать отставныхъ".

Внѣ себя отъ негодованія Дашкова выслала сына и сказала Орлову, что онъ находитъ весьма неприличнымъ, что онъ такъ говоритъ съ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и такъ компрометируетъ императрицу, въ уваженіи къ которой она его воспитываетъ; что касается до фаворитовъ, Дашкова просила его вспомнить, что она никогда не знала и не признавала ни одного изъ нихъ.

Послѣ этаго они разъѣхались. Орловъ отправился въ Швейцарію, Дашкова въ Парижъ. За тѣмъ мы встрѣчаемъ ее осматривающую французскія крѣпости съ сыномъ и съ полковникомъ Самойловымъ по особому дозволенію маршала Бирона. Изъ Франціи она ѣдетъ въ Италію и тутъ совершенно погружается въ картины и статуи, занята камеями и антиками, покупаетъ для подарка императрицѣ картину Анжелики Кауфманъ, ѣздитъ къ Папѣ, къ аббату Гальяни и наконецъ отправляется въ Россію черезъ Вѣну.

Въ Вѣнѣ у нея горячій споръ съ Кауницомъ. Кауницъ, у котораго она обѣдала, назвалъ Петра I политическимъ творцомъ Россіи. Дашкова замѣтила ему, что это западный предразсудокъ. Кауницъ не сдался, Дашкова еще меньше. Она соглашалась, что Петръ сдѣлалъ чрезвычайно много для Россіи, но находила что матеріалъ былъ готовъ и что рядомъ съ геніальнымъ употребленіемъ его, онъ его безчеловѣчно гнулъ и ломалъ.—"Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ сношеніями съ другими народами, торговлей, не торопясь, достигнулъ бы того, до чего дошелъ насиліемъ и жестокостію. Дворянству и крѣпостнымъ стало хуже отъ его необузданной страсти къ нововведеніямъ; у однихъ онъ отнялъ охраняющій судъ (?), къ которому они только и могли прибѣгать въ случаѣ притѣсненій; у другихъ

отнялъ всѣ привилегіи. И для чего все это? Для того, чтобъ расчистить дорогу военному деспотизму, т. е. самой худшей формѣ правленія изъ всѣхъ существующихъ. Изъ одного тщеславія онъ такъ торопился обстроить Петербургъ, что сгубилъ тысячи работниковъ въ болотахъ. Онъ не только обязывалъ помѣщиковъ ставить извѣстное число крестьянъ, но заставлялъ ихъ поневолѣ строить себѣ домы, по собственнымъ своимъ планамъ, не спрашивая ихъ нужны они имъ или нѣтъ. Одно изъ главнѣйшихъ зданій—адмиралтейство и доки, стоившее очень много, поставлено на берегу рѣки, которую никакой трудъ человѣческій не сдѣлаетъ судоходной, не только для военныхъ кораблей, но и для купеческихъ".

—Однакожъ, замѣтилъ Кауницъ, все же нельзя безъ умиленія видѣть монарха, который самъ съ топоромъ въ рукѣ учится на корабельной верфи.

Неумолимая Дашкова и этого не пропустила. — "Ваше превосходительство, отвѣтила она, вѣрно шутите. Кто можетъ лучше васъ знать, какъ дорого время для монарха и есть ли ему досугъ заниматься какимъ нибудь мастерствомъ. Петръ I имѣлъ средства выписать не только корабельщиковъ, но и адмираловъ. Мнѣ кажется, что теряя время въ Саардамѣ, работая топоромъ и учась площаднымъ голландскимъ поговоркамъ и корабельнымъ терминамъ, которыми онъ исказилъ русской языкъ, онъ просто забылъ свой долгъ".

Я предвижу какъ возвеселятся православныя души московскихъ Славянъ при чтеніи этого спора; они должны непремѣнно въ родительскую субботу помянуть блинами съ постнымъ масломъ нашу княгиню!

Іосифъ II былъ болѣнъ, онъ желалъ чтобъ Дашкова осталась еще нѣсколько дней, но она получила приглашеніе для себя и для сына отъ Фридриха II, присутствовать на его маневрахъ. Она видѣлась впрочемъ съ Іосифомъ II запросто въ кабинетѣ естественной исторіи.

Черезъ недѣлю Дашкова на маневрахъ, гдѣ Фридрихъ II учитъ 42,000 человѣкъ и куда онъ никогда не пускалъ женщинъ; но Дашкову особенно пригласилъ. Сама Принцесса

заѣзжала за ней, довезла до мѣста гдѣ король хотѣлъ встрѣтиться съ княгиней и просила ее выйти изъ кареты, говоря; "Милая княгиня, король хочетъ съ вами здѣсь встрѣтиться, но такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть этаго стараго ворчуна, то я поѣду дальше". И Дашкова остается въ невинномъ tête à tête съ Фридрихомъ II, который беретъ съ собой ее и сына на военную инспекцію провинцій.

Въ Іюлѣ 1782 года Дашкова возвратилась въ Петербургъ. Императрица назначила ее президентомъ Академіи наукъ. Дашкова сначала, кажется въ первый разъ отроду, смѣшалась и хотѣла отказаться. Она написала рѣзкое письмо къ императрицѣ, и въ двѣнадцать часовъ ночи поѣхала съ нимъ къ Потемкину. Потемкинъ былъ уже въ постели, однако принялъ ее. Онъ прочиталъ письмо, изорвалъ его и бросилъ на полъ, но видя, что Дашкова сердится, сказалъ ей: "Тутъ есть перо и бумага, пишите, пожалуй, опять, но только все это вздоръ, зачѣмъ вы отказываетесь, императрица носится второй день съ этой мыслію. Въ этомъ званіи вы будете чаще видѣться съ ней; а дѣло то въ томъ, сказать по правдѣ, что она со скуки пропадаетъ, постоянно окруженная дураками".

Краснорѣчіе Потемкина побѣдило Дашкову; она ѣдетъ въ Сенатъ присягать на новую должность, и съ той минуты становится президентомъ consommé. Она просила знаменитаго старца Эйлера, ввести ее въ конференцъ залу Академіи; ей хотѣлось явиться подъ эгидой науки передъ академиками. Она представилась имъ не молча, какъ вообще русскіе президенты, а съ рѣчью — послѣ которой видя что первое мѣсто возлѣ президента занято Штеелиномъ, она обернулась къ Эйлеру и сказала: "Сядьте гдѣ вамъ угодно, каждое мѣсто занятое вами будетъ первое".

Потомъ она съ обычной дѣятельностью своей принимается за искорененіе злоупотребленій, т. е. кражъ; увеличиваетъ число воспитанниковъ, улучшаетъ типографію и наконецъ предлагаетъ императрицѣ основаніе русской Академіи. Екатерина назначаетъ ее президентомъ и въ новой Академіи. Дашкова опять произноситъ рѣчь. "Вамъ извѣстны, господа,

говоритъ она между прочимъ, богатство и обиліе нашего языка. Переведенное на него мощное краснорѣчіе Цицерона, мѣрное величіе Виргилія, увлекательная прелесть Димосѳена и легкой языкъ Овидія, не теряютъ ничего изъ своихъ красотъ... но намъ не достаетъ точныхъ правилъ, предѣлы и значенія словъ не опредѣлены, въ нашъ языкъ взошло много иностранныхъ оборотовъ"; а потому она и предлагаетъ работать надъ грамматикой и надъ русскимъ академическимъ словаремъ. Она сама собирается дѣлить труды академиковъ, и дѣйствительно принимается за словарь. Казалось императрица была довольна ею. Дѣятельность Дашковой въ это время поразительна. Она предпринимаетъ изданіе спеціяльныхъ географическихъ картъ разныхъ губерній, издаетъ періодическое обозрѣніе— "Любители русскаго слова", въ немъ участвуетъ сама императрица, Фонъ Визинъ, Державинъ и пр.

Ея отношенія къ императрицѣ явнымъ образомъ лучше. Между ними снова завязывается переписка; переписка идетъ о издаваемомъ ими обозрѣніи, объ разныхъ литературныхъ предметахъ. Письма эти имѣющія мало общаго интереса, чрезвычайно рѣзко показываютъ насколько хорошій тонъ, образованность, человѣчность — понизились въ Зимнемъ Дворцѣ. Екатерина не отдаетъ приказы, не командуетъ записками, не держится въ условныхъ формахъ, не боится шутки; она увѣрена въ себѣ и императрица часто уступаетъ умной женщинѣ. Прусско-гатчинскій тонъ, приведенный въ канцелярскую форму Николаемъ, замѣнилъ грубой безграмотностью—мягкость образованнаго языка.

Все было бы хорошо, — еслибъ только Дашкова могла ужиться съ фаворитами; она еще всѣхъ лучше ладила съ Потемкинымъ, можетъ потому, что Потемкинъ былъ умнѣе ихъ всѣхъ; съ Ланскимъ, потомъ съ Мамоновымъ она была на ножахъ. Зубовъ ябедничалъ на нее и много вредилъ ей.

Лѣтомъ 1783 года, Дашкова была въ Финляндіи съ императрицей, имѣвшей тамъ свиданіе съ шведскимъ королемъ. Ланской приталъ къ Дашковой почему въ вѣдомостяхъ издававшихся при Академіи, изъ лицъ бывшихъ при императрицѣ

упомянута она одна. Дашкова объяснила ему, что это вовсе не ея вина, что статьи о дворѣ присылаются готовыми и печатаются безъ измѣненія. Ланской продолжалъ дуться и ворчать, это надоѣло Дашковой. "Послушайте, сказала она ему, вы должны знать, что хотя для меня всегда честь и счастье обѣдать съ императрицей, но я право не могу этому до того дивиться, чтобъ печатать въ газетахъ. Я слишкомъ привыкла къ этому; ребенкомъ я обѣдывала на колѣняхъ у императрицы Елисаветы, дѣвочкой за ея столомъ. Для меня это слишкомъ натурально, чтобъ хвастаться".

Ланской разгорячился, но Дашкова видя что зала начинаетъ наполняться, подняла голосъ и громко сказала: "Милостивый государь, люди, которыхъ вся жизнь была посвящена общественному благу, не всегда имѣютъ особенную силу и счастіе, но всегда въ правѣ требовать, чтобъ съ ними обращались безъ дерзости. Тихо продолжая свой путь, они переживаютъ всѣ эти метеоры одного дня, которые лопаются и пропадаютъ безслѣдно".

Разтворились двери и взошла императрица. Ея появленіе окончило разговоръ. Какъ же Ланскому было ее не ненавидѣть? Хорошо еще что онъ скоро умеръ.

Возвратившись изъ Финляндіи, Дашкова принимаетъ у себя своего друга, Мистриссъ Гамильтонъ; она везетъ ее съ собою въ новую деревню, тамъ она дѣлаетъ сельской праздникъ, встрѣчаетъ съ хлѣбомъ и солю переселеныхъ мужиковъ, представляетъ ихъ англичанкѣ и объявляетъ имъ, что отселѣ новая деревня будетъ называться Гамильтоново. Послѣ этого она съ ней ѣздитъ по другимъ имѣньямъ, въ калужской, смоленской, кіевской и тамбовской губерніяхъ.

На слѣдующій годъ Дашкова была поражена семейнымъ несчастіемъ. Сынъ ея былъ въ арміи у Румянцова, мать была довольна, что его не было въ Петербургѣ. Подъ конецъ и Потемкинъ имѣлъ на него виды. Онъ прислалъ разъ за нимъ, поздно вечеромъ, Самойлова и Самойловъ намекалъ матери о ихъ проэктѣ. Дашкова отказалась участвовать въ немъ и сказала, что если это случится, она воспользуется

силой своего сына, чтобъ выхлопотать себѣ многолѣтній заграничный отпускъ. Поэтому то она и была довольна, что сынъ ея уѣхалъ въ Кіевъ. Но въ Кіевѣ его ждала другая стрѣла любви, не сверху, а снизу.

Однажды выходя изъ спальни императрицы, Дашкова встрѣтилась съ Ребиндеромъ; тотъ добродушно поздравилъ ее съ вступленіемъ ея сына въ законный бракъ. Дашкова остолбенѣла, Ребиндиръ смѣшался, онъ не имѣлъ понятія, что сынъ Дашковой обвѣнчался тайно. Она была обижена какъ мать и какъ гордая женщина; съ одной стороны mésalliance, съ другой недовѣріе. Ударъ сильно палъ на ея грудь, она занемогла.

Черезъ два мѣсяца сынъ написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ ея дозволенія жениться; новый ударъ, ложь, робость, обманъ. Къ тому же онъ такъ мало зналъ нравъ своей матери, что вмѣстѣ съ своимъ письмомъ прислалъ письмо отъ фельдмаршала Румянцова, явнымъ образомъ написанное по его просьбѣ. Румянцевъ убѣждалъ Дашкову разрѣшить сыну бракъ, говорилъ о предразсудкахъ аристократическаго происхожденія и непрочности богатствъ, и дошелъ по словамъ Дашковой, до такой нелѣпости, что не имѣя по своимъ отношеніямъ никакого на то права, давалъ совѣтъ въ дѣлѣ такой важности между матерью и сыномъ.

Уязвленная съ двухъ сторонъ, Дашкова написала саркастическое письмо къ Румянцову, въ которомъ объясняла ему:— "Что между разными глупостями, которыми полна ея голова, посчастію нѣтъ особенно преувеличеннаго уваженія къ аристократическому происхожденію; но что еслибъ она была одарена такимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ какъ графъ, то употребила бы его на то, чтобъ показать превосходство хорошаго воспитанія надъ дурнымъ".

Къ сыну письмо ея поразительно просто, вотъ оно. "Когда твой отецъ вознамѣрился жениться на графинѣ Воронцовой, онъ на почтовыхъ поѣхалъ въ Москву испросить позволеніе своей матери. Ты женатъ; я это знала прежде, да знаю и то, что моя свекровь не больше меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ".

Должно быть и послѣ этого объясненія, семейныя дѣла ее много огорчали. Ея дочь разсталась съ мужемъ. Миссъ Вильмотъ пропустила нѣсколько страницъ въ запискахъ, послѣ которыхъ Дашкова продолжаетъ такъ: "Все было черно въ будущемъ и въ настоящемъ ... я такъ изстрадалась, что иной разъ приходила мнѣ въ голову мысль о самоуничтоженіи".

И такъ демонъ семейныхъ непріятностей сломилъ и ее, такъ какъ сломилъ многихъ сильныхъ. Семейныя несчастія оттого такъ глубоко подтачиваютъ, что онѣ подкрадываются въ тиши и что борьба съ ними почти невозможна; въ нихъ побѣда бываетъ худшее. Онѣ вообще похожи на яды, о присутствіи которыхъ узнаешь тогда, когда болью обличается ихъ дѣйствіе т. е. когда человѣкъ уже отравленъ ...

Между тѣмъ пришла и французская революція. Екатерина состарившаяся, износившаяся въ развратѣ, бросилась въ реакцію. Это ужъ не заговорщица 27 Іюня, говорившая Бецкому: 'Я царствую по волѣ Божіей и по избранію народному', не петербургскій кореспондентъ Вольтера, не переводчикъ Беккаріи и Филанжери, разглагольствующій въ Наказѣ о вредѣ цензуры и о пользѣ собранія депутатовъ со всего царства русскаго. Въ 1792 г. мы въ ней находимъ старуху, боящуюся мысли, достойную мать Павла ... и какъ бы въ залогъ того, что дикая реакція еще надолго побьетъ всѣ ростки вольнаго развитія на Руси, передъ ея смертью родился Николай; умирающая рука Екатерины могла еще поласкать этотъ страшный тормазъ, которому было назначено скомандовать "баста" петровской эпохѣ и тридцать лѣтъ задерживать путь Россіи!

Дашкова, аристократка и поклонница англійскихъ учрежденій, не могла сочувствовать революціи; но еще менѣе могла она раздѣлять лихорадочную боязнь слова, рукоплескать наказаніямъ за мысль.

Екатерина испугана брошюркой Радищева; она видитъ въ ней 'набатъ революціи'. Радищевъ схваченъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Братъ Дашковой—Александръ Воронцовъ,

любившій и покровительствовавшій Радищеву, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву.

Чередъ за Дашковой. Вдова Княжнина просила Дашкову издать въ пользу дѣтей его, послѣднюю трагедію ея мужа на счетъ Академіи. Сюжетъ былъ взятъ изъ исторіи покоренія Новагорода. Княгиня велѣла ее напечатать. Фельдмаршалъ Салтыковъ, "котораго, говоритъ Дашкова, нельзя было обвинить, чтобъ онъ когда либо прочелъ какую нибудь книгу", прочелъ именно эту и натолковалъ Зубову о ея вредномъ направленіи, Зубовъ сказалъ императрицѣ. На другой день петербургскій полицмейстеръ пріѣхалъ въ библіотеку Академіи обирать экземпляры зажигательной трагедіи якобинца Княжнина; а вечеромъ самъ генералъ-прокуроръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой объявить о неудовольствіи императрицы за изданіе въ свѣтъ опасной пьэсы. Дашкова холодно отвѣчала ему, что вѣрно никто не читалъ эту трагедію и что она безъ сомнѣнія меньше вредна, чѣмъ французскія пьэсы, которыя даютъ въ Эрмитажѣ.

Эксъ-либеральная Екатерина встрѣтила Дашкову съ пахмуреннымъ челомъ. "Что я такое сдѣлала, спросила она ее, что вы печатаете противъ меня и моей власти такія опасныя книги".

— И ваше величество, въ самомъ дѣлѣ это думаетъ? Спросила Дашкова.

— Трагедію эту слѣдовало бы сжечь рукою палача.

— Сожгутъ ли ее рукой палача или нѣтъ, это не касается до меня. Мнѣ отъ этого не придется краснѣть. Но ради Бога, государыня, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на дѣйствіе столь противуположное вашему характеру, прочтите всю пьэсу.

На этомъ разговоръ и окончился. На другой день Дашкова явилась на большой выходъ и рѣшилась, если императрица не позоветъ ее, какъ это всегда бывало, въ свою уборную,— подать въ отставку. Изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Самойловъ. Онъ съ видомъ покровительства подошелъ къ Дашковой и сказалъ ей, чтобъ она была покойна, что императрица не гнѣвается на нее.

Дашкова и этого не могла вынесть и отвѣчала ему по своему обыкновенію громкимъ голосомъ: — "Я не имѣю причины безпокоиться, у меня совѣсть чиста. Мнѣ было бы очень прискорбно, еслибъ императрица сохранила несправедливое чувство ко мнѣ; но я не удивилась бы и тогда, въ мои лѣта несправедливости и несчастія давно перестали удивлять меня".

Императрица помирилась съ ней и хотѣла ей еще разъ объяснить почему она такъ поступила. Дашкова вмѣсто отвѣта отвѣчала ей: "Между нами, государыня, пробѣжала сѣрая кошка, не будемте ее снова вызывать".

Но Петербургъ становится ей тяжелъ, онъ ей надоѣдаетъ, она "чувствуетъ себя совершенно одинокой въ этой средѣ, которая становиться ей съ каждымъ днемъ противнѣе." Отвращеніе это было такъ велико, что Дашкова рѣшилась оставить дворъ, Петербургъ, свою публичную дѣятельность, свою Академію наукъ и россійскую Академію, наконецъ свою императрицу, и ѣхать хозяйничать въ деревню.

" Съ глубокой горестью думала я о томъ, что разстаюсь можетъ навсегда съ государыней, которую я любила страстно и любила гораздо прежде, нежели она была на тронѣ—когда она имѣла меньше средствъ осыпать меня благодѣяніями, нежели я находила случаевъ оказывать ей услуги. Я продолжала любить ее не смотря на то, что она не всегда относительно меня поступала такъ, какъ бы ей подсказывало ея собственное сердце, ея собственная голова."

Только!—и ни слова досады, порицанія за совершенное отсутствіе сердца, за неблагодарность, она и тутъ даетъ почувствовать, что виновата не Екатерина, а другіе.

Прощаніе этихъ женщинъ было замѣчательно, императрица сказала ей сухо и съ злымъ лицомъ: " Желаю вамъ счастливаго пути." Дашкова удивилась; не поняла ничего и вышла вонъ, поцаловавъ ея руку. На другой день утромъ пріѣхалъ къ ней Трощинскій, секретарь императрицы и отъ ея имени вручилъ ей незаплоченный счетъ портнаго, работавшаго на Щербинина. Императрица велѣла ей сказать,

что она удивляется какъ Дашкова можетъ ѣхать изъ Петербурга не исполнивъ обѣщанія заплатить долги дочери. Зубовъ, ненавидившій Дашкову и покровительствовавшій портному, довелъ эти дрязги до императрицы. Оказалось въ дополненіе, что счетъ былъ вовсе не Щербининой, а ея мужа, который жилъ съ нею врозь.

Дашкова совершенно возмущенная этимъ униженіемъ, твердо рѣшилась на вѣки оставить Петербургъ.

Но такія натуры не складываютъ рукъ въ пятдесятъ лѣтъ съ чѣмъ нибудь и въ полномъ обладаніи силъ. Дашкова дѣлается отличной хозяйкой, строитъ домы, чертитъ планы и разбиваетъ парки. Въ ея саду не было ни одного дерева, ни одного куста, который бы она не посадила или которому бы она не отвела мѣста. Она отстроила четыре дома и съ гордостью говоритъ, что мужики ея одни изъ богатѣйшихъ въ околодкѣ.

Середь этихъ сельскихъ заботъ и построекъ, вдругъ пріѣзжаетъ Серпуховскій предводитель, съ разстроеннымъ лицемъ. —Что съ вами? Спрашиваетъ Дашкова. — Развѣ вы не знаете? отвѣчаетъ предводитель, императрица скончалась.

Дочь Дашковой бросилась къ ней, думая что ей дурно.— " Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся за меня, сказала Дашкова, мнѣ ничего, да и умереть въ эту минуту было бы счастіе. Судьба моя хуже, мнѣ назначено еще увидѣть всѣ благія начинанія уничтоженными и мое отечество падшимъ и несчастнымъ."

При этихъ словахъ у нея сдѣлались спазмы и она отдалась чувству глубокаго горя.

Дашкова не замѣдлила испытать на себѣ державную руку поврежденнаго сына Петра III. Сначала она получила указъ о своей отставкѣ; Дашкова просила генералъ-прокурора Самойлова засвидѣтельствовать ея благодарность государю за снятіе съ нея бремени, которое становится ей не подъ силу нести.

Спустя нѣсколько времени, Дашкова поѣхала въ Москву. Но къ ней тотчасъ явился московскій генералъ-губернаторъ,

и объявилъ ей приказъ Павла немедленно ѣхать назадъ въ деревню и тамъ вспоминать 1762 годъ. Дашкова отвѣчала, —" что она никогда не забывала этотъ годъ, но что соображаясь съ волею государя, она будетъ размышлять о времени, которое равно не оставило ей ни угрызеній совѣсти, ни раскаянія."

Братъ ея Александръ, желая успокоить ее, говорилъ ей, что Павелъ все это дѣлаетъ теперь для возстановленія памяти своего отца, что послѣ коронаціи дѣла пойдутъ лучше. Дашкова пишетъ ему пріѣхавъ въ Троицкое: "Любезнѣйшій братъ, вы пишите мнѣ, что Павелъ послѣ коронаціи оставитъ меня въ покоѣ. Повѣрьте мнѣ, что вы очень ошибаетесь въ его характерѣ. Когда тиранъ разъ ударилъ свою жертву, то онъ будетъ повторять удары до тѣхъ поръ, пока сокрушитъ ее окончательно. Сознаніе невинности и чувство негодованія послужатъ мнѣ вмѣсто мужества, чтобъ перенести невзгоду, до тѣхъ поръ, пока и васъ мои родные не захватитъ его разходившаяся злоба. Въ одномъ будьте увѣрены, что никакія обстоятельства не заставятъ меня ничего ни сдѣлать, ни сказать, чтобы могло меня унизить".

"Разсматривая мою прошлую жизнь, прибавляетъ она — я не безъ внутренняго утѣшенія сознаю въ себѣ довольно твердости характера, испытаннаго многими несчастіями чтобъ не быть увѣренной, что снова найду силу перенести новыя бѣдствія".

Она вѣрно поняла характеръ этаго добивающаго, горячечнаго, мелкаго тирана. Едва прошло нѣсколько дней послѣ ея пріѣзда въ Троицкое, какъ явился изъ Москвы курьеръ отъ генералъ-губернатора. Павелъ приказывалъ Дашковой немѣдленно ѣхать въ деревню своего сына, въ какой то дальній уѣздъ новгородской губерніи и тамъ ждать дальнѣйшихъ его приказаній.

Дашкова отвѣчала, что она готова исполнить волю государя и что ей совершенно безразлично гдѣ она окончитъ свои дни, но что она совсѣмъ не знаетъ, ни этого имѣнья, ни дороги туда, что ей надобно выписать изъ Москвы или управляю-

щаго ея сына или какаго нибудь крестьянина изъ той деревни, знающаго проселочныя дороги.

Собравшись и доставши проводника, Дашкова поѣхала зимой, въ стужу и притомъ на долгихъ въ свою ссылку; окруженная архаровскими шпіонами, сопровождаемая добрымъ родственникомъ своимъ Лаптевымъ, котораго она не могла уговорить, чтобъ онъ не ѣздилъ и не подвергался бы страшнымъ гоненіямъ опьянѣвшаго самовластія.

Но какъ первое условіе помѣшательства состоитъ именно въ непослѣдовательности, то Дашкова тутъ ошиблась, и когда Павлу донесли о томъ, что Лаптевъ ее провожалъ, онъ сказалъ —"это не такая юбка, какъ наша молодежъ, онъ умѣетъ носить штаны".

Обыкновенно подобнаго рода мимолетнымъ проблескамъ человѣческаго чувства у Павла и у другихъ, даютъ гораздо больше цѣны, чѣмъ они заслуживаютъ. Что сдѣлалъ бы Павелъ, еслибъ вся молодежъ умѣла 'носить штаны', такъ какъ Лаптевъ—развѣ у него мало было Архаровыхъ, Аракчеевыхъ, Обольяниновыхъ, чтобъ ихъ пытать, ковать въ цѣпи и ссылать. (Паленъ и Бенигсенъ показали ему впрочемъ, что "носить штаны" можно еще лучше!)

Въ этихъ оправданіяхъ жертвъ лежитъ послѣднее довершающее оскорбленіе, ими злодѣи примиряются съ своей совѣстью. Потемкинъ разъ при Сегюрѣ ударилъ какого то полковника и спохватившись сказалъ послу: "Какъ же съ ними иначе поступать, когда они все выносятъ".

А какъ отвѣчалъ бы Потемкинъ на его пощечину или на вызовъ? . . .

Дашкова поселилась въ крестьянской избѣ; для дочери заняли другую и третью для кухни. Къ прочимъ неудобствамъ этой жизни въ захалустьѣ, присоединилось то, что для сокращенія дороги, зимой ссыльныхъ въ Сибирь изъ Петербурга водили мимо оконъ Дашковой. Образъ одного молодаго офицера долго преслѣдовалъ ее; это былъ какой то дальній родственникъ ея; узнавъ, что Дашкова тутъ, онъ пожелалъ ее видѣть; какъ не опасно было такое свиданіе, но она приняла

его. Судорожное подергиваніе лица и болѣзненный видъ, поразили Дашкову; это было слѣдствіе пытокъ, которыми были свихнуты и расчленены его члены. Что же сдѣлалъ этотъ преступникъ? — Онъ въ казармахъ что то сказалъ о Павлѣ и на него донесли. — А вѣдь можетъ и онъ хорошо 'носилъ штаны' до тѣхъ поръ, пока не свихнули ему рукъ!

Передъ весеннимъ разливомъ рѣкъ, которыя на долгое время отрѣзали бы Дашкову отъ всякихъ сообщеній, она написала письмо къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и вложила въ него просьбу о разрѣшеніи ей переѣхать въ Калужскую деревню. Тонъ письма ея къ Павлу, не могъ ему понравится; она говорила въ немъ, что можетъ столько же недостойно ей писать это письмо, сколько недостойно его читать, но что религія и человѣколюбіе ставятъ ей въ обязанность сдѣлать послѣдній опытъ, чтобъ избавить всѣхъ своихъ отъ тяжелой ссылки.

Павелъ по обыкновенію взбѣсился и велѣлъ отобрать у Дашковой бумагу и чернила, воспретить ей всякую переписку, усилить надзоръ и не знаю что еще. "Меня, говорилъ онъ, не такъ легко свергнуть съ престола". Съ этимъ былъ отправленъ курьеръ. Но императрица и Нелидова подъучили Великаго Князя Михайла Павловича умилосердить разъяреннаго отца и маленькой фанъ Амбургъ съ помощью жены и любовницы успѣли; Павелъ схватилъ перо и написалъ: "Княгиня Екатерина Романовна, такъ какъ вы желаете, возвратиться въ ваше калужское имѣнье, то я вамъ оное разрѣшаю; пребываю къ вамъ благосклонный, Павелъ".

Пришлось Архарову отправлять другаго курьера, по счастію второй обогналъ перваго.

Въ 1798 году, Павелъ вдругъ полюбилъ князя Дашкова, осыпалъ всякими незаслуженными милостями и подарилъ ему имѣнье. Дашковъ просилъ Куракина доложить Павлу, что онъ желаетъ вмѣсто имѣнья, разрѣшить его матери жить гдѣ она хочетъ. Павелъ разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобъ она никогда не оставалась въ томъ городѣ, гдѣ онъ.

Мать была прощена. Теперь пришла очередь сына. Су-

дили какого то Алтести за злоупотребленія, а главное за его близость съ Зубовымъ. Дашковъ сказалъ Лопухину, что Алтести правъ. Вечеромъ онъ получилъ слѣдующую цидулку:

"Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла до васъ не касающіяся, то я васъ отставилъ отъ вами занимаемыхъ должностей.

Павелъ".

Дашковъ, боясь худшаго, отправился въ свое тамбовское имѣніе.

Наконецъ 12 Марта 1801 года жизнь Павла "пришла къ концу", какъ говоритъ Дашкова; она съ умиленіемъ и глубокой радостію узнала, что этотъ вредный человѣкъ пересталъ существовать. "Сколько разъ, продолжаетъ она, благодарила я небо за то, что Павелъ сослалъ меня, онъ меня спасъ этимъ отъ унизительной обязанности—являться при дворѣ такаго государя".

При Александрѣ она снова свободно вздохнула... при его дворѣ ей можно было явиться не отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, но она уже себя не чувствуетъ дома въ новой сферѣ. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина посылала ей счетъ портнаго. Старуха Дашкова сердится на молодое поколѣніе, окружающее Александра, и находитъ, что всѣ они или якобинцы или капралы.

Одно свѣтлое явленіе останавливаетъ ее, и она съ почтительной любовью, съ благоговѣніемъ смотритъ на него и привязывается къ нему; грустно и никѣмъ не оцѣненное это задумчивое существо печально прошло залами зимняго дворца и изчезло какъ тѣнь; объ немъ забыли бы, еслибъ иной разъ мы не встрѣчали на стѣнахъ извѣстной картины 1815 года, представляющей императора Александра I съ императрицей Елисаветой Алексѣевной — примирителями Европы.

Къ запискамъ Дашковой Миссъ Вильмотъ приложила прекрасно сдѣланный портретъ Елисаветы Алексѣевны; несчастная женщина стоитъ сложивъ руки; грустно смотритъ она съ бумаги, внутренняя печаль и какое то недоумѣніе видны въ глазахъ, вся фигура выражаетъ одну мысль: "Я здѣсь

чужая", она даже какъ то такъ подобрала платье и складки, какъ будто сей часъ готова уйдти.

Какая странная судьба ея и Анны Павловны — жены цесаревича!

Послѣ коронаціи Дашкова увидѣла, что ей нѣтъ въ самомъ дѣлѣ мѣста при новомъ дворѣ, и стала собираться на покой въ Троицкое. Въ своемъ почетномъ удаленіи она снова становится властью. Къ ней ѣздятъ родные и знакомые, потухающія знаменитости и восходящія свѣтила.

Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины;
Ты не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишъ на нихъ
И видишъ оборотъ во всемъ кругообразный;
Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и пѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то вопитъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Сама Дашкова часто наѣзжала въ Москву. Въ ней она пользовалась большимъ уваженіемъ, царила какъ законодательница тона и вкуса; вѣчно дѣятельная и неутомимая, она являлась на балы и обѣды и притомъ всѣхъ раньше. Молодыя дамы и барышни трепетали ея суда и замѣчаній, мущины добивались чести быть ей представленными.

На другомъ краю Москвы, не далеко отъ Донскаго монастыря, въ дворцѣ окруженномъ садами, доживалъ свой вѣкъ другой живой памятникъ екатерининскихъ временъ. Жилъ онъ угрюмо, сохраняя вопреки лѣтъ свое атлетическое сложеніе и дикую энергію своего характера. Онъ въ 1796 съ нахмуреннымъ челомъ, но безъ раскаянія пронесъ по всему Петербургу корону человѣка имъ задушеннаго, сотни тысячь человѣкъ указывали на него пальцемъ; его товарищъ князь Барятинскій блѣднѣлъ и былъ близокъ къ обморку; старикъ жаловался только на подагру.

Но суровая жизнь его не должна была пройти несогрѣтою.

Возлѣ него подростала дѣвочка, кроткая, нѣжная, необыкновенно граціозная и исполненная талантовъ. Ею надменный старикъ сталъ жить сердцемъ; онъ сдѣлался ея няней, холилъ ее, берегъ, ухаживалъ за нею и любилъ безмѣрно, какъ только моглабы ее любить покойная мать.

Сидя на своемъ диванѣ, онъ заставлялъ свою дочь плясать по цыгански и по русски, съ упоеньемъ и внутренной гордостью слѣдилъ за ея движеніями, утирая иногда слезу съ глазъ, которые сухо и жестокосердо видали столько ужасовъ.

Пришло наконецъ время старику вывести въ свѣтъ свое сокровище, но кому поручить ее, въ чье женское покровительство отдать этотъ береженый цвѣтокъ? Есть правда одна женщина, которой бы онъ повѣрилъ, которая могла бы съ своимъ необыкновеннымъ тактомъ направить ея первые шаги, это княгиня Дашкова; но они въ ссорѣ. Она не простила ему, что сорокъ два года тому назадъ онъ занятналъ ея революцію.

И вотъ надменный Алексѣй Григорьевичь Орловъ, Орловъ Чесменскій, котораго и Павелъ не сломилъ, заискиваетъ милостиваго пріема у княгини Екатерины Романовны, и получивъ дозволеніе представить ей свою дочь, торопится съ радостію воспользоваться имъ и ѣдетъ къ ней съ своей Аннушкой.

Дашкова вышла къ нему на встрѣчу; кланяясь, цаловалъ старикъ у нея руку; оба были взволнованы, наконецъ Дашкова сказала ему: "Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ какъ мы не видались съ вами, графъ, и столько событій измѣнили міръ, въ которомъ мы нѣкогда жили, что мнѣ право кажется, что мы теперь встрѣчаемся тѣнями на томъ свѣтѣ. Присутствіе этого ангела, (прибавила она, съ чувствомъ прижимая къ груди дочь своего бывшаго врага) вновь соединяющаго насъ, еще больше поддерживаетъ эту мысль."

Орловъ въ восторгѣ, цалуетъ руку у Миссъ Вильмотъ, которая его боится, не смотря на то, что называетъ его "ве-

личавымъ старцемъ," и съ удивленіемъ видитъ на его груди портретъ Екатерины, покрытый однимъ алмазомъ; гайдуковъ стоящихъ въ передней и съ ними карлу, шутовски одѣтаго.

Графъ зоветъ Дашкову къ себѣ и дѣлаетъ одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ пировъ, о которыхъ мы слыхали преданія въ дѣтствѣ, пировъ, напоминающихъ Версаль и Золотую Орду. Сады горятъ огнями, домъ настежь, толпы дворовыхъ въ богатыхъ маскарадныхъ костюмахъ наполняютъ залы, музыка гремитъ, столы ломятся, словомъ, пиръ горой. Ему есть кому теперь поручить свою дочь!

Въ разгарѣ пиршества, отецъ ее зоветъ—дѣлается кругъ, и она пляшетъ, пляшетъ съ шалью и пляшетъ съ тамбуриномъ, пляшетъ по русски; старикъ бьетъ тактъ и смотритъ въ глаза Дашковой; старуха довольна, толпа молчитъ, благоговѣя передъ чиномъ отца и передъ необычайной граціей дочери, "она танцовала, говоритъ Миссъ Вильмотъ, съ такой простотой, съ такой природной прелестью, съ такимъ достоинствомъ и выраженіемъ, что ея движенія казались ея языкомъ."

Послѣ каждаго танца она бѣжитъ къ отцу и цалуетъ его руку, Дашкова ее хвалитъ, отецъ велитъ ей поцаловать и у нея руку . . . но ему показалось, что она разгорячилась и онъ старательно самъ закутываетъ ее въ шаль, чтобъ она не простудилась.

За ужиномъ, при громѣ трубъ и литавръ, Графъ стоя пьетъ здоровье Дашковой; потомъ раздаются ея любимыя русскія пѣсни, смѣняемыя цѣлымъ оркестромъ. А туть грянулъ и польской и Орловъ ведетъ Дашкову въ залу, гдѣ звуки роговой музыки удивляютъ нашу Ирландку, никогда не слыхавшую этого приложенія крѣпостнаго состоянія къ искуству.

Наконецъ Дашкова собирается, и Графъ кланяясь ей и цалуя руку, благодаритъ что она посѣтила его бѣдный домишко.

Такъ то праздновалъ Чесменскій Орловъ свое замиреніе съ старушкой Дашковой, и такъ то этотъ суровый, жестокій человѣкъ любилъ свою дочь.

Я и самъ чуть не помирился съ нимъ вмѣстѣ съ княгипей Екатериной Романовной. Дики были времена, въ которыя они жили, дики и поступки его; петровская Русь еще была въ броженіи, не будемъ же его судить строже Дашковой и если на томъ свѣтѣ много можетъ молитва родителей, то на этомъ отпустимъ Орлову многое за любовь его къ дочери.

А и ея судьба была странна. Я ее видѣлъ раза два мальчикомъ, потомъ видѣлъ въ 1841 году въ Новгородѣ; она жила возлѣ Юрьева монастыря. Вся жизнь ея была однимъ долгимъ, печальнымъ покаяніемъ за преступленіе не ею совершенное, одной молитвой объ отпущеніи грѣховъ отца, однимъ подвигомъ искупленія ихъ. Она не вынесла ужаса, который въ нее вселило убійство Петра III и сломилась подъ мыслію о вѣчной карѣ отца. Весь свой умъ, всю орловскую энергію она устремила къ одной цѣли, и мало по малу совершенно отдалась мрачному мистицизму и изувѣрству. Призванная по рожденію, по богатству, по талантамъ на одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Россіи но и въ Европѣ, она прожила свой вѣкъ со скучными монахами, съ старыми архіереями, съ разными прокаженными, святошами, юродивыми. Говорятъ, что послѣ 1815 года, нѣмецкіе владѣтельные принцы искали ея руки, она всѣмъ отказывала; Александръ оказывалъ ей большое вниманіе, она удалилась отъ двора. Дворецъ ея больше и больше пустѣлъ и совсѣмъ замолкнулъ наконецъ; не раздавался уже въ немъ ни стукъ старинныхъ чашъ, ни хоры пѣсельниковъ и никто не заботился больше о береженыхъ скакунахъ. Однѣ черныя фигуры бородатыхъ монаховъ мрачно ходили по аллеямъ сада и смотрѣли на фонтаны—точно все еще продолжались похороны Алексѣя Григорьевича,—и въ самомъ дѣлѣ, это была молитва о успокоеніи его души.

Въ залѣ, гдѣ она кружилась и вилась цыганкой, въ отроческой чистотѣ не понимая смысла знойныхъ движеній азіатскаго танца, гдѣ плавно и потупя взоръ, она плясала съ стыдливо поднятой рукой наши томныя, женственныя пляски и гдѣ плакалъ грозный отецъ глядя на нее—тамъ теперь сидѣлъ Фотій, ограниченный фанатикъ, говорилъ бсзсвязныя рѣчи и

вносилъ еще больше ужаса въ разбитую душу; дочь надменнаго чесменскаго графа смиренно слушала его зловѣщую рѣчь, тщательно покрывая его ноги шалью, можетъ той самой, въ которую ее завертывалъ отецъ!

"Анна, говорилъ Фотій, принеси мнѣ воды" и она бѣжала за водой; "теперь сядь и слушай".—Она садилась и слушала. —Бѣдная женщина!

Сады свои и дворецъ въ Москвѣ, она подарила государю. Зачѣмъ? Незнаю. Необъятныя имѣнья, заводы, все пошло на украшеніе Юріевскаго монастыря; туда перевезла она и гробъ своего отца; тамъ въ особомъ склепѣ теплиться надъ нимъ вѣчная лампада, шепчется молитва, тамъ былъ приготовленъ и ея саркофагъ, еще пустой, когда я его видѣлъ. Въ ризахъ иконъ и въ архимадритскихъ шапкахъ печально мерцаютъ въ церковномъ полусвѣтѣ орловскія богатства, превращенныя въ яхонты, жемчуги и изумруды. Ими несчастная дочь хотѣла закупить судъ Божій.

А Екатерина обирала у монастырей имѣнья и раздавала ихъ Орловымъ и другимъ любовникамъ, Немезида!

...Записки Дашковой насъ оставляютъ около этого времени. Самыя подробности о ея свиданіи съ Орловымъ, мы взяли изъ писемъ двухъ сестеръ Вильмотъ.

Миссъ Мери Вильмотъ, тоскуя о потери своего брата и скучая дома, приняла предложеніе княгини Дашковой погостить у нея годъ другой. Миссъ Мери не знала лично Дашковой, но (она была племянница Мистрисъ Гамильтонъ) съ дѣтства наслышалась объ этой необыкновенной женщинѣ, —о томъ, какъ она осьмнадцати лѣтъ стояла во главѣ заговора, какъ носилась на конѣ передъ возмутившимися полками, какъ потомъ жила въ Англіи и гостила въ Ирландіи, была президентомъ Академіи и писала страстныя письма къ Гамильтонъ. Молодая дѣвушка представляла себѣ ее чѣмъ то фантастическимъ, "феей и отчасти колдуньей"—и именно потому рѣшилась (въ 1803 году) къ ней ѣхать.

Подъѣзжая къ Троицкому, ей впрочемъ сдѣлалось такъ жутко и не по себѣ, что она рада была бы воротиться, еслибъ это было возможно.

На встрѣчу ей вышла небольшаго роста старушка, въ длинномъ, темномъ суконномъ платьѣ, со звѣздой на лѣвомъ боку и съ чѣмъ то въ родѣ колпака на головѣ. На шеѣ у нея былъ старый затасканный платокъ, — разъ въ сырую погоду вечеромъ на прогулкѣ, за двадцать лѣтъ, Мистрисъ Гамильтонъ повязала ей этотъ платокъ, съ тѣхъ поръ она его берегла какъ святыню. Но если нарядъ ея дѣйствительно сбивался на колдунью, — то благородныя черты лица и безконечно нѣжное выраженіе взгляда съ перваго раза очаровали Ирландку. "Въ ея пріемѣ, говоритъ она, было столько истины, столько теплоты, достоинства и простоты, что я полюбила ее, прежде чѣмъ она сказала что нибудь".

Миссъ Мери съ перваго дня совершенно подъ ея вліяніемъ, сама удивляется этому, сердится на себя, но не можетъ противустоять влеченію къ славной старушкѣ. Ей все нравится въ ней, даже ея ломаный англійскій языкъ, придающій что то дѣтское ея рѣчамъ. "Лѣта и жизнь, говоритъ она, успокоили и смягчили ея черты, и гордое выраженіе ихъ еще оставившее легкіе слѣды, смѣнилось снисходительностью".

Но вѣдь какъ же и полюбила ее Дашкова! Она ее любитъ страстно, какъ нѣкогда Екатерину. Свѣжесть чувствъ, ихъ женская нѣжность, потребность любви и столько юности сердца въ шестьдесятъ лѣтъ—изумительны. Внимательность матери, внимательность сестры, любовницы, вотъ что находитъ Миссъ Мери въ Троицкомъ; чтобъ ее разсѣять, Дашкова ѣдетъ въ Москву, возитъ ее по баламъ, показываетъ монастыри, представляетъ императрицамъ, украшаетъ цвѣтами ея комнату, проводитъ вечера съ ней читая письма Екатерины и другихъ знаменитостей.

Миссъ Вильмотъ проситъ ее, умоляетъ писать свои записки. —"И то — говоритъ Дашкова — чего я никогда не хотѣла сдѣлать ни для родныхъ, ни для друзей, я дѣлаю для нея". Она Ей пишетъ и посвящаетъ свои записки.

Въ 1805, Дашкова выписала сестру Миссъ Мери, Миссъ Катринъ, которая была тогда во Франціи и должна была ее покинуть преслѣдуемая въ качествѣ англичанки. Сестры нисколько не похожи другъ на друга. Мери, существо нѣжное,

кроткое, обрадовавшееся что есть къ кому прислониться, согрѣться подъ чьимъ то крыломъ; она привязывается къ Дашковой какъ слабый плющь къ старому, но крѣпкому дереву; она ее называетъ my russian mother, она пріѣхала къ ней изъ маленькаго городишка и ничего не видала прежде кромѣ своего "изумруднаго острова". Ея сестра, живая и вспыльчивая, независимая въ мнѣніяхъ, жившая въ Парижѣ, умная и насмѣшливая, безъ особенной любви и терпимости, развязнѣе на языкъ. Къ тому же ей положительно многое не нравится въ Россіи — и потому ея письма исполнены для насъ своего рода интереса.

"Россія, говоритъ она, похожа на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку — дикую, неловкую, на которую надѣли парижскую модную шляпку. Мы живемъ здѣсь въ XIV или XV столѣтіи."*

Крѣпостное состояніе поражаетъ ее гораздо больше, чѣмъ добродушную ея сестру. Напрасно Дашкова показываетъ ей благосостояніе своихъ крестьянъ. "Имъ хорошо — пишетъ Миссъ Катринъ, — при княгинѣ, но каково будетъ послѣ". Каждый помѣщикъ кажется ей одинъ изъ желѣзныхъ колецъ, которыми скована Россія.

Въ жалкомъ подобострастіи, въ позорномъ раболѣпіи нашего общества, она очень справедливо находитъ отраженіе рабства. Она съ изумленіемъ видитъ въ залахъ и гостинныхъ — опять холоповъ безъ всякаго нравственнаго чувства собственнаго достоинства. Ее удивляютъ гости, которые не смѣютъ садиться и часы цѣлые стоятъ у дверей, переступая съ ноги на ногу; которымъ киваютъ головой, чтобъ они ушли. "Понятіе добра и зла смѣшивается въ Россіи съ понятіемъ быть въ милости или въ не милости. Достоинство человѣка легко опредѣляется по адрессъ календарю и отъ государя зависитъ, чтобъ человѣка безусловно принимали за змѣю или за осла".

Московскіе тузы не запугали ее млечнымъ путемъ своихъ

(*) Миссъ Вильмотъ думала сказать, колкость и сдѣлала комплиментъ. Жаль только, что она не знаетъ возраста дикой дѣвочьки!—Это не ея лѣтосчисленіе!

звѣздъ, своей тяжеловатой важностью и скучными своими обѣдами.

"Мнѣ кажется, пишетъ она послѣ праздниковъ 1806 года, что я все это время носилась между тѣнями и духами екатерининскаго дворца. Москва—императорскій политическій Элизіумъ Россіи. Всѣ особы, бывшія въ силѣ и власти при Екатеринѣ и Павлѣ, и давно замѣщенныя другими, удаляются въ роскошную праздность лѣниваго города, сохраняя мнимую значительность, которую имъ уступаютъ изъ учтивости. Вліяніе, сила давно перешли къ другому поколѣнію, — тѣмъ не менѣе оберъ-камергеръ императрицы Екатерины II, князь Голицынъ: все также обвѣшанъ регаліями и орденами, подъ бременемъ которыхъ склоняются еще больше къ землѣ его девяносто лѣтъ отъ роду; все также какъ во дворцѣ Екатерины привязанъ брильянтовый ключь къ его скелету, одѣтому въ шитый кафтанъ и все также важно принимаетъ онъ знаки уваженія своихъ товарищей-тѣней, раздѣлявшихъ съ нимъ во время оно власть и почести.

"Рядомъ съ нимъ другой пестрый оборотень (goudy revenant) графъ Остерманъ, нѣкогда великій канцлеръ; на немъ висятъ ленты всевозможныхъ цвѣтовъ — красныя, голубыя, полосатыя; восемдесятъ три года скопились на его головѣ, а онъ все еще возитъ цугомъ свой стучащій кость объ кость остовъ, обѣдаетъ съ гайдуками за своимъ столомъ и наблюдаетъ торжественный этикетъ, которымъ былъ окруженъ занимая свое мѣсто".

Въ числѣ тѣней видала она и графа А. Орлова. "Рука задушившая Петра III, осыпана брильянтами, между царскими подарками особенно выдается портретъ императрицы, Екатерина улыбается съ него въ своей вѣчной благодарности".

Миссъ Вильмотъ называетъ еще Корсакова. "котораго можно принять за мерцающее привидѣніе изъ брильянтовъ", князя Барятинскаго и еще кой кого изъ этихъ людей другаго, прошедшаго міра, — "откуда они захватили придворную болтовню о важныхъ ничтожностяхъ, надменность, тщеславіе, пустую суету, въ которой находятъ свое счастіе и свое горе".

И она съ негодованіемъ заключаетъ: "А вѣдь разкрытый гробъ стоитъ у ихъ подгибающихся ногъ, грозя предать скорому забвенію ихъ мишурныя существованія".

"Всѣ эти важные старцы, окружены женами, дочерями, внучками разряженными въ пухъ и сидящими въ раззолоченныхъ комнатахъ, патріархально заставляя плясать передъ собой своихъ горничныхъ и безпрестанно подчуя вареньемъ. Въ наружности ихъ есть что то французское, къ тому же воспитанныя Француженками, онѣ хорошо говорятъ на этомъ языкѣ и одѣваются по послѣднимъ парижскимъ модамъ. Но въ сущности дамы эти очепъ мало любезны; ихъ образованіе совершенно внѣшнее и милой легкости французскаго общества здѣсь вовсе нѣтъ. Когда московская дама оглядитъ васъ съ ногъ до головы, поцалуетъ васъ разъ пять-шесть—когда и двухъ разъ было бы кажется за глаза довольно—увѣритъ васъ въ своей вѣчной дружбѣ, скажетъ въ лицо что вы прелестны и милы, распроситъ о цѣнѣ каждой вещи вашего наряда и поболтаетъ о предстоящемъ балѣ въ залѣ дворянскаго собранія, ей нечего больше сказать".

Обѣихъ сестеръ поражаетъ изъ рукъ вонъ пошлый обычай являться въ чужихъ брильянтахъ на балы. Притомъ всѣ знаютъ чьи они; такъ какая то княгиня Голицына давала своимъ пріятельницамъ брильянтовый поясъ и головной уборъ, необъятной цѣны и знакомый всему городу. Разъ она украсила ими племянницу Дашковой, молодая барышня совсѣмъ забыла что и Княгиня пріѣдетъ; неумолимая и строгая, она ненавидила само собою разумѣется, эти выставки чужихъ богатствъ. Барышня такъ перепугалась увидя Дашкову, что весь вечеръ пряталась. Но пришло роковое время ужина, озябнувшая Миссь Мери надѣла шаль; эта мысль показалась ей спасительной, и она взяла свою, чтобъ прикрыть рѣки алмазовъ отъ Дашковой. Усѣлись; Дашкова противъ, суповая чаша немножко спасала, но головной уборъ горитъ какъ жаръ. Дашкова посмотрѣла. У бѣдной дѣвочки вышли пятны на лицо и навернулись слезы . . . Дашкова не сказала ни слова.

Миссисъ Вильмотъ во многомъ не согласныя въ оцѣнкѣ

людей и фактовъ, тотчасъ соединяются какъ только рѣчь идетъ о Дашковой. Ѣдкое перо Миссъ Катринъ теряетъ весь свой ядъ говоря о Княгинѣ. Въ началѣ статьи мы помѣстили ея характеристику Дашковой. Она въ ней оцѣнила всего меньше сторону женскую, нѣжную, для которой любовь была потребность. Эту сторону ея сердца гораздо лучше поняла Миссъ Мери, а все таки покинула ее.

Въ 1807 году уѣхала Миссъ Катринъ, Мери хотѣла ѣхать спустя нѣкоторое время. Ее остановило страшное событіе, поразившее Дашкову.

Дашкова безмѣрно любя своего сына, никогда собственно не прощала его брака, никогда не хотѣла принять его жены; съ сыномъ впрочемъ она была въ перепискѣ, но не видалась съ нимъ. Сколько не просили ее и особенно Миссъ Вильмотъ, которой вліяніе было такъ безграничнo,—обиженное сердце матери, которое не умѣли смягчить тотчасъ послѣ брака, не могло переломить себя и вполнѣ примириться. Въ 1807 году, лишь только Дашкова пріѣхала въ Москву, ея сынъ занемогъ и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Ударъ этотъ былъ страшенъ для старушки, онъ сократилъ ея жизнь; позднее раскаяніе налегло на нее всей неотвратимой тяжестью. Она послала за невѣсткой. И этѣ женщины, надѣлавшія другъ другу столько вреда, никогда не видавшись и ненавидѣвшія другъ друга, откровенно и безсмысленно, рыдая бросились въ объятія другъ друга, возлѣ гроба человѣка, котораго онѣ такъ любили, и помирились на вѣки.

Существованіе Дашковой было сломано. Одно утѣшенье оставалось у нея, это ея дитя, ея подруга, ея ирландская дочь, но она собиралась домой.

Зачѣмъ ѣхала она, этого я не понимаю. Трудно удержаться отъ чувства досады, видя какъ не нужно Миссъ Вильмотъ покидаетъ Дашкову для своихъ ирландскихъ родныхъ, которыхъ роль въ ея жизни чрезвычайно ограничена и съ которыми ей должно было быть очень скучно.

Дашкова испуганная своимъ одиночествомъ, хочетъ ѣхать съ ней въ Ирландію, окончить существованіе, "которое не

имѣетъ больше потомства и должно изсякнуть." Миссъ Вильмотъ уговариваетъ ее не ѣздить, обѣщаетъ ей пріѣхать опять; старухѣ тяжело. Миссъ Мери щадя ее, уѣзжаетъ тайкомъ, но задержанная въ Петербургѣ отъѣздомъ корабля и невѣроятно глупыми мѣрами полиціи, принятыми противъ Англичанъ по поводу тогда объявленной войны, она рѣшается снова ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву; образъ старушки со слезами на глазахъ раздираетъ ей сердце, она пишетъ ей о своемъ намѣреніи.

Радости, благодарности Дашковой нѣтъ мѣры . . . но какъ же торжествовать ей эту новость, она посылаетъ въ тюрьму выпустить пять человѣкъ, сидящихъ за долги, и поручаетъ имъ отслужить молебенъ.

Но горесть разлуки была только отдалена; упорная Миссъ Мери поставила на своемъ и все таки уѣхала. Удрученная горемъ Дашкова, простившись съ своимъ другомъ, легла въ постель. Ночью Миссъ Вильмотъ еще разъ тихо взошла въ ея спальню. Княгиня проплакавшая цѣлый день, заснула, "выраженіе ея лица было дѣтски покойно; я тихо поцаловала ее и удалилась." Онѣ не видались больше.

Полная пустота, въ которой изрѣдка мелькали эти скучныя "тѣни" покрытыя звѣздами и пудрой, все больше и больше дряхлѣвшія, окружила послѣдніе дни нашей Княгини. Ея мысли обращены къ молодой дѣвушкѣ съ грустью и мечтательной нѣжностью, отъ которой становится больно и тяжело; какъ то ясно чувствуется, что этой грусти не будетъ больше утѣшенія.

"Что я скажу вамъ, my beloved child, пишетъ она 25 Октября 1809 г., чтобъ не огорчило васъ. Я печальна, очень печальна, слезы текутъ изъ глазъ моихъ и я никакъ не могу привыкнуть къ нашей разлукѣ. Я построила нѣсколько мостовъ, насажала нѣсколько сотъ деревьевъ, говорятъ что удачно; меня все это разсѣеваетъ на минуту, но горесть моя снова возвращается".

Октября 29 она пишетъ: "И какъ все перемѣнилось послѣ васъ въ Троицкомъ. Театръ закрытъ, не было ни однаго

представленія, фортепьяны молчатъ и даже горничныя не поютъ. Но зачѣмъ я говорю это вамъ, вы окружены родными, счастливы, довольны . . ."

Она пишетъ ей еще нѣсколько строкъ 6 Ноября и оканчиваетъ свое письмо англійскимъ God bless you!

Знала ли Мери, что благословеніе это было сдѣлано умирающей рукой? Меньше нежели черезъ два мѣсяца и именно 4 Января 1810 не стало княгини Екатерины Романовны.

Пять лѣтъ до своей смерти, 27 Октября 1805 г., она такъ заключила свои записки: "Съ честнымъ сердцемъ и чистыми намѣреніями, мнѣ пришлось вынести много бѣдствій; я сломилась бы подъ ними, еслибъ моя совѣсть не была чиста . . . Теперь я гляжу безъ страха и безпокойства на приближающееся разрушеніе мое".

Какая женщина! Какое сильное и богатое существованіе!

И — ръ.

VIII.

СЕМЕНОВСКАЯ ИСТОРІЯ

(1820.)

Старый Семеновскій полкъ (*) состоялъ изъ офицеровъ большей частью образованныхъ, исполненныхъ самыхъ благородныхъ стремленій и глубоко возмущавшихся положеніемъ русскаго солдата. Заграничный походъ, съ одной стороны развилъ въ нихъ чувство свободы, съ другой сблизилъ ихъ съ солдатами, прежнія отношенія къ которымъ стали, для многихъ уже невозможны.

Первыя рѣшительныя измѣненія, касавшіяся до наказаній и матеріяльнаго быта солдатъ, были сдѣланы офицерами перваго баталіона семеновскаго полка въ 1818 г. въ Москвѣ, гдѣ было тогда собрано по одному баталіону изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Въ числѣ другихъ семеновскихъ офицеровъ были въ Москвѣ: Щербатовъ, Ватковскій, Сергѣй Муравьевъ Апостолъ (**), Шаховской и Матвѣй Муравьевъ Апостолъ, они были глубоко возмущены тогдашними злоупотребленіями и законными неистовствами, безнаказанно допускавшимися относительно солдатъ и рѣшили вовсе уничтожить въ баталіонѣ тѣлесное наказаніе и приложить всевозможное стараніе къ улучшенію солдатскаго содержанія и къ увеличенію артель-

(*) Старымъ называютъ его въ отличіе отъ новаго семеновскаго полка, составленнаго послѣ 1821 года.

(**) Всѣ трое ротные командиры.

ныхъ денегъ. На это рѣшеніе безъ сомнѣнія имѣло вліяніе и тайное общество, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ семеновскихъ офицеровъ были его членами. По приходѣ перваго баталіона въ Петербургъ, палка была уничтожена во всемъ полку; этой мѣрѣ содѣйствовалъ и полковой командиръ, генералъ-адъютантъ Потемкинъ; но разумѣется она не нравилась многимъ старикамъ, считавшимъ палку условіемъ sine qua non военной дисциплины и всевозможныхъ совершенствъ солдата, и повредила Потемкину во мнѣніи людей, стоявшихъ во главѣ военнаго управленія.

Въ 1820 г. Аракчѣевъ собиралъ на что то деньги (кажется на военныя поселенія), вездѣ были сдѣланы подписки, но въ семеновскомъ полку не подписался ни одинъ человѣкъ, этого было достаточно, чтобы окончательно возстановить противъ него Аракчѣева; онъ сталъ убѣждать императора Александра, что полкъ разпущенъ и что необходимо смѣнить Потемкина. Вскорѣ послѣ этого Потемкинъ былъ назначенъ командиромъ второй гвардейской дивизіи и замѣщенъ полковникомъ Шварцемъ. Шварцъ попалъ совсѣмъ не на свое мѣсто, онъ славился жестокимъ обращеніемъ съ солдатами (хотя въ сущности былъ не злой человѣкъ и говорятъ даже очень добрый помѣщикъ). и разумѣется не могъ понять ни офицеровъ, ни солдатъ семеменовскаго полка. Онъ старался быть любезенъ съ офицерами и былъ только смѣшонъ, что приводило его въ безпрестанныя непріятныя съ ними столкновенія; наконецъ онъ окончательно разошелся съ ними и сталъ придираться къ ротнымъ командирамъ, сколько нибудь замѣчательнымъ по ихъ вниманію къ солдатамъ и попеченію о ротѣ.

Большая часть ротныхъ командировъ проводило почти все время въ казармахъ; они занимались сами даже одиночной выправкой солдатъ, чтобы не подвергнуть вновъ поступившихъ грубому обхожденію ефрейторовъ и унтеръ-офицеровъ. Люди достаточные, какъ на примѣръ Щербатовъ, жертвовали своимъ достояніемъ для увеличенія артельной суммы въ своихъ ротахъ, другіе для той же цѣли прибѣгали иногда даже къ средствамъ и не совсѣмъ законнымъ. Нѣкоторые напримѣръ

чтобы отучить людей отъ пьянства, покупали бочку вина и продавали его по той же цѣнѣ, какъ въ кабакѣ. Разумѣется, солдаты не пьянствовали въ казармахъ, а барыши отъ продажи вина шли въ артельную сумму. До Шварца доходили объ этомъ слухи, но и офицеры и солдаты жили очень тѣсно между собой и никогда не выдавали другъ друга. Рачинскій, чтобъ увеличить артельную сумму, держалъ нѣсколько лошадей и переодѣтые солдаты стояли на биржѣ. Шварцъ узналъ объ этомъ отъ своихъ лазутчиковъ, призвалъ къ себѣ фельдфебеля роты Рачинскаго и сталъ его допрашивать. Фельдфебель божился, что у нихъ въ ротѣ солдаты не извозничаютъ; Шварцъ не повѣрилъ и велѣлъ собрать роту, чтобы сей часъ сдѣлать ей перекличку. Рачинскаго не было дома, фельдфебель бросился къ ротному командиру Козакову и разсказалъ ему объ угрожающей бѣдѣ. Козаковъ распросивъ его о наружности и названіяхъ недостающихъ людей, тотчасъ же выбралъ изъ своей роты солдатъ и сказалъ имъ на какое имя они должны откликаться и что должны отвѣчать на вопросъ: изъ какой они губерніи и какого прежде были званія. Черезъ полчаса Шварцъ пришелъ въ роту Рачинскаго, самъ перекликалъ всѣхъ солдатъ, разпрашивалъ подставныхъ изъ роты Козакова и убѣдился, что доносъ былъ ложенъ.

И офицеры и солдаты были, разумѣется, возстановлены противъ Шварца. Для солдатъ онъ былъ невыносимъ: онъ вывелъ ихъ изъ терпѣнія мелочными придирками и безпрестанными выправками. Почти каждый день онъ приводилъ солдатъ къ себѣ и училъ ихъ вечеромъ при огнѣ, что было не только обременительно, но стоило имъ значительныхъ издержекъ, потому что для чистки надо было покупать свѣчи и мѣлъ. Наконецъ терпѣніе ихъ окончательно истощилось. Рота его величества послѣ вечерней переклички, отказалась разойтись по комнатамъ, объявивъ фельдфебелю, что они не могутъ такъ служить и не разойдутся пока не увидятъ ротнаго командира. Фельдфебель тотчасъ же пошелъ донести объ этомъ ротному командиру Кошкарову. Когда Кошкаровъ пріѣхалъ въ казармы, солдаты объявили ему, что они измучены и раз-

зорены. Онъ обѣщалъ имъ довести объ ихъ неудовольствіи до свѣденія начальства, съ тѣмъ чтобы они разошлись по камерамъ. Всѣ тотчасъ же разошлись и легли спать. Кошкаровъ донесъ о случившемся баталіонному командиру Ватковскому, который немедленно поѣхалъ съ донесеніемъ къ бригадному командиру в. к. Михайлу Павловичу. Ватковскій былъ у великаго князя уже поздно вечеромъ; на другой день утромъ великій князь поѣхалъ къ Васильчикову (командиру гвардейскаго корпуса) и предложилъ ему отправиться въ роту его величества и произвести слѣдствіе. Васильчиковъ отвѣчалъ великому князю, что онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы давать ему совѣты и не сдѣлавши никакого распоряженія, отправился на цѣлый день на охоту.

Вечеромъ велѣно было привести роту его величества въ шинеляхъ и фуражкахъ въ зимній манежъ. Манежъ былъ освѣщенъ, здѣсь уже стоялъ съ заряженными ружьями баталіонъ Павловскаго полка, который по приказанію корпуснаго командира и конвоировалъ роту въ петропавловскую крѣпость. Нѣкоторые изъ павловскихъ солдатъ возвратившись изъ крѣпости, пришли въ семеновскій полкъ, въ роту его величества, и разсказали женамъ солдатъ, что мужья ихъ посажены въ казематы. Жены кинулись въ другія роты съ упреками, въ томъ, что всѣ были противъ Шварца, а пострадали только ихъ мужья. Во всемъ полку сдѣлалось волненіе. Многіе ротные командиры уговоривали солдатъ успокоиться, но безуспѣшно; они непремѣнно хотѣли раздѣлить участь товарищей, отведенныхъ въ крѣпость, какова бы участь ихъ ни была. Тухачевскій (командиръ третьей гренадерской роты) задержалъ свою роту въ казармахъ долѣе другихъ, но когда солдаты увидѣли приближающійся къ казармамъ вооруженный отрядъ (*), то и они вышли къ остальнымъ въ шинеляхъ и фуражкахъ. Даже люди, бывшіе въ госпиталѣ, которые едва въ состояніи были держаться на ногахъ, присоединились къ товарищамъ. Офицеры всѣ находились при

(*) Это былъ возвращающійся изъ театра караулъ роты Сергѣя Муравьева-Апостола.

солдатахъ, кромѣ ротнаго командира Скобельсина и полковаго Бибикова (онъ былъ впослѣдствіи сдѣланъ флигель-адъютантомъ); оба они были извѣстны солдатамъ какъ наушники Шварца. Когда они вошли въ казармы, то Бибикова столкнули съ лѣстницы, а Скобельсина побили. Солдаты вышли и стали толпой передъ казармами. Противъ нихъ была привезена артилерія и приведено войско. Лейбъ-егери пришли первые и дали знать Семеновцамъ, что они стрѣлять въ нихъ не будутъ. Когда пушки были подвезены ближе, то семеновскіе солдаты пригласили офицеровъ, (нехотѣвшихъ оставить ихъ не смотря на ихъ просьбы) стать посреди ихъ толпы, чтобы своею грудью защитить ихъ отъ выстрѣловъ. Многіе изъ генераловъ пріѣзжали увѣщевать семеновскихъ солдатъ. Прежде всѣхъ подъѣхалъ къ нимъ Васильчиковъ и скомандовалъ имъ строиться, но они отвѣчали ему, что туловище безъ головы не строится. Милорадовичъ сталъ было говорить съ ними, но они отвѣчали на его фразы остротами, которыя заставили его замолчать. Бывшій полковой командиръ Потемкинъ началъ было также говорить съ ними, но заплакалъ и не могъ продолжать. Солдаты закричали ему, что ежелибы онъ былъ съ ними, то этой бѣды не было бы. Генералъ Бистромъ просилъ ихъ чтобы они успокоились, что вмѣсто Шварца онъ будетъ полковымъ командиромъ, но его никто не слушалъ. "Если у васъ есть законныя причины жаловаться, сказалъ Васильчиковъ, такъ вы могли жаловаться на инспекторскомъ смотру." Солдаты отвѣчали ему, что мѣсяцъ тому назадъ, когда онъ самъ дѣлалъ инспекторскій смотръ, одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ, чтобы принести жалобу, и былъ за это, по его приказанію, жестоко наказанъ палками. "Чего же вы хотите?" спросилъ Васильчиковъ. Отдайте намъ роту его величества, отвѣчали солдаты, или отведите насъ къ товарищамъ. Васильчиковъ обѣщалъ имъ отвести ихъ въ крѣпость, ежели они построятся и будутъ идти въ порядкѣ. Они построились и пошли въ крѣпость въ сопровожденіи всѣхъ своихъ офицеровъ. Солдатъ заперли, а офицеры возврати-

лись. Въ продолженіи всей ночи (какъ донесла потомъ полиція) не было произведено никакого безпорядка. Три человѣка оказавшіеся хмѣльными были связаны и уложены ихъ же товарищами. Извѣстно только, что нѣсколько человѣкъ отправились въ домъ къ Шварцу, (который скрылся еще вечеромъ при первой опасности) и перебили у него зеркала и окна.

Въ то время когда полкъ вели въ крѣпость, отставной полковникъ Ермолаевъ, (служившій прежде въ семеновскомъ полку и пользовавшійся особенною довѣренностію солдатъ) нѣсколько разъ ѣздилъ въ казармы и спрашивалъ у женъ солдатъ, чтобъ онѣ дали ему что хотятъ послать мужьямъ; многимъ изъ солдатъ онъ успѣлъ доставить такимъ образомъ вещи и деньги.

При самомъ началѣ исторіи семеновскаго полка отдано было приказаніе не выпускать никаго изъ города, но австрійскій посланникъ Лебцельтернъ нашелъ возможность тотчасъ выпроводить изъ Петербурга курьера съ донесеніемъ къ Метерниху объ этомъ происшествіи. Васильчиковъ отправилъ своего адъютанта П. Я. Чаадаева съ донесеніемъ къ императору въ Лейбахъ, только тогда когда полкъ былъ уже въ крѣпости. Послѣ того, какъ Чаадаевъ вышелъ уже въ оставку, распространился слухъ, что ему велѣно было оставить службу за то, что ѣхалъ очень медленно и опоздалъ съ извѣстіемъ. Это совершенно несправедливо. Австрійскій курьеръ пріѣхалъ нѣсколько раньше, но онъ и выѣхалъ раньше изъ Петербурга. Потому какъ обошелся государь съ Чаадаевымъ, всѣ ожидали, что его сдѣлаютъ флигель-адъютантомъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что это такъ бы и было, ежелибы Чаадаевъ не вышелъ въ отставку, не желая получить награды за семеновскую исторію. Пріѣхавъ въ Лейбахъ, Чаадаевъ остановился у князя Меншикова (бывшаго впослѣдствіи морскимъ министромъ и главнокомандующимъ въ Крыму). Когда онъ явился къ императору, то Александръ сталъ распрашивать его обо всѣхъ подробностяхъ достопамятной

ночи. "Надо признаться, сказалъ императоръ, что семеновцы, даже совершая преступленіе, вели себя отлично хорошо." Потомъ онъ спросилъ на кого имѣютъ подозрѣніе въ возмущеніи полка. "Я можетъ быть грѣшу, прибавилъ онъ, но очень подозрѣваю Греча." (*) Когда Чаадаевъ вышелъ и былъ уже на лѣстницѣ, его догналъ князь П. Волконскій. "Вы остановились у Менщикова, сказалъ онъ ему, государь приказалъ сказать вамъ, чтобъ вы ни слова не говорили ему про вашъ разговоръ съ нимъ."

Семеновская исторія увеличила подозрительность Александра. Тотчасъ послѣ этого присланъ былъ изъ Лейбаха приказъ, въ которомъ объявлено, что семеновскій полкъ не существуетъ (**). Роты были развезены по финляндскимъ крѣпостямъ и надъ ними наряжена судная коммиссія, членами которой между прочимъ были Левашевъ и А. Орловъ. Эта коммиссія приговорила нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ роты его величества наказать кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ. Остальные были размѣщены въ разные гарнизоны, преимущественно въ сибирскіе; всѣ они безъ исключенія находились на службѣ, кажется, до 1840 г. Офицеры всѣ были выписаны въ армію съ повышеніемъ чина, но безъ права на отставку или отпускъ. Болѣе другихъ пострадалъ Щербатовъ, хотя онъ былъ совершенно невиненъ. Въ то время какъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ солдатъ содержались на гауптвахтѣ, отставной полковникъ Ермолаевъ, узнавъ, что въ числѣ ихъ есть изъ бывшей его роты и желая помочь имъ, вошелъ на гауптвахту, не смотря на сопротивленіе караульнаго офицера, говорилъ съ солдатами и далъ имъ денегъ. На другой день Ермолаевъ былъ арестованъ, бумаги его были взяты; въ числѣ ихъ находилось письмо Щербатова. Щербатовъ во время семеновской исторіи былъ въ отпуску въ Москвѣ. Узнавши объ ней изъ письма Сергѣя

(*) Потому что Н. Гречь управлялъ ланкастерскою школою, въ которой учились гвардейскіе солдаты.

(**) За семеновскую исторію Васильчиковъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Уваровъ.

Муравьева и Ермолаева, которое было написано въ день самой исторіи, онъ не зналъ на что рѣшиться: ѣхать ли въ Петербургъ или дожидаться дальнѣйшихъ извѣстій. Онъ написалъ къ Ермолаеву, чтобъ тотъ извѣстилъ его, нужно ли его присутствіе въ Петербургѣ и чтобы онъ во всякомъ случаѣ спросилъ объ этомъ у Михайлы Чаадаева (*). Это письмо подало поводъ къ подозрѣніямъ. Послѣ ареста Ермолаева, Щербатовъ, назначенный уже баталіоннымъ командиромъ въ Тарутинскій полкъ, былъ арестованъ и отвезенъ въ Витебскъ. Въ Витебскѣ была наряжена судная коммиссія надъ полковникомъ Ватковскимъ, ротнымъ командиромъ Кошкаровымъ, отставнымъ полковникомъ Ермолаевымъ и Щербатовымъ.

Президомъ коммисіи былъ А. Орловъ. Виновность трехъ первыхъ не подлежала сомнѣнію, но князя Щербатова обвинить было труднѣе, тѣмъ болѣе, что его не было въ Петербургѣ во время семеновской исторіи. На него падало подозрѣніе, что онъ членъ тайнаго общества. Въ донесеніи слѣдственной коммиссіи нѣтъ его имени; это доказываетъ, что подобное подозрѣніе было неосновательно, или по крайней мѣрѣ нисколько не подтвердилось; тѣмъ неменѣе Щербатовъ сдѣлался жертвой политической мнительности. Подсудимыхъ содержали въ Витебскѣ до 1826 г.; Ватковскій, Кошкаровъ и Ермолаевъ были отправлены на Кавказъ безъ лишенія чиновъ; Щербатовъ же лишенъ чиновъ, дворянства и отправленъ на Кавказъ рядовымъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1829 году, дослужившись до чина штабсъ-капитана.

Пускай со вниманіемъ прочтутъ этотъ краткій разсказъ люди стоящіе во главѣ военнаго управленія; онъ имѣетъ не только историческій интересъ, но и современный. Старый семеновскій полкъ необыкновенное явленіе въ лѣтописяхъ русской арміи; это былъ полкъ, гдѣ не существовало тѣлеснаго наказанія, гдѣ установились между солдатами и офицерами человѣческія отношенія, гдѣ слѣдовательно не было и не могло

(*) Родной братъ П. Я. Чаадаева, онъ служилъ тогда въ семеновскомъ полку.

бытъ ни грабежа казны, ни грабежа солдатъ. По выправкѣ солдаты были не хуже другихъ гвардейскихъ, но кромѣ того это былъ народъ развитый, благородный и нравственный. Слабые или ограниченные люди могутъ сказать, что такія отношенія офицеровъ къ солдатамъ опасны для правительсва, что они начались вліяніемъ тайнаго общества и кончились бунтомъ. Вліяніе тайнаго общества вѣроятно было; но не должно забывать, что огромное большинство офицеровъ не принадлежало къ тайному обществу, что подобныя отношенія къ солдатамъ могли образоваться и безъ того, и что умное правительсво всегда въ состояніи предупредить не только дѣйствіе, но и самое основаніе тайныхъ обществъ ежели оно станетъ во главѣ умственнаго движенія.

Не бунтомъ кончился старый семеповскій полкъ; ни отъ однаго офицера, служившаго въ то время, не услышите вы этого слова. Выведенные изъ терпѣнія солдаты протестовали противъ нисколько не заслуженныхъ строгостей, жаловались на Шварца спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Ихъ заключили въ крѣпость, тогда прочіе не хотѣли отстать отъ товарищей; они вышли изъ казармъ, но безъ оружія, безъ угрозъ, спокойно, какъ бы исполняя только свой долгъ. Гдѣ же бывалъ подобный бунтъ? При какомъ явно высказанномъ неудовольствіи солдатъ — правительство подвергалось меньшой опасности? Не даромъ же всѣ говорятъ о семеновской исторіи и никто о семеповскомъ бунтѣ. Именно съ аутократической точки зрѣнія семеновскій полкъ и представляетъ во многомъ идеалъ, къ которому всѣми силами должно стремиться самодержавіе. Облегчать какъ можно больше участь солдата, поставить его въ человѣческія отношенія къ офицеру, дать офицерамъ образованіе, не такое, какое они получаютъ теперь, но прочное, общее и вмѣстѣ военное образованіе, внушить уваженіе къ наукѣ; вотъ къ чему должно стремиться правительство для своей собственной выгоды, непротиворѣчущей въ этомъ выгодамъ народа; скажемъ больше: вотъ къ чему оно должно стремиться для своей собственной безопасности.

Доказательствъ кажется не надобно! послѣдняя война можетъ

представить ихъ тысячи. Собраніе всѣхъ возможныхъ бездарностей, систематическій грабежъ, отъ котораго солдаты гибли болѣе, чѣмъ отъ непріятельскаго оружія (*); вотъ результаты старой системы, результаты, отъ которыхъ много пострадалъ народъ, но отъ которыхъ неменѣе пострадало правительство. Довѣріе и уваженіе къ правительству поколебались; какъ бы мало это ни высказывалось, пренебрегать этимъ нельзя; оставаться хоть сколько нибудь при старой системѣ теперь уже опасно.

(*) Какъ на одно утѣшительное и замѣчательное исключеніе можно указать на черноморскихъ моряковъ; но это исключеніе вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Они воспитаны въ школѣ Лазарева, человѣка образованнаго, честнаго, нестѣснявшаго ихъ пустыми формами, способствовавшаго всячески ихъ образованію; они жили подъ его вліяніемъ вдали отъ Петербурга на противуположномъ концѣ государства, гдѣ разумѣется была гораздо менѣе стѣснена свобода мысли.

IX.

ДВѢ ПѢСНИ КРЫМСКИХЪ СОЛДАТЪ (*)

I.

Какъ восьмаго Сентября
Мы за вѣру и царя
    Отъ Французъ ушли. (bis)
И такъ храбро отступали,
Что всѣхъ раненыхъ бросали
    Умирать въ степи.
Меньшикъ умный адмиралъ
Суденушки потопилъ
    Въ морѣ—пучинѣ.
Молвилъ: "счастія желаю,"
Самъ ушелъ къ Бакчисараю,
    Ну васъ всѣхъ.....
Сентъ-Арно позакопался,
Онъ учтиво обращался
    Сзаду обошелъ.
Кабы намъ да въ этотъ вторникъ
Не помогъ святой угодникъ,
    Всѣхъ бы насъ забралъ.
Съ моря, съ суши обложили,
Севастополь нашъ громили
    Изъ большихъ маркелъ.

(*) Эти двѣ пѣсни списаны со словъ солдатъ. Онѣ не произведеніе какаго нибудь особаго автора и въ ихъ складѣ не трудно узнать выраженіе чисто народнаго юмора.

Духовенство все молило,
Чтобъ Француза потопило,
Бурю Богъ послалъ.
Была сивѣрка большая,
Но Французъ не унывая
На морѣ стоялъ.
И князья къ намъ пріѣзжали,
Да Француза не спужали,
Все палитъ съ маркелъ.
Штуцеровъ мы поджидали,
Да гвардейцы ихъ забрали,
Видно имъ нужнѣй.
Изъ подъ града Кишенева
Ждали войска мы большаго;
Войско подошло.
Даненбергу поручили,
Его очинно просили,
Войска не жалѣть.
Павловъ, Соймоновъ ходили,
Круты горы возходили.
Вмѣстѣ не сошлись.
А Липранди хоть видалъ,
Какъ Французъ одолѣвалъ,
Руку не подалъ.
Тысячь десять положили
Отъ царя не заслужили
Милости большой.
Князь изволилъ разсердиться,
Нашъ солдатъ де не годится,
. . . у показалъ.
Изъ сраженія большаго
Вышло только два героя,
Ихъ Высочества.
Имъ повѣсили Егорья,
Повезли назадъ на взморье,
Въ Питеръ на показъ.

Зимой вылазки чинили,
Много войска положили,
Все изъ за туровъ.
Меньшикъ проситъ подкрѣпленья,
Царь ему во утѣшенье
Сакена послалъ.
Меньшикъ умный адмиралъ,
Царю прямо отписалъ :
"Батюшка нашъ царь
"Ерофѣичь твой не крѣпокъ,
"Отъ твоихъ же малолѣтокъ,
"Толку ничено."
Царь на Меньшика серчалъ,
И въ ту пору захворалъ
На одномъ смотру.
И отправился на небо,
Видно въ немъ была потреба,
И давно пора!
А когда же умиралъ,
Сыну крѣпко наказалъ :
"Ты теперь смотри!"
Сынъ же къ Меньшику писалъ :
"Ты мой милый адмиралъ,
Къ чорту братъ тебя.
Я пошлю туда другаго,
Того князя Горчакова,
Къ Турку что ходилъ ;
Много войскъ ему не надо,
Будетъ пусть ему награда
Красные штаны."
Посылали хоть Хрулева
Выгнать Турку изъ Козлова,
Паша не взяла.
И вотъ ждемъ и поджидаемъ,
Севастополь защищаемъ,—
Скоро-ль отойдетъ?

II

4 Августа

Какъ четвертаго числа,
Насъ нелегкая несла,
Горы занимать.
Баронъ Вревскій енералъ,
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подъ шефе:
"Князь возьми ты эти горы,
Не входи со мной ты въ споры,
Право донесу".
Собирались на совѣты
Все большіе эполеты,
Даже Плацъ Бекокъ.
Полицмейстеръ Плацъ Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать.
Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу.
Чисто писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить.
Выѣзжали Князья, Графы,
А за ними Топографы,
На большой редутъ.
Князь сказалъ; "ступай Липранди!"

А Липранди—"нѣтъ, атанде,
Я ужъ не пойду;
Туда умнаго не надо,
А пошли-ка ты Реада,
А я посмотрю".
А Реадъ—возьми, да спросту—
Поведи насъ прямо къ мосту,
"Ну-ка на уру!"
Веймарнъ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немножко обождалъ;
"Нѣтъ, ужъ пусть идутъ".
И 'уру' мы прошумѣли,
Да резервы не поспѣли,
Кто то перевралъ.
На Федюхины высоты
Насъ всего пришло двѣ роты,
А пошли полки.
Енаралъ то Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ,
Все чего то ждалъ.
Долго ждалъ онъ дожидался,
Пока съ духомъ не собрался,
Рѣчку перейти.
А Бѣлявцовъ Енаралъ,
Тотъ все знаменъ потрясался,
Вовсе не къ лицу.
Наше войско небольшое,
А Французовъ ровно вдвое,
И сикурсу нѣтъ.
Ждали—выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ.
А тамъ Сакенъ Енаралъ,
Все акаѳисты читалъ
Богородицѣ.
И пришлось намъ отступать,
. . . . . .

Кто туда водилъ?!
А какъ перваго числа,
Ждали батюшку царя
Мы у Фотъ-Сала.
И въ усердномъ умиленьи,
Ждали всѣ мы награжденья,
Не далъ ничего.

X.

ПРАВА РУССКАГО НАРОДА (*)

Въ Россіи всѣ сословія пользуются такими благодѣтельными гражданскими правами, о которыхъ ни одинъ европейскій народъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Вотъ они :

ПРАВА ДВОРЯНСТВА :

1. Въ знакъ особой благодати поступать съ малолѣтства въ казенную собственность физически, нравственно и умственно.

2. Поступать на службу—если примутъ.

3. Выдти въ отставку—если выпустятъ.

4. Ѣхать туда—куда позволятъ.

5. Быть избавлену отъ тѣлеснаго наказанія — пока не высѣкутъ.

ПРАВА ЧИНОВНИКОВЪ :

1. Передъ начальникомъ молчать — сколько ему угодно, а передъ подчиненнымъ кричать и бѣсноваться—сколько хватитъ силы.

2. Отвѣчать за вину начальника, а свою вину сваливать на подчиненнаго.

3. Казенный денежный сундукъ считать калифорнскимъ рудникомъ, а карманъ просителя лотерейнымъ билетомъ.

4. Въ отставкѣ быть избавлену отъ визитовъ и обратиться въ нуль.

ПРАВА ДУХОВЕНСТВА :

1. Никогда не бриться и не стричься.

2. Въ Бога не вѣрить, но за царя молиться.

(*) Рядомъ съ военной поэзіей, мы съ величайшемъ удовольствіемъ печатаемъ присланную намъ гражданскую прозу — и благодаримъ приславшихъ то и другое.

3. Никого не убѣждать евангельскимъ словомъ, а просто брать поборы за обряды.

4 Въ замѣнъ телѣснаго наказанія быть отданнымъ въ солдаты и быть битымъ въ мундирѣ, а не въ рясѣ.

ПРАВА КУПЕЧЕСТВА:

1. Сегодня быть приглашеннымъ на церемонію во дворецъ, куда однако безъ денегъ не впустятъ, а завтра сидѣть на съѣзжей, откуда безъ денегъ не выпустятъ.

2 Обмѣривать, обвѣшивать и обсчитывать кого угодно и сколько угодно, съ обязанностью оказывать почтеніе полиціи подарками, займами и ежемѣсячною платою.

3. Жертвуемыя въ казну тысячи и миліоны промѣнивать на медали цѣною отъ трехъ до двадцати пяти рублей, смотря потому, сколько начальство можетъ украсть изъ жертвуемой суммы.

4. Въ награду за совершенное и добровольное самораззореніе получить выше означенныя дворянскія права—либо себѣ подъ старость, либо дѣтямъ и внукамъ.

ПРАВА МѢЩАНЪ И ЦѢХОВЫХЪ:

I. Жить, ничему не учившись, а учась чему нибудь вовсе не жить.

2. Выучившись мастерству поступить при первомъ наборѣ въ полковую мастерскую, гдѣ и отдать свои руки и голову въ собственность командира.

ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ:

1. По смыслу изрѣченія: "воздадите кесарево—кесарю" платить подати царю, оброкъ господину, а взятки тому, кто только прикрикнетъ и притопнетъ, и потому не имѣть своего ничего.

2. Не забывать что душа божья, голова царская, а спина барская.

3. Исполнять на дѣлѣ пословицу: " безъ вины виноватъ ", и вслѣдствіе того не имѣть въ судахъ правды и даже Богу не жаловаться ни на палки и толчки, ни на кражу и пропажу.

4. Послѣ тяжкаго труда, вмѣсто отдыха, вырабатывать копѣйку на соль и на вино.

5. Въ наказаніе быть сослану въ Сибирь, гдѣ изъ крѣпостнаго сдѣлаться вольнымъ.

ПРАВА СОЛДАТЪ:

1. Вѣкъ чиститься—и не вычиститься, вѣкъ учиться—и не выучиться, вѣкъ служить—и не выслужиться.

2. Во время мира быть куклой командира, во время войны не чистить штаны и не знать что всего лишены, а во время отставки умереть съ голоду безъ всякой явки.

ОБЩІЯ ПРАВА ВСѢХЪ ВѢРНОПОДДАННЫХЪ

1 Не краснѣя проповѣдывать, что Богъ есть царь небесный, а царь есть Богъ земной.

2. Не исполнять божьихъ заповѣдей, если это угодно царю, напримѣръ хоть заповѣдь: "не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна" и за таковое грѣхопаденіе не бояться страшнаго суда.

3. Если царь сытъ—чувствовать себя накормленнымъ; если у царицы есть брилліянты величиною въ орѣхъ—считать себя богатымъ, и если царевичу дадутъ егорьевскій крестъ хоть за то, что издали видѣлъ какъ нашихъ бьютъ—признавать себя зело возвышеннымъ.

4. Геніальный умъ, колоссальное богатство, идеальную красоту, литературные и музыкальные таланты, всемірную славу, даже святость, словомъ, всѣ дары божіи получать непосредственно съ высочайшей воли и по высочайшему усмотрѣнію.

XI.

ЕЩЕ ВАРІАЦІЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

(письмо къ . . . . .)

Нѣтъ, любезный другъ, я не сдержу обѣщанія даннаго тебѣ и не стану писать статьи въ объясненіе того, что я говорилъ о Западѣ и что говорилъ о Россіи.

Послѣ твоего отъѣзда, подъ вліяніемъ замѣчаній сдѣланныхъ тобою и замѣчаній нашихъ общихъ друзей, я пересмотрѣлъ часть писаннаго мною, и нашелъ, что мнѣ прибавлять нечего. Что было за душой, что я выразумѣлъ и какъ выразумѣлъ, я все сказалъ. Если я не съумѣлъ въ цѣлыхъ книгахъ, въ рядѣ статей, въ рядѣ писемъ уяснить моего воззрѣнія, какъ же мнѣ это можетъ удаться на нѣсколькихъ страницахъ? Положимъ, что мой взглядъ и былъ въ самомъ дѣлѣ только болѣзненный, страстный, личный когда я восемъ лѣтъ тому назадъ писалъ "Съ того берега", но время такъ грозно подтвердило его, что онъ сталъ еще незыблемѣе въ моемъ умѣ и не измѣнясь ни въ чемъ существенномъ—только остылъ. Повторять холодно сказанное тогда съ увлеченіемъ, я отказываюсь, — и пишу теперь больше для того, чтобъ показать какъ я внимательно слушалъ тебя и искренно принялъ къ сердцу замѣчанія нашихъ друзей.

Главные упреки сводятся на два; во первыхъ, что мое возрѣніе на Западъ потрясаетъ вѣрованія необходимыя еще у насъ; во вторыхъ, что мое воззрѣніе на Россію сближаетъ меня съ Славянофилами.

Упреки эти сами собою свидѣтельствуютъ, что усобица ваша съ московскими старовѣрами не улеглась; это жаль.

Увлеченные полемикой, вы не замѣчаете, какъ скучны ваши споры и какъ они надоѣли. Борьба ваша съ Славянофилами потеряла интересъ особенно послѣ смерти Николая. Пора бы подвести всѣ эти дрязги подъ манифестъ 26 Августа 1856 года и предать ихъ забвенію съ прочими прегрѣшеніями николаевскаго времени.

Новая жизнь явнымъ образомъ закипаетъ у насъ; само правительство увлечено ею. Вопросы одинъ другаго важнѣе, одинъ другаго неотлагаемѣе возникаютъ со всѣхъ сторонъ; прибитыя къ землѣ надежды оживаютъ, — хочется знать что думаютъ у насъ объ освобожденіи крестьянъ, объ уничтоженіи духовныхъ и тѣлесныхъ побоевъ (цензуры и палки), объ обузданіи чиновничьяго грабежа, полицейскаго самоуправства и вмѣсто того читаешь схоластическія пренія о мѣстничествѣ народовъ, о національности истины.

Я никогда не отрицалъ, что у Славянъ есть вѣрное сознаніе живой души въ народѣ, есть "чаяніе будущаго вѣка", но по несчастію долженъ повторить, что "чутье ихъ проницательнѣе разумѣнія" (*) и не только разумѣнія, но и совѣсти. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ читалъ нѣкоторыя статьи славянскихъ обозрѣній, отъ нихъ вѣетъ застѣнкомъ, рваными ноздрями, эпитимьей покаяньемъ, соловецкимъ монастыремъ. Попадись этимъ господамъ въ руки власть, они заткнутъ за поясъ III отдѣленіе. И будто я сблизился съ этими дикими по сочувствію, по выбору, по языку? Отчего же не такъ то давно одинъ изъ нихъ пустилъ въ меня подъ охраной самодержавной полиціи комомъ отечественной грязи съ такимъ народнымъ запахомъ передней, съ такой постной отрыжкой православной семинаріи и съ такимъ нахальствомъ холопа, защищеннаго отъ палки недосягаемостью запятокъ, что я на нѣсколько минутъ живо перенесся на Плющиху, на Козье болото . . .

(*) Полярная Звѣзда на 1855, (2 изданіе) стр. 166.

Но ваша полемика противъ нихъ никуда не годится, — оставьте вы ихъ въ покоѣ, или бѣйте ихъ на ихъ собственной почвѣ. Они не знаютъ настоящей Россіи; это оборотни и мертвецы, съ ихъ поля не отзывается ни одинъ "живъ человѣкъ", они свихнули свое пониманье лицемѣрнымъ православіемъ и поддѣльной народностью.

Мудрено теперь сбить ихъ примѣромъ Запада—(и тутъ я отвѣчаю на другой упрекъ)—когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобъ увидѣть страшную болѣзнь, подъ которой ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и проповѣдывать поклоненіе не только идеямъ, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить въ ея современной жизни, но и ей самой—столько же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ занимающихъ насъ.

Вы любите европейскія идеи, — люблю и я ихъ, — это идеи всей исторіи, это надгробный памятникъ, на которомъ написано завѣщаніе не только вчерашняго дня, но Египта и Индіи, Греціи и Рима, католицизма и протестантизма, народовъ римскихъ и народовъ германскихъ. Безъ нихъ мы впали бы въ азіатской квіэтизмъ, въ африканскую тупость. Россія съ ними и только съ ними можетъ быть введена во владѣніе той большой доли наслѣдства, которая ей достается. Въ этомъ мы совершенно согласны. Но вамъ не хочется знать, что теперичная жизнь въ Европѣ не сообразна ея идеямъ. Вамъ становится страшно за нихъ; идеи не находящія себѣ осуществленія дома, кажутся вамъ нигдѣ неосуществляемыми. Историческая эмбріологія врядъ оправдаетъ ли такое заключеніе. Изъ неприлагаемости новыхъ общественныхъ идей къ современной жизни европейскихъ народовъ (еслибъ это и было окончательно доказано), нельзя судить о ихъ неосуществляемости вообще, о ихъ неприложимости вездѣ. Развѣ одна сторона европейскаго идеала, именно англо-саксонская—не нашла себѣ полнаго выраженія по ту сторону Атлантическаго Океана?

Пути развитія очень туги и очень непросты въ природѣ, въ исторіи; они потребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ готовымъ результатомъ, съ выработавшемся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполнѣ (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими намъ неизвѣстными. Онѣ не были пожертвованы, потому что онѣ жили для себя, но отживши передали наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтіосавры—слонамъ и крокодиламъ, Египетъ и Индія—Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку—стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, односторонніе фазы ихъ со всею страстностью и увлеченьемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть полнаго идеала своего.

Вырвутъ ли забитыя массы изъ рукъ монополистовъ силы развитыя наукой, всю эту совокупность техническихъ улучшеній быта человѣческаго и сдѣлаютъ ли изъ нихъ общее достояніе; или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невѣжество—подавятъ массы? Въ обоихъ случаяхъ идеи ваши спасены, а въ этомъ для васъ сущность дѣла. Наука, независимая отъ государственныхъ устройствъ, отъ народности, остается великимъ результатомъ европейской жизни, готовымъ измѣнить тяжелый историческій бытъ людей—вездѣ гдѣ встрѣтитъ способную почву, пониманье и вмѣстѣ съ пониманьемъ волю.

Вопросъ о будущности Европы я не считаю окончательно рѣшенымъ; но добросовѣстно, съ покорностью передъ истиной и скорѣе съ предразсудками въ пользу Запада, чѣмъ противъ него, изучая его десятый годъ не въ теоріяхъ и книгахъ, а въ клубахъ и на площади, въ средоточіи всей политической и соціальной жизни его, я долженъ сказать, что ни близкаго ни хорошаго выхода не вижу. Стоитъ взглянуть съ одной стороны на сорвавшееся съ дороги болѣзненное, одно-

сторонное развитіе промышленности, на сосредоточеніе всѣхъ богатствъ—нравственныхъ и вещественныхъ въ рукахъ средняго состоянія, на то—что оно захватило въ руки церковь и правительство, машины и школы; что ему повинуются войска, что въ его пользу судятъ судьи; и съ другой стороны глядя на неразвитость массъ, на незрѣлость и шаткость революціонной партіи, я не предвижу безъ страшнѣйшей кровавой борьбы, близкаго паденія мѣщанства и обновленія стараго государственнаго строя.

Теперь нечего и думать о прошлыхъ обыденныхъ революціяхъ, которыя дѣлались полушутя съ Беранжеровской пѣсенью и сигарой во рту; теперь нѣтъ ни Карла X, готоваго бѣжать передъ опасностью, ни Людовика Филиппа, который не хотѣлъ бомбардировать Парижа; теперь нѣтъ ни дурачка австрійскаго императора, который по первому ружейному выстрѣлу даетъ конституцію; прусскій король хоть и тотъ же, но ужъ не сниметъ съ своей пьяной головы фуражку передъ убитыми революціонерами; самъ Пій IX поумнѣлъ. Іюньскіе дни 1848 года и Каваньякъ, показали міру, что за Варѳоломеевскую ночь, что за Сентябрскіе дни ожидаютъ будущую борьбу.

Выйдетъ ли Европа поюнѣлой изъ этого испытанія или погибнетъ какъ Сенека въ своей собственной крови, не знаю; но мнѣ сдается, что мы съ тобой не дождемся рѣшенія. У тебя всѣ волосы сѣдые, а мнѣ сорокъ четыре года отъ роду.

Не естественно ли въ этомъ положеніи современному человѣку поразширить свой взглядъ, осмотрѣться вокругъ, изучить какъ другія страны не вовлеченныя въ смертный бой Европы относятся къ будущему, чего отъ нихъ можно ждать, куда онѣ тянутъ и нѣтъ ли тамъ глухой, пріготовительной работы.

Но внѣ Европы есть только два дѣятельные края—Америка и Россія, развѣ еще начинающаяся Австралія. Остальное, все покоится непробуднымъ сномъ или бьется въ судорогахъ, которыхъ мы не понимаемъ, или которые чужды намъ, какъ китайское возстаніе со всѣми своими грудами труповъ и отвратительнымъ мясничествомъ.

Америка, Европа колонизированная, тоже племя и преимущественно англо-саксонское, но при другихъ условіяхъ. Волна за волной несетъ къ ея берегамъ наплывъ за наплывомъ — и они не остаются на мѣстѣ, но идутъ далѣе и далѣе. Такъ какъ кромвелевская Англія переплыла океанъ и разсѣялась по сѣвернымъ долинамъ и лѣсамъ, такъ и теперь толпы европейскихъ выходцевъ плывутъ туда отъ голода, отъ духоты, отъ преслѣдованія, "отъ будущаго", предчувствуя дома бѣды. Это продолженіе вѣковаго движенія на Западъ. Три милліона Ирландцевъ выселились со времени Р. Пиля; нѣмецкіе государи, торговавшіе въ XVIII столѣтіи стадами своихъ подданныхъ для веденія войны противъ независимости, для населенія Пенсильваніи и пр., задумываются, видя какъ народонаселеніе утекаетъ. Движеніе продолжается въ самой Америкѣ, новые пришельцы просачиваются сквозь осѣвшее народонаселеніе, иногда увлекаютъ его — и все стремится, толкаясь и торопясь на югъ; сегодня разработываютъ землю, завтра идутъ дальше напирая къ Экватору, гдѣ будетъ новая встрѣча и новое сочетаніе англо-саксонскаго элемента—съ пано-романскимъ.

Мы видимъ, что все это еще расчистка мѣста, вѣхи поставленныя для означенія арены, и никакая сила не удержитъ Сѣверо-Американцевъ съ ихъ избыткомъ силъ, пластицизма, неутомимости — отъ присоединенія центральной Америки и Кубы. Въ то время какъ въ Европѣ разваливается Венеція, нищаетъ Римъ, вянутъ небольшіе города Италіи и Испаніи за недостаткомъ капиталовъ и рукъ, за лѣнью и недостаткомъ дѣятельности, — гдѣ нибудь въ Калифорніи, въ Гондурасѣ и Никарагуѣ въ нѣсколько лѣтъ пустыни превращаются въ поля, починки въ города, степи исчерчиваются желѣзными дорогами, капиталы избыточествуютъ и неугомонная сила республики хватаетъ все далѣе и далѣе.

Что ростетъ, то юно.

Силенъ былъ и ростъ Россіи, и едва ли онъ совсѣмъ окончился, едва ли она дошла до естественныхъ предѣловъ; это видно сверхъ географической физіологіи изъ безпрерывной

заносчивости правительства, изъ постояннаго стремленія захватить какой нибудь клочекъ земли. Но Россія разширяется по другому закону чѣмъ Америка; оттого что она не колонія, не наплывъ, не нашествіе, а самобытный міръ, идущій во всѣ стороны, но крѣпко сидящій на своей собственной землѣ. Соединенные Штаты какъ лавина оторвавшался отъ своей горы, прутъ передъ собою все; каждый шагъ пріобрѣтенный ими—шагъ потерянный Индейцами. Россія понимаетъ кругомъ какъ вода, обходитъ племена со всѣхъ сторонъ, потомъ накрываетъ ихъ однообразнымъ льдомъ самодержавія — и подъ нимъ дѣлаетъ изъ Калмыковъ солдатъ, изъ поклонниковъ Далай-Ламы защитниковъ православія, изъ Нѣмцевъ отчаянныхъ русскихъ патріотовъ.

И тотъ же юный пластицизмъ. Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринославля, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построился, а государство. Новороссійскій край лучше доказательство какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперичныя поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ развиваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи европейской Россіи? Мы чрезвычайно мало обращаемъ на это вниманія. Читая лѣтопись семейства Багровыхъ *, я былъ пораженъ сходствомъ старика переселившагося въ Уфимскую провинцію съ "сетлерами" переселяющимися изъ Нью-Іорка куда нибудь въ Висконсинъ или въ Иллинуа. Совершенно новая расчистка не жилыхъ мѣстъ и обращеніе ихъ на хлѣбопашество и гражданскую жизнь.—Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣснями несутъ землю и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной рѣкѣ, такъ и кажется что читаешъ Купера или Ирвинга Вашингтона. А вѣдь это всего вѣкъ тому назадъ; тоже было въ Саратовскомъ краю и въ Пермскомъ. Въ Вяткѣ въ мое время еще трудно было удержать крестьянъ чтобъ они

* Семейная хроника С. Т. Аксакова.

не переселялись въ лѣса и не начинали тамъ новыя селенія (починки); земля для нихъ все еще казалась общимъ достояніемъ, той res nullius, на которую каждый имѣетъ право.

Америка какъ переселеніе не представляетъ новыхъ элементовъ, это дальнѣйшее развитіе протестантской Европы, освобожденной отъ историческаго быта и приведенной въ иныя условія жизни. Величайшая идея развитая Сѣверными Штатами — чисто англо-саксонская, идея самоуправленія, т. е. сильнаго народа съ слабымъ правительствомъ, самодержавія каждаго клочка земли безъ централизаціи, безъ бюрократіи, съ внутреннимъ, нравственнымъ единствомъ. Какъ Америка будетъ относиться къ соціальнымъ стремленіямъ — трудно сказать; духъ товарищества, ассоціаціи, предпріятій сообща чрезвычайно въ ней развитъ; но ни общаго владѣнія, ни нашей артели, ни сельской общины нѣтъ; личность соединяется съ другими только на извѣстное дѣло, внѣ котораго ревниво отстаиваетъ полнѣйшую независимость.

Россія напротивъ, является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ своимъ естественнымъ бытомъ, съ своимъ физіологическимъ характеромъ—не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему. "Какое счастіе, сказалъ Бентамъ Александру I, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ,— что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ", — а мы прибавимъ — ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и Уложеніе не захватываютъ всѣ проявленія жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствіемъ, остальныя учрежденія введены насиліемъ и держутся насиліемъ. У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ на глухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка какъ параличемъ отбиваютъ половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община — съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землею, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все

это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо, и пережило худшую эпоху.

Если это сколько нибудь такъ, то не надобно быть Русскимъ для того, чтобъ именно въ эти черные дни Европы обратить на Россію особенное вниманіе. Оно впрочемъ такъ и дѣлается, Россія занимаетъ и тревожитъ многіе сильные умы. Мнѣ самому случалось говорить объ Россіи съ серьезными людьми какъ Прудонъ и Маццини, какъ Т. Карлейль, который у васъ такъ въ модѣ, какъ Мишле, который прежде совершенно по французски понималъ ее, т. е. вовсе не понимая бранилъ съ плеча;—и я увѣраю, что тотъ жалкой, чистой нѣмецкій взглядъ ненависти и страха, совершенно впрочемъ заслуженный тридцатилѣтнимъ царствованіемъ Николая, замѣняется раздумьемъ и желаніемъ поближе узнать это новое явленіе, котораго силу и права на будущее отрицать нельзя, да они и не хотятъ.

Дѣйствительно, на Западѣ не могли понимать Россіи, пока Западъ вѣрилъ въ себя и шелъ впередъ; но онъ убѣдился въ невозможности идти путемъ прежнихъ революцій, потерявъ разомъ всѣ плоды ихъ, кромѣ патологическаго урока. "Равенство рабства" позволило ближе всмотрѣться другъ въ друга и именно потому Англія всего менѣе понимаетъ Россію; она равно не участвовала ни въ континентальныхъ революціяхъ, ни въ общемъ паденіи. Она свободная по своему, съ отчужденіемъ смотритъ на страну неволи и самовластья. Но другіе народы въ своихъ колодкахъ догадываются, что если временная необходимость втѣснила вчера въ мирный бытъ земледѣльческаго народа казарменную дисциплину и сдѣлала изъ всей Россіи военныя поселенія, то можетъ завтра другая необходимость все это уничтожить, такъ какъ Александръ II уничтожилъ аракчеевскія населенія; эпоха военнаго деспотизма пройдетъ, оставивъ по себѣ неразрывно спаяное государственное единство и силы закаленныя въ тяжкой и суровой школѣ.

Порогъ, за который Европа зацѣпилась, для насъ почти не существуетъ. Въ естественной непосредственности нашего

сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужаго—мы имѣемъ шагъ передъ народами вполнѣ сложившимися и усталыми.

Утвердилось русское государство страшными средствами; рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи, сквозь строй шелъ онъ на совершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошедшее, дѣло праздное; живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобъ равно воспользоваться силами, хорошо ли онѣ пріобрѣтены или дурно, кровью ли достались или мирнымъ путемъ. Военныя поселенія, какъ я сказалъ, проходятъ, но села остаются. На нашей движущейся, несложившейся почвѣ только и есть консервативнаго — что сельская община, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить.

Читалъ я ваши споры объ общинѣ; они очень любопытны по меньше чѣмъ кажется идутъ къ дѣлу. Родовое ли начало сельской общины или государственное, была ли земля общинная, помѣщичья или великокняжеская, скрѣпило ли крѣпостное право общину или нѣтъ, — все это необходимо привести въ ясность; но для насъ всего важнѣе настоящее положеніе дѣлъ. Фактъ, отклонившійся или нѣтъ, вѣрный или невѣрный, втѣсняетъ себя какъ онъ есть. Государство и крѣпостное право по своему сохранили родовую общину; постоянное, зимующее начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма вовсе не утратилось — общинное владѣніе землею, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ возрости новая общественная жизнь, которой какъ нашего чернозема почти нѣтъ въ Европѣ.

Вотъ почему, Любезный Другъ, я середь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ,—отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя и съ упованьемъ смотрю на нашъ родной Востокъ, внутри радуясь что я Русскій.

Эпоха, въ которую Россія вступаетъ теперь необыкновенно

важна; вмѣсто небольшихъ политическихъ реформъ, для которыхъ мы не опытомъ, а умомъ слишкомъ стары, мы стоимъ лицемъ къ лицу съ огромнымъ экономическимъ переворотомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ. И это не все, вопросы наши такъ поставлены, что они могутъ быть разрѣшены общими соціально-государственными мѣрами безъ насильственныхъ потрясеній. Мы призваны перебрать права поземельнаго владѣнія и отношеній работника къ орудію работы, — не есть ли это торжественное вступленіе въ будущій возрастъ нашъ? — Вся новая программа нашей исторической дѣятельности такъ проста, что тутъ не надобно генія, а просто глаза, чтобы знать что дѣлать. Одна робость, неловкость, оторопѣлость правительства мѣшаетъ ему видѣть дорогу и оно пропускаетъ удивительное время. Господи! чего нельзя сдѣлать этой весенней оттепелью послѣ николаевской зимы; какъ можно воспользоваться тѣмъ, что кровь въ жилахъ снова оттаяла и сжатое сердце стукнуло вольнѣе!

Мало чувствъ больше тягостныхъ, больше придавливающихъ человѣка, какъ сознаніе, что можно теперь, сей часъ ринуться впередъ — что все подъ руками и что не достаетъ одного пониманья и отваги со стороны ведущихъ. Машина топится, готова, жжетъ даромъ топливо, даромъ теряется сила, и все оттого, что нѣтъ смѣлой руки, которая бы повернула ключь—не боясь взрыва.

Пусть же знаютъ наши кондукторы, что народы прощаютъ многое—варварство Петра и развратъ Екатерины, прощаютъ насилія и злодѣйства, если они только чуютъ силу и бодрость мысли. Но непониманье, но блѣдную шаткость, но неумѣнье воспользоваться обстоятельствами, схватить ихъ въ свои руки, имѣя неограниченную власть, ни народъ, ни исторія никогда не прощаютъ, какое тамъ доброе сердце ни имѣй.

Мое страстное нетерпѣніе въ этомъ случаѣ нисколько не противурѣчитъ моей самоотверженной покорности трагическимъ судьбамъ Европы. Тутъ я вижу близкую возможность, я ее озязаю, я дотрогиваюсь до нея; на Западѣ ея нѣтъ, по

крайней мѣрѣ на сію минуту. Еслибъ я не былъ Русскій, я давнымъ давно уѣхалъ бы въ Америку.

Ты знаешъ, что я не фаталистъ и ни въ какія предопредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое "совершенствованіе человѣчества". Природа и исторія плетутся себѣ съ дня на день, и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но входя только туда гдѣ вороты отперты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его неминуемой необходимости; что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ, — я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота; если мы безсильны ихъ отворить, а сильные не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ вѣроятно болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ и сама Европа переработается, встанетъ, возметъ одръ свой и пойдетъ по своей святой землѣ, подъ которой лежатъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько крови. Можетъ быть!

... Но неужели въ самомъ дѣлѣ выступивъ одной ногой на торную дорогу, мы опять увязнемъ въ болотѣ, давъ міру зрѣлище огромныхъ силъ и совершенной неспособности ихъ употреблять? Что то перечитъ сердцу принять это!

Тяжелы эти сомнѣнія, тяжела эта потеря времени, силы!.. Когда же падетъ завѣса съ ихъ глазъ? И чего они боятся идти по такому громкому зову будущаго? "Новая эпоха наступаетъ для Россіи", говорили мы услышавъ о смерти Николая, говорятъ теперь всѣ русскіе журналы, говоритъ иными словами самъ государь. Ну такъ пусть же она будетъ новая.

Во всемъ что дѣлается видно нашу несчастную страсть къ предисловіямъ и введеніямъ, на которыхъ мы любимъ съ самодовольствомъ останавливаться. Какъ будто достаточно рѣшиться что нибудь сдѣлать, чтобъ дѣло и было сдѣлано.

Мало традицій имѣетъ петербургское императорство, но и

они какъ ядро на ногахъ Александра II. Какъ медленно и не прямо идетъ онъ по тому пути реформъ, о которыхъ самъ столько натолковалъ! Какъ мелко плаваетъ его самодержавная ладья! Этимъ шагомъ мы въ двѣсти лѣтъ врядъ догонимъ ли современную Пруссію. А все николаевское преданіе, николаевская политика и что можетъ хуже всего николаевскіе люди.

Пора перестать тупо бояться человѣческаго языка, бѣлаго дня—изъ трусости передъ какой то призрачной революціей, на которую нѣтъ готовыхъ элементовъ. Пора отказаться отъ нелѣпаго вмѣшательства во всѣ европейскія дрязги, поддерживая всякій разъ сторону тиранства, грубой силы, вопіющей неправды. Чертъ съ нимъ со всемъ съ этимъ дипломатическимъ вліяніемъ, за которое всѣ народы пасъ ненавидятъ. Это не русская политика, а николаевская, голштинская. Николай сдѣлалъ изъ сентиментальнаго священнаго союза полицейскую стачку. Зачѣмъ же Александръ продолжаетъ туже роль? Зачѣмъ онъ поддерживаетъ—коронованаго разбойника въ Неаполѣ? Зачѣмъ онъ посылаетъ дерзкія ноты въ Бернъ, заступаясь за гогенцолернскаго дядиньку? Русское императорство совсѣмъ не связано съ судьбою вѣтхихъ европейскихъ троновъ, зачѣмъ же онъ хочетъ дѣлить безъ нужды всѣ ихъ гнусности, — и справедливо обрушивать на себя всѣ ненависти заслуженныя тѣми? Петръ I выходилъ на сцену не такъ, не начальникомъ дикихъ ордъ, готовыхъ броситься на каждый народъ, поддерживать всякую реакцію, душить Венгрію, хотя бы то было въ пользу Австріи; нѣтъ, онъ являлся представителемъ какой то новой силы; такимъ онъ втѣснялъ себя сонму пудреныхъ и изнѣженныхъ королей, въ своемъ толстомъ преображенскомъ мундирѣ. Оттого то онъ и могъ любить свободную Голландію больше монархической Франціи. Правда и то, что совѣсть его была чиста; съ тѣхъ поръ черное преступленіе вызвало круговую поруку между европейскимъ абсолютизмомъ и русскимъ царизмомъ; оно какъ капля крови, падшая на Каина, мутитъ и тревожитъ сонъ Зимняго Дворца и невольно бросаетъ царей въ объятія Пруссіи и Австріи. Съ дѣлежа Польши

отношеніе новой имперіи къ старой Европѣ измѣнилось. Но память о преступленіи должна вести не къ новому ряду злодѣйствъ, не къ одному страху потерять неправо нажитое, а къ угрызеніямъ совѣсти, къ раскаянію. Что же сдѣлалъ Александръ II для Польши?—Le Nord, своими брабантскими кружевами по русскому рисунку—не скрылъ отъ глазъ всю скудность амнистіи, всю ничтожность перемѣнъ при посѣщеніи Александра въ Варшавѣ; у насъ остался въ памяти одинъ только пѣсенный напѣвъ, которымъ онъ окончилъ свою рѣчь—Pas de rêveries! Pas de rêveries!

Pas de rhétorique! Pas de rhétorique! скажемъ и мы въ свою очередь. Ужъ у насъ то нѣтъ мечтаній! Задавленные властью, неправосудіемъ, взятками, безгласностью, неуваженіемъ къ лицу, мы хотимъ безбоязненно говорить, чтобъ обмѣняться другъ съ другомъ мыслями, обличить злоупотребленія, отъ которыхъ само правительство краснѣетъ и которыя оно никогда не остановитъ безъ гласности. Мы хотимъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти и всей податной Россіи отъ палокъ(*), конечно это не rêveries, это очень положительно и чрезвычайно немного.

(*) Въ то время какъ я писалъ это письмо, мнѣ попался въ руки Теймсъ—съ корреспонденціей изъ Россіи. Англичанинъ описываетъ свои впечатлѣнія въ Москвѣ и въ Петербургѣ; между прочимъ онъ говоритъ, что разъ въ Петербургѣ онъ вышелъ изъ концерта на улицу, въ ряду экипажей сдѣлался какой то безпорядокъ—"явился высокій полицейскій солдатъ, который ударилъ сначала кулакомъ въ лице одного кучера, потомъ другаго, третьяго и т. д." Англичанинъ съ омерзеніемъ разсказываетъ это происшествіе, прибавляя, что еслибы онъ не видѣлъ своими глазами, то никогда бы не повѣрилъ. Понесчастію, я не видѣвши повѣрилъ. Что же тутъ особеннаго, это до того въ русскомъ порядкѣ вещей, что не только что правительству, но намъ это не удивительно. А вѣдь морозъ по кожѣ деретъ, когда подумаешь, что всю Россію отъ Авачи до Кронштата въ деревняхъ и городахъ, на улицахъ и въ полицейскихъ домахъ, въ передняхъ и конюшняхъ бьютъ безъ суда, бьютъ безъ отвѣтственности, бьютъ кулаками, бьютъ палками—и нѣтъ никакихъ мѣръ остановить это безобразіе. Что за бѣда что городовой поколотилъ какихъ нибудь извощиковъ,—когда само правительство сѣчетъ по подряду для помѣщиковъ, исполняя прежнюю роль ихъ конюховъ?

Пока будутъ такія пятна на нашемъ лицѣ и синіе рубцы на нашей спинѣ, не взойдемъ мы въ настоящее русло возможной будущности; исторія не барщина

Да, это очень немного, но въ томъ то и состоитъ наша юность, наша сила, что намъ такъ мало надобно для того чтобы бодро и быстро ринуться впередъ. Мы не помощи просимъ отъ правительства, а чтобъ оно не мѣшало. Западъ напротивъ, имѣя такъ много, не можетъ воспользоваться своими богатствами, они ему достались не легко, онъ скупъ на пихъ, онъ консерваторъ какъ всякій имущій. Намъ нечего беречь. Конечно нищета сама по себѣ еще не есть право на иную будущность и долгое рабство на свободу, но вотъ тутъ то идучи изъ противуположныхъ началъ къ противуположнымъ цѣлямъ, я встрѣчаюсь не съ Славянофилами, а съ нѣкоторыми изъ ихъ мыслей.

Я вѣрю въ способность русскаго народа, я вижу по озимовымъ всходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни — несознанное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла европейская мысль.

Вотъ отчего, Любезный Другъ, вы нашли созвучную струну въ моемъ направленіи и въ направленіи — болѣе, нежели ложномъ, вредномъ и опасномъ московскихъ литературныхъ старообрядцевъ, этихъ православныхъ Іезуитовъ, наводящихъ уныніе на всякаго живаго человѣка. И вотъ отчего горячо принимая новую общественную религію, возникшую на дымящихся кровью поляхъ Реформаціи и Революціи, съ біеніемъ сердца перечитывая великія сказанія тѣхъ временъ, я отворачиваюсь отъ современной Европы и мало имѣю общаго съ жалкими наслѣдниками сильныхъ отцовъ.

Не станемъ спорить о путяхъ, цѣль у насъ одна, будемте же дѣлать всѣ усилія, каждый по своимъ мышцамъ, на своемъ мѣстѣ, чтобъ уничтожить всѣ заборы мѣшающіе у насъ свободному развитію народныхъ силъ и поддерживающіе негод-

---

на которую загоняютъ розгами крѣпостныхъ крестьянъ; рабскія руки могутъ только расчищать мѣсто, а не строить для вѣковъ. Я не думаю, чтобъ нынѣшній государь хотѣлъ этого; нѣтъ, но я думаю, что ни онъ, ни его приближенные вовсе не думаютъ объ этомъ;—что же за польза отъ того, что онъ не хочетъ этого?

ный порядокъ вещей, будемте равно будить сознаніе народа и самаго правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо къ Тебѣ словами — На работу, на трудъ, на трудъ въ пользу русскаго народа, который довольно въ свою очередь поработалъ на насъ!

Искандеръ.

Лондонъ 3 Февраля 1857.

XII.

СМЕРТЬ СТАНИСЛАВА ВОРЦЕЛЯ.

Третьяго Февраля, 1857 г. въ небольшой улицѣ недалеко отъ Россель Сквера, въ бѣдной, крошечной комнатѣ нижняго этажа угасла тихо и едва замѣтно, святая и великая жизнь.

Мало политическихъ именъ всплыли послѣ бурь и потрясеній послѣдняго десятилѣтія съ такой чистотою и окруженные такимъ уваженіемъ, какъ имя Ворцеля. Польша считаетъ мученикомъ больше. Она должна съ нами подѣлиться своими Чести-минеями, они намъ нужны для примѣра и поученія сыновей нашихъ.

Да, Ворцель былъ святой человѣкъ, я избираю именно это слово, потому что оно ближе всѣхъ выражаетъ главный характеръ его. Вся жизнь его была однимъ подвигомъ безпредѣльнаго самоотверженія, безграничной преданности. Все что насъ поражаетъ въ жизни святыхъ, мы встрѣчаемъ въ немъ, только человѣчественнѣе, т. е. съ большей любовью.

Родившись въ роскоши и блескѣ высшей польской аристократіи, онъ умеръ въ крайности и демократомъ. Выходя изъ своего отечества, когда оно сломилось подъ желѣзной лапой Николая, онъ на порогѣ его стряхнулъ свои титла и пошелъ на чужбину, оставивъ казнѣ все достояніе свое. О послѣднемъ упоминаю мимоходомъ, потому что нѣтъ въ мірѣ народа, который бы легче Славянъ терялъ богатства свои, Поляки, кажется довольно это доказали. Ворцель не для того оставилъ Польшу, чтобъ искать спокойной гавани и сложить руки, какъ тѣ Римляне первыхъ вѣковъ, которые отказываясь отъ

мірскихъ благъ, удалялись куда нибудь въ овиандскія степи, только чтобъ не видать разрушающагося міра и изъ своего farniente дѣлали религію отчаянія. На чужбинѣ то именно и начался его неусыпный, продолжительный трудъ—образованія и развитія демократической партіи польской эмиграціи.

Среди лишеній, несчастій, болѣзней, оставленный своей семьей, женой, дѣтьми, Ворцель трудился день и ночь двадцать шесть лѣтъ къ ряду до послѣдняго дня своей жизни съ той свѣтлой ясностью, съ тѣмъ кроткимъ самоотверженіемъ, которое дастъ успокоившаяся вѣра и незыблемая надежда.

Слышалъ ли кто нибудь отъ Ворцеля какую нибудь жалобу лично до него касающуюся? Онъ иногда былъ печальнѣе обыкновеннаго, вотъ и все. Былъ ли кто нибудь свидѣтелемъ, часто видаясь съ нимъ, одной изъ тѣхъ минутъ горечи, гдѣ негодованіе заглушаетъ вѣрованія и слова холоднаго сомнѣнія срываются съ устъ, слова, которыми человѣкъ мститъ за свои страданія? Я не былъ, а зналъ его довольно коротко.

Это была одна изъ тѣхъ цѣльныхъ, я скажу фанатическихъ натуръ, проникнутыхъ одной великой мыслью, имѣющихъ одну великую цѣль, и равно дошедшихъ до великой сердечной кротости и до совершенно непреклонной воли. Такихъ людей мы часто встрѣчаемъ на пр. во времена возрожденія и реформаціи. У нихъ нѣтъ возврата, нѣтъ устали, они уже разъ съ главнымъ покончили, до остальнаго имъ дѣла нѣтъ, они уже все отдали, все принесли на жертву, осталось идти, осталось выполнять, 'ога е sempre'! По дорогѣ нищета, одиночество, измѣны, плачь слабыхъ, крикъ отсталыхъ, смерть близкихъ, цѣпи, висилица,—не сворачивать же за этимъ съ дороги? Тотъ же спокойный, строгій, постоянный шагъ.

Таковъ былъ Ворцель и таковъ ближайшій другъ его, человѣкъ, котораго онъ страстно любилъ—Іосифъ Маццини.

Неизмѣнный стражъ Польши, онъ всегда былъ готовъ, всегда на своемъ постѣ. Ледрю-Ролленъ напомнилъ, въ своей рѣчи на могилѣ Ворцеля, трогательныя слова его, которыя за день или за два до своей смерти, онъ, не имѣя силъ сказать, написалъ умирающей рукой: "Я выстоялъ мой чередъ, какъ

слѣдуетъ человѣку, я донесъ мой крестъ, пусть другой меня смѣнитъ".

При этихъ словахъ Ледрю-Роллена мнѣ вспомнилось другое время. Нѣсколько дней послѣ февральской революціи, Ламартинъ, въ родѣ тѣхъ дикихъ, которыя ложатся въ постель вмѣсто родильницы, принималъ поздравленія съ рожденіемъ республики. Въ числѣ депутацій была кучка посѣдѣлыхъ бойцовъ, съ печальной отвагой на лицѣ; вожатый ихъ сказалъ Ламартину т. е. не Ламартину, а Французской Республикѣ: "На всякой перекличкѣ народовъ въ годину боя, на всякой призывъ къ оружію за свободу, Польша отвѣчаетъ Здѣсь! Она готова по первому зову идти на помощь народамъ утѣсненнымъ, она видитъ въ каждомъ освобожденіи — освобожденіе Польши". И въ этихъ словахъ Ворцеля (если не ошибаюсь) звучало что то печальное, невольно сбивавшееся на упрекъ забытаго, оставленнаго союзника. Неизмѣнный стражъ, онъ и послѣ былъ на лицо, но заснувшіе народы не звали его, и тяжелое колесо самовластья проѣхало по его костямъ.

Да, чуденъ былъ удѣлъ польскихъ выходцевъ, мраченъ и исполненъ поэзіи. "Задавленные силой, преданные западными правительствами, Поляки (какъ я писалъ нѣкогда) сражались на каждомъ шагу — отступали. Перейдя границу ,они взяли съ собой свою родину и не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту. Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцевъ. Народы выходили на встрѣчу; цари сторонились чтобъ дать имъ пройти. Европа тридцатыхъ годовъ проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать, будто какое то угрызеніе совѣсти набѣжало на ея душу. Благородный образъ польскаго выходца, этаго крестоваго рыцаря свободы, сильно врѣзался въ народную память, онъ искупалъ вѣкъ молодушный и холодный".

Съ тѣхъ поръ и это перемѣнилось. Напрасно Польша внѣ родины откликалась во всѣ грозные дни борьбы и опасности, напрасно въ первыхъ рядахъ каждаго боя за волю, стоялъ, мечтая о своей родинѣ, бѣлокурый сынъ Польши и самоот-

верженно лилъ свою кровь! Польша была забыта. Несчастіе продолжающееся слишкомъ долго изнашиваетъ сочувствіе.

Но . . . пусть кроткая тѣнь нашего усопшаго друга низведетъ миръ и покой на нашу душу.

Будемъ же говорить объ немъ.

Въ концѣ 1852 года, возвращаясь изъ Италіи, я встрѣтилъ Ворцеля въ Лондонѣ. Время было печальное, со всѣхъ сторонъ обложило черными тучами. Весь европейскій материкъ былъ быстро увлекаемъ какой то неистовой силой въ то старческое варварство, въ которомъ онъ теперь находится. Дикая, грубая реакція торжествовала вездѣ. Я старался оторваться отъ печальнаго зрѣлища этой агоніи, заря новаго утра мнѣ виднѣлась съ другой стороны и я сосредоточилъ всѣ мои силы на образованіе центра русской пропаганды въ Лондонѣ. Я сообщилъ Ворцелю мою мысль. Надобно было видѣть радость, участіе, дружбу, съ которыми онъ меня слушалъ, — и онъ, представитель польской демократіи, помогалъ мнѣ самымъ дѣятельнымъ образомъ въ учрежденіи трибуны для вольнаго русскаго слова. Добрый и прекрасный другъ! Я какъ теперь вижу его, съ изнуреннымъ лицомъ и сѣдыми волосами, съ голосомъ сломаннымъ болѣзнію, но съ взглядомъ, въ которомъ горѣлъ умъ и энергія, когда онъ держа въ своихъ рукахъ первый отпечатанный по русски въ Лондонѣ листъ, говорилъ мнѣ: "Боже мой, Боже мой, русская свободная типографія въ Лондонѣ! Сколько дурныхъ минутъ послѣдняго времени стираетъ этотъ клочекъ бумаги, замаранный голландской сажей!". Потомъ онъ сжалъ мнѣ обѣ руки и повторилъ: —"Да, мы должны идти вмѣстѣ, у насъ одна цѣль и тѣже враги!"

Русская типографія сначала была соединена съ типографіей польскаго демократическаго общества; Ворцель предложилъ мнѣ всѣ свои средства, чтобъ первые летучіе листы и брошюры дошли черезъ Польшу въ Россію.

Demokrata Polski, объявляя объ открытіи русской типографіи и печатая переводы моихъ статей, помѣстилъ братское воззваніе къ Русскимъ, протягивая имъ на миръ и забвеніе

свою обиженную руку. Тогда то знаменитый историкъ Мишле написалъ мнѣ: "Какая же ненависть имѣетъ право продолжаться, когда Поляки соединяются съ Русскими?"

Во время войны, ненависть и страхъ снова усилили враждебное разположеніе къ намъ. Ограниченные и печальные безумцы метили за свою боязнь, нарочно смѣшивая каждаго Русскаго, хотя бы онъ былъ Пестель или Муравьевъ съ оффиціальной Россіей. Ворцель, котораго война не ослѣпила ни на минуту, возсталъ съ негодованіемъ противъ этой систематической клеветы. Сначала онъ защитилъ публично Бакунина, (котораго и до сихъ поръ милосердый императоръ держитъ въ крѣпости), потомъ и меня, когда пришелъ мой чередъ пройти подъ этими душами грязи.

Замѣчательно, что такой животной ненависти къ Русскимъ почти совсѣмъ нѣтъ у Поляковъ, которые одни въ свѣтѣ въ правѣ насъ ненавидѣть. Поляки не требуютъ отъ насъ какъ доказательствъ цивизма, чтобъ мы измѣнили отечеству, и въ подтвержденіе нашей искренности, чтобъ мы позорили нашъ народъ. Какъ только Русскій подходитъ къ Полякамъ съ сердцемъ обливающимся кровью за всѣ ужасы, надѣланные русскимъ правительствомъ, краснѣя нашихъ общихъ цѣпей, Поляки его принимаютъ какъ брата. Бакунинъ испыталъ это, какъ многіе другіе, какъ я самъ. "Мы васъ любимъ, сказалъ мнѣ разъ Ворцель, говоря объ этомъ, именно потому, что вы любите вашу родину; иначе вы не были бы съ нами, а были бы равнодушный человѣкъ, оставившій свою родину для собственнаго удовольствія". (*)

За то, прежде, чѣмъ Ворцель закрылъ на вѣки глаза онъ еще видѣлъ съ большею радостію успѣхъ русской пропаганды ея распространеніе, матеріалы которые получались изъ Россіи, требованіе книгъ и наши отправки. Онъ говорилъ со мной обо всемъ объ этомъ въ Декарбѣ мѣсяцѣ, недѣль за пять до кончины.

Подробности его біографіи я переведу впослѣдствіи изъ

(*) Ворцель въ этомъ смыслѣ помѣстилъ двѣ статьи въ La Nation Belge, въ Ноябрѣ 1853 года.

брошюры, которую хотятъ издать его польскіе друзья; здѣсь я прибавлю только нѣсколько строкъ общей характеристики этаго замѣчательнаго человѣка.

Ворцель былъ человѣкъ по преимуществу религіозный. Тотъ мистическій складъ, который мы видимъ почти у всѣхъ польскихъ поэтовъ, имѣлъ глубокіе корни въ душѣ Ворцеля, не смущая впрочемъ нисколько его свѣтлаго ума. Это былъ умъ діалектическій, чрезвычайно тонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ объемистый. Одаренный въ высшей степени способностію отвлеченнаго мышленія, онъ естественно сдѣлался глубокимъ математикомъ. Но съ своимъ живымъ и удободвижимымъ умомъ, онъ не могъ ограничиться астрономіей и механикой, а послѣдовательно изучилъ всѣ естественныя науки. Его знанія были изумительны. Онъ занимался всѣмъ, интересовался всѣмъ, помнилъ все. Онъ свободно и изящно говорилъ по французски, англійски и нѣмецки, основательно зналъ древнія и новыя литературы. Я иногда прибѣгалъ къ нему какъ къ энциклопедіи и всегда тотчасъ получалъ отвѣтъ; добросовѣстный во всемъ, онъ иногда на другой день присылалъ мнѣ записку если ошибался въ чемъ нибудь. Эта масса знаній съ радужнымъ хроматизмомъ, который ей придавалъ его мистическій элементъ и составляла особенную прелесть его возрѣнія и его рѣчей.

Но все это, наука и мистицизмъ, исторія и математика, все это было у Ворцеля на второмъ планѣ. Религія его — постоянная мысль всей его жизни—была религія Польши. Все остальное было для него отдыхъ, разсѣяніе. Отдавши все на жертву — семью, богатство, цѣлую жизнь — своему дѣлу, онъ хотѣлъ даже самой смертью своей быть полезенъ Польшѣ. Чувствуя приближеніе своего конца, онъ послалъ за Маццини и за двумя тремя друзьями. Слабый, истощенный, задыхающійся, онъ лежалъ на своемъ маленькомъ диванѣ и не могъ говорить. Нѣсколько оправившись, онъ сдѣлалъ знакъ Маццини, чтобъ тотъ приблизился; его исхудалые, измученные черты приняли торжественно-строгое выраженіе и онъ потухшимъ голосомъ, перерываясь для тяжелаго дыханія, требовалъ отъ

Маццини священнаго обѣта, чтобъ Польша не была забыта при пробужденіи народовъ. Это было грозное 'Клянитесь!' * произнесенное на краю гроба духомъ народа, пожертвованнаго другими народами. Маццини взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ и прочелъ ихъ больному. Подавленный чувствами, старикъ не могъ произнести ни слова . . . черты его преобразились, глаза еще разъ освѣтились выраженіемъ счастія, ими и нѣмой улыбкой на устахъ благодарилъ умирающій своего друга, ему казалось было легче оставить теперь свой постъ.

Недѣлю спустя Маццини говоря со мной объ этомъ, былъ еще сильно потрясенъ и весь подъ вліяніемъ этаго благодарящаго взора, въ которомъ чудно встрѣтились вдохновенная надежда и смерть. Я вспомнилъ Доминикиново причащеніе св. Іеронима передъ смертью, на ватиканскихъ стѣнахъ, — тоже выраженіе, тоже лице и таже вѣра идущая за гробъ, восторженная и преданная!

Девятаго Февраля, выходцы всѣхъ странъ, ... послѣдніе обломки всѣхъ кораблекрушеній безъ различія партіи и странъ, безъ зова собрались передъ убогой квартирой покойника. Ничего не было приготовлено, все сдѣлалось само собой, Англичанинъ принялъ на себя расходъ, Итальянцы явились съ музыкой, Русскіе помогли Полякамъ донести гробъ до могилы, куда его проводило обвитое крепомъ знамя Италіи и красное знамя будущей Республики. Каждое слово сказанное Ледрю-Ролленомъ на могилѣ, было словомъ примиренія и кротости. День былъ весенній, солнце такъ рѣдко свѣтящее на лондонскія улицы, придавало что то торжественное этому пиру смерти. И вдругъ на насъ повѣяло какимъ то духомъ мира и согласія. Откуда то взявшаяся надежда посѣтила разомъ сердца многихъ и многіе спросили сами себя: "Отчего разъединеннымъ членамъ великой семьи несчастья и изгнанья не остаться также соединенными на общее дѣло, какъ они теперь соединены около могилы однаго изъ своихъ?"

* 'Swear!' Гамлетова отца.

И этотъ слабый свѣтъ примиренія сошелъ въ утѣшеніе намъ среди мрака и потеръ, въ которыхъ мы живемъ,—отъ гроба святаго мученика!

О еслибъ это было возможно, — какой памятникъ aere perennius воздвигся бы Ворцелю!

И — ръ.

10 Февраля 1857.

XIII.

РУССКІЕ ВОПРОСЫ.

Статья вторая.

ДВИЖЕНІЕ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ 1856 ГОДУ.

Между тѣмъ какъ философія исторіи подводитъ факты подъ законъ движенія цѣли безконечнаго развитія человѣчества, факты движутся гораздо проще: народы и правительства хватаютъ за перемѣны въ положеніи вещей, когда въ этихъ перемѣнахъ приходитъ нужда, когда послѣ долгаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій какое нибудь положеніе становится невыносимымъ и государство поставлено въ необходимость или измѣнить его или погибнуть. Въ такія времена правительства или падаютъ, или становятся реформаторами—сознательно или вопреки своей воли—все равно; необходимость сильнѣй всякой воли. Горе правительствамъ, которыя упрямо хотятъ сохранить statu quo: они исчезаютъ съ позоромъ. Жалки правительства, которыя медлятъ, потому что теряютъ силы и время отъ непониманія вещей. Слава правительствамъ, которыя становятся во главѣ движенія, потому что это есть признакъ пониманья, умѣнья, силы, таланта, геніяльности!

Всѣ эти мысли приходятъ на умъ при наблюденіи за движеніемъ нашего законодательства въ прошломъ году. Да, нужда приводитъ къ перемѣнамъ. Нить этой роковой необходимости можно прослѣдить ясно и отчетливо.

Прошлый годъ—годъ окончанія войны. Что прежде всего поражаетъ правительство? Это то, что война была все же несчастлива, что послѣ тридцатилѣтняго царствованія императора Николая, въ продолженіи котораго парадная выправка замѣнила военный смыслъ,—въ Россіи не нашлось порядочнаго генерала для веденія войны и что мы остались въ проигрышѣ даже не смотря на тупоумныя ошибки непріятеля. Чѣмъ же занято правительство съ самаго начала 1856 года? Реформой военныхъ школъ. Надо образовать людей, иначе будетъ плохо. Эта мысль преслѣдуетъ, мучитъ правительство, и вотъ на мѣсто капральства вводится наука, на мѣсто тупой маршировки—пріученіе къ тѣлесной ловкости, на мѣсто подавленія умовъ—возвышеніе мысли и знанія. Правительство видитъ, что съ невѣжествомъ и гнетомъ ему долѣе жить нельзя и оно хватается за разпространеніе науки и слѣдственно свободы мысли. Почти каждый приказъ по военно-учебному вѣдомству въ продолженіи болѣе полугодія, отъ начала 1856 года, есть требованіе науки, разширеніе, поощреніе научнаго образованія въ людяхъ, посвящающихъ себя военному дѣлу. Программы учебныхъ курсовъ слѣдуютъ за программами: задачи для написанія учебниковъ слѣдуютъ одна за другою. Можетъ быть все это не полно, шатко, не установилось; но важно то, что вопросы поставлены на ноги, что даже и отъ войска требуется не одно тупое повиновеніе, а человѣческое образованіе, умственная дѣятельность.

Война не нарочно была истиннымъ благодѣяніемъ для Россіи. Тутъ также правительство натолкнулось на свое чиновничество, на его невѣжество, на грабежъ безъ предѣловъ, и почувствовало, что зацѣпляется за порогъ, который надо выпилить, если не хочешь споткнуться и удариться лицомъ въ грязь. И вотъ правительство начинаетъ преслѣдовать своихъ привиллегированныхъ гражданскихъ воровъ, печатаетъ о нихъ въ газетахъ, послабляетъ цензуру, покровительствуетъ Университетамъ, задавленнымъ прошлымъ царствованіемъ, требуетъ себѣ чиновниковъ образованныхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; опять въ гражданскомъ дѣлѣ,

какъ въ военномъ, требуетъ науки, мысли, образованія. Оно видитъ, что преслѣдованіемъ мысли оно само бы у себя отняло средства дѣйствовать, что по николаевской системѣ ему долѣе не льзя жить, и оно начинаетъ косо смотрѣть на самихъ преслѣдователей, отнимаетъ у генералъ-губернаторовъ попечительство надъ университетами, не хочетъ употреблять военныхъ офицеровъ по гражданскому вѣдомству вообще и по части гражданскаго воспитанія въ особенности. (*) Все это оно дѣлаетъ шатко, не полно, нерѣшительно, даже не ловко; хватается за предметы безъ яснаго сознанія своихъ дѣйствій, подобно человѣку, который съ завязанными глазами играетъ въ жмурки, двигается ощупью, боится ушибиться, иногда невзначай схватываетъ кого нужно, а по большей части ловитъ воздухъ, или берется за предметы ни къ чему негодные. По какъ бы то ни было, опять здѣсь важно то, что необходимость заставила поставить вопросы на ноги, и теперь —хочешъ не хочешъ—а надо рѣшать ихъ.

Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь обязанность русской вольной книгопечатни сказать слово правды, которому дома вполнѣ высказываться правительство еще боится дозволить. Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь нужна критика правительственныхъ дѣйствій добросовѣстная и безгнѣвная. Къ чему теперь былъ бы гнѣвъ? Незабвенный въ могилѣ; довольно съ насъ сознанія, что пока существуетъ языкъ русскій, — русская рука станетъ въ отечественныхъ лѣтописяхъ отмѣчать его царствованіе съ ненавистью и омерзѣніемъ; теперь оставимте мертвымъ хоронить мертвыхъ и прейдемте къ живой дѣйствительности. Да, не гнѣвную оппозицію новому правительству принесемъ мы въ станокъ вольнаго русскаго слова, а строгій и ясный разборъ правительственныхъ дѣйствій, разборъ, изъ котораго само правительство благородно и откровенно могло бы увидѣть свои ошибки и обратить вниманіе на дѣйствительныя потребности государства. Да не обвинятъ

(*) Резолюція императора на докладной запискѣ статсъ-секретаря Гольмана 25 Февраля 1856 года.

насъ ни правительство, ни соотечественники въ высокомѣріи: всякій человѣкъ, убѣжденный въ справедливости своего мнѣнія, имѣетъ благородное высокомѣріе думать, что рѣчь его полезна.

Съ чего же начнемъ мы нашъ обзоръ? Все равно. Начнемте хотя съ разпоряженій по судебной части.

Начиная съ новаго изданія военно-уголовныхъ законовъ, всюдѣ видно, что направленіе правительства человѣколюбивое; ему хочется сбросить систему гнета, въ которой ему самому болѣе дышать нельзя. Оно возвращаетъ ссыльныхъ, возвращаетъ семейныя права и имѣнье дворянину Аркадію Улятковскому, разжалованному за участіе въ тайномъ обществѣ въ 1831 году, когда онъ еще былъ ученикомъ гимназіи; правительство очевидно не хочетъ болѣе наказывать за мнѣнія. Но какимъ образомъ, въ то самое время какъ правительство преслѣдуетъ грабежъ чиновниковъ, оно съ тѣмъ же снисхожденіемъ, съ какимъ милуетъ мучениковъ за мнѣнія, милуетъ и князя Дадіана, наказаннаго за жестокое обращеніе и воровство по арміи,—этого мы не понимаемъ. Тутъ есть двойная непослѣдовательность: уравненіе воровства и варварства съ политическимъ преступленіемъ, и покровительство привиллегированнымъ казеннымъ ворамъ, которыхъ съ другой стороны правительство преслѣдуетъ.

Участь арестантовъ привлекаетъ вниманіе государя. Онъ приказываетъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ "имѣть ближайшее наблюденіе за арестантскими дѣлами и исполненіемъ высочайшихъ повелѣній о немедленномъ ихъ окончаніи, предоставляя ему вести подъ главнымъ надзоромъ министра всю переписку по дѣламъ сего рода. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказываетъ, чтобы въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ, когда по ходу означенныхъ дѣлъ, потребуются особыя мѣры понужденія и взысканія съ подчиненныхъ министерству мѣстъ и должностныхъ лицъ — распоряженія были дѣланы министромъ непосредственно." (*) Кажется цѣль и благая; но вѣдь

(*) Повелѣніе 6 Іюля 1856 года.

это раздѣленіе труда между министромъ и его товарищемъ существуетъ и безъ того по всѣмъ дѣламъ министерства. Что же новаго прибавило это приказаніе къ существующему порядку вещей? Ровно ничего. Цѣль правительства благонамѣренная; мы охотно хотимъ этому вѣрить; но да перестанетъ оно вмѣсто дѣлъ, удовлетворяться повтореніемъ словъ, ничего не исправляющихъ, ничего ни подвигающихъ, ничего не измѣняющихъ.

Поясненіе на статьи IX—XIII манифеста 27 Марта 1855 и ст. XXI—XXV манифеста 26 Августа 1856, хотя и доказываетъ мнѣніе статьи о манифестѣ, помѣщенной въ этой же книжкѣ Полярной Звѣзды, о неясности и неполнотѣ самаго манифеста, но тѣмъ не менѣе служитъ въ пользу подсудимыхъ.

Но страшно поразило насъ высочайшее утвержденіе (*) мнѣнія государственнаго Совѣта о возстановленіи третьяго отдѣленія при департаментѣ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для завѣдыванія дѣлами о преступленіяхъ противъ вѣры православной. Вопервыхъ, почему же завѣдываніе дѣлами о преступленіяхъ какого бы то рода ни было можетъ относиться къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а не къ министерству юстиціи? Вовторыхъ, какія же это преступленія противъ православной церкви? Неужели опять гоненіе на раскольниковъ, этихъ мирныхъ и самыхъ трудолюбивыхъ и нравственныхъ жителей имперіи? Мы не можемъ повѣрить этому. При человѣколюбивомъ направленіи новаго правительства это кажется такъ невозможнымъ! Противъ заблужденій мнѣнія есть убѣжденіе слова. Неужели же слово православной церкви такъ безсильно, что для убѣжденія раскольниковъ и приведенія ихъ въ нѣдра православія, нужны опять полицейскія мѣры, преслѣдованія истязанія, ссылки? Не есть ли скорѣе признаніе расколовъ за преступленіе просто замыселъ чиновничества, которое знаетъ, что раскольники богаты и что при преслѣдованіи ихъ есть чѣмъ поживиться? Терпимъ же мы однако католиковъ, реформатовъ всякаго рода, евреевъ,

(*) 7 Февраля, 1856.

магометанъ и идолопоклонниковъ, не считая ихъ за преступниковъ? Неужели мы только своихъ же Русскихъ, сколько нибудъ различествующихъ съ нами въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, станемъ преслѣдовать какъ преступниковъ? Какой бы это былъ позоръ для правительства и для самой православной церкви! Не портите хорошихъ сторонъ русскаго народа, котораго уваженіе къ религіи такъ велико, что онъ уважаетъ религіозное чувство въ каждомъ человѣкѣ, и потому носитъ въ сердцѣ своемъ вѣротерпимость.

Отдѣленіе долговыхъ арестантовъ отъ другихъ преступниковъ есть конечно большой прогрессъ въ нашихъ судебно-полицейскихъ учрежденіяхъ и приближеніе къ сознанію, что гражданскій искъ нельзя смѣшивать съ уголовнымъ преступленіемъ. Можетъ быть такимъ образомъ полицейскія власти перестанутъ бить по зубамъ и пороть мужиковъ, которые не въ состояніи заплатить долга или подати.

Распространеніе измѣненныхъ статей военно-уголовнаго устава на сводъ морскихъ уголовныхъ постановленій, доказываетъ, что правительство стремится избавить подсудимыхъ отъ ареста, который обыкновенно налагается у насъ произволомъ начальствъ, ограничивъ число случаевъ ареста.

Еще болѣе важное узаконеніе по морскому вѣдомству, узаконеніе, обличающее наиболѣе чувства правосудія, и юридическаго смысла передъ всѣми судебными узаконеніями прошлаго года,—это узаконеніе о неотдаваніи человѣка подъ судъ прежде чѣмъ сдѣлано слѣдствіе. Тутъ высказано наконецъ такое простое и важное основаніе уголовнаго права, что пора бы сдѣлать это узаконеніе общимъ не для однаго морскаго вѣдомства, а для всего государства, въ которомъ этаго основанія не признаетъ ни одинъ чиновникъ.

При этомъ гуманномъ настроеніи правительства очень странно видѣть, что государственный совѣтъ находится въ розгораздавательномъ разположеніи духа и ссылаясь на 90 ст. уложенія о наказаніяхъ, разточаетъ удары розгами несовершеннолѣтнимъ въ замѣнъ слѣдующихъ съ нихъ денежныхъ взысканій по уголовнымъ преступленіямъ. Ссылаясь на ста-

тью 90, государственный совѣтъ повторяетъ ст. 87 того же уложенія, уменьшая немного противъ нея число ударовъ, потому что ст. 87 относится до взрослыхъ. Хорошо еще что государственный совѣтъ имѣетъ настолько свѣденій въ патологіи, что догадывается, что ребенокъ не можетъ вытерпѣть столько побоевъ сколько взрослый. Надо замѣтить, что и самая ст. 87 (Разд. I, Отд. IV, о замѣнѣ однихъ наказаній другими) чудо какъ гуманна, какъ попечительна о благосостояніи русскихъ людей! Вѣдь она розги присуждаетъ въ замѣнъ тюрьмы, чтобы не раззорить человѣка тюремнымъ заключеніемъ. А тюрьма присуждается въ замѣнъ денежныхъ взысканій, когда съ человѣка взять нечего. А за что именно присуждаются эти денежныя взысканія? За нарушеніе уставовъ о соли, о питейномъ сборѣ и акцизѣ, о таможняхъ, о казенныхъ лѣсахъ, правилъ судоходства, правилъ карантинныхъ. Но кто же по всѣмъ этимъ предметамъ больше крадетъ какъ не чиновники? Однако ихъ не сѣкутъ, и не сажаютъ въ тюрьму, и денегъ съ нихъ не взыскиваютъ! Какъ же повторять 87 ст. уложенія для несовершеннолѣтнихъ и въ то время когда государство жаждетъ уничтоженія тѣлеснаго наказанія? Оно конечно легче и скорѣе сослаться на старую статью уложенія, требующую исправленія, чѣмъ придумать новое узаконеніе; но развѣ государственный совѣтъ собирается для того, чтобы дѣло рѣшить какъ можно легче и скорѣе, а не какъ можно разумнѣе и справедливѣе? Странный государственный совѣтъ!

Мы не можемъ покончить этого бѣглаго и далеко не полнаго обзора судебныхъ разпоряженій не замѣтивъ, что къ министру юстиціи въ продолженіи первыхъ пяти мѣсяцевъ 1856 года поступило 594 просьбы, что видно изъ приложеній къ С. Петербургскимъ Сенатскимъ Вѣдомостямъ. Резолюціи министра по этимъ просьбамъ почти безъ исключенія одинаковы: истребовать свѣденій по дѣлу отъ губернскаго прокурора или присутственнаго мѣста, гдѣ дѣло производится. То есть спросить въ чемъ дѣло у тѣхъ людей, на медленность, криводушіе и безпечность которыхъ проситель жалуется. Отвѣтовъ господъ прокуроровъ и присутственныхъ мѣстъ на

требованія г. министра юстиціи Сенатскія Вѣдомости не печатаютъ; но тѣмъ не менѣе участь прошеній подаваемыхъ министру удобопонятна всякому русскому человѣку. А именно: половина прокуроровъ и присутственныхъ мѣстъ отвѣтятъ г. министру очень скоро—вздоръ, и г. министръ удовлетворится и по большей части откажетъ просителямъ; другая половина отвѣтитъ также вздоръ, — но черезъ очень долгое время и г. министръ также удовлетворится и также по большей части откажетъ просителямъ,—и только! По дѣятельность г. министра неимовѣрна; резолюціи на прошенія: "истребовать свѣденій" — слѣдуютъ почти всегда на другой же день по подачѣ прошеній. О г. министръ юстиціи! Не худо бы вамъ примѣнить къ себѣ циркуляръ вашего сослуживца—министра внутреннихъ дѣлъ и внушить себѣ, что вашъ долгъ есть "исполненіе дѣла, а не отсылка бумагъ." Знаете ли, что это еще не значитъ быть великимъ министромъ, когда вы станете съ сіятельной точки зрѣнія посылать вашего начальника департамента заказывать для васъ обѣдъ у Донова и заставите его встрѣчать васъ при вашемъ выходѣ на берегъ съ парохода, словомъ сдѣлаете ему милость смотрѣть на него какъ на своего любимаго лакея? Знаете ли, что съ болѣе сіятельной точки зрѣнія, порядочный человѣкъ не сталъ бы держать при себѣ чиновника способнаго con amore разыгрывать роль лакея? Но гдѣ же вамъ это знать? Среди высокихъ юридическихъ заботъ и соображеній всякое здравое человѣческое воззрѣніе на вещи должно быть для васъ недоступнымъ.

Сколько бы намъ ни хотѣлось представить общую картину состоянія финансовъ нашего государства и системы управленія ими, размѣръ этой статьи и несовершенная полнота свѣденій не позволяютъ намъ сдѣлать это теперь, и мы отлагая это намѣреніе до слѣдующей книжки Полярной Звѣзды, ограничимся нѣсколькими замѣчаніями о разпоряженіяхъ по министерству финансовъ за 1856 годъ.

Первое, что насъ поражаетъ — это сохраненіе прежней системы винныхъ откуповъ. Не можетъ быть, чтобы правительство не понимало, что тутъ заключается одинъ изъ живо-

трепещущихъ вопросовъ русской промышленности и русской жизни. Всѣ народы потрѣбляютъ спиртные напитки; это одинъ изъ физіолого-паталогическихъ фактовъ человѣческаго организма, противъ котораго спорить нельзя и утопическая точка зрѣнія общества трезвости не можетъ сдѣлаться точкой зрѣнія государственнаго человѣка. Слѣдственно цѣль народной промышленности въ производствѣ спиртныхъ напитковъ остается таже какъ и во всѣхъ другихъ производствахъ, а именно: представить потребителямъ товаръ наилучшаго достоинства по возможно дешевой цѣнѣ. Всякое промышленное предпріятіе, уклоняющееся отъ этой естественной цѣли, представится —если это частное предпріятіе—мошенничествомъ; если это государственное предпріятіе — раззорительнымъ налогомъ. Въ нашей статьѣ во второй книжкѣ Полярной Звѣзды, мы уже имѣли случай показать, что настоящая система винныхъ откуповъ составляетъ налогъ въ 14 рублей на рубль или въ 1400 процентовъ. Кромѣ того эта система есть постоянное поддержаніе административнаго мошенничества чиновниковъ и торговаго мошенничества откупщиковъ. Только для этихъ двухъ чужеядностей въ этомъ дѣлѣ настоящая система откуповъ и выгодна и тѣмъ болѣе давитъ всей своей тяжестью два естественные элемента водочной торговли, т. е. потребителей и производителей, народъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Положимте, что казнѣ нужны деньги и что откупъ ей даетъ болѣе 120 милліоновъ рублей дохода; но обратимтесь къ самому источнику производства спиртныхъ напитковъ, т. е. къ винокуреннымъ заводамъ. Ясно, что откупщики не могутъ выдумать вина по мимо винокуренныхъ заводовъ, т. е. все вино продаваемое откупщиками выработывается на винокуренныхъ заводахъ; къ чему же это посредничество откупщика въ дѣлѣ водочной торговли? Maximum возможнаго производства вина на нашихъ винокуренныхъ заводахъ извѣстенъ министерству финансовъ; отношеніе количества зерноваго хлѣба, употребляемаго на винокуреніе, къ общему урожаю должно быть ежегодно извѣстно министерству финансовъ (если оно сколько нибудь заслуживаетъ названія министерства). Почему же

прямо не обложить податью винокуренные заводы, дозволивъ имъ совершенно свободную торговлю спиртомъ и водками? Это имѣло бы большія послѣдствія: 1.) цѣна на вино понизилась бы, 2.) число заводовъ увеличилось бы, 3.) цѣна на хлѣбъ повысилась бы, 4.) нашъ зерновой хлѣбъ въ видѣ спирта безпрепятственно шелъ бы за границу, 5.) сбытъ хлѣба облегчился бы. Постараемся яснѣе высказать нашу мысль, хотя бы это и показалось длиннымъ читателю. Откупщикъ не продастъ ни одного ведра лишняго противъ того, что выкуривается на винокуренныхъ заводахъ; стало быть казнѣ все равно брать подать съ откупщика, или съ завода; но казна можетъ безбоязненно понизить пошлину съ заводовъ, потому что выиграетъ на количествѣ производства то, что потеряетъ на циффрѣ пошлины. Слѣдственно цѣна на вино понизится. Народъ отъ этого нисколько не сопьется. Возмите статистическія свѣдѣнія о продажѣ вина въ губерніяхъ, гдѣ существуетъ вольная продажа и сравните съ продажею откуповъ и вы не найдете разницы. Да и цѣль откупа, какъ и всякой торговли, продать товару какъ можно больше; умѣренности въ продажѣ у откупа нѣтъ. Стало быть заводчики продадутъ вина въ Россіи около того же количества какъ и откупа; излишекъ же производства пойдетъ за границу, гдѣ оно продастся все же дешевле чѣмъ туземное. Изъ этого можно ожидать, что винокуреніе увеличится, и именно умножатся маленькіе заводы, которые станутъ удовлетворять мѣстнымъ потребностямъ, а крупные заводы станутъ работать для иностранной торговли. Хлѣбъ найдетъ удобный сбытъ дома и съ помощію желѣзныхъ дорогъ станетъ снабжать новые заводы и въ нехлѣбородныхъ губерніяхъ. При этомъ потребители и производители выиграли бы; доходъ казны нисколько не уменьшился бы и правительство освободилось бы отъ цѣлой систематической и грязной отрасли чиновничьяго и торговаго мошенничества. Неужели въ продолженіи двухъ лѣтъ правительство не успѣло по этому предмету придумать ничего честнаго и разумнаго и погрязло въ прежнемъ болотѣ? Жалкое же министерство финансовъ, если оно не подкуплено откупщиками!

По представленію министра финансовъ правительствующимъ сенатомъ рѣшено и высочайше утверждено дозволеніе пріема казною въ залогъ по откупамъ и подрядамъ удобныхъ земель въ губерніяхъ втораго и третьяго разряда, превышающихъ пяти десятинную пропорцію на душу. Не намѣкаетъ ли это правительству на необходимость пересмотрѣть всѣ узаконенія кредитныхъ установленій и привести себѣ въ сознаніе современную цѣнность земель въ Россіи и ея отношенія къ ссудамъ кредитныхъ установленій? Это было бы не худо для оживленія кредита недвижимыхъ имуществъ.

По представленію министра финансовъ въ государственномъ совѣтѣ рѣшено (6 Іюля) понизить пошлину по морскому привозу съ сахара-сырца во всѣхъ портахъ имперіи на шесть лѣтъ, а существующій акцизъ (т. е. налогъ) на свекло-сахарное производство оставить впредь на такой же срокъ безъ измѣненія. Сказать: по морскому привозу—все равно, что сказать по всякому привозу, потому что сахаръ-сырецъ къ намъ сухопутно не приходитъ. Видали мы защитниковъ запретительныхъ тарифовъ, поборниковъ этого способа поощренія внутренней промышленности; видали мы друзей свободной торговли, къ которымъ охотно причисляемъ и самихъ себя; но до сихъ поръ еще не удавалось намъ встрѣтить людей, которые бы хотѣли убить внутреннюю промышленность въ пользу иностранной торговли. Какъ же не понять, что оставляя налогъ на внутреннемъ сахорномъ производствѣ и сбавляя его съ привознаго сахара, вы, нисколько не покровительствуя свободной торговлѣ, убиваете внутреннее производство? Сбавляйте, уничтожте пожалуй пошлину съ привознаго сахара, но уничтожте и налогъ на внутреннее сахаропроизводство. Замѣтьте, что налогъ на свекловичный сахаръ есть вмѣстѣ налогъ на русское земледѣліе, потому что сахарные заводы создали новый родъ земледѣльческой промышленности и внесли въ нее элементъ улучшенія. Сохраняя налогъ на свекловичный сахаръ при пониженіи цѣнъ на сахаръ, вы поставите заводчиковъ въ невозможность платить крестьянамъ настоящую цѣну за свекловицу. Я не говорю, чтобы вы не

сбавили налогъ съ привознаго, но сбавте же или уничтожте его и съ внутренняго производства, чтобъ эта важная отрасль нашей промышленности могла существовать, и чтобъ ваши мѣры клонились къ пользѣ потребителей. Признаюсь, если бы мы не были глубоко убѣждены въ высокой честности министра финансовъ и государственнаго совѣта, какъ и всего благороднаго чиновничества россійскаго, мы въ вышеприведенномъ постановленіи заподозрѣли бы англо-американскій подкупъ; но будучи глубоко убѣждены въ высокой честности г. министра и государственнаго совѣта, мы принуждены отнести новое постановленіе къ ихъ легкомыслію.

Вновь учрежденныя въ 1856 году компаніи рѣчнаго судоходства, разработки донскаго каменнаго угля, заводской обработки животныхъ продуктовъ и усиленіе ихъ акцій, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ при новомъ правительствѣ быстро поднимается наша промышленная дѣятельность и какъ нужны способные люди для министерства финансовъ.

А какъ нужны министерству финансовъ честные люди, это мы видимъ изъ подтвержденія, чтобъ "въ должности казначеевъ и приходоразходчиковъ избираемы были чиновники вполнѣ извѣстные ближайшему ихъ начальству по своей честности и добросовѣстности; равнымъ образомъ и при опредѣленіи уѣздныхъ казначеевъ соблюдать существующія нынѣ правила, т. е. независимо отъ выбора на сіи мѣста людей, отличающихся нравственными качествами —требовать отъ нихъ по мѣрѣ возможности и залоги, предоставя исполненіе сего послѣдняго условія усмотрѣнію казенной палаты, согласно существующему порядку".(*) Кто же поручится при выборѣ за честность ближайщаго начальства?... Уѣздный казначей, какими бы нравственными качествами ни отличался, хотя бы супружеской вѣрностью, — все же получаетъ менѣе 300 руб. сер. жалованья; а черезъ его руки проходятъ десятки и сотни тысячъ; какой же онъ равносильный залогъ проходящимъ

(*) 26 Іюня.

черезъ его руки суммамъ можетъ представить? Укажите намъ хотя на одну казенную палату въ цѣлой имперіи, которая бы по своему усмотрѣнію согласно существующему порядку назначила хотя бы одного уѣзднаго казначея, взявъ съ него залогъ болѣе положительный чѣмъ его предполагаемыя нравственныя качества? Для того, чтобы брать залогъ съ казначея, надо измѣнить всю систему финансоваго управленія!—Кто это сочиняетъ государю такіе рескрипты, похожіе на дѣтскій лепетъ?

Высочайше утвержденнымъ 13 Іюля 1851 года мнѣніемъ государственнаго совѣта былъ назначенъ пересмотръ "отнесенныхъ на земскіе сборы, въ разное время, расходовъ до земскихъ повинностей не относящихся." Цѣль благая; вѣроятно правительству хотѣлось облегчить народъ, не требуя съ него повинностей, на него естественно не ложащихся. Что же изъ этого вышло? Министръ финансовъ представилъ государственному совѣту мнѣніе, съ которымъ совѣтъ поспѣшилъ согласиться. Это мнѣніе состоитъ въ томъ, чтобы всѣ важныя и почти общіе по имперіи сборы (какъ то на содержаніе предсѣдателей судебныхъ палатъ въ 37 губерніяхъ и пр.), разложенные на земскія повинности, оставить по прежнему въ числѣ земскихъ повинностей, а исключить изъ нихъ только расходы на содержаніе коммиссій, которыя были уничтожены (что ужъ бы, кажется, о нихъ говорить?) да расходы на предположенное на дворянскія деньги увеличеніе воспитанниковъ Тульскаго благороднаго пансіона (стало этотъ расходъ никогда и не входилъ въ составъ земскихъ повинностей и нечего было исключать), да расходъ на содержаніе Кагульской повивальной бабки. Это такой махіавелизмъ со стороны министра финансовъ, что могъ бы принести честь Робер-макэру: исключить копѣйки и оставить милліоны рублей! И тутъ государственный совѣтъ относительно земскихъ повинностей точь въ точь въ гоголевскомъ носѣ медикъ относительно маіора Ковалева: пощелкалъ по больному мѣсту и говоритъ "нѣтъ! ужъ вы лучше такъ и оставайтесь, а то какъ бы хуже не было." Какъ будто этаго требовало правительство, назначивъ пере-

смотръ дѣла? Оно требовало обдуманіе предмета и исправленіе, а не оставленіе его по прежнему? О! Фамусовъ не умеръ въ государственномъ совѣтѣ и кричитъ оттуда:

Обычай мой такой:
Подписано и съ плечъ долой!

По части административной на сколько насъ радуютъ распоряженія морскаго министерства своимъ правосудіемъ, любовію къ наукѣ, смѣтливостью и живой дѣятельностью отъ балтійскаго и чернаго морей до тихаго океана; на столько печалитъ насъ рутинизмъ и близорукость главной администраціи въ государствѣ, т. е. министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣятельность его въ прошломъ году отличилась циркулярами. Одинъ изъ нихъ, а именно циркуляръ министра отъ 10 Апрѣля мы уже разбирали во второй книжкѣ Полярной Звѣзды. Онъ показываетъ робость передъ главнымъ современнымъ жизненнымъ вопросомъ Россіи, передъ вопросомъ освобожденія крѣпостныхъ людей, и весь составленъ по правиламъ риторики Кошанскаго. Неутѣшительно! Второй циркуляръ объ извощикахъ, т. е. о томъ, что мѣстныя администраціи не наблюдаютъ за тѣмъ, что извощики разтрачиваютъ и крадутъ ввѣренныя имъ поклажи. Этотъ циркуляръ наивенъ. Изъ него можно усмотрѣть, что министерство по нѣсколькому разъ предписываетъ: "наблюдать!"—Но губернаторы и земскія полиціи не слушаются и не наблюдаютъ. Горькій опытъ долженъ бы показать г. министру внутреннихъ дѣлъ, что его предписанія ни къ чему не служатъ; но не тутъ то было! Новый циркуляръ повтореніе, подтвержденіе прежнихъ предписаній и слѣдственно будетъ имѣть туже участь—неисполненіе. Почему земскія полиціи не наблюдаютъ за воровствомъ извощиковъ? Потому что онѣ дѣлятся съ извощиками. Вы предписываете губернаторамъ взыскивать съ земскихъ полицій: но и губернаторы дѣлятся съ земскими полиціями, слѣдственно и съ ворующими извощиками. Не предписанія, не слова нужны! Ревизуйте, производите слѣдствія, отдавайте подъ судъ; а не то пожалуй предписывайте,

А Васька слушаетъ да ѣстъ.

Вспомните, что

Словъ не надо тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить,

По министерствамъ никогда не хочется употреблять власть противъ своихъ грабителей — чиновниковъ. Нельзя! духъ товарищества мѣшаетъ. Пріятнѣе употреблять власть на помаганіе грабителямъ-чиновникамъ! Видно что ни дѣлай, а безъ коренной перѣмены организаціи чиновничества ни до какого полезнаго результата не добьешся.

Третій циркуляръ о сокращеніи дѣлопроизводства и о внушеніи чиновникамъ, чтобы они проникнулись мыслію, что исполненіе ихъ служебнаго дѣла состоитъ не въ посылкѣ бумагъ, а въ существенномъ исполненіи дѣлъ. Опять слова, опять риторика Кошанскаго, опять ребячій лепетъ. Въ чемъ же г. министръ полагаетъ сокращеніе дѣлопроизводства? Что же толку сказать: сокращеніе дѣлопроизводства, надо сказать какъ, когда, въ какихъ дѣлахъ. Иначе это пустословіе. Какъ же г. министръ хочетъ, чтобы чиновники проникнулись мыслію, что долгъ ихъ не въ посылкѣ бумагъ, а въ существенномъ исполненіи дѣлъ, когда формализмъ нашей бюрократіи существенное исполненіе дѣлъ сводитъ на посылку бумагъ? Да и какъ же чиновникамъ проникнуться какою нибудь благородною мыслію, когда отсутствіе гласности позволяетъ имъ грабить сколько душѣ угодно и въ томъ размѣрѣ, что мелкіе чиновники грябятъ по немногу, а крупные чиновники по многу? Эта младенческая риторика г. министра жалка, оскорбительна для всякаго человѣка съ пониманіемъ дѣла, съ здравымъ смысломъ и желаніемъ общаго блага. Неужели г. министръ пишетъ свои циркуляры по внушенію высшаго правительства? Мы лучше хотимъ вѣрить, что онъ дѣйствуетъ самодуромъ.

Но всего страннѣе, что не смотря на желаніе правительства сократить дѣлопроизводство, оно безпрестанно то тутъ, то тамъ прибавляетъ штаты, продолжаетъ назначеніе лишнихъ столовъ въ департаментахъ. Не держится ли оно въ этомъ случаѣ правила: similia similibus curantur? Но это правило не устояло передъ положительной наукой.

Министерство государственныхъ имуществъ отличилось въ прошломъ году только экспедиціей "противъ сусликовъ" и переименованіемъ своихъ межевщиковъ въ топографы, при чемъ межевщики могли воскликнуть съ поэтомъ: "Что въ имени тебѣ моемъ?" А впрочемъ все также палаты государственныхъ имуществъ и окружные грабятъ народъ, увеличиваютъ недоимку, дѣлятся съ земскими полиціями и губернаторами, и все также жеребьевая система рекрутства, которая замѣнила разумную очередную систему и дала поводъ къ безконечнымъ взяткамъ, раззорила народъ и сдѣлала для него рекрутство невыносимымъ налогомъ и несчастіемъ, —не отмѣнена и грозитъ тою же бѣдою по прошествіи четырехлѣтняго срока. Неужели и въ этотъ срокъ правительство не озаботится измѣненіемъ жеребьевой системы наборовъ? Мы ласкаемъ себя надеждою, что въ четыре года оно успѣетъ придумать болѣе справедливую и раціональную систему рекрутства.

Утѣшительнѣе всѣхъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ—объявленіе С. Петербургскаго военнаго генералъ губернатора, (N. 46 С. Петербургскихъ Губернаторскихъ Вѣдомостей) о его желаніи, чтобы должности въ уѣздахъ были занимаемы воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, какъ людьми болѣе образованными и просвѣщенными, и вызовъ такихъ людей на службу по выборамъ и по администраціи. Это объявленіе утѣшительно тѣмъ, что показываетъ съ хорошей стороны точку зрѣнія правительства, но въ сущности оно конечно не будетъ имѣть почти никакого успѣха. Пока мѣстныя начальства будутъ требовать отъ своихъ подчиненныхъ мошенничества и лакейства—не пойдутъ охотно порядочные люди на службу, и мы опять натолкнемся на ту же необходимость, на коренное измѣненіе организаціи чиновничества.

Но все же мысль г. генералъ-губернатора гуманна. Эту мысль проводитъ правительство и въ разпоряженіяхъ по министерству народнаго просвѣщенія. Университеты опять входятъ въ уваженіе правительства; оно перестаетъ учить

студентовъ маршировкѣ, не полагаетъ болѣе границъ числу студентовъ. Наконецъ оно стремится къ популяризованію науки; для этаго учрежденъ ученый комитетъ при главномъ правленіи училищъ, (*) обязанный разсматривать учебныя книги, задавать темы для сочиненія оныхъ; за эти сочиненія полагаются преміи. Очевидно правительство хочетъ распространить науку, сдѣлать ее доступною большинству. Мы не можемъ пропустить этаго удобнаго случая, чтобы не сказать нѣсколько словъ о народныхъ школахъ. Народные школы находятся теперь въ рукахъ министерства государственныхъ имуществъ. Почему это? Почему центръ распространенія образованія для крестьянъ долженъ быть иной нежели центръ образованія для прочихъ сословій? А изъ этаго что вышло? Такъ какъ дѣло распространенія образованія не было спеціальностью министерства государственныхъ имуществъ, то система его ограничилась набираніемъ школьныхъ учителей невѣроятнаго невѣжества и насильнымъ пригнаніемъ крестьянскихъ дѣтей въ школы, отъ которыхъ ихъ впрочемъ избавляютъ, если отцы платятъ за это избавленіе взятку начальству. Такимъ образомъ результатомъ учрежденія крестьянскихъ школъ было: новая отрасль взяточничества, полученіе изъ казны денегъ на содержаніе училища, изъ которыхъ начальство крадетъ больше половины; полученіе денегъ на наемъ учителя, который обыкновенно ничего не смыслитъ и болѣе этаго распространенія образованія никакого. По нашему мнѣнію крестьянскія школы, какъ и все касающееся до распространенія образованія—должны быть отнесены къ министерству народнаго просвѣщенія и состоять подъ наблюденіемъ тѣхъ Университетовъ, къ округу которыхъ относятся учебныя вѣдомства губерній. По нашему мнѣнію насильно учить крестьянъ нельзя, какъ и людей всякаго другаго сословія; да и насильно никто ничему не выучивается. Министерство народнаго просвѣщенія должно предложить задачу: какимъ образомъ устроить чтобы

(*) N. 166 С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

преподаваемые предметы были такъ тѣсно связаны съ вопросами крестьянскихъ земледѣльческихъ и промышленныхъ нуждъ, что крестьянинъ шелъ бы въ школы не изъ подъ розги, а съ ожиданіемъ получить отвѣтъ на запросъ ему близкій, объясненіе вещей, на которыя онъ въ обыденной жизни безпрестанно натыкается. Этимъ только путемъ и можно сдѣлать науку народною. Искренно желаемъ, чтобы правительство обратило глубокое вниманіе на эту задачу. Пора намъ выйти изъ той колеи прошлаго царствованія, когда запрещалось преподавать низшимъ сословіямъ геометрію съ доказательствами, а позволялось преподавать ее только безъ доказательствъ. Мы вѣримъ, что настоящее правительство уже высоко поднялось надъ такими пошлыми понятіями о наукѣ и о народѣ.

Всего болѣе шатко по министерству народнаго просвѣщенія было дѣло цензуры. Правительство то поощряло русское мнѣніе и стремленіе высказываться въ литературѣ, то пугалось и отставляло цензора за пропускъ. Такъ было съ нѣкоторыми стихотвореніями, такъ было съ вопросомъ о русской общинѣ, необходимо занявшимъ умы, потому что это одинъ изъ коренныхъ жизненныхъ вопросовъ государства. Правительство чувствуетъ, что ему безъ гласности жить не льзя, что безъ гласности оно унизится—обворованное и опозоренное, а между тѣмъ преданіе шевелитъ въ немъ ложный страхъ передъ гласностью. Однако надо же на что нибудь рѣшиться: или заставить всѣхъ молчать, самому превратиться въ нуль среди общаго безмолвія всего что имѣетъ умъ, образованіе и честность, и отказаться отъ своей дѣйствительной нравственной власти въ пользу административнаго невѣжества и мошенничества; или перестать бояться гласности и на ней упрочить свою нравственную силу и величіе. Шатаніе не ловко. Надо гласность въ опредѣленныхъ закономъ границахъ, проступокъ противъ котораго былъ бы судимъ не въ III отдѣленіи, а настоящимъ законнымъ судомъ.

Переходя изъ министерской дѣятельности къ общимъ

государственнымъ распоряженіямъ, мы можемъ порадоваться многому. Здѣсь мы на первомъ планѣ поставимъ уничтоженіе кантонистовъ; хотя авторъ разбора манифеста, помѣщеннаго въ этой книжкѣ Полярной Звѣзды и усомнился въ уничтоженіи оныхъ по туманности манифеста,—но наконецъ черезъ четыре мѣсяца послѣ манифеста вышелъ указъ, навсегда уничтожившій это жестокое и позорное учрежденіе. Конечно этотъ указъ одинъ изъ самыхъ разумныхъ и гуманныхъ актовъ императора Александра II, за который народъ русскій помянетъ его добромъ. Но не одинъ этотъ указъ а, и многія другія распоряженія, являющіяся (хотя странно и поздно) для пополненія и поясненія манифеста 26 Августа, носятъ на себѣ туже печать разумной гуманности. Такъ уничтоженіе пошлины съ заграничныхъ паспортовъ, облегченіе въ ихъ выдачѣ, уничтоженіе притѣсненій для мѣста жительства евреевъ. (*)

Посреди этой государственной дѣятельности, среди столькихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, грустно поражаютъ насъ такіе указы какъ о назначеніи должности Обер-форшнейдера, (**) о дозволеніи какому то де Ридуэтту де Санси носить графскій титулъ Франціи (какъ будто дѣло русскаго государя раздавать французкіе титулы? И какая нужда Россіи до такаго смѣшнаго названія какъ де Ридуэтъ де Санси? А Богъ съ нимъ графъ онъ или магистръ богословія; это его дѣло.) Эти указы насъ грустно поражаютъ, потому что у насъ нѣтъ никакого желанія, чтобы юное правительство выставляло себя на всеобщее посмѣшище своей болѣзненной маніей германо-китайскаго формализма.

(*) Смѣшно только постановленіе объ отсылкѣ паспортовъ въѣзжающихъ иностранцевъ—въ III отдѣленіе безъ сообщенія министерству внутреннихъ дѣлъ. Какъ будто непремѣнно нужно предъявлять паспортъ куда нибудь кромѣ мѣстной полиціи? И самая мѣстная полиція въ этомъ случаѣ роскошь; ну! да ужъ это такъ и быть! Еще смѣшно постановленіе о не впусканіи иностранцевъ съ шарманками и статуэтками (16 Сентября 1856,; что за гоненіе на музыку и скульптуру? Развѣ можетъ быть г. министръ внутреннихъ дѣлъ исключительно охотникъ до живописи?

(**) Указъ правительствующему сенату, 30 Августа 1856.

Грустно поражаетъ насъ и огромность расходовъ при коронаціи въ то время когда финансы государства совсѣмъ не въ блестящемъ положеніи. На сколько удивили эти расходы Европу—это еще очень сомнительно. Да и нужно ли было удивлять Европу, на счетъ кармановъ русскаго народа?—Вотъ и вдовствующая императрица ѣздитъ по Италіи на четырехъ стахъ лошадяхъ (*) и тратитъ по двадцати пяти тысячъ франковъ въ день! Конечно это все не изъ доходовъ удѣльнаго имѣнья, конечно и Россія не жалѣетъ денегъ на содержаніе своихъ помѣщиковъ; но вѣдь всякій же разпровѣрноподданнѣйшій думаетъ, что бросать на вѣтеръ деньги, добытыя народнымъ потомъ,—наконецъ безнравственно, и что изъ всѣхъ жителей имперіи русскій императоръ есть лице, на которомъ съ найбольшей отвѣтственностью лежитъ чистота и свитость исполненія своихъ обязанностей.

Не можемъ мы также не сказать нѣсколько словъ о польской амнистіи. Насъ прискорбно поражаетъ, что даже австрійское правительство, это безжалостно-холодное, предательское, это Іуда—правительство, и оно дало амнистію лучше чѣмъ русскій императоръ. Оно дало безъ разбора амнистію всѣмъ выходцамъ, кромѣ начальниковъ партій. А у насъ отъ польскихъ выходцевъ требуется раскаянія въ заблужденіяхъ. Да когда же мы забудемъ языкъ риторики Кошанскаго? Что такое значитъ разкаяться въ заблужденіяхъ? Положимте я былъ магометанинъ и перешелъ въ христіанство, развѣ я разкаялся въ томъ что я былъ магометаниномъ? Нисколько! Я просто перемѣнилъ мнѣніе, примкнулъ къ тому вѣрованію, которое почелъ за болѣе истинное. Развѣ христіанскій проповѣдникъ станетъ требовать разкаянія въ прежнемъ магометанизмѣ? Это было бы смѣшно. Точно также смѣшно требовать отъ людей, чтобъ они разкаялись въ томъ, что любили независимость своего отечества. Развѣ человѣку непремѣнно надо сдѣлаться подлецомъ, чтобъ заслужить милость русскаго правительства? Вотъ то то и досадно, что и правительство этаго не хочетъ, а только

(*) Times, 20 Марта 1857.

отъ призрака, отъ пугала, оставленнаго ему преданіемъ прошлаго царствованія, боится дать полную амнистію и прибѣгаетъ къ какимъто тощенькимъ полу-мѣрамъ. Point de rêveries! полумѣрами не заслуживается довѣріе народное; народъ, какъ войско, любитъ только силу ведущую впередъ. Не требованіе раскаяній, не мелочныя препятствія и той амнистіи какая дана (*) слѣдовало русскому правительству выставить своимъ девизомъ. Ему надо было показать польскимъ выходцамъ, что отнынѣ они дома снова найдутъ отечество, а не полицейскую управу. Это было бы велико, торжественно; а теперь это только жалкая полу-доброта и полу-рабость.

Что значитъ новое узаконеніе о срокахъ производства въ чины и о дарованіи не дворянамъ дворянскихъ правъ только съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника,—этаго мы совершенно не понимаемъ. Какая цѣль при этомъ? Сроки производства въ чинъ и отношеніе чина къ должности были установлены императоромъ Николаемъ; это была консолидація чиновничества въ касту. Черезъ это постановленіе правительство отняло у себя право назначать кого угодно въ какую угодно должность. Это самое дурное и вредное ограниченіе самовластія. Изъ этаго вышло то, что правительство не можетъ назначить для занятія какой либо должности порядочнаго человѣка, если его чинъ не дорось до этой должности; а порядочному человѣку такимъ образомъ надо про-

(*) Въ статьѣ о манифестѣ было замѣчено, что немногіе изъ Поляковъ могутъ воспользоваться амнистіей. Это продолжается и до сихъ поръ. Мы имѣли случай видѣть слѣдующую оригинальную записку: "L'ambassade Impériale de Russie est chargée d'informer M. Antoine Mazurkiewicz, que le gouvernement impérial n'a pas cru pouvoir lui accorder l'autorisation de rentrer en Pologne. Londres, 15 Janvier 1857. B. Nicolai." Имя Мазуркевича не встрѣчается во главѣ революціонныхъ политическихъ дѣятелей; въ 1848 году онъ вышелъ за границу студентомъ лѣтъ семьнадцати. Чѣмъ же онъ такъ страшенъ для русскаго императора, повелѣвающаго отъ Вислы до Тихаго океана, что ему не льзя вернуться въ Польшу? Что онъ принадлежалъ къ обществу польской демократіи? Да еще бы онъ не принадлежалъ, тогда нечего было бы и амнистировать. И такихъ отказовъ въ амнистіи много. Мы даже подозрѣваемъ, что они дѣлаются по привычкѣ нашихъ дипломатовъ разыгрывать роль III отдѣленія и прикидываться жандармскимъ полковникомъ,—совершенно вопреки благороднымъ видамъ правительства, которое они этимъ позорятъ въ Европѣ.

ходить такой долгій путь для достиженія должности, гдѣ бы онъ могъ быть полезенъ, что онъ или на полдорогѣ откажется отъ службы, или достигнетъ должности въ тѣхъ преклонныхъ лѣтахъ, когда и умъ и воля слабѣютъ. Этимъ постановленіемъ правительство лишило себя службы порядочныхъ людей. Если это постановленіе было сдѣлано изъ боязни кліэнтизма и повышенія только людей покровительствуемыхъ сильными міра сего, то эта боязнь была совершенно ошибочна: кліэнтизмъ остался, а возможность порядочному человѣку выбраться на широкую и полезную дорогу пресѣклась. Къ чему же правительству продолжать это вредное постановленіе и надѣвать на себя узду тамъ гдѣ не нужно? Чтобы имѣть возможность дать ходъ порядочнымъ людямъ и окружать себя ими, правительству надо не консолидировать чинъ въ извѣстныя рамки, а совершенно уничтожить его и оставить только одни должности. Это и было на Руси, хотя въ безобразномъ видѣ, до тѣхъ поръ пока взяла верхъ нѣмечина; кто же мѣшаетъ при современномъ образованіи идти согласно съ духомъ народа, но благообразно и разумно? Зачѣмъ намъ гоф-гегеймъ и всякіе другіе раты? Дайте намъ хорошихъ людей на исполненіе опредѣленныхъ должностей—какихъ бы лѣтъ и какаго бы чина эти люди ни были. Выбирайте добросовѣстно кого угодно, не стѣсняясь ни чѣмъ, лишь бы отъ этаго была общая польза.

Что же касается до дарованія правъ дворянства съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, это не менѣе мудрено. Что же вы хотите?... Создать феодализмъ? Да этаго безъ исторической почвы сдѣлать нельзя. Вы только безполезно раздразните чиновничество, безполезно для блага государства. Чиновничество надо не дразнить, а уничтожить. Хотите ли вы обрадовать наслѣдственное дворянство? Но вы его этимъ не обрадуете. Ему все равно коллежскій ли ассессоръ будетъ дворяниномъ или дѣйствительный статскій совѣтникъ. Вообще дворянская каста не существуетъ въ Россіи какъ феодальная каста. т. е. каста владѣющая земельной собственностью государства какъ въ Англіи, гдѣ землею владѣютъ

тридцать двѣ тысячи человѣкъ, а народъ мретъ съ голоду. Слава богу у насъ такая каста не возможна. Чего же вы хотите съ закономъ о дѣйствительныхъ статскихъ совѣтникахъ? Остановить приливъ недворянъ на службу? Не остановите! Чиновникъ идетъ служить не для того, чтобы получить дворянство и купить крѣпостныхъ людей (единственное особое право даруемое дворянствомъ), а просто для того, чтобы красть и наживаться; для этаго онъ все таки пойдетъ служить, хотя бы получилъ дворянство только съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса. Поощритъ ли этотъ законъ наслѣдственное дворянство служить? Нисколько! Для него это постановленіе равнодушно и всеже порядочный человѣкъ не пойдетъ домогаться чина мошенничествомъ и низкопоклонствомъ, или тупымъ терпѣніемъ выслуживанія по срокамъ.—Къ чему же весь этотъ указъ?—А богъ знаетъ! Въ основѣ его лежитъ мысль туманная, не государственная, а такъ себѣ—призрачная и безотчетная, сводящаяся на совершенное отсутствіе всякаго положительнаго и здраваго взгляда на вещи.

Государь утвердилъ крестьянамъ право лично владѣть землею, пріобрѣтаемою по частнымъ купчимъ; оно хорошо! Не уничтожайте общины, но давайте право владѣть отдѣльною землею всякому отъ дворянина бархатной книги до послѣдняго мужика; — это совершенно въ здравомъ и національномъ смыслѣ. Хотя законъ сдѣланъ—и не нарочно, но онъ можетъ служить основой будущаго развитія т. е. сохраненія общиннаго землевладѣнія при частномъ землевладѣніи, безъ различія сословныхъ правъ. Этотъ законъ болѣе важенъ чѣмъ само правительство, издавшее его, воображаетъ. А мы бы желали, чтобы правительство поняло его смыслъ, потому что мы желаемъ, чтобы правительство стало въ уровень съ потребностями и развитіемъ народа. Иначе оно не можетъ его вести впередъ, оставаясь въ числѣ отсталыхъ и непонимающихъ.

Отрадно видѣть вниманіе, которое правительство обращаетъ на устройство Сибири и восточнаго пути въ Америку, на устройство желѣзныхъ дорогъ въ европейской Россіи; отрадно

видѣть въ газетахъ, что присутствовавшіе при коронаціи волостные головы государственныхъ крестьянъ названы представителями свободнаго сельскаго сословія; (*) но насъ удивляетъ, что на счетъ самыхъ жизненныхъ русскихъ вопросовъ, т. е. освобожденія крѣпостныхъ людей и преобразованія чиновничества, правительство не приступаетъ ни къ какимъ мѣрамъ. Мы надѣемся, что оно не будетъ выжидать пока народное терпѣніе лопнетъ; но тѣмъ не менѣе это странно. На счетъ крѣпостныхъ людей въ 1856 г. ничего нѣтъ, кромѣ подтвержденія о томъ, чтобы лицы не законно владѣющіе людьми безъ земли въ закавказскомъ краѣ были наказаны по закону, т. е. подвергнуты строгому выговору (!) или аресту отъ трехъ недѣль до шести мѣсяцевъ (Улож. о наказ. ст. 1169) —и только! Говорятъ, что государь, бывши въ Москвѣ, совѣтовалъ уѣзднымъ предводителямъ подумать объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, потому что пора; многіе опровергаютъ этотъ случай, относя его къ пустымъ слухамъ. Но въ самомъ дѣлѣ пора же принимать къ этому мѣры, чтобы не вышло поздно. На счетъ переобразованія чиновничества кромѣ приведенныхъ нами фразъ министра внутреннихъ дѣлъ и уничтоженія нѣсколькихъ генералъ-губернаторствъ (†) ничего не видать въ нашемъ законодательствѣ за прошлый годъ. А между тѣмъ пока не рѣшатся эти два основные вопросы — освобожденія крестьянъ и преобразованія чиновничества — у правительства руки останутся связаны на все благое.

Припоминая весь истекшій годъ, мы видимъ гуманное направленіе въ правительствѣ, мы видимъ умную дѣятельность въ морскомъ министерствѣ и потомъ постепенно понижаясь хуже всего является министерство внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и государственный совѣтъ.

Что же это доказываетъ?

Что администрація и законодательство въ государствѣ хромаютъ и требуютъ преобразованія. Да и причина ихъ хрома-

(*) N. 199 С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

(†) N. 53 С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

нія ясна: дѣла новыя, а люди старые! Уничтожте чины и вамъ можно будетъ окружить себя для новыхъ дѣлъ людьми новыми!

Но какъ бы то ни было, какъ бы еще шатки ни были дѣйствія правительства, невольно чувствуется, что Россія очнулась отъ тридцатилѣтняго застоя въ грязи, вздохнула свободно и начинаетъ разправлять свои могучіе члены.

Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ,
Но чу!... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны,
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны. (*)

Что же наконецъ взаправду скажетъ правительство? Къ какому разряду правительствъ, названныхъ нами въ началѣ статьи причислитъ себя?

Россія жадно ждетъ отвѣта.

Р. Ч.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

(*) Пушкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Введеніе	III
Разборъ манифеста 26 Августа 1856 года	1
Стихотворенія	21
Былое и Думы	83
Стихотворенія	167
Письмо изъ провинціи	178
Стихотворенія	204
Записки Дашковой	234
Семоновская исторія (1820)	303
Двѣ пѣсни крымскихъ солдатъ	313
Права русскаго народа	319
Еще варіація на старую тему	322
Смерть Станислава Ворцеля	338
Р. Ч., Русскіе вопросы, Статья вторая	346